Деды

дайджест публикаций
о беларуской истории

ДЕДЫ

ДАЙДЖЕСТ ПУБЛИКАЦИЙ
О БЕЛАРУСКОЙ ИСТОРИИ

ВЫПУСК 16

МИНСК
ХАРВЕСТ

УДК 94(476)

Дайджест публикуется с 2009 года

На первой странице обложки – проект герба Республики Беларусь

Деды: дайджест публикаций о беларуской истории. Выпуск 16 / Составление, научное редактирование А. Е. Тараса. – Минск : Харвест, 2016. – 352 с.
ISBN 978-985-18-3822-2

Шестнадцатый выпуск дайджеста содержит 22 статьи, которые сгруппированы в четыре тематических блока, посвященных, соответственно, Нобелевской премии белорусской писательницы С. Алексиевич (6); спорным вопросам отечественной истории древней и феодальной эпох (5); историческим событиям первой половины XX века (6); проблемам современной белорусской культуры (5).

ISBN 978-985-18-3822-2

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ I.СВЕТЛАНА АЛЕКСИЕВИЧ — НАША ГОРДОСТЬ И СЛАВА!

ЧАСТЬ II. СТАРИНА

ЧАСТЬ III. МЕЖДУ БНР И БССР

ЧАСТЬ IV. КУЛЬТУРА

СВЕТЛАНА АЛЕКСИЕВИЧ – НАША ГОРДОСТЬ И СЛАВА!

КНИГИ АЛЕКСИЕВИЧ – ЭТО НЕ ТОЛЬКО ЛИТЕРАТУРА, ДОСТОЙНАЯ НОБЕЛЕВСКОЙ ПРЕМИИ. ЭТО ПОДВИГ

Ирина Халип
(«Ежедневный журнал», 9 октября 2015 г.)

Долгие годы больше всего раздражало, когда иностранцы при слове «Беларусь» начинали мучительно вспоминать, что это такое: Чернобыль, Беловежская пуща и Беловежские же соглашения. Те, кто ближе географически – восточноевропейцы, – еще добавляли к ассоциативному ряду «Песняров». Интеллектуалы – Марка Шагала. И всё. Теперь они будут вспоминать еще и Нобелевского лауреата Светлану Алексиевич.

А здесь будут говорить: зато у нас есть Алексиевич. Вообще-то она у нас была всегда. Даже когда жила в Европе – ничуть не бегство, просто возможность спокойно писать свои книги. Но ее персонажи все равно жили здесь, в Беларуси, или еще раньше в СССР, а без них писать было нечего – такой уж жанр. Сидя дома, такое не напишешь. Иди, езжай, стучись в двери, уговаривай, настраивай на откровенность, вызывай доверие, плачь от ужаса рассказываемого, а потом садись и методично делай из трагедии математически точный рассказ. Чтобы ничего лишнего – и попадание, как сквозь оптический прицел.

Лучшие книги этого жанра – художественно-документального – еще до Светланы Алексиевич выходили именно у белорусских писателей. «Я з вогненнай вёскі» Янки Брыля, Алеся Адамовича и Владимира Колесника. «Каратели» Алеся Адамовича. «Блокадная книга» Алеся Адамовича и российского писателя Даниила Гранина (да-да, я, конечно, помню, что оба они тогда назывались советскими писателями, а не белорусским и российским). Светлана Алексиевич начинала о том же в своей первой книге «У войны не женское лицо».

А потом были другие книги. И оказалось, что жизнь еще страшнее, чем война. Персонажи Алексиевич – не только пережившие Отечественную войну женщины («У войны не женское лицо»), и дети («Последние свидетели. Соло для детского голоса»), и родственники погибших на афганской войне «цинковых мальчиков», но и чернобыльцы и близкие погибших чернобыльцев, несостоявшиеся самоубийцы и родные самоубийц состоявшихся, переломанные через колено историей обмылки СССР, судорожно хватающиеся за истлевший

красный стяг... Формулировка Нобелевского комитета «за ее многоголосное творчество — памятник страданию и мужеству в наше время» — точна, как книги самой Светланы Алексиевич. Она считает, что боль — это мост между людьми. Именно боль, а не любовь или творчество. Боль всегда честна, она не бывает фальшивой.

Белорусы еще два года назад держали пальцы в чернилах, когда Светлану Алексиевич выдвинули на Нобелевскую премию. И нынешнего объявления результатов ждали так, будто у каждого родственник или друг выдвинут на «нобелевку». Объявили результаты — взорвался Байнет. А белорусская власть промолчала, как и следовало ожидать. Она давно уже ведет себя так, будто писателя Алексиевич не существует. Но это проблема бездарной белорусской власти, а вовсе не мировой литературы.

Светлана Александровна Алексиевич

Скажу честно: я не все книги Светланы Алексиевич дочитала до конца. Потому что читать их невыносимо. И иногда на какой-то странице, промокшей от слез, вдруг понимаешь, что больше не можешь. Что боль, исходящая от этих страниц, слишком сильна, и если сейчас не остановиться — потом ни анальгин, ни водка не помогут. Кто-то смог прочитать все. Кто-то, как и я, нет.

Вот только не понимаю, как можно было выдержать и все это написать? Сидеть с этими людьми, укрывшись одеялом их трагедии, не пропускающим воздуха, говорить и слушать, записывать и запоминать, а потом снова, уже в одиночестве, перечитывать и переписывать, составляя из нескольких десятков трагедий одну, общую, безграничную. Избрать этот путь добровольно и не останавливаться. Впускать в свою душу тех, кому уже ничем не помочь, и делить с ними страдания. Выжить и сохранить щедрую душу. Книги Алексиевич — это не только литература, достойная Нобелевской премии. Это подвиг.

АХ, СВОЯ ЛИ, ЧУЖАЯ...

Виталий Портников
(«Грани.ру», 9 октября 2015 г.)

Присуждение Светлане Алексиевич Нобелевской премии по литературе породило предсказуемую дискуссию в восточнославянском треугольнике.

В Беларуси Алексиевич считают своей, да и сама она связывает себя именно с этой страной. Но писательница пишет по-русски – что дает возможность включить ее в список русскоязычных лауреатов. А родилась она в Ивано-Франковске и искренне переживает за страну своей матери. Может быть, и украинцы имеют право считать ее своей соотечественницей?

Весь этот спор – от нашего неумения раздвигать культурные границы. Светлана Алексиевич, вне всякого сомнения, белорусская писательница. Белорусская в той же степени, в которой Джойс и Йейтс – писатели ирландские, Марк Твен и Хемингуэй – американские, Маркес – колумбийский, Льоса – перуанский*. В современном мире принадлежность писателя определяется не языком, а цивилизационным выбором. Русской писательницей Алексиевич может оказаться только в мире российского чванства, но в этом скудном мирке прохановых, прилепиных и прочих шаргуновых** настоящему литератору вообще никакого места нет. Поэтому, вместо того чтобы гордиться новым достижением русской культуры, лучше просто честно порадоваться за Беларусь и Алексиевич.

Нобелевская премия Алексиевич напомнит миру о «кровавых землях» к западу от России и о людях, которые проживают свои жизни в скудности и горести – да так привычно, что уже сами этой скудности и горести не замечают. И, кстати, тема этого бесконечного повествования Алексиевич о измученных судьбах могла предопределить выбор языка.

Могут спросить – и некоторые белорусскоязычные комментаторы уже спрашивают: почему же белорусская писательница не пишет по-белорусски, что будет с этим языком, если даже Нобелевский комитет согласен с тем, что лучшее в белорусской культуре – на другом языке? Уверяю вас, что с белорусским языком и культурой все будет в порядке, мы уже приближаемся к моменту, когда империя наконец ослабит свои жуткие щупальца и оставит Беларусь в покое. И в том, что так будет, во многом и заслуга Светланы, потому что ее язык – это язык честности, а только с помощью такого оружия и можно бороться с многоголовым драконом – и писать так, чтобы и он понял.

---

* Уильям Йетс (1865–1939) – Нобелевский лауреат 1923 г.; Джеймс Джойс (1882–1941); Марк Твен (1835–1910); Эрнест Хемингуэй (1899–1961) – Нобелевский лауреат 1954 г.; Варгас Льоса (1936 г. р.) – Нобелевский лауреат 2010 г. – *Прим. ред.*

** Александр Проханов (1938 г. р.) – российский публицист и писатель, главный редактор газеты «День», национал-коммунист, один из авторов идеологии «Русского мира». Захар Прилепин (1975 г. р.) – российский писатель, автор 13 книг и серии рассказов; национал-коммунист, член партии Э. Лимонова «Другая Россия». Сергей Шаргунов (1980 г. р.) – российский журналист и писатель, близкий к национал-коммунистам, ярый сторонник Луганлонии. – *Прим. ред.*

Белорусская литература всегда была литературой укорененной, она была — литературой о стране, а не о империи, потому что ее главной задачей было сохранение Беларуси в условиях, когда главной целью империи было уничтожить Беларусь, лишить эту прекрасную тихую страну собственного мироощущения, культуры, мовы. А Алексиевич решилась бросить этой империи вызов — настоящий вызов, силу которого можно ощутить только с помощью языка, которым пользуется сама империя. Могла ли Алексиевич сделать это по-белорусски? Конечно, но вот только услышал бы ее только «свой» читатель, который, между прочим, — раз уж он до сих пор продолжает читать по-белорусски тогда, когда этот язык изгоняется из повседневной жизни, шельмуется и воспринимается в качестве сельского наречия, — и так великолепно понимает разницу между добром и злом. Алексиевич же обратилась к тем, кто эту разницу не замечает или искажает. Она всегда писала об империи как о преступлении против обычного, «маленького» и обиженного государством и общественным равнодушием человека. И как иначе писать, как не на языке этой обиды — тем более если ты смотришь на нее из Беларуси? Ведь даже о белорусском языке — о истории его выживания, уничтожения и унижения — сегодня лучше всего писать по-русски. Чтобы все знали, что такое подлость.

Именно поэтому Светлана Алексиевич — отнюдь не шестой русский нобелевский лауреат по литературе. Хватит русским четырех ошельмованных, затравленных и изгнанных с Шолоховым в придачу*. Светлана Алексиевич — первый нобелевский лауреат из Беларуси. Живое и трепетное доказательство того, что Беларусь существует — и побеждает.

СВЯТЛАНА АЛЕКСІЕВІЧ — ГОДНЫ НОБЕЛЕЎСКІ ЛАЎРЭАТ

Уладзімір Някляеў
(Газета «Новы час» 9 октября 2015 г.)

Уганараванне Нобелеўскай прэміяй у галіне літаратуры беларускай пісьменніцы Святланы Алексіевіч выклікала станоўчую рэакцыю сярод большасці яе калегаў. І ў цэлым у краіне.

Гэтую падзею «НЧ» пракаментаваў паэт, кандыдат у прэзідэнты на выбарах 2010 года, былы кіраўнік Саюза беларускіх пісьменнікаў і экс-палітвязень Уладзімір Някляеў:

— Тут двух меркаванняў быць не можа: гэта вялікі поспех Святланы Алексіевіч, гэта вялікая яе ўдача, і гэта вялікі поспех усёй беларускай літаратуры. І ўвогуле ўсёй беларускай культуры, якая базуецца і ў рэшце рэшт вынікае з беларускай літаратуры. Спрэчкі пра тое, беларуская Алексіевіч пісьменніца ці руская

* Иван Бунин (1870–1953) — премия 1933 г.; Борис Пастернак (1890–1960) — премия 1958 г.; Александр Солженицын (1918–2008) — премия 1970 г.; Иосиф Бродский (1940–1996) — премия 1987 г. — *Прим. ред.*

пісьменніца ў Беларусі, перакрываюцца афіцыйным паведамленнем пра прысуджэнне ёй гэтай прэміі: Нобелеўская прэмія прысуджана беларускаму аўтару Святлане Алексіевіч. І няма чаго тут разводзіць дыялогі.

Трэба проста ганарыцца тым, што беларуская літаратура, прайшоўшы вельмі цяжкі шлях у сваім развіцці, зведаўшы турмы, рэпрэсіі, расстрэлы, нарэшце дачакалася свята на сваёй вуліцы. І гэта павінна паўплываць стноўча не толькі на нашу культуру, але і на духоўнае жыццё ўсёй нашай беларускай грамады. Так што гэта ўдача не толькі Святланы Алексіевіч, якая заслужыла поспех. Бо той жанр, які яна выбрала ў літаратуры, ён і для мужчынскай паловы чалавецтва нялёгкі, а ўжо тое, што яна справілася і падняла гэты цяжар на сусветны ўзровень, робіць ёй толькі гонар.

– Ці можна чакаць прыступаў зайздрасці да Святланы Алексіевіч з боку яе тутэйшых калегаў?

— Зайздрасць, як вядома з той жа класічнай літаратуры, адчуванне такое ж распаўсюджанае, як і радасць. Проста нехта ўмее радавацца, а нехта толькі ўмее зайздросціць. Тым, хто ўмее толькі зайздросціць, нічым не дапаможаш, і я нават не хачу пра гэта казаць.

– Што такое сёння Святлана Алексіевіч для нашага грамадства?

– Я не ведаю, што такое Алексіевіч для грамадства, такіх сацыялагічных апытанак не было. Для мяне асабіста Алексіевіч – знакавая постаць у нашай літаратуры ўжо на працягу многіх-многіх гадоў. Яна той чалавек, эстафету якому перадалі ў свой час Адамовіч і Быкаў, якія благаславілі яе менавіта на гэту дзялянку

літаратурную – на дзялянку дакументальна-мастацкай прозы. І рэзананс на прысуджэнне ёй прэміі ў грамадстве, на маю думку, мусіць быць дадатным.

Тым больш мы даўно да гэтага ішлі. Шкада, што ў свой час не стаў лаўрэатам Нобелеўскай прэміі Васіль Быкаў, а прысуджэнне яму гэтай прэміі не выклікала б у грамадстве ніякіх пярэчанняў. Але хто яго ведае. Знайшліся б людзі, якія б і Быкаву зайздросцілі, і Барадуліну, калі б ён стаў лаўрэатам, і каму заўгодна. Але ў большасці, а мне ўжо тэлефанавала можа з паўсотні людзей, людзі проста радасныя і шчаслівыя тым, што гэта адбылося.

О СТРАНЕ ДЛЯ МИРА

Илья Мильштейн
(«Грани.ру», 9 октября)

Литература – это не обязательно сочинительство. Героя не надо непременно выдумывать. Живой реальный человек, вы не поверите, тоже любит, ненавидит, тоскует, болеет, убивает на войне и возвращается с войны искалеченным, молится, обожествляет прошлое и проклинает настоящее. Поколение, чье грядущее и пусто, и темно, – это не выдумка поэта-мизантропа, погибшего в позапрошлом веке.

Это словно вчера сказано, и великолепно сказано, но можно и по-другому. Не обязательно кратко, и в рифму, и типа метафорически. Можно и суровой прозой, на 500 с лишним страниц, дабы запечатлеть время в лицах и во всех подробностях.

Себя запечатлеть, свой голос. И десятки других, образующих хор усталый и печальный. Так пишется документальная с виду проза, лишенная сюжетных изысков и вдохновенного сочинительства, но это тоже настоящая литература, что подтверждено ныне в одной довольно высокой инстанции. Светлана Алексиевич награждена Нобелевской премией – «за ее многоголосное творчество – памятник страданию и мужеству». За то, что годами и десятилетиями слушала, записывала, расшифровывала, монтировала, собирала в книги бесчисленные свидетельства своих современников.

О войне, у которой не женское лицо, но увиденной женскими глазами. И снова о войне, и опять о Великой Отечественной, в исполнении детского хора. Про Афганистан, который в русскоязычной памяти мало связан с географией, а более всего со смертью – бесславной, геройской, напрасной, жестокой, запаянной в цинк. О Чернобыле – как начиналась катастрофа, как строили саркофаг, как облучались и погибали, голосами хора солдатского. И про таинственное, несчастное, великое, жалкое, вымирающее ныне племя homo sovieticus, о котором так легко и невыносимо писать, поскольку и сам автор принадлежит к этой части человечества. Вырванной из своей среды обитания, проживающей, как в чужом дому, в чужой эпохе.

«У войны не женское лицо». «Последние свидетели». «Цинковые мальчики». «Чернобыльская молитва». «Время секонд хэнд». Это все Светлана Алексиевич,

главные ее книги, принесшие мировую славу, и даже в родной стране, на территории бывшего СССР, в Белоруссии, на Украине и в России не забытые. Просто самая читающая в мире страна распалась на куски, и время тоже распалось, и бумажная литература, включая классику давно минувших лет и современную, не то чтобы отправлена в утиль, но умы и души миллионов уже не сотрясает.

Раздражительность и забывчивость правят бал на одной шестой суши, и мало кто хочет знать правду про войну, если без колорадских ленточек и прочей тупой агитки. Про Афган, если без конспирологии и американцев, которые виноваты во всем. Про Чернобыль как национальную трагедию, подвиг и позор. Про Совок, который бессмертен, но вытеснен мифами о великом Сталине и великой державе.

Однако премии, тем более такого уровня, как Нобелевская, все еще в почете, и в этом смысле награда, которой удостоена Светлана Алексиевич, — событие чрезвычайно важное. Для русского мира прежде всего, для бывших и настоящих homo sovieticus, узнавших вчера или вспомнивших о существовании автора «Цинковых мальчиков». Об этом им сказали по телевизору, по главным программам, и в центральной многотиражке, где бедняга Лимонов, которого опять обнесли нобелевкой, прямо-таки изнывает от зависти.

Это все будет услышано, увидено и прочтено, и десятки, а то и сотни тысяч граждан хотя бы из любопытства купят книгу лауреата или вобьют ее имя в поиск на Яндексе и узнают себя в героях Светланы Алексиевич. Это будет хорошая встряска для читателей, разучившихся думать, но не разучившихся читать. Для страны, которой нет, и для общества, которого нет.

Это вообще очень полезно и для России, и для Белоруссии, и для многих других государств, появившихся в 1991 году, — узнать о существовании Алексиевич и полюбопытствовать о том, за что писателя наградили. Ознакомиться с ее мыслями — о прошлом и настоящем, хотя бы в беглом пересказе. Пройти по ссылкам. Оглянуться вокруг, обозревая всероссийский Чернобыль в ожидании цинковых мальчиков. Содрогнуться.

Нет, новый нобелевский лауреат не станет для соотечественников ни Пастернаком, ни Солженицыным — слишком все девальвировано и запущено. Хотя некоторая нервность наверху уже наблюдается, и «батька», узнав от советников, что у него в Минске проживает знаменитый писатель, скрепя сердце Алексиевич поздравил, а Песков даже вступил с ней в полемику. Хотя своего отношения к захватнической войне, которую Путин ведет на Украине, Светлана Александровна никогда не скрывала, но теперь она высказывается как власть имеющий, и власть имущие вынуждены откликаться. Награжденная, видите ли, «не располагает всей информацией для того, чтобы дать позитивную оценку» войне, отвечает Песков, и это свидетельствует о том, что за прошедшие десятилетия совки кое-чему научились. Научились сдерживаться, что ли, поднатаскались в риторике. Хотя мало поумнели.

А еще будет Нобелевская лекция — на фоне войны украинской, войны сирийской и бог весть каких других войн. И голос Алексиевич, выступающей от лица тех, кто пребывает ныне в подавленном меньшинстве, вновь прозвучит громко, в жанре строго документальном. И это опять станет событием литературным

в самом высоком значении слова, то есть соединяющим искусство с жизнью и так называемой политикой, но в неповторимой авторской манере. Где первична жизнь, записанные в режиме реального уходящего времени голоса людей подлинных, рассказывающих о случаях неподдельных. Они теперь удостоены награды и, значит, не зря любили, ненавидели, воевали, тосковали, мечтали, болели, мучились, голосовали, славили, убивали и умрут не зря.

ОНА ВИДИТ В СУДЬБЕ ЧЕЛОВЕКА СУДЬБУ НАРОДА И СУДЬБУ МИРА

Юлия Чернявская
(«Tut.by» 9 октября 2015 г.)

Про Светлану Алексиевич в наших пенатах существует несколько устойчивых мифов.

Во-первых, она якобы эмигрантка, хотя на самом деле живет она тут, в Минске, над стылой от осени Свислочью.

Во-вторых, есть немалое число людей, свято убежденных, что она ненавидит Беларусь: а иначе почему пишет по-русски? Светлана Алексиевич вообще-то полубелоруска-полуукраинка и именно о Беларуси говорит, как о своей родине. И большинство ее героев – белорусы. И читает она все новинки отечественной литературы. И имеет прочный и большой набор любимых белорусскоязычных авторов.

В-третьих, она «злостная русофобка» (вон один из самых известных писателей «русского мира» сейчас рвет и мечет и, по слухам, собирается кляузу в Нобелевский комитет строчить...).

В-четвертых, она «проект»... Чей? Неважно. России, Беларуси, СССР, власти, оппозиции, чей-то проект. У нас выучили два новых слова – «проект» и «креатура», и используют их в хвост и в гриву.

В-пятых, она якобы делает себе имя на чужом горе. Как будто на горе можно сделать имя – особенно сейчас, когда вынь да положь позитив! А у нее негатив, сплошной негатив, даже неприлично как-то, сетуют некоторые...

В-шестых, есть мнение, что она писатель советский – следовательно, безнадежно устаревший. О чем она пишет, в самом деле? О войне? О мальчиках в цинковых гробах, о Чернобыле (да когда он был, этот Чернобыль?). И наконец, последняя ее книга, «Время секонд-хэнд» – ведь это она о «совках», которые никак не встроились в наш «дивный новый мир», в нашу гламурную действительность.

Есть «в-седьмых, в-восьмых» и т. д., но я не стану этого повторять. И без того противно. Потому что все это не имеет решительно никакого отношения ни к человеку, ни к писателю, ни к Нобелевскому лауреату – первому в Беларуси.

Я уже писала о книгах Светланы, повторяться незачем. Потому сейчас я хочу написать о человеке, который стоит за этими книгами. О девочке, выросшей в

послевоенном селе, где все разговоры были о горе — о том, как погибали сыновья и мужья, как сажали безвинных, как раскулачивали.

Думаю, что большинство из наших нынешних читателей этих бабушкиных рассказов и слушать бы не стали: душа требует «позитива». А она слушала и впитывала. Почему? Все просто: девочке было (и, к счастью для нас, осталось) жалко людей. Просто людей, самых обычных. Так невыносимо жалко, что она навсегда впустила их горе в свою жизнь. Думаете — это легко? У каждого ведь свое горе, и потому мы посчитали возможным дать себе право не вовлекаться в чужую беду — и чем дальше, тем больше. Монады, атомы.

А она приняла в себя такую толщу чужой беды — и в той деревне детства, и после, разговаривая с женщинами-ветеранами, и потом — с детьми войны, и с «афганцами», и с их мамами, и с теми, кто пытался покончить с собой, и с теми, кто пережил Чернобыль — чтобы в последней на сегодня книге рассказать, каким он был, «красный человек». Куда заводит сочетание высоких идей и самых пошлых амбиций? Где предел человечьей злобе и где мера невероятной доброты? Вопросы, вопросы... Спросите: а где ответы? Нам же все время нужны ответы, рецепты: иначе почему мы так любим поп-психологию и Adme.ru?

А ответов нет. Их не может дать первая нобелевская лауреатка страны Беларусь. Их мог бы дать только Бог, но не дает. Думай сам — говорит Бог. Думай сам: убивать ли соседа-армянина, когда он в одночасье стал считаться врагом; доносить ли на родственника, чтобы расширить жилплощадь; взрывать ли деревню, если есть приказ — и как после этого жить?

Живут. Некоторые даже хорошо. Потому что на все есть оправдание: от жилищного вопроса до патриотизма и выполнения интернационального долга. Слышать правду о себе нам, грешным, неприятно. В том и судьба Алексиевич в Беларуси. Известная судьба пророка в своем Отечестве.

Раньше я удивлялась: почему она так спокойно принимает хулу, злословье, передергивание, прямую ложь в свой адрес? Потом поняла. Во-первых, Светлана — человек незаурядного мужества. Иногда глядя на нее, я вспоминаю самого героического персонажа литературы — нет, вовсе не Прометея и не Алексея Мересьева. Для меня самый большой герой — это андерсеновский стойкий оловянный солдатик. «Делай, что должен — и будь, что будет». Этот принцип не всем по силам. Ей — впору.

Во-вторых, Светлана мудра. Человек — вместилище и добра, и зла. Алексиевич знает это точно: потому, помня, как некоторые, восхваляющие ее сегодня, травили вчера, не сердится. Огорчается, конечно, но про себя, никогда не включается в перепалки и склоки. Для этого надо обладать третьим качеством — величием.

Нам проще. Мы привыкли, что мир черно-бел, добро есть добро, зло есть зло, и они просты, как пять копеек. Вот почему многим непонятно то, что делает Светлана Алексиевич. А она неустанно ищет корни зла и добра в человеке, их сочетания, переплетения. Я писала уже об этом, но напомню поразивший сюжет в ее последней книге. Молодую женщину арестовывают. Она бросается к соседке-подруге: мол, не бросай мою дочку, не отдавай в детдом. И та растит дочку как свою, во многом себе отказывая, становится ей второй матерью. Не год, не два, семнадцать лет, до выхода подруги из лагеря. А ведь донос-то написала она.

Эх, непросто все со злом и добром.

В Беларуси было и есть много хороших писателей. Но писателей-экзистенциалистов, мне кажется, лишь два: Быков и Алексиевич. Недаром он ее ценил и вступался за нее. Оба они сделали своим героем «маленького человека», оказавшегося в неразрешимой ситуации: совершить грех и жить, не каясь? Или – раскаяться потом и всю жизнь изживать последствия своей подлости? Или не совершать греха – и погибнуть? Экзистенциальные сюжеты наиболее очевидно проявляются в ситуации катастрофы – войны, например. Да, они делали это на разном материале: Быков на художественном, Алексиевич – на так называемом «нон-фикшн». Но вопрос-то один: как человеку остаться человеком?

Кстати, вопрос этот в обоих жанрах ныне интенсивно ставится в Европе и США: вы обратили внимание на то, сколько современных западных авторов пишет о Второй мировой войне? Отчего именно сейчас? Прошло время, прошлое увиделось на расстоянии – и стало возможно понять, прочертить контур из прошлого в будущее: что сделать, чтоб не поддаться обаянию очередного фюрера, если он вдруг появится? Как не выполнить его приказ? Как разглядеть зло в упаковке красивой агитки, рекламы, тепепропаганды?

Кстати, это не обязательно высокая литература, как «Чтец» Шлинка или «Благоволительницы» Литтелла. Это может быть совершенно массовый роман, например, «Как творить историю» С. Фрая или «Он опять здесь» Т. Вермеша. Они, писатели Запада, думают о войне, катастрофе, Холокосте, сталинизме – а мы? Мы стараемся уйти от этих болезненных размышлений. А Алексиевич вновь и вновь просит: не уходите, прежде решите, что бы делали вы?

А пока Светлана Алексиевич – маленькая, светловолосая женщина с милым, очень белорусским лицом – решает это вместо нас, уклонившихся от решений. Нет, она не поучает, не заставляет: поступай так-то. Она ставит вопрос. Это куда более ценно.

Главный из них, пожалуй, – лейтмотивом по «Чернобыльской молитве»: как же так, здесь только что были люди, дети, цветущие сады, здесь пели, праздновали, плакали, любили друг друга, и вдруг – все. Ничейная зона. Отчужденная земля. И дело даже не в том, почему это случилось, а в том, что из-за халатности, ошибки, по глупой случайности, из чьих-то амбиций нас может не стать. Просто не стать. Как вида. Человек испарится с лица Земли.

Это новый космизм, возможный только после катастрофы – в предчувствии следующей. А вот и она, катастрофа. Не только Украина, и не только то, что Путин сделал с ней и с Россией, и не только Сирия. Катастрофа – это наше сознание, которое упрямо верит, что истина рождается не только в спорах, но и в ссорах, и в бойнях. А в них ничего не рождается. Только враги.

Неужели мы своими склоками и дрязгами готовим теперь уж духовный Чернобыль? Он может грянуть в любой миг, остро чувствует Светлана Алексиевич, мы и не заметим, что из людей превратились в человекообразных. Потому она не отвечает на нападки. Молчит. И пишет.

Спасение от духовного Чернобыля одно – совесть личности, совесть каждого из нас, но многие ли вспоминают о ней в неудобные для жизни моменты? Светлана помнит всегда. Дан ей этот дар, он же проклятье.

Я была среди респондентов, чьи рассказы она собирала для книги «Время секонд хэнд». Она, чьи книги переведены на десятки языков, обладатель сверхпрестижных европейских премий, садится в уголок в кухне (вся ее небольшая квартирка обложена книгами, рукописями, стенограммами), включает диктофончик и тихо задает вопросы. И ты понимаешь, почему люди рассказывают ей то, чего не рассказывают подчас даже близким друзьям. Ты чувствуешь: ей — можно. Ты смотришь в ее серьезные глаза, готовые понять тебя, такого, какой ты есть. Она не выдаст твоего имени, она незаметно вплетет твой голос в ковер из сотен, тысяч голосов — и твоя маленькая незаметная жизнь станет частью истории. Быть безымянной, но мыслящей частью истории — это честь. Кстати, Светлана не забывает своих героев: знает, что с ними было потом, и где они сейчас. Такова она, ответственность автора перед прототипами.

Она копается в книгах, бумагах, архивах. Она делает многочасовые записи, стенограммы, из которых потом хорошо, если остается десятая часть. Ее перо безошибочно, сюжеты поразительны, а композиция книг безукоризненна. Она видит в судьбе человека судьбу народа и судьбу мира. Если это не литература, то я не знаю, что такое — литература. Коэльо? «Пятьдесят оттенков...»? «Сумерки»?

И еще то, о чем она сама никогда не скажет. Светлана Алексиевич мало говорит о себе: как признается она сама: «Я — человек непубличный». Скажу я — вместо нее, на свой страх и риск. Невозможно посчитать, скольким помогла Светлана — и не только родне и близким. Она может годами высылать деньги незнакомой женщине, несправедливо уволенной с работы. Я знаю о нескольких людях, которым она платила за обучение — и это не родня и не свояки. Бывало, помогала целым семьям. А если увидит талант — сделает все, что может, чтобы помочь ему пробиться.

Как же, подумает иной, тут явно какой-то свой интерес. А нет «своего интереса», есть добрые нравы литературы, которыми обладали Чехов и Короленко, Золя и Купала, Адамович и Быков. Традиция помогать слабому. Мы научены горьким опытом и не очень-то верим, что доброта может существовать просто так, вне «проекта», вне «креатуры». Но это наша проблема — не Алексиевич.

Но если это недостаточно ценим мы — оценят наши дети и внуки. Потому что вчера в историю нашей страны была вписана еще одна страница. И в отличие от многих других, рваных, измятых, изничтоженных в войнах и бедствиях, эта страница — светлая. Светлана.

КРАТКАЯ БИОГРАФИЯ С. А. АЛЕКСИЕВИЧ

Родилась 31 мая 1948 г. в Ивано-Франковске (Украина) в семье военного летчика. Отец — белорус, мать — украинка.

Алексиевич рассказывала, что история её жизни начиналась с того, как врачи сказали, что она не выживет. «У меня был рахит. Мать ничего не могла купить на базаре. Тогда друзья отца каким-то образом перебросили его через

стены монастыря, и он пришел к настоятельнице. Он просил у неё помощи в спасении ребенка. Настоятельница долго думала, потом сказала, чтобы жена приходила каждый день: мы будем давать ей пол-литра козьего молока».

После демобилизации отца семья переехала на его родину, в Беларусь. Жили в деревне Капаткевичи, в Петриковском районе. Это самая глушь Полесья. Отец Александр Ефимович стал директором средней школы. Мать тоже работали учительницей в этой сельской школе.

Отличницей Алексиевич не была. В одном из интервью она сказала, что окончила школу с девятью «тройками». Оценки «отлично» были только по литературе и истории. Алексиевич вспоминает, что симпатий к школе у нее никогда не было, хотелось поскорее вырваться в «большой мир». Ещё в школе она начала писать стихи и газетные заметки.

После окончания школы Светлана около двух лет работала корреспондентом районной газеты «Припятская правда» в Наровле. В 1967 она поступила на факультет журналистики Белгосуниверситета в Минске. Во время учёбы несколько раз становилась лауреатом республиканских и всесоюзных конкурсов студенческих работ.

После окончания БГУ ее направили на работу в Брестскую область, в Берёзу, в районную газету «Маяк коммунизма». Работая в газете, одновременно преподавала немецкий язык в сельской школе. В 1976 г. Алексиевич взяли на работу в Минск, в редакцию республиканской «Сельской газеты».

А ещё через несколько лет она стала заведующей отделом очерка и публицистики литературно-художественного журнала «Неман» (орган Союза писателей БССР).

Алексиевич пробовала себя в разных жанрах – рассказы, публицистика, репортажи. Решающее влияние на её выбор оказал известный белорусский писатель Алесь Адамович и его книги «Я – из огненной деревни» (1977 г.) и «Блокадная книга» (1977–1981 гг.). Написаны они не им одним, а в соавторстве с другими писателями, но идея и разработка нового для русскоязычной литературы жанра, в котором смешиваются литература и журналистика, принадлежала ему. Адамович называл этот жанр по-разному, все время искал точную формулировку: «соборный роман», «роман-оратория», «роман-свидетельство», «народ, сам о себе повествующий», «эпически-хоровая проза» и т. д.

Алексиевич всегда называла Адамовича своим главным Учителем.

> Из тысячи голосов, кусочков нашего быта и бытия, слов и того, что между словами, я складываю не реальность (реальность недостижима), а образ... Образ своего времени. То, как мы его видим, как мы себе представляем. Я складываю образ своей страны от людей, которые живут в мое время. Я хотела бы, чтобы мои книги стали летописью, энциклопедией почти десятка поколений, которые я застала и вместе с которыми иду, – так Алексиевич охарактеризовала свое творчество.

Однажды она следующим образом обозначила в интервью главную идею своих книг, своей жизни: «Я всегда хочу понять, сколько человека в человеке. И как этого человека в человеке защитить? Чем мы можем его защитить?».

Набор её первой книги «Я уехал из деревни» рассыпали в типографии.

В 1983 Алексиевич написала книгу «У войны не женское лицо». Два года книга лежала в издательстве и не печаталась – автора обвиняли в пацифизме, натурализме, в развенчании героического образа советской женщины. Такие обвинения в те времена считались серьёзными. Тем более, что у Светланы уже была репутация диссидентски настроенной журналистки.

Но грянули новые времена. В 1985 книга «У войны не женское лицо» вышла почти одновременно в московском журнале «Октябрь», белорусском издательстве «Мастацкая літаратура», а затем в «Советском писателе», в «Роман-газете». В последующие годы она переиздавалась многократно – общий тираж дошел до 2 млн. экземпляров. Книгу приветствовали известные писатели-фронтовики: Вячеслав Кондратьев, Григорий Бакланов, Даниил Гранин, Булат Окуджава и многие другие.

В том же году вышла вторая книга, которая тоже около года ждала своего часа – «Последние свидетели: Соло для детского голоса». Эта книга также много раз издавалась, отмечена многочисленной критикой, которая называла обе книги «новым открытием военной прозы».

Писатель Владимир Орлов рассказал о том, как Светлана Александровна помогла ему. «После моего выступления на Дедах 1988 года ко мне стал приходить милиционер Сальник. Он составил два протокола подряд за проживание в Минске без прописки. Мне грозила депортация по месту прописки в Полоцк. В этой ситуации на помощь мне пришла Светлана Алексиевич».

Жилищные условия писательницы позволяли ей прописать Орлова у себя. Она подала документы в коммунальные службы. Благодаря этому Орлов остался в Минске, а также на работе в издательстве «Мастацкая літаратура».

В 1989 вышла книга «Цинковые мальчики». Чтобы написать эту книгу, Алексиевич четыре года ездила по стране, встречалась с матерями погибших солдат и бывшими воинами-афганцами. Сама побывала на войне, в Афганистане. После выхода книги, которая произвела в обществе эффект разорвавшейся бомбы, многие не простили автору развенчание героического военного мифа. На неё обрушились военные и коммунистические газеты. В 1992 в Минске был организован политический суд над автором и книгой «Цинковые мальчики». Но в защиту поднялась демократическая общественность, многие известные интеллектуалы за рубежом. Суд был остановлен.

В 1993 вышла новая книга – «Зачарованные смертью». Это был рассказ о тех самоубийцах, которые покончили с собой или пытались покончить, не выдержав исчезновения социалистических идей, социалистического материка. Тех, кто уравнял себя с идеей, сжился с ней намертво. Кто не нашел в себе силы принять новый мир, новую историю и новую страну.

В 1997 Алексиевич закончила и опубликовала книгу «Чернобыльская молитва». Она сначала была опубликована в журнале «Дружба народов», потом в издательстве «Остожье».

В 2006 году она выпустила книгу «Чудный олень вечной охоты». Это художественно-документальная книга о любви, ибо «есть территория, на которой человек проявляется гораздо больше, чем в экстремальной ситуации». Автор

пишет о том, что есть время любви и оно течет иначе, чем обычное время нашей жизни, о том, что тайна любви нежна, жестока и беспощадна.

Книги С. Алексиевич, кроме России, издавались ещё в 19 странах мира – Англии, Болгарии, Вьетнаме, Германии, Индии, Китае, США, Франции, Швеции, Японии и других. Она – автор сценариев 21 документального фильма и трёх театральных пьес. Во Франции, Германии, Болгарии ставились спектакли по её книгам.

Алексиевич называют «блестящим мастером художественно-документальной прозы». В то же время некоторые злобствующие критики «красно-коричневой масти» называют ее творчество спекулятивно-тенденциозной журналистикой.

Осенью 2013 года вышла книга «Время „second-hand“». Конец красного человека» – о том, как тяжело и болезненно переживают современники падение советской эпохи. Как и все предыдущие книги С. Алексиевич, это собрание голосов, записанных автором в результате сотен встреч с нашими соотечественниками.

Писательница известна последовательно негативной позицией по отношению к внешней и внутренней политике президента А. Г. Лукашенко, в связи с чем она подвергалась судебным и внесудебным преследованиям.

После крымских событий 2014 года выступила в немецкой газете «Frankfurter Allgemeine» с осуждением российской политики в отношении Украины. Она называет коллективным безумием то, что сегодня происходит в России. «Путин – не политик. Путин – кагэбэшник. И то, что он делает, это провокационные вещи, которыми обычно занимается КГБ», – это тоже слова Алексиевич. Недавно она заявила: «Я одинаково не верю ни Лукашенко, ни Путину».

В своем интервью газете «Наша Ніва» С. Алексиевич сказала: «Мы имеем дело с русским национализмом, который очень опасен. Мне очень жаль, что он поражает и талантливых людей, как тот же Прилепин. Дай бог, чтобы мы уцелели в этом русском национализме». И добавила: «Беларусь может спастись только в том случае, если повернется в сторону Европы».

С начала 2000-х гг. писательница жила в Италии, Франции, Германии. С 2013 года снова живёт в Минске (летом – на даче в районе реки Ислочь).

Заместитель директора Лицея имени Якуба Коласа Леонид Барщевский говорит, что Алексиевич была одной из первых, кто выступил в защиту ликвидированного учебного заведения. «Когда нас выгнали в подполье, то Алексиевич помогала деньгами на аренду помещений, подарила часть собственной библиотеки, участвовала во встречах».

А еще Барщевский говорит, что за долгое время знакомства никогда не слышал от Алексиевич ничего оскорбительного по адресу белорусской мовы. «Это ложь, что она против всего белорусского».

Светлана Александровна внимательно следит за современной белорусской литературой. Мало что проходит мимо неё.

> Я люблю то, что открывает новое, я люблю настоящие вещи... Например, «Любіць ноч – права пацукоў» Юрия Станкевича. Я помню, что когда это прочитала, ахнула. Я увидела хорошо сделанную вещь, — сказала она.

В этом году, когда газета «Наша Ніва» напечатала дневник Андрея Горвата — минчанина, переехавшего в деревню, это так поразило Алексиевич, что она послала ему в полесскую деревню бандероль с книгами.

* * *

В 2013 году С. Алексиевич считалась одним из главных претендентов на Нобелевскую премию по литературе, однако премию получила писательница Элис Манро из Канады.

Пять книг, изданных за 20 лет (У войны не женское лицо; Последние свидетели; Цинковые мальчики; Чернобыльская молитва; Время секонд-хэнд) составили цикл «Голоса утопии». С. Алексиевич получила Нобелевскую премию именно за этот цикл, с формулировкой: «за многоголосное звучание ее прозы и увековечивание страдания и мужества». Она стала первым Нобелевским лауреатом в истории Беларуси*.

(Википедия)

ЭКРАНИЗАЦИИ ПО СЦЕНАРИЯМ С. АЛЕКСИЕВИЧ

Цикл из 7-и документальных телефильмов «У войны не женское лицо»: «Это была не я...» (1981);«Стрелять хотела» (1982); «Утро туманное» (1982); «Я встретил вас» (1982); «Если родится девочка» (1983); «Тогда я не плакала» (1984); «Милосердие» (1984).

Цикл «Из бездны»: «Люди войны» (1990); «Люди блокады» (1990).

Афганский цикл: «Стыд» (1991); «Я из повиновения вышел» (1992).

Фильм «Дверь» (The Door, 2008) — номинировался на премию «Оскар» в категории «Лучший короткометражный игровой фильм». Фильм основан на рассказе Николая Калугина из книги С. Алексиевич «Чернобыльская молитва».

ПРЕМИИ И НАГРАДЫ ПИСАТЕЛЬНИЦЫ

1985 – Премия им. Николая Островского (Москва, СССР);
1985 – Премия им. Константина Федина (Москва, СССР);
1986 – Премия Ленинского комсомола (Москва, СССР);
1996 – Премия им. Курта Тухольского (Стокгольм, Швеция);
1997 – Премия им. Андрея Синявского (Москва, Россия);

* Денежный приз премии – 8 млн шведских крон (около 953 тыс. долларов).

1997 – Премия «Триумф» (Москва, Россия);
1998 – Премия фонда «Гласность»: «Самый искренний человек года» (Москва, Россия);
1998 – Премия «За европейское взаимопонимание» (Лейпциг, Германия);
1998 – Премия «За лучшую политическую книгу года» (Бремен, Германия);
1999 – Премия им. Иоганна Готфрида Гердера (Германия; вручение в Вене, Австрия);
1999 – Премия «Свидетель мира» (Париж, Франция);
2000 – Премия «За лучший радиоспектакль года» (Берлин, Германия);
2001 – Премия мира им. Эриха Марии Ремарка (Оснабрюк, Германия);
2002 – Премия им. Сандро Онофри (Рим, Италия);
2006 – Премия Ассоциации американских критиков (Нью-Йорк, США);
2007 – Премия организации Oxfam Novib (Гаага, Нидерланды);
2013 – Литературная премия Центральной и Восточной Европы «Ангелус» (Вроцлав, Польша);
2013 – Премия мира немецких книготорговцев «Friedenspreis des Deutschen Buchhandels» (Франкфурт, Германия);
2013 – Премия «Лучшая книга года» (Париж, Франция);
2014 – Премия им. Ричарда Капустинского (Варшава, Польша);
2014 – Офицерский крест ордена Искусств и литературы французской республики (Париж, Франция);
2014 – Приз читательских симпатий литературной премии «Большая книга» (Москва, Россия);
2015 – Нобелевская премия по литературе (Стокгольм, Швеция).

Как видим, среди 23 наград (7 российских, 6 немецких, 3 французские, 2 польские, 2 шведские, американская, итальянская, голландская) нет белорусской. Этот факт красноречиво свидетельствует о скудоумии представителей власти в той стране, гражданкой которой является С. Алексиевич.

ЧАСТЬ II. СТАРИНА

ОТКУДА ЕСТЬ ПОШЛА РУССКАЯ ЗЕМЛЯ

Александр Гальченко
(Киев)

В конце XX века возникла новая научная дисциплина – ДНК-генеалогия, с помощью которой можно проследить распространение предков современных наций и народов вплоть до прародителей – первых представителей вида homo sapiens.

Сравнив количество мутаций Y-хромосомы у двух людей (мутации происходят через равномерные промежутки времени, что установлено опытным путем) можно вычислить время жизни общего предка. Ученые определили, что общий предок человека и шимпанзе жил 6 млн лет назад (наш геном совпадает с геномом шимпанзе на 98 %). Ближе всего к человеку геном неандертальца – совпадение 99,5 %. Этот параллельный человеку вид гоминидов жил еще 30–20 тыс. лет назад, сосуществуя с кроманьонцами вида homo sapiens на протяжении 100–150 тыс. лет (в том числе 20–10 тыс. лет в Европе). Если бы неандертальцам удалось выжить, сейчас на Земле было бы два разных вида людей. А так все люди принадлежат к одному виду – *homo sapiens.*

Геоклиматические условия являются определяющим фактором для понимания поведения людей и народов в древнейшие времена, главный их мотив – выживание. Добавление социально-экономической и религиозной компонент в последние 2 тысячи лет привело к возникновению государств, и с тех пор мотивация поведения людей стала меняться.

В период от 120 до 50 тыс. лет назад древние люди могли жить только в джунглях Африки и Индокитая, мало заботясь о средствах пропитания и жилищах, что свойственно некоторым группам аборигенов по сей день. В период 40–20 тыс. лет назад немногочисленные группы людей расселялись из окрестностей Среднего Востока в местности хотя и с более холодным климатом, но с большим количеством воды, а значит, рыбы и дичи – вдоль южной кромки ледника – от Атлантики до нынешней Волги, в полосе шириной 500–1000 км с севера на юг. Здесь вода была доступна людям и животным зимой изо льда, а летом из подтаивающего ледника.

Именно они известны ученым под названием кроманьонцы. Это название не обозначает ни биологический вид, ни этнос, не зависит оно и от места обитания. Кроманьонец – это способ жизни за счет рыбной ловли, собирания съедобных растений и мелких животных (типа улиток, лягушек...), охоты. Наших

Специально для альманаха «Деды».

отсталых современников из джунглей Азии, Африки, Бразилии тоже можно назвать «кроманьонцами».

Около 20 тыс. лет назад наступило резкое потепление: среднегодовая температура всего за две – три тысячи лет поднялась на 8 градусов по Цельсию (до современных показателей), а климат увлажнился (до того температура понижалась в течение 100 тыс. лет). Это повлекло за собой популяционный взрыв, в результате которого представители нескольких гаплогрупп (все они выходцы из региона Средний Восток – Малая Азия) постепенно заселили всю Землю.

18–16 тыс. лет назад в регионе Малой (или Передней) Азии появились носители гаплогрупп, имеющих сейчас наибольшее распространение в Европе – R1a в восточной, R1b в западной ее части.

12–10 тыс. лет назад континентальный ледник полностью растаял, что дало возможность древним людям заселить Скандинавию и приполярную Азию. Все они по-прежнему оставались «кроманьонцами», то есть людьми, собиравшими коренья и плоды, ловившими рыбу в реках и озерах, охотившимися на полярных оленей и мамонтов, несмотря на то, что принадлежали к различным археологическим культурам Палеолита и Мезолита.

Правда, некоторые современные авторы называют представителей гаплогруппы R1a уже того периода времени ариями либо индоевропейцами. Но это противоречит тому факту, что все люди, в том числе африканцы, расселялись по Земле из одного и того же исходного региона. Собственно, «индоевропейцев» ученые выделили на основе исходной общности языков и базовых культурных ценностей. Так, древние индусы 3600–3500 лет назад относили себя к категории ариев именно потому, что они обладали более развитой культурой и технологиями по сравнению с окружающими народами. Но 20–15 тыс. лет назад ничего подобного еще не было нигде в мире.

Часть I. Трипольская цивилизация

Глава 1. Трипольцы

10–8 тыс. лет назад на территории современной Украины и на запад – север – восток от нее, вплоть до берегов Атлантики и Ледовитого океана, жили постледниковые кроманьонцы.

Иногда в СМИ можно встретить высказывания индивидов, гордящихся тем, что «в нашей стране, на нашей территории, у нас в пещерах... люди жили еще в ледниковый период». Вряд ли они знают, что люди, жившие 40–12 тыс. лет назад в таких экстремальных условиях, повсеместно практиковали кровосмешение (инцест) и каннибализм (людоедство). А вот постледниковым кроманьонцам подобные эксцессы стали чужды по причине значительно более благоприятных условий, наступивших вследствие потепления климата и расширения ареала обитания из-за отступления ледника.

8,5–7,6 тыс. лет назад произошли два взаимосвязанных события, давших начало развитию цивилизации на равнинах современной правобережной Украины, Румынии и Молдовы. Ученые назвали ее Трипольской, по месту первых археологических находок.

Как уже сказано, климатические и ландшафтные условия были основными, определявшими поведение и развитие человека в то время. Первое событие: около 8,5 тыс. лет назад Европа вступила в самый тёплый и влажный климатический период своей истории – Атлантик. Второе: 7,6 тыс. лет назад произошел так называемый Черноморский потоп, приведший к увеличению площади Черного моря и появлению Азовского. То и другое создало уникальный мягкий микроклимат, превративший изначально плодородные окрестные земли в благодатную саванну. Создались идеальные условия для земледелия и скотоводства, чем наши далекие, но уже прямые предки не замедлили воспользоваться.

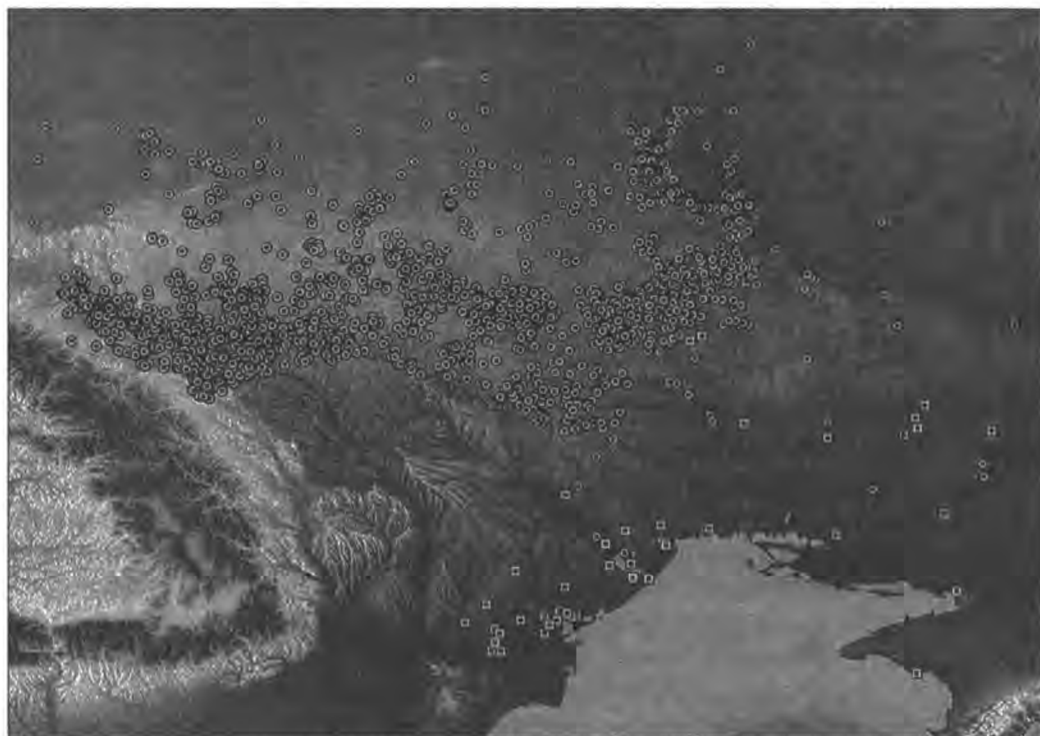

Рис 1. Археологические памятники Трипольской культуры на территории Украины

Нигде в мире не найти такой же комбинации факторов. В других местах либо жарко и засушливо, либо холодно, либо бесплодные нечерноземные почвы, либо пыльные нагорья. А там, где тепло и сыро, вроде джунглей Африки, Амазонии, Индокитая, отсутствовали стимулы для развития технологий. Размер территории тоже имел значение – к северу от Черного моря находятся самые большие равнины в Европе. Это позволило набрать здешней популяции людей «критическую массу», необходимую для появления изобретателей («прото-ученых»), например, колесо появилось здесь около 6,5 тыс. лет назад*.

Несколько замечаний о языке. Многие из тех, кто пытается рисовать Историю по своему усмотрению, утверждают, что язык в современном лингвистическом смысле существовал уже 18–10 тыс. лет назад. В частности, они приписы-

* В Интернете можно найти много материалов о достижениях Трипольской цивилизации.

вают некий пра-индоевропейский язык выходцам из региона Малой Азии. Это нонсенс (бессмыслица), так как никаких языковых следов от того времени не осталось.

10 тыс. лет назад и ранее для выражения эмоций, обмена мнениями по поводу методов удовлетворения нескольких базовых потребностей, люди использовали всего несколько десятков лающе-воющих или щелкающих звуков (таковы дошедшие до наших дней койсанские языки отсталых африканских племен). Плюс некоторое количество жестов, особенно востребованных на охоте (спецназовцы на задании до сих пор так общаются, им этих жестов вполне хватает). Говорить о тех существах (генетически людях, но по развитию кроманьонцах) как о носителях некоего пра-языка можно лишь в том случае, если под языком подразумевать определенный орган, находящийся во рту.

Наиболее древние гаплотипы группы R1a возрастом 9–8 тыс. лет среди нынешних европейцев выявлены на Балканах – в Словении, Боснии, Хорватии. Доля их значительна: 25–35 %. На этом основании некоторые авторы заявляют, что славяне (и вообще индоевропейцы) спустились с балканских гор, расселились по востоку Европы, дошли до северной Индии. В действительности этот выхваченный из контекста факт говорит лишь о том, что носители гаплогруппы R1a, вышедшие из Малой Азии, стали использовать Балканы как горное убежище.

Известно, что 10–9 тыс. лет назад появилось животноводство через одомашнивание диких животных, что значительно облегчило жизнь. Но если степным скотоводам приходилось кочевать на сотни километров в поисках сезонных источников влаги, соответственно и корма для скота, то в горах этот путь сокращался до нескольких километров по склонам гор. Летом вверх, к границе тающего снега и сочной травы, потом вниз в более теплые долины, на зимовку.

У древних балканцев не было никаких причин покидать свои горы, наиболее удобные для жизни в тогдашней Европе. Климат уже опять изменился, украинские равнины стали более засушливыми и менее плодородными, превращаясь в лесостепи. Да и не смогли бы выходцы из столь малого региона заселить всю территорию нынешнего распространения гаплогруппы R1a – все три балканские республики занимают площадь менее 10 % от ареала Трипольской цивилизации*. Так что древние балканцы хоть и имеют гаплогруппу R1a, но они не предки, а братья трипольцев.

Генетика подкрепляет фактами это логически выведенное умозаключение: гаплотипы абсолютного большинства ныне живущих в Европе людей группы R1a не восходят к балканской ветви, а параллельны ей (1).

Итак, наш промежуточный вывод: Балканы являются не родиной славян, а только лишь юго-западной славянской окраиной.

Коротко рассмотрим западноевропейских соседей, носителей параллельной (сестринской) гаплогруппы R1b. Эта группа отделилась от материнской R1 на несколько тысячелетий позже, чем R1a, а именно 17–16 тыс. лет назад. К тому времени, когда носители этой группы добрались до Европы, лучшие места уже были заняты. На северо-восточном побережье Средиземного моря все

* Словения 20,3 + Босния 51,1 + Хорватия 56,5 = 127,9 тыс. кв. км. – *Прим. ред.*

места заняли представители базовых гаплогрупп I, J и E, вышедшие из региона нынешнего Индокитая на десятки тысяч лет раньше.

Постледниковые, богатые водой, а значит рыбой и дичью восточноевропейские равнины от Одера на западе до Среднерусской возвышенности и Дона на востоке заняли представители группы R1a. К тому времени, когда племена ветви R1b выбирали куда им податься на ПМЖ (14—12 тыс. лет назад), на северо-востоке от ареала проживания группы R1a (от Валдайской и Среднерусской возвышенностей) еще лежал ледник. Единственным малозаселенным регионом была Западная Европа, куда они и направились, огибая с юга и севера Черноморское озеро (пролива Босфор тогда еще не было), далее по Дунайскому коридору через Балканы на территорию современных Германии, Франции и по сухопутным перешейкам (до рубежа 10—9 тыс. лет назад) в Англию и Скандинавию.

Но вернемся к трипольцам. Около 5,5—5 тыс. лет назад в Европе закончился Атлантический климатический период, природные условия стали приближаться к современным.

Для принятия решения об исходе было достаточно малейшего сбоя климатических условий, начавшегося в то время — буквально нескольких засушливых неурожайных лет подряд. Со времен первичного расселения древнейших людей, носителей базовых гаплогрупп, это было Второе Великое переселение. Именно в тот период жители Триполья, развивавшие свою цивилизацию на протяжении двух тысячелетий, превратились в Ариев — странников, пришельцев, чужаков, знатных-благородных, несущих знания и культуру (в зависимости от контекста).

Отметим несколько технологических моментов. До сих пор носители базовых гаплогрупп расселялись по планете со скоростью несколько километров за год*. Различные общинно-родовые племена Ариев-трипольцев покидали ареал своего изначального обитания, ставя своей целью переселение в другие места. Средняя скорость их продвижения при этом возросла весьма существенно. Отметим также, что у Ариев не было необходимости покорять и, тем более, истреблять автохтонное постледниковое население центра и северо-востока Европы. Будучи носителями передовых технологий той древней эпохи, они повсюду были желанными гостями.

Отсюда проистекают предания автохтонных жителей Индийского субконтинента (негроидов-дравидов) об ариях, пришельцах из Арьяваты — страны изобилия и вечной молодости. Как бы из ниоткуда перед ними вдруг появлялись группы молодых белокожих пришельцев численностью в несколько тысяч человек каждая. Обладая мобильностью, на несколько порядков превосходившую всех автохтонов, арии-трипольцы обгоняли молву о них. Выйдя с предыдущей стоянки, они преодолевали за год-два-три до тысячи километров (пересекая по пути несколько ареалов различных групп автохтонного населения) до следующей остановки на 15—20 лет с целью накопления запасов зерна и восполнения популяции для следующего перехода. Именно такой остановкой-стоянкой была

* Ученые полагают, что скорость расселения составляла, в среднем, от двух до четырех километров в год. Соответственно, за тысячу лет от 2-х до 4-х тыс. км. — *Прим. ред.*

пресловутая «страна городов» на Южном Урале, прославившаяся своим городищем Аркаим.

Арии осеменяли автохтонные популяции древних людей не только знаниями, культурными традициями, технологическими новациями, но и в прямом смысле. **Экспансией Ариев с территории нынешней Украины и объясняются эффекты «бутылочного горлышка» популяций в Европе не только R1a, но и R1b** – эти гаплогруппы абсолютного большинства ныне живущих европейцев восходят к «общему предку», жившему около 5 тыс. лет назад.

Никакого катаклизма 5 тыс. лет назад, из-за которого якобы едва не вымерли европейские группы R1a и R1b, не было. Катастрофе нет подтверждения ни в геологии, ни в археологии, ни в любой другой науке. Антропологи знают, что мужские линии пришельцев, технологически превосходящих местные культуры, вытесняют мужскую линию наследственности аборигенного населения за несколько веков.

Своим расселением Арии, носители европейской ветви R1a обнулили предыдущие мужские линии во всех будущих славянских (и не только) странах. Куда же отправились трипольцы, покинув земли Украины?

Глава 2. Славяне

Расселение в юго-западном направлении происходило несколькими путями. Первый – с трипольской территории Украины и Молдовы по нижнему Дунаю. Второй – с территории закарпатского Триполья в регион пограничья Венгрии, Румынии и Сербии, что привело к возникновению так называемой Баденской культуры. Третий – по долине Дуная до самого его истока, который находится на франко-германском пограничье и представляет собой лесное убежище, прикрытое с двух сторон Альпами и Арденнами.

Дошедшие туда 3,5–4 тыс. лет назад в небольшом количестве из южного Триполья переселенцы принесли аборигенам свой язык и технологии. Привнесенный из Триполья дух развития и движения вперед постепенно вызрел в местном автохтонном постледниковом субстрате R1b. И 3,5 тыс. лет назад Кельты продолжили трипольскую культурно-цивилизационную экспансию, но уже в Западной Европе из этого очага, что привело к полной языковой индоевропеизации Западной Европы, за исключением популяции Басков в горном убежище на Пиренеях.

Палеолингвисты полагают, что языки автохтонных (постледниковых, 9–5 тыс. лет назад, носителей группы R1b) британцев и скандинавов изначально не принадлежали к индоевропейской языковой семье. На индоевропейский праязык они перешли только 3,5–3 тыс. лет назад, что совпадает со временем кельтской экспансии. С индоевропеизацией Франции и Испании кельты справились самостоятельно. Перебравшись через Альпы в Италию, кельты трансформировались в этрусков, а те дали начало древнеримской античной цивилизации.

Укрупним расселение на запад, север и северо-восток. Около 5 тыс. лет назад климат все еще был намного мягче нынешнего, особенно в районе Южной Балтики – теплый и влажный, что позволяло развиваться земледелию, леси-

стая местность гарантировала дичь, многочисленные реки и озера – изобилие рыбы. Общинно-родовые кланы Ариев, двигавшихся в этом направлении, создали археологическую Культуру боевых топоров (она же Культура шнуровой керамики) + суб-Культуру шаровидных амфор.

Следы этого расселения в концентрации субкладов трипольской гаплогруппы R1a заметны у современного населения. Большинство ее носителей проживает в Польше – 56 %, Украине – 54 %, Беларуси – 51%, России – 47 %, Латвии – 39 %, Эстонии – 37 %, Литве – 36 %. На Скандинавском полуострове наибольшая концентрация в Норвегии – 27 %, в Швеции – 19 %, тогда как в Дании – 16 %, в Финляндии и Англии – по 10 %, в Шотландии – 6 %, в Ирландии – 2 %. Между прочим, в далекой Исландии – 23 % (!). При этом, содержание западноевропейской гаплогруппы R1b в современных украинцах всего 2 %, а скандинавской (от викингов) – 5 %. У немцев и австрийцев трипольской гаплогруппы R1a в семь раз больше (!) – до 15 %.

Рис. 2. Ареалы древних археологических культур

Таким образом, переселение могло осуществляться только с территории нынешней Украины, расходясь веером из центра Триполья, но никак не наоборот. Эти древние предки украинцев 5–4,5 тыс. лет назад осуществили вторую (после постледниковой) европейскую волну переселения в страны Скандинавии и на южные берега Балтийского моря.

Популяционная ДНК-генетика появилась недавно, статистических данных еще маловато, но делать некоторые предварительные выводы уже можно:

> Парное сравнение показывает на генетическую близость (параметр P>0,05) к украинцам таких славянских популяций как словаки, белорусы, русские, словен-

цы, поляки. Поляки относительно близки только к украинцам, а их генетическая отдалённость (P=0,0003) от географических соседей белорусов исключает возможность для последних иметь прародину в Польше (5).

Таким образом, генетический анализ указывает на территорию современной Украины как на прародину западных и восточных славян, а также части южных славян. Эти данные подтверждают нашу теорию веерного расселения именно с территории нынешней Украины на рубеже 5 тыс. лет назад.

Расселяясь на восток, трипольцы породили Ямную культуру, которая, как предполагают археологи, затем перешла в Андроновскую, внутри которой появился такой артефакт, как Аркаим.

Но эта версия маловероятна по той причине, что и Аркаим, и вся южноуральская «Гардарика» служили промежуточной стоянкой ариев-трипольцев по пути в Индию, Иран и далее, и существовали от 20 до 50 лет. Однако их путь туда вел не прямо из Украины. А откуда?

Глава 3. Арии

Осмелюсь предложить маршрут из Триполья в Аркаим и Индию, отличный от общепринятого. Прямой путь из Украины на восток (на схеме «В») кажется наиболее логичным только на первый взгляд. Однако, учитывая определяющую роль природных условий в действиях древних людей, мы понимаем, что для движения земледельцев в зону более засушливого континентального климата нет мотивов. Вероятнее всего, арии-трипольцы, вышедшие с территории нынешней Украины, расселились 4,5–3,5 тыс. лет назад лишь до уровня средней и нижней Волги (у казанских татар сейчас 40 % R1a).

Предположим следующий путь трипольцев с украинских земель в Индию. Возможен один из двух маршрутов (смотри физические карты востока Европы):

а) По черноморско-каспийскому водоразделу Среднерусской возвышенности в верховья Волги и далее по каспийско-океанскому водоразделу Северных увалов в Приполярный Урал до Ледовитого океана.

б) Основным же был по балто-черноморскому водоразделу с Прикарпатья и Волыни в Западную Беларусь – огибая слева постледниковое Припятское море-озеро. Далее по этому же водоразделу через центр Беларуси. Затем по Валдайскому балто-каспийскому водоразделу мимо тверских автохтонных постледниковых кроманьонцев. По Вологодчине до Северных увалов и в заполярный Урал (понятно, откуда в вологодских вышивках появилась свастика – единственно возможный вариант – от трипольцев около 4,5–4 тыс. лет назад).

В секторе этих сухопутных путей позже как раз и находилась северо-восточная окраина Киевской Руси.

Давайте посмотрим на карту мира арабского картографа аль-Идриси, составленную в 1154 г. Цифрами обозначены: 1. Черное море; 2. Древнее постлед-

Рис. 3. Карта мира аль-Идриси. 1154 г.

никовое озеро в Припятской низменности, ныне высохшее (перепад высот с окружающей равниной до 30—40 м); 3. Каспийское море; 4. Постледниковое озеро на месте впадины нынешнего Рыбинского водохранилища.

Эта карта примечательна наличием огромного Припятского озера (оно же – Белорусское море), по площади почти в два раза больше нынешнего Азова, которого вообще нет на карте! Это один из важных моментов всего исследования.

Античные авторы (2,5—2 тыс. лет) назад называли народ, обитавший в те времена в районе Припятского озера, Неврами. Им приписывали чудесные способности и говорили, что «для попавших туда чужаков не было выхода назад». Северо-западная часть Беларуси, в средневековье называвшаяся Литвой, и современная Летува находятся внутри лесного убежища, с двух сторон защищенного огромными водоемами – Балтийским морем и древним Припятским озером-морем.

Легенда о Гиперборейцах

В каждой легенде есть доля истины, в том числе о Гиперборее, лежащей за Рифейскими горами, однозначно локализованными историками как Уральские. А местоположение «за» логично употребить в смысле «за дальним краем», за торцом.

Мотивы ариев-трипольцев в их движении за полярный круг становятся понятны, если помнить о решающей зависимости места обитания людей от климата. Тогда, как и сегодня, климат в Европе определяло теплое атлантическое супертечение Гольфстрим. Благодаря ему лежащие за полярным кругом Норвежские порты (а также Мурманский) не замерзают и сегодня.

Около 4 тыс. лет назад, когда арии пришли на побережье Баренцевого моря, Гольфстрим доносил намного больше тепла до района Уральских гор, что делало пригодным для обитания прибрежную полосу шириной всего несколько десятков километров, но протяженную по побережью на тысячу. Это происходило в результате сочетания нескольких факторов:

а) Не было мощного правого ответвления, а значит большой потери тепла в районе Азорских островов.

б) Возможно, что в районе этих островов и (или) Исландии по ходу течения веками «пылили» подводные вулканы. При этом пыль ионизировалась и изменяла свойства молекулярного взаимодействия между теплым более соленым течением Атлантики и холодными более пресными водами Ледовитого океана. Частицы пыли имели микроскопическую концентрацию, но и этого было достаточно, чтобы уменьшить растворяемость-смешиваемость вод. В итоге Гольфстрим был своего рода «бесплатной теплотрассой» от экватора до Баренцева моря.

в) Гидродинамики знают, что для изменения направления или ответвлений течения не обязательно городить плотины – достаточно выступа в 5–10 % от ширины русла. Таким образом, подводного оползня, небольшого вулканического поднятия достаточно, чтобы более соленый и плотный Гольфстрим поднялся на поверхность и стал обогревать не моллюсков на дне, а гиперборейцев на побережье.

Поэтому в те далекие времена «в Заполярье яблони цвели», и арии-гиперборейцы вполне комфортно себя чувствовали в новых местах на протяжении примерно 300 лет. Естественная изоляция весьма скудной субарктической тундрой от остального мира объясняет крайне скудные сведения об этой посттрипольской – гиперборейской цивилизации. Одиночество гиперборейцев иногда нарушали редкие охотники-кочевники (финно-угры), доносившие до более южных поселенцев сведения о стране изобилия – Гиперборее.

Такое расположение самого северного ареала расселения Ариев делает понятным сообщения древнеиндийских Вед о родине Ариев как об ослепительной стране (снег выпадал зимой на побережье), где солнце ходит по кругу, а год равен одному дню (суткам) – полярные день/ночь. Античные авторы описывали Гиперборею как страну на четырех островах, которые легко идентифицируются. Это Новая Земля (83 тыс. кв. км), Вайгач (3,4 тыс.), Колгуев (3,5 тыс.) и полуостров Канин (10,5 тыс. к. км)*.

3650 лет назад взорвался вулкан Санторин в Эгейском море (акватория Средиземного моря) около северо-восточного края Африканской литосферной плиты. На северо-западном крае эта плита соседствует с еще двумя и над этим стыком как раз находятся Азорские острова. Возле них у Гольфстрима происходит первая значительная потеря тепла в результате приподнятия нового подводного вулкана или подводного хребта, не обязательно до поверхности. Взаимовлияние этих мощных процессов вдоль границы плиты очевидно. Вероятно, что Африканская плита вызвала изменение подводного рельефа по линии раз-

* Канин еще 10 тыс. лет назад был островом, Гольфстрим проходил южнее его. Но постепенно песок, который несло течение, закрыл пролив, и остров превратился в полуостров. – *Прим. ред.*

лома Северо-Американской и Евразийских плит, а это породило левые ответвления от Гольфстрима, еще более ослабив его.

Указанные события имели катастрофическую скорость. Похолодание пришло в Гиперборею буквально за несколько лет, не оставив времени на раздумья. Наиболее логичный путь эвакуации вел строго на юг, вдоль Уральского хребта.

Почему же не найдено следов пребывания Гиперборейцев в приуральском заполярье? Ответ достаточно прост. Даже в весьма населенной и давно обжитой местности Южного Урала (в Челябинской области) Аркаим обнаружили только в 1987 г., да и то случайно. В Черкасской области, где одна из самых высоких плотностей населения в Восточной Европе, первый трипольский город найден тоже недавно – в 1966 году. В Заполярье снег сходит всего на несколько месяцев в году, к тому же наблюдается сильный эффект поглощения землей останков с поверхности. Это, в сочетании с малолюдностью и суровым климатом и объясняет то, что заполярную страну трипольцев-ариев-гиперборейцев пока еще не открыли.

Но в принципе, южнее «Страны городов» далее Арии по всему маршруту от Заполярья до Памира нигде надолго не останавливались. В предгорьях Памира они ассимилировали народы, у которых квартировали. Здесь они стали расселяться среди автохтонного посткроманьонского населения, результатом чего стало наличие гаплогруппы R1a (возрастом именно 3600 лет, а не автохтонной 17–15 тысячелетней давности). У жителей Памира – 82 % (горное убежище), у таджиков долин – 65 %, у киргизов – 64 %, у алтайцев – 50 %, среди узбеков – 32 % (1). Налицо так называемый гаплотипный перенос, когда некоторые азиатские народы оказываются более «славянскими», чем сами славяне. Но здесь нет ничего удивительного: более «продвинутые» в культурном и технологическом отношении арии-гиперборейцы выглядели в глазах местных женщин более успешными и желанными отцами детей, чем местные «граждане».

Также понятно, почему трипольцы, выйдя из Украины, больше нигде не строили крупных городов – не было таких условий, как в украинской лесостепи-саванне. Везде были лесистые местности, а в восточном направлении от Украины до Волги в условиях более континентального засушливого климата, Ямная культура представляла собой попытку трипольцев адаптироваться к изменениям. Им было не до строительства огромных селений, почвы там для земледелия менее пригодны, дичи много меньше, так как ландшафт степной, а рыбы нет совсем.

Затем еще через 20–30 лет какая-то часть ариев-гиперборейцев совершила последний переход в 1000 км, преодолела Памир и вошла в северо-западную часть Индии. Именно в этот момент выходцы из Триполья превратились в Ариев, какими их восприняли индусы, а с их подачи и весь остальной мир.

Сейчас в Индии прослеживаются два вида гаплотипов R1a (всего 6 %, зато от миллиарда, то есть 60 млн!). Один из них «автохтонный», носители его пришли с места первоначального отделения R1a от базовой R в Передней Азии 16–14 тыс. лет назад, от него остались ветви возрастом 8–7 тыс. лет. Другой гиперборейско-арийский, его носители прибыли в Северо-Западную Индию примерно 3600 лет назад (1).

Параллельно еще одна волна посттрипольцев отправилась из Средней Азии на юго-запад и попала в Восточный Иран (25 % R1a). Здесь они стали иранскими ариями, создали арийско-иранский эпос «Авеста», аналог индийских Вед.

Многие знают, что опошленный бесноватым фюрером Солярный (солнечный) знак (свастика) есть символ круга жизни – солнцеворота. Он почитался в Триполье, в Индии, у Этрусков еще 3 тыс. лет назад. Эти три человеческие популяции никак не могли быть связаны между собой напрямую. Наиболее логичным объяснением является связь посредством миграции трипольцев.

Отождествлять происхождение (родину) ариев-гиперборейцев с «русским севером», значит делать детскую логическую ошибку. Трипольцы, они же арии-гиперборейцы погостили в тех краях относительно небольшой отрезок времени – все равно что побывали на курорте. Ведь никому не приходит в голову идентифицировать отпускников, вернувшихся с юга, с турками или египтянами.

А по «русскому северу» в те времена и вплоть до начала 1-го тысячелетия (по некоторым свидетельствам и позже) бродили дикие угро-финские, мордовские и т. п. племена каннибалов (андрофагов). Они кочевали по Северным увалам в междуречье Верхней Волги и Камы.

Кстати, «Сейминско-турбинский феномен» (см. Интернет) разгадан – это было расселение-перемещение посттрипольцев. «Арктическая гипотеза» прихода Ариев в Индию тоже имеет место быть. Это был исход посттрипольцев из европейской части Арктики в Гиперборею после резкого уменьшения теплоемкости Гольфстрима.

На каком языке говорили трипольцы?

Понятно, что язык ариев-трипольцев – это санскрит, но, может быть, они придумали его на своей новой родине, в Гиперборее? Каким был язык трипольцев изначально, на территории современной Украины?

Как известно, по своему строению санскрит похож на латынь, но это вымерший язык. Единственным живым языком, более всего похожим на латынь, является литовский. Мало кто выводит литовский и санскрит из одного корня ввиду огромной географической отдаленности и отсутствия связей вплоть до новейшего времени. Но от Вильнюса до Рима по прямой линии тоже немало – примерно 1700 километров, а отношения Литвы с Европой начались только в Средние века. Латынь к тому времени давно перестала быть разговорным языком, она превратилась в итальянский язык.

Как сказано выше, территория современной Литвы с окрестностями представляла собой естественное убежище. Но не только для трипольцев и их потомков (носителей гаплогруппы R1a), а также для их языка! Таким образом, по нашему мнению, язык древних трипольцев (санскрит) во многом тождественен современному литовскому, переданному сюда ариями-трипольцами по пути на северо-восток и далее в Гиперборею, и сохраненному литовцами в почти первозданном виде в своеобразном природном убежище.

Санскрит, латынь и литовский (бывший жамойтский) языки это параллельные ветви одного протоязыка, разнесенные географически, но максимально близкие по строению. Единственным связующим звеном между ними могли быть

только арии-трипольцы 4,5–3,5 тыс. лет назад. Так белорусский язык развился из трипольского параллельно с другими славянскими языками вопреки тому, что некоторым очень хотелось сделать его «младшим братом». Приведем цитату из «Энциклопедического лексiкона» (Санктъ-Петербург, 1836. Том 7, с. 569):

> Настоящий белорусский языкъ есть весьма любопытный памятникъ, который наши ученые должны были бы тщательно изучать, потому что он многое объясняетъ в русскiхъ летописяхъ и в филологiи нашего языка. Его можно назвать отцемъ великороссiйскаго наречiя. Это, вероятно, тотъ самый языкъ, которымъ говорили во Пскове и Новгороде при варягахъ. Устраненный благовременно отъ влиянiя монголизма и доселе не испытавший влиянiя великороссiйскаго наречiя, он сохранилъ во многихъ отношенiяхъ свой старинный видъ и характеръ и менее претерпелъ отъ формъ польскаго языка, нежели думаютъ.

Итак, круг замкнулся. Все встало на свои места и пазл складывается, если поставить в центр Трипольскую (пра-Славянскую, Арийскую /она же Гиперборейская/ – Индоевропейскую – прото-Украинскую) Цивилизацию. Трипольцы не только были далекими предками современных украинцев, они намного увеличили ареал своего обитания, дав мощный толчок к развитию десяткам других народов.

Глава 4. Индоевропейцы

Прежде чем идти дальше, необходимо заключение к главам о трипольцах, прото-славянах, ариях.

Вот несколько дополнительных аргументов, подкрепляющих теорию расселения трипольцев в Центральной и Восточной Европе. Проанализируем примечательную работу российских генетиков из Лаборатории популяционной генетики РАМН – «Изучение генетического разнообразия украинцев и сходства с другими народами».

Судя по всему, это исследование было призвано подвести научную базу под политтехнологический тезис, принятый в Российской Федерации (далее РФ) еще в 2004 году о принципиальных различиях между западными и восточными украинцами. Забегая вперед, приведу вывод сотрудников Лаборатории:

> Указанные особенности определяют генетическую структуру украинского генофонда, взаимное генетическое сходство изученных украинских популяций.

Итак, российские ученые установили, что принципиальной разницы между жителями двух частей Украины нет! Вот их схема (рис. 4). В соответствии с ней все четыре, анализируемые российскими генетиками украинские популяции (включая кубанских казаков) входят в один кластер (тонкая линия). Расширенный кластер (пунктирная) включает Польшу (без Поморья, ибо там немцы и скандинавы долго хозяйничали), всю Беларусь и запад европейской России. Здесь явное лукавство – Литва и Латвия не включены в этот ареал, хотя имеют 40–35 % гаплогруппы R1a по Y-хромосоме (даже больше, чем северные русские). Еще более широкий ареал включает западные Балканы и что наиболее интересно – Скандинавию, ареал викингов.

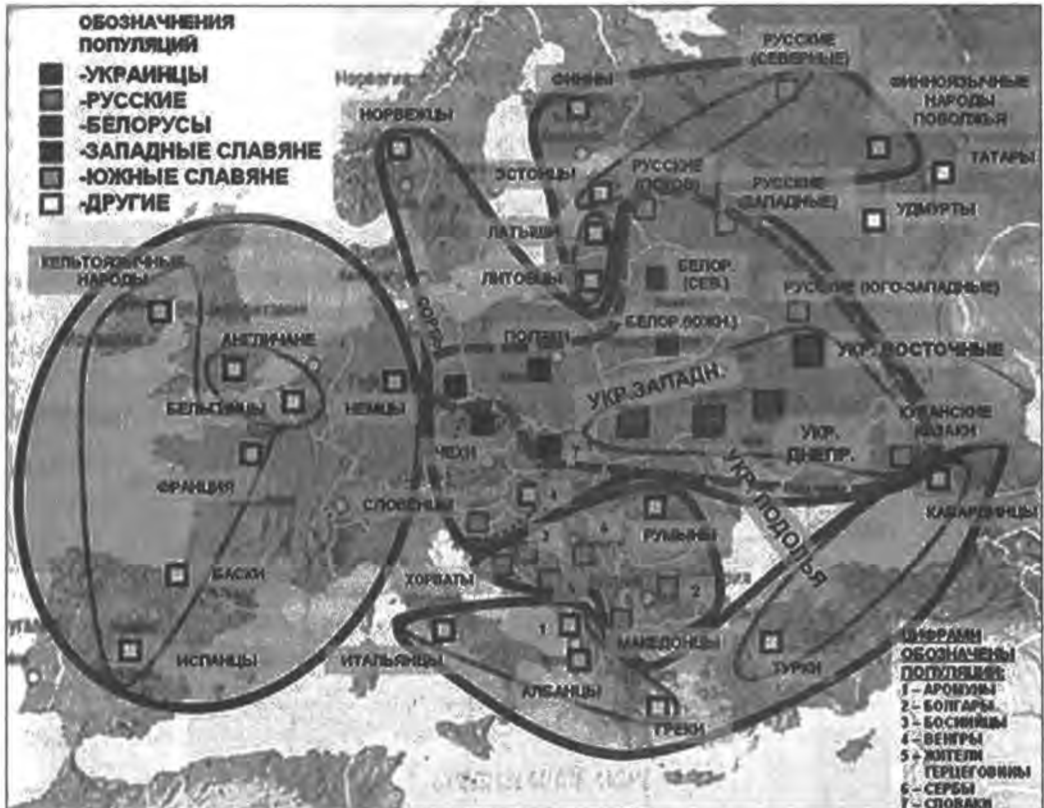

Рис. 4. Y-хромосома. Кластерная схема

Вот еще одна почти честная схема (рис. 5). Почти, потому что не показана Скандинавия, присутствующая на предыдущей схеме. Зато здесь очень четко выделены этнические границы Украины на востоке, с точностью до 10 % совпадающие с черноморским бассейном стока Дона, Воронежа и Хопра. Напомним, что традиционно границы стран и народов проходили по водоразделам и (или) по рекам. Седловина в центре вверху определяется «загогулиной» каспийского бассейна – истоками Угры, Волги, Оки – ареалом угро-финских племен (если поднять границу чуть выше точки – Брянска, совпадение будет 100 %).

Далее идет диаграмма (рис. 6), на которой вся Украина находится внутри украинского ареала мтДНК. Она вполне научная и соответствует действительности, как и вывод:

> В отличие от результатов по частотам гаплогрупп Y хромосомы, здесь выявляется обширнейшая область, население которой генетически сходно с украинцами (синие и голубые тона) и которая охватывает практически всю Европу. Проявляется сходство с широчайшим кругом славяно-, балто-, германоязычных народов Европы, в меньшей степени – с финно- и романоязычными народами.

Такая «обширнейшая область, население которой генетически сходно с украинцами» могла появиться только в одном случае – расселения с террито-

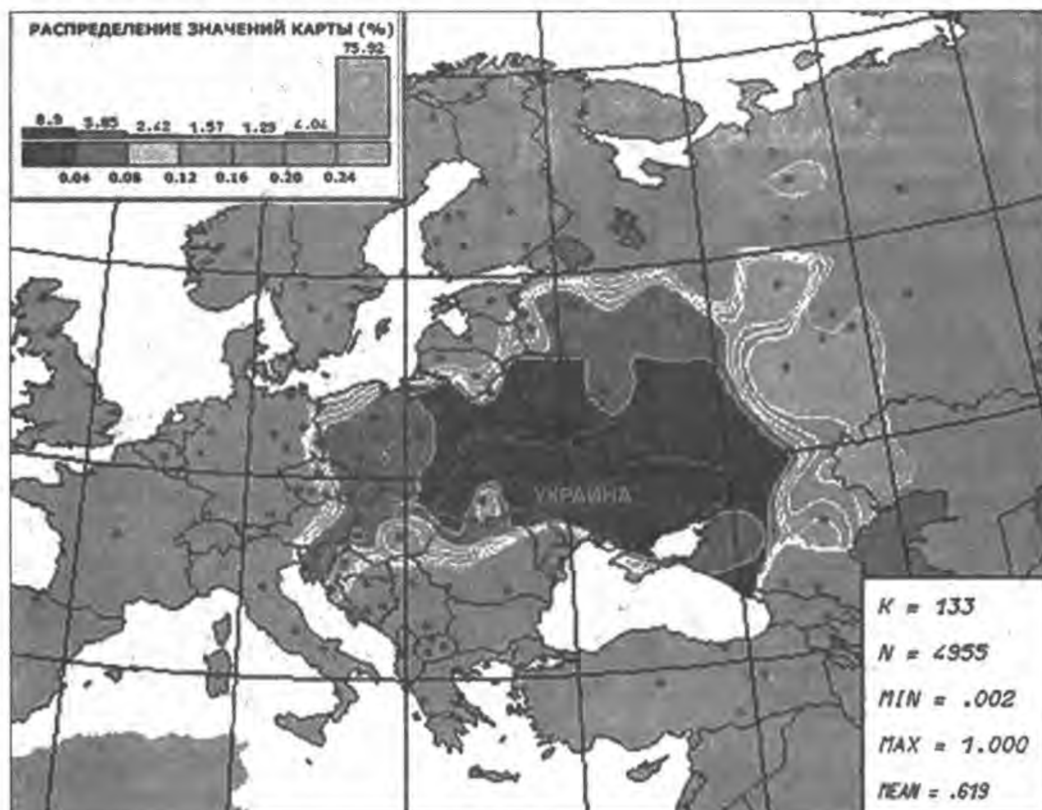

Рис. 5. Генетические расстояния от украинцев (y-хромосома)

рии Украины по окрестностям, что произошло около 5 тысяч лет назад, на исходе Цивилизации трипольцев. Поздне- и посттрипольские культуры точно накладываются на ареал украинской (она же трипольская) мтДНК и объясняют, например, днк-«украинизацию» Польши двумя волнами расселения носителей тех же генов – культуры шаровидных амфор и шнуровой керамики. То же самое мы видим с «украинизацией» западных Балкан – в месте перекрытия Баденской и еще двух посттрипольских культур. Также ярко выражено направление расселения на северо-восток до временной родины трипольцев – заполярной Гипербореи – по Среднерусской возвышенности, либо через Валдай и по Северным увалам.

Центрально-Азиатский, Памирский и Северо-Индийский след носителей R1a – ариев рассматривается в других работах, например Анатолия Клёсова (1). Однако в его работе арии, пришедшие в Индию 3600–3500 лет назад, не связываются с трипольцами и гиперборейцами.

С учетом того, что расселение шло с территории нынешней Украины веером во все стороны, с отдельными «языками» в Скандинавию и в Заполярье (в районе Баренцевого моря), мы делаем логический вывод о вторичности россиян относительно украинцев (то есть «русские гены» на самом деле – украинские гены).

Методы ДНК-анализа позволяют делать выводы о вторичности-первичности носителей сходных генов, что требует немного более углубленного анализа генома. Итак, «русские гены» оказались украинскими и впору менять известную присказку на «поскреби русского – найдешь украинца». Причем поговорка зеркально не тождественна, потому как «поскреби украинца – найдешь трипольца» со всеми синонимами-остановками – ария, славянина, гиперборейца, индоевропейца.

Понимаю, что восточные славяне стали формироваться в их нынешнем виде только спустя пару тысяч лет со времен посттрипольского расселения, ближе к началу нашей эры. Но если ареал посттрипольских культур (Ямной, Баденской, Шнуровой керамики, Шаровидных амфор) совпадает с ядром ареала украинских ДНК и с нынешними границами славянских стран (кроме Болгарии) с точностью до 10 %, мы обязаны вывести логическое умозаключение о тождественности трипольцев – протославянам, украинцам, и т. д., вплоть до северо-индийских ариев.

Таким образом, в контексте Центрально-Восточной Европы, центральной Азии и Северной Индии вполне научно можно говорить о «расселении, перемещении, приходе» не абстрактных индоевропейцев, а конкретных трипольцев, причем в основном из украинской части ареала этой Цивилизации, как носителей гаплогруппы ариев-индоевропейцев – R1a.

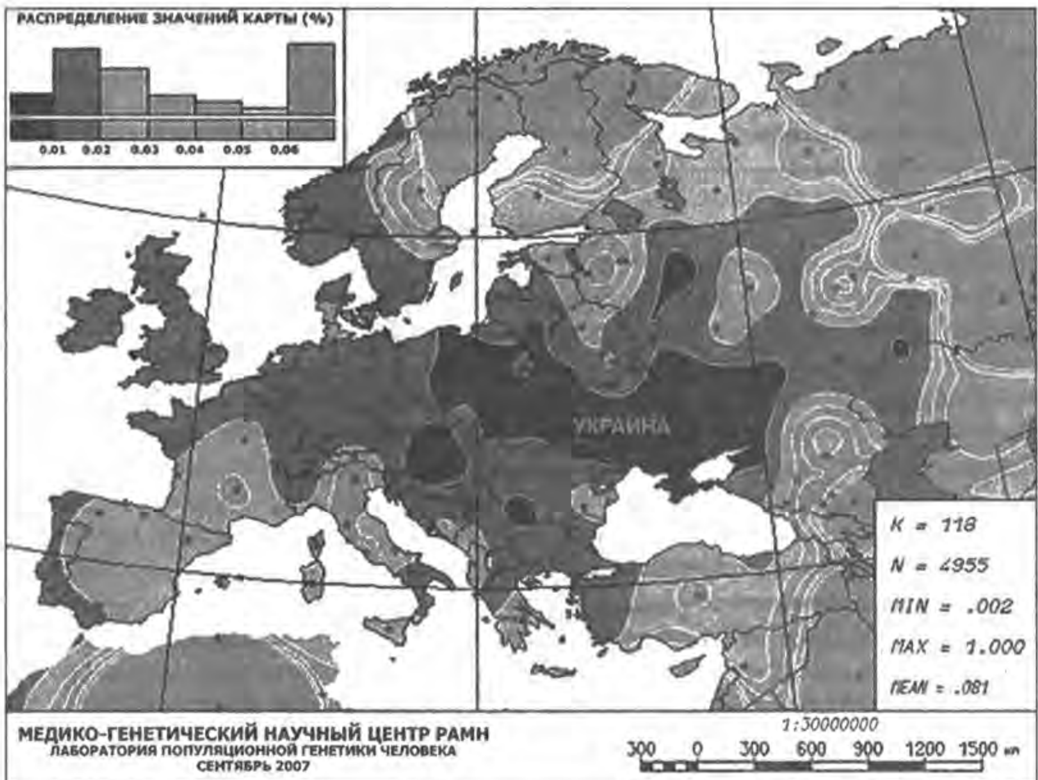

Рис. 6. Генетические расстояния от украинцев (мтДНК)

ЧАСТЬ II. УКРАИНА

Глава 1. Скифы

Основной первоисточник о скифах – «История» Геродота, глава четвертая – «Мельпомена». Периодически возникали дискуссии относительно степени адекватности Геродотового описания ситуации в северном Причерноморье и вообще в этой части мира. Однако в конце XIX века после расшифровки персидских источников того же времени ученые сошлись во мнении, что «отец истории» отражал ситуацию верно. Правда, необходима определенная корректировка (с учетом контекста и на основе здравого смысла) чтобы отсекать художественный вымысел, присутствующий в его труде.

Дадим схему размещения скифских племен, основываясь на описании Геродота. Историк побывал в тех краях, например в греческой колонии Ольвия, имел возможность обстоятельно расспросить греческих поселенцев об их соседях скифах. Поэтому статистическая информация о нравах и географии вполне адекватна, а вот авторские, как сейчас бы сказали рефлексии, могут сбивать с толку. Во избежание подобного, все свои комментарии внутри цитат я даю в скобках после знака #.

Несколько моментов, нуждающихся в корректировке, связаны с географией:

а) общее представление о мире как о круглой плоскости (см. «Орбис геродоти»);
б) из-за большой удаленности ряда земель при описании верховий рек характерны домыслы;
в) надо учитывать «точку зрения – место сидения». Например, для персидского информанта Геродота обитатели закаспийских степей иссе-

Рис. 7. Карта мира по Геродоту

доны и массагеты находятся на севере (вверху), для ольвиополитов – на востоке, а для пришельца из тех мест все эти народы могли быть соседями.

И еще один момент, вносящий сумятицу в непосвященные умы: тройственность понятий скифы и Скифия:

а) Это военно-политический субъект в северном Причерноморье, ведущий войну с Персией.

б) Это союз племен на территории современной Украины с окрестностями.

в) Это географическое понятие: (1) в узком смысле – территория северного Причерноморья; (2) в широком смысле, как часть древнего мира, это пространство между Европой и Азией, этакая Скифо-Евразия.

Попытаемся локализовать упоминаемые Геродотом племена-народы на карте, руководствуясь его прямой речью, но с учетом названных поправок.

ЦАРСКИЕ СКИФЫ

20. За рекой Герром идут так называемые царские владения. Живет там самое доблестное и наиболее многочисленное скифское племя (# вероятно, из-за способности кочевников сосредотачиваться в одном месте они казались оседлым соседям многочисленными). Эти скифы считают прочих скифов себе подвластными. Другие же части их владений граничат даже с Танаисом (Доном). Севернее этих царских скифов живут меланхлены – другое, не скифское племя (# севернее Северского Донца, примерно от верховий Дона у Воронежа). Севернее меланхленов, насколько мне известно, простирается болотистая и безлюдная страна (# от Оки в районе Рязани до Москвы и верхней Волги были сплошные болота).

Как видим, царские скифы локализованы в Крыму и в северном Приазовье вплоть до Дона.

СКИФЫ-ПАХАРИ, СКИФЫ-ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЫ

17. Ближе всего от торговой гавани борисфенитов (а она лежит приблизительно в середине всей припонтийской земли скифов) обитают каллипиды – эллинские скифы; за ними идет другое племя под названием ализоны. Они наряду с каллипидами ведут одинаковый образ жизни с остальными скифами (# то есть с царскими скифами и скифами-кочевниками). Севернее ализонов живут скифы земледельцы (# они же скифы-пахари на днепровском правобережье). Они сеют зерно не для собственного пропитания, а на продажу. Наконец, еще выше их живут невры, а севернее невров, насколько я знаю, идет уже безлюдная пустыня (# Валдайская возвышенность мало населена и сейчас).

18. За Борисфеном же со стороны моря сначала простирается Гилея, а на север от нее живут скифы земледельцы. Эти земледельцы скифы занимают область на три дня пути к востоку до реки Пантикапа (# Ингулец), а к северу – на одиннадцать дней плавания вверх по Борисфену. Выше их далеко тянется пустыня (# Среднерусская возвышенность). За пустыней живут АНДРОФАГИ – особое, но отнюдь не скифское племя. А к северу простирается настоящая пустыня (# приполярье европейской части России), никаких людей там, насколько мне известно, больше нет.

Скифы-земледельцы локализованы по обоим берегам Днепра (Борисфена). Возможно также, что слова «за Борисфеном» означают «вдоль», так как по Днепру историк не плавал. При описании ближайших к ольвиополитам скифских племен Геродот излишне дробит сходные между собой скифские племена.

СКИФЫ-КОЧЕВНИКИ

19. Восточнее этих скифов-земледельцев, на другой стороне реки Пантикапа (# Ингульца, читай Днепра), обитают скифы кочевники; они вовсе ничего не сеют и не пашут и занимают область к востоку на десять дней пути до реки Герра (# не локализована).

НЕВРЫ

105. У невров обычаи скифские. За одно поколение до похода Дария (# середина VI века до н. э.) им пришлось покинуть всю свою страну из-за змей. Ибо не только их собственная земля произвела множество змей (# имеются в виду враги: фракийцы-фригийцы, чей символ змееподобная рука), но еще больше напало их из пустыни внутри страны. Поэтому-то невры были вынуждены покинуть свою землю и поселиться среди будинов.

САРМАТЫ и прочие племена вне украинской Скифии

21. За рекой Танаисом – уже не скифские края, но первые земельные владения там принадлежат савроматам.

51. Итак, Истр (Дунай) – первая река Скифии, за ней идет Тирас (Днестр). Последний начинается на севере и вытекает из большого озера на границе Скифии и земли невров (# ошибочно локализуемый исток Днестра в Припятской низменности).

52. Третья река – Гипанис (Южный Буг) – берет начало в Скифии. Вытекает она также из большого озера, у которого пасутся дикие белые кони (# это одно из важных указаний, запомним его). Озеро это справедливо зовется «матерью Гипаниса» (# Припятское озеро-море).

100. Северные части Скифии, простирающиеся внутрь материка, вверх по Истру, граничат сначала с агафирсами, затем с неврами, потом с андрофагами и, наконец, с меланхленами.

(# Вполне адекватное описание, если предположить, что информант Геродота перепутал Прут, текущий с севера и впадающий в нижний Дунай, с самим Дунаем. Здесь Геродот (или его собеседник) не утруждает себя ориентацией по сторонам света, а просто перечисляет названия племен-народов по границам Скифии (не в ее составе!), размещая их вокруг Скифии по кругу. Тем более, что на северо-запад от Скифии, в центральной Европе, древние греки не различали племен-народов, все кто там обитал, были для них варварами. На север от невров и андрофагов тоже никого не было, как и выше (то есть на северо-восток) от меланхленов, поэтому простое перечисление их по порядку, в представлении Геродота коротко, практично и однозначно).

101. Если принять Скифию за четырехугольник, две стороны которого вытянуты к морю, то линия, идущая внутрь страны, по длине и ширине будет совершен-

но одинакова с приморской линией. Таким образом, поперечные стороны [четырехугольника] Скифии составляют 40 000 стадий, а продольные, идущие внутрь материка, — еще столько же. Такова величина этой области.

(# Один стадий = 185,136 м. 40 тысяч стадий это 740,5 км, что в основном соответствует территории современной Украины, только на северо-востоке андрофаги «выгрызли» кусок).

106. Среди всех племен самые дикие нравы у андрофагов. Они не знают ни судов, ни законов и являются кочевниками. Одежду носят подобную скифской, но язык у них особый (# финно-угорский). Это единственное племя людоедов в той стране (# точнее, в той стороне, так как несколькими абзацами выше Геродот вынес их за пределы Скифии).

БУДИНЫ и ГЕЛОНЫ

108. Будины — большое и многочисленное племя (# вероятно, пропорционально размерам Земли будинов, сопоставимой со всей Скифией); у всех их светло-голубые глаза и рыжие волосы. В их земле находится деревянный город под названием Гелон. Каждая сторона городской стены длиной в 30 стадий (# 5,55 км). Городская стена высокая и вся деревянная... Жители Гелона издревле были эллинами. После изгнания из торговых поселений они осели среди будинов. Говорят они частью на скифском языке, а частично на эллинском. Однако у будинов другой язык, чем у гелонов, образ жизни их также иной.

(# Гелоны — эллины и будины — это посттрипольцы, носители индоевропейского трипольского языка, ныне называемого балтским, который литовцы сохранили в своем лесном убежище. Но будины и эллины оказались разнесенными в разные стороны расселением из разных частей ареала Трипольской Цивилизации и оказались в совершенно различных ландшафтно-климатических условиях. Поэтому у каждого народа изначальный посттрипольский язык за 2,5–2 тыс. лет с момента расселения изменился до взаимного непонимания).

109. Будины — коренные жители страны — кочевники (# в стране будинов за границей Скифии). (# Будины названы кочевниками потому, что Геродот и ольвиополиты не знали в той стороне ни городов, ни селений, а все, кто не имеет городов — кочевники, кто же еще по их понятиям). Это — единственная народность в этой стране, которая питается сосновыми шишками (# вероятно, фигура речи, в том смысле, что они не степняки-животноводы и не скифы-земледельцы, значит, питаются «шишками»). Гелоны же, напротив, занимаются земледелием, садоводством и едят хлеб. По внешнему виду и цвету кожи они вовсе не похожи на будинов (# были они смуглыми и черноволосыми эллинами-южанами, в отличие от северян-будинов). Впрочем, эллины и будинов зовут гелонами, хотя и неправильно (# так как принципиальных различий в образе жизни и в антропологии нет, все они европеоиды, жили земледелием и скотоводством). Вся земля их покрыта густыми лесами разной породы. Среди лесной чащи находится огромное озеро, окруженное болотами и зарослями тростника (# Припятское озеро). В этом озере ловят выдру, бобров и других зверей с четырехугольной мордой (# вероятно, сомы: рыбы, но без чешуи, а голова вполне четырехугольная).

Рис. 8. Народы украинской Скифии и окрестностей по Геродоту в V в. до н. э.

Локализация народов Скифии по Геродоту, на основании логического анализа его свидетельств, показана на карте.

Примечания к карте:

1. Невры отмечены трижды: исходные, «промежуточные» в Дулибии, собственно невры, оставившие топонимы и гидронимы. Геродот имеет в виду промежуточных невров на севере нынешней Украины.
2. Некоторые народы на просторах Скифии как части света (между Европой и Азией) локализуются далеко за Уралом.
3. Земля Будинов по Геродоту очерчена светло-серым пунктиром.

Глава 2. Будины

Составляя схему, я едва не упустил из вида такие важные исторические свидетельства как топонимы и гидронимы. Уточним карту.

Любой порядочный в профессиональном отношении лингвист подтвердит, что за 2,5 тыс. лет в Восточной Европе греческий этноним Андрофаг(и)-Андрофагово(-ка) превратился в Андроново – не славянское, но уже и не греческое слово. Итак, в России 29 деревень Андроново (27 на –о, 2 на –ки) плюс две речушки Андроновки. В Беларуси всего одно поселение Андроново, в Украине – две Андронівки. Не путать с Андреевками-Андрійовками, которых много от Западного Буга до Черного и Белого морей. В Смоленской и большинстве других областей РФ топонимы даже на такой крупномасштабной схеме локализованы с учетом расположения в пределах области – например, Андроново в восточных районах Смоленщины – Гагаринском, Угрянском, Вяземском.

Топонимы Меланхленов превратились в Меле(и)хово (-ская), которых в России 30, плюс одна речка при одном топониме в Беларуси и двух в Украине.

Топонимы Будинов – Буды (в вариациях – Будищи, Будки, Буда, а также с двойными названиями вроде Буда-Кошелево, естественно, с адаптацией к грамматике соответствующих языков) дошли до нас без особых искажений по той причине, что это изначальное древнеславянское слово.

В Беларуси 30 одинарных (изначальных) + 20–25 двойных = 55 населенных пунктов (# на 9 млн. населения в шести областях). В основном, они сосредоточены в центральных и восточных областях, по 10–13 в каждой. В западных – Брестской и Гродненской – всего по 2–3 таких топонима.

Украина – 45 одинарных + 15 двойных = 60 (# на 40 млн. населения в 22 областях). Расположены сравнительно равномерно в северной части страны, начиная от реки Рось. Преобладание наблюдается в Черниговской области.

Россия – всего 25 (# на 100 млн. населения европейской части страны и на 40 областей), 20 из которых лежат в трех областях в ареале геродотовой Страны Будинов. По одному топониму видим еще в 5 областях.

Польша – 27 одинарных + 60 двойных = 87 (# на 40 млн населения в 16 воеводствах). Из них 22 одинарных (изначальных) расположены в 5 центрально-восточных воеводствах, составляющих единый массив. В остальных 11 приграничных юго-западных воеводствах всего пять деревень Budy. С учетом комбинаций названия (Budki и т. п.), возможно общее количество достигает 100–120. Ареал изначальных одинарных польских топонимов очерчен белыми точками. Отмечать точками топонимы будинов в Польше, северной половине Украине и в Беларуси не имеет смысла, так как вся территория будет испещрена точками.

Во всех остальных славянских (и не только) странах, расположенных на юго-запад от отмеченного ареала тоже присутствуют топонимы будинов, занесенные туда в период славянского расселения в V–VIII вв. из исходного ареала.

В Литве около 15 Budai, сосредоточенных, в основном, в приграничном с Беларусью районе. Есть такие топонимы в «неславянских» Молдове, Румынии и Венгрии. Часть венгерской столицы Будапешт основали именно переселенцы из геродотовой Земли Будинов, и она была «покрыта холмами и лесами», в отличие от степного Пешта. Например, чешское Ческе-Будейовице именно вторичный двойной топоним будинов, адаптированный к языку. Наверняка, подобные адаптированные топонимы можно обнаружить в странах бывшей Югославии.

Одно из названий скифов-земледелов – гелоны, тоже имеет топонимический след: Гелон-Желон-Желань-Желяны-Жуляны, местность на юго-запад от Киева. Это северо-западный край ареала гелонов, тогда как юго-восточный однозначно локализован историками в районе реки Ворскла на полтавско-сумском пограничье в виде легендарного геродотового города Гелон.

Вернемся к схеме. Как видим, имеет место совпадение ареалов по Геродоту с современной топонимикой. На фотоснимке со спутника хорошо видно, что Земля Будинов – это лесистая Беларусь плюс приграничная восточная часть лесостепной Польши и северная лесостепная часть Украины.

Топонимы меланхленов в южной лесостепной и степной части России были «перебиты» при славянском расселении в V–VIII вв. из юго-восточной части ядра славянского ареала. Но, вероятнее всего, Меланхлены 2,5 тыс. лет назад представляли собой микс скифов-земледельцев и будинов, автохтонных (на глубину до 5–4,5 тыс. лет) посттрипольских поселенцев (ареал Ямной культуры), автохтонных постледниковых условных «удмуртов» и «мордвы». А также пришельцев кочевников с восточных берегов средней и нижней Волги. Наличие подобных топонимов в Псковско-Новгородском регионе объясняется именно смешением народов с участием не только южных лесостепных земледельцев и скотоводов, но и обитателей лесов.

В древности племена и народы различали друг друга в зависимости от особенностей методов удовлетворения базовых жизненных потребностей.

Меланхлены: носили черные плащи из кожи одомашненного крупного рогатого скота (это животноводы).

Андрофаги (дословно «пожиратели мужчин»). По мнению Геродота, широко практиковали людоедство. Вероятно, термин употреблен как в прямом смысле (в те времена в субарктическом климате Северных увалов люди жили в первую очередь охотой, в том числе на людей из соседних родов-кланов), так и в переносном смысле (совершали набеги на соседей будинов, меланхленов, позже невров, отличаясь при этом бессмысленной жестокостью).

Будины – приходя в земли скифов, они удивлялись юртам-шатрам кочевников (в степной зоне Причерноморья) и глинобитным мазанкам земледельцев с каркасом из жердей (в степной зоне). Сами же они «будавали будынки» из бревен, коих в лесной зоне изобилие. Будины – люди, которые «будуют буды».

Скифы – практически не оставили после себя топонимов, так как местных жителей называли скифами только греческие поселенцы и Геродот.

На основании всего изложенного можно сделать вывод о том, что уже 2,5 тыс. лет назад сложился исходный ареал славян в виде предков трех родственных народов – белорусов, поляков, украинцев. Их этногенез начался 4,5 тыс. лет назад в процессе расселения трипольцев из ареала Трипольской цивилизации. Уже 2,5 тыс. лет назад греки хорошо отличали Землю Будинов (будущую Беларусь) и Скифию (будущую Украину) от конгломерата племен на территории нынешней России. О том же свидетельствуют топонимы, хаотично там перемешанные.

Восточная граница между Землей Будинов и племенами андрофагов-меланхленов четко очерчена топонимами. Судя по большому абсолютному количеству топонимов, Польша тоже представляла собой единый массив племен – народ. При этом белорусская и польская Будинии сформировались параллельно и без особого взаимовлияния друг на друга, о чем свидетельствует малое количество топонимов в пограничных Брестской и Гродненской областях. Отсутствие взаимных миграций доказано и ДНК-генетикой (см. выше). Сейчас границы между Украиной, Беларусью и Польшей довольно точно отражают ситуацию этногенеза народов.

Четко видно и то, что пресловутые «великороссы» не имеют никакого отношения к белорусам и украинцам. Они отдельный народ, получившийся в ре-

зультате смешения андрофагов, меланхленов и многих других угро-финских племен европейской части России. Они пребывали вне славянской истории и этногенеза.

Родину сложившегося ядра предков изначальных славян (украинцев, поляков, белорусов) в середине железного века можно представить эллипсом, вытянутым с северо-запада на юго-восток по ориентирам Варшава – Минск – Киев – Львов.

Если предки белорусов 2,5 тыс. лет назад уже представляли собой народ будинов, то история великороссов еще не начиналась. Об этом свидетельствует вторичное (после трипольского 4,5 тыс. лет назад через белорусский водораздел) расселение уже собственно белорусов в IV–VIII вв. н. э. в Псковско-Новгородский регион и в междуречье Оки и Москва-реки, с занесением туда чисто белорусских топонимов (так называемых балтских). Значительно позже великороссам удалось захватить исконные (автохтонные) земли будинов-белорусов: полностью Брянскую, частично Псковскую, Калужскую, Смоленскую области. А автохтонными скифо-украинскими являются области Курская, Воронежская и Белгородская (полностью), Липецкая и Ростовская (частично). Это земли, которые находились внутри границ геродотовой причерноморской Скифии.

Рис. 9. Схема размещения Геродотовых народов Скифии и ближайших окрестностей с учетом топонимов

Примечание: Точками очерчен ареал Будинов, пунктир – границы Скифии, не совпадающие с современными границами Украины. Агафирсы локализованы в двух равно возможных вариантах – на Венгерской равнине, или на востоке Румынии и в Молдове.

Глава 3. Киммерийцы

Итак, по свидетельству Геродота греческие колонисты в Причерноморье (ольвиополиты) четко различали скифов-земледельцев (пахарей) – автохтонное население, и царских скифов-кочевников – пришельцев. Откуда пришли и кем в этническом смысле были эти пришельцы? Есть несколько версий.

Для начала уточним ситуацию на территории Украины 2,7 тыс. лет назад. Большинство историков придерживается гипотезы о заселении южной и центральной Украины некими ираноязычными и даже собственно иранскими племенами-народами. Второй тезис явно несостоятелен, а вот ираноязычность имела место, но ровно в той степени, в какой древнеперсидский (иранский) язык являлся индоевропейским, то есть языком трипольских расселенцев.

Выясним теперь происхождение царских скифов. Ответ лежит недалеко от поверхности, если знать, что искать: Массагеты. Надо сказать, что историки путают два вида массагетов – причерноморских (истинных, начальных) и центральноазиатских, производных. Это похоже на множественность понятия Скифы.

Как мы знаем, древняя Литва с окрестностями была лингвистическим убежищем для трипольского-индоевропейского языка. Точную хронологию изменения трипольского языка оставим лингвистам, но с точностью +/-500 лет можно констатировать, что ятвяжский язык в наибольшей мере созвучен тому, на котором говорили 2,5 тыс. лет назад на территории нынешней Украины и ее окрестностей*.

От Геродота известно, что примерно в одно и то же время, в VI веке до н. э., в северном Причерноморье произошли три важных события:

а) Фракийские племена вытеснили невров из центральной части нынешней Украины на север – в страну будинов (современную Беларусь).
б) Скифы вытеснили киммерийцев из северного Причерноморья в юго-западное Причерноморье.
в) Массагеты вытеснили Скифов, которые в свою очередь вытеснили киммерийцев и заняли их место в Киммерии.

Все становится на свои места, если предположить, что Скифы (здесь и далее – причерноморские царские) и Массагеты (истинные) – одно и то же. При этом название Массагеты расшифровывается как смесь (масса, много) гетов: на ятвяжском смесь – maisīt, maisot (рус., укр. – много, масса; англ. Mass). Такое понимание термина оправдывается хотя бы тем, что историки часто рассматривают два фракийских племени как единый союз гето-даков.

Далее события подробно описаны Геродотом в первой части его «Истории»:

202. По рассказам некоторых, Аракс больше Истра; другие же, напротив, считают эту реку меньше. На Араксе, как передают, много островов величиной с Лесбос. На этих-то островах живут люди, летом питающиеся разными кореньями, выкапываемыми из земли... Аракс извивается, [образуя] 40 рукавов, из которых все, кроме одного, теряются в болотах и топях.

* Интернет-сайт о ятвягах является ключевым для двух открытий, сделанных автором этих страниц: о происхождении этнонимов Скифы и Русы. Сайт создал знающий человек – Йозеф Пашка (Joseph Pashka), профессионально изучавший санскрит в университете штата Аризона.

(# Здесь Аракс – Волга, в дельте имеющая десяток рукавов, а с учетом параллельной Ахтубы, и множество островов. Геродот путает этот «Аракс» с Волгой и с кавказским Араксом. На его карте (Orbis Herodoti) Волги вообще нет, так что путаница логична, если можно так выразиться.)

205. Царицей массагетов была супруга покойного царя. Звали ее Томирис...

211. А Кир между тем проник с войском за Аракс за один дневной переход и затем поступил по совету Креза. Оставив на месте только слабосильных воинов, сам царь с лучшей частью войска снова отступил к Араксу.... В числе пленников был и сын царицы Томирис, предводитель массагетов, по имени Спаргапис.

214. Томирис же, узнав, что Кир не внял ее совету, со всем своим войском напала на персов. Эта битва, как я считаю, была самой жестокой из всех битв между варварами. Долго бились противники, и никто не желал отступать. Наконец массагеты одолели. Почти все персидское войско пало на поле битвы, погиб и сам Кир.

215. Массагеты носят одежду, подобную скифской, и ведут похожий образ жизни. Сражаются они на конях и в пешем строю (и так и этак). Есть у них обычно также луки, копья и боевые секиры (боевая скифская триада). (# Полностью соответствует описанию скифов в 4-й книге о походе Дария в Причерноморье).

216. Хлеба массагеты не сеют, но живут скотоводством и рыбной ловлей, в реке Аракс (# в Волге) чрезвычайное обилие рыбы, а также пьют молоко (# скотоводы-кочевники пьют молоко – описание скифов).

В начале четвертой части своей «Истории» Геродот говорит:

12. Известно также, что скифы в погоне за киммерийцами (# персами Кира) сбились с пути и вторглись в Мидийскую землю. Ведь киммерийцы постоянно двигались вдоль побережья Понта (# Черного моря), скифы же во время преследования держались слева от Кавказа, пока не вторглись в землю мидян. Так вот, они повернули в глубь страны (в Мидию). (# Именно где-то в западном Прикаспии произошла битва массагетов с персами).

Речь идет об одном и том же времени, хронология точна до года. Не было двух разных битв персов – против массагетов и против скифов. Скифы и Массагеты в контексте войны с персами – один и тот же народ. После подобного вывода все становится на свои места. По мнению одних исследователей, имена царицы Томирис и её сына Спаргаписа имеют персидское происхождение, по мнению других имя сына царицы Томирис напоминает имя скифского царя Спаргаписа*.

Готский историк Иордан (VI век н. э.) сообщал, что Кир, царь персов, во времена царицы гетов Томирис пошел на неё войной. Несколько позже царица Томирис, усилившись благодаря победе и огромной добыче, построила город Томы (совр. Констанца в Румынии), назвав его по своему имени.

* Это один и тот же человек. Спаргапис – Спартакис – Спартак, от ятвяжско-прусского (позднетрипольского) SPARTS – сильный; SPARTAI – очень. Хорошо подходит для имени царя. Гладиатор Спартак был либо из румынской Фракии, либо кельтом из Закарпатья, имя ему дано по заслугам.

Часть посттрипольцев под именем Невры ушла на север в землю будинов (Беларусь), а оставшаяся часть превратилась в геродотовых скифов-пахарей. А племена бондарихинской культуры – это известные нам по Геродоту меланхлены в верховьях бассейна Дона.

С одной частью скифов-массагетов – фракийцами гето-даками разобрались, теперь о кельтах. Памятники фракийцев в украинском Закарпатье и на северо-востоке Румынии показывают, куда дошла восточная ветвь экспансии кельтов, начавшейся 3,5–3 тыс. лет назад.

По Геродоту, вот какие кельтские традиции прослеживаются в скифских (массагетских) традициях.

- Сходность обряда гадания: на ивовых ветках у скифов, на омеле (тоже ветки) у кельтских друидов. Этимология друид (druidae, druí): а) от ятвяжско-прусского druvingas – верный, заслуживающий доверия; druvīt – верю; б) От drunīt – оглашать (выносить вердикт), прославлять.
- Сходность обрядов жертвоприношения (и наказания) путем сжигания животных и людей.
- Сходство воинских ритуалов.

Женщины у кельтов имели равные с мужчинами правами. Элементы матриархата археологи находят у трипольцев, а также у причерноморских скифов. Отсюда цепочка: трипольцы – кельты – скифы. Здешнее гендерное равенство отразилось в легенде об амазонках, женщинах-воительницах. Страна амазонок локализуется на нижней Волге, именно там, где на островах между рукавами реки обитали массагеты Томирис времен первой скифо-персидской войны.

Глава 4. Невры

С этническим составом царских скифов-массагетов мы разобрались, но некоторые обстоятельства указывают на то, что скифы-кочевники имели происхождение, отличное и от скифов-пахарей, и от массагетов.

Скифы-кочевники

Вопрос проясняет татарский лингвист, доктор наук Мирфатых Закиев:

> Анализируя археологические и современные материалы, труды других ученых, И. М. Мизиев конкретно раскрывает 15 скифо-тюркских археолого-этнологических параллелей... весь комплекс скифского погребального обряда (курганная насыпь, погребальная колода-саркофаг, захоронения лошадей, погребальные срубы) и бытовой культуры (доение кобылиц, употребление в пищу конины, кумыса и пр.) неразрывно сохраняется вплоть до наших дней в традиционной культуре тюрко-монгольских народов (9).

Логический вывод – скифы-кочевники в украинском Причерноморье были пришельцами из-за Волги, из числа предков нынешних тюркоязычных народов.

Небольшое отступление относительно андрофагов, которые не есть (угро)-финны. Вот что пишет создатель ДНК-генеалогии А. А. Клёсов:

...Носители гаплогруппы Nlcl как у литовцев, так и у белорусов представлены исключительно южно-балтийской ветвью (L550+), в то время как у русских, в состав которых входят потомки ассимилированных финно-угорских народов, эта ветвь составляет не более 40–50 % от всех носителей Nlcl (# остальное андрофагское с Северных увалов, а за Уралом сибирско-монгольское). Эти данные также позволяют предположить, что вклад финно-угорских народов Русской равнины в этногенез белорусов был минимальным, если не отсутствовал вообще. (1)

Как видим, современных жителей России следует идентифицировать как угро-уральцев.

Общий ход событий в VIII—VI вв. до н. э. в рассматриваемой части Евразии был таков:

1. Массагеты, в составе микса племен, с VIII–VII веков до н. э. проникают в северное Причерноморье в качестве колонистов и доходят до нижней Волги, где организуют своего рода «перевалочную базу» на перекрестке путей на верхнюю Волгу, в Причерноморье, на Кавказ и далее. Это и было Царство амазонок.
2. При этом они вытесняют на север (в Землю будинов) племя невров — один из кланов скифов-земледельцев. Представленная ниже схема (по данным проекта www.eupedia.com), хотя и отражает две разные гаплогруппы — I1 викингов и I2 славян-трипольцев, хороша тем, что на ней

Рис. 10. Распространение гаплогруппы I

обозначены отдельные субклады — ветви гаплогрупп. Невры были в основном носителями южно-трипольской I2-M423, причем более позднего субклада, образовавшегося 2,6—2,5 тыс. лет назад в результате «популяционного сдвига» при переселении. А носителями базового субклада I2-M423 5—4,5 тыс. лет были трипольские переселенцы в Скандинавию и на Британские острова.

Сегодня в Молдове, Румынии и Болгарии практически поровну носителей этого субклада возрастом образования 4,5 тыс. лет и возрастом 2,6 тыс. лет — последние являются следствием славянского расселения в VI—VIII вв. из центрального славянского ядра на белорусско-польско-украинском пограничье. То есть через тысячу лет после переселения невров на север, часть их потомков вернулась назад на юг, на Балканы.

Носителями этого же субклада 2,6 тыс. лет назад были фракийцы (тоже посттрипольцы), которые разогнали в разные стороны две части одного народа — невров и киммерийцев.

3. В составе массагетов были кельты — базовые носители западноевропейской R1b. По распределению носителей этой гаплогруппы можно по карте проследить блуждания кельтов (массагетов) в Азии (схема из проекта www.eupedia.com).

Итак, пока фракийские гето-даки осваивались в Причерноморье — от Дуная до Волги, кельты отправились в закаспийские степи искать союзников, которых и нашли в виде исседонов (башкир) и тюркских племен со средней Волги.

4. После того, как кельты организовали союз тюркоязычных кочевых племен под своим началом (кельто-фракийцев) они были готовы померяться силами с персами, что завершилось победой Томирис и завоеванием Малой Азии на 28 лет.
5. Затем Томирис вернулась на родину в западное Причерноморье, а киммерийцы обживались на новом месте. Именно такой ход событий объясняет мотив царя Дария пойти в северное Причерноморье по большому кругу, преодолевая две крупнейшие водные преграды — Босфор и Дунай, вместо того, чтобы сократить путь втрое через Кавказ. Его мотивом была банальная месть Томирис.
6. Когда через пару десятков лет наследники Томирис опять пришли в северное Причерноморье, они застали там пришельцев из-за Волги — тюркоязычные племена, которых привели кельто-массагеты. Возникла проблема, но ее решили мирно и все стали сосуществовать в Скифии.

Именно с момента встречи фракийцев и тюрков-кочевников в северном Причерноморье в середине VI века до н. э. и начинаются Скифы, известные нам по 4-й главе геродотовой «Истории».

Очень быстро, в течение нескольких десятков лет эта новая скифская общность потеряла связи с Фракией, что привело к постоянным взаимным набегам. Генетические доказательства описанных событий можно видеть в следах фракийских (северо-балканских) гаплогрупп E1b и J2b на средней Волге.

ЧАСТЬ III. БЕЛАРУСЬ

Глава 1. Венеты

Мы остановились на переселении невров в земли нынешней Беларуси в VI–V вв. до н. э. Посмотрим, как развивались события далее. Для начала составим карту топонимов народов, известных после Геродота в этой части Европы.

Лингвистические пояснения

Невры

От ятвяжского **narus** – deep («Narew») – глубинный, таинственный, сокровенный + близкое по смысловому значению **nerove** – речные нимфы (мол, «таинственные»).

Геродот приводит ятвяжское название переселенцев с территории современной Украины – невры. Ятвингия (Западная Беларусь) – базовая земля невров, она входила в ареал будинов. Геродот характеризовал невров, как колдунов и оборотней.

Позже появилось производное ятвяж. **nertis** – враждебность. Оно перекликается с арабскими сведениями о стране Арса, откуда выхода нет. Местное (ятвяжское) название страны было Арсус (**arsus**) – жестокий, яростный. Возможен и другой вариант происхождения названия, с учетом особенностей словотворения в арабском языке, отличном от индоевропейских. Это перестановка букв: страна Арсус = Русас, страна Русов.

Поначалу мне казалось, что именно невры принесли в Беларусь множество гидронимов из Украины и Прикарпатья (первое название в Украине, второе в Беларуси):

Тиса – Дрисса; Немия – Неман; Случ (правый приток Припяти, то есть в Украине) – Случь (левый приток Припяти, то есть в Беларуси), Луцк – Слуцк; Уж, Ушиця – Ушача, Уша, Уса, Ужица; Ушачи: Десна (приток Южного Буга) – Десна (приток Днепра) – река и город Дисна; Южный Буг – Западный Буг. Вилия – Вилия (белор. название реки Нерис) и Вилейка; Свислочь (озеро) – реки Свислочь и Ислочь, город Свислочь.

Но теперь вероятность прямого (укр. – бел.) и обратного направлений переселений (бел. – укр.) в начале нашей эры выглядит равной. Оценим шансы. За прямой говорят: а) упомянутый Геродотом и доказанный анализом Y-хромосом исход невров из Скифии в Будинию; б) то, что ятвяжский язык ближе всего к тому, на котором говорили 3–2,5 тыс. лет назад в будущей Украине, а принесли его в Западную Беларусь невры. За обратный: а) вторичность топонимов в Украине; б) наличие «белорусских» топонимов на Балканах, например, Косово и др.; в) двух- и даже трехкратное превышение числа топонимов-гидронимов в Беларуси над аналогичными в Украине.

В любом случае, издревле тесную связь украинцев с белорусами подчеркивает большое количество в обеих странах гидронимов У́шас (от санскр. **uṣas** – «заря», название божества в ведийской мифологии, а также в литовской, олицетворяющего зарю (которая суть посттрипольская). Ушас – важнейшее и одно из высших божеств индийской «Ригведы».

Венеты

Первично финское вене (vene) – лодка. Также первичны немецкие понятия:

Wende – поворот, перемена, рубеж, порог (# водораздел) + идентичное по смыслу Wandel – изменение, превращение, перемена (# места, где менялись направления вниз – вверх по течению).

Windung – извилина, изгиб, излучина (например, реки).

Winde, wind – ветры, ветер (# в связи с использованием паруса на лодках?).

Все эти немецкие слова тождественны немецким вариантам названий Венетов (или венедов). Они также очерчивают их ареал – от германцев до финнов. Ареал венетов самый обширный и, кроме Будинии (белорусско-польско-украинской) включает в себя пруссов, литовцев (жамойтов) и латышей.

В этом слове впервые соединяются понятия «лодки» и «поворот, превращение, изменение» (суть – «водораздел»). Обобщенно – венеты, это народ, который использовал и контролировал речные пути. А это легче всего делать на водоразделах: а) балто-черноморском (в карпато-волынском регионе Украины и Польши); б) северо-балканском (висло-одерско-дунайский регион); в) белорусском (балто-черноморо-каспийский).

Склавены

Первично сочетание скла + вене(ты). Речь идет о самом центре славянского ареала, поэтому скла – от украин. скла(-дова) – составляющая, то есть часть. Близко по значению ятв. Skla(-itinsna) – раздел; skla(-itas) – просто только часть (в данном случае – часть венетов).

Вторично германское понятие склавен – раб: нем. – Sklave; англ., норв., датск. – Slave, франц. – esclave; швед. – slav, румын. – sclav, нидерл. – slaaf., прус. Sklawi [Sklave]. Сразу понятно, кто нападал на славян-венетов (в финском и эстонском по-другому звучит). У ятвягов нет в словаре понятия раб. А в немецком и прусском оно по буквам повторяет этноним.

Хочу напомнить любителям рассуждать о «крэсах всходних», что исторически именно территорию нынешней Польши условно можно назвать «заходними крэсами» Будинии и Венедии, то есть Беларуси. Доказательство тому и количество соответствующих топонимов, и центральность расположения Беларуси в совместных ареалах, и первичность слова Вене(ды) в отношении Скла-вене. Но генетические следы Y-хромосомы говорят об автономности развития белорусского и польского этносов.

Кривичи

От ятвяж. krivule – военная дружина (отряд) и команда корабля (лодки). Тут же ятвяж. kreivas – кривой.

Я согласен с толкованием «кривич» – «кривой» по отношению к местности. Понятно, что не от божества Криве произошел этноним, на то оно и божество, чтобы не поминать его всуе. Напоминаю, что народы различали по способам удовлетворения первичных (базовых) потребностей и вторичных (например, по способу передвижения). Известно свидетельство византийского императо-

ра Константина VII Багрянородного: «кривичи делают лодки, на которых русы ходят в Царьград».

Такое происхождение этнонима первично, латышское же Krievija (название России) – вторично. Беларусь по-латышски Baltkrievija – Белая Русь. Это и есть истинная Русь.

Таким образом, венеды и кривичи – названия одних и тех же племен (народов), тождественных ареалом проживания и основными занятиями. Только Кривичи более позднее название, охватывающее меньший ареал и славянизированное.

«Криве» тут помимо экипажа лодки (корабля) может означать местность и дороги – в прямом смысле кривые. Ареал кривичей действительно холмистый по сравнению с равнинной Польшей и основной частью Украины. А определение «кривые» особенно применимо к дорогам, которые кривятся-петляют вокруг холмов, озер и лесов. Это резко отличает ареал кривичей от равнин центральной Украины, где проживали анты, где дороги максимально прямые. Возможно также, что кривичи – это те, которые передвигаются по извилистым речным путям.

Точно так и в цитате Константина Багрянородного: кривичи и русы это один и тот же народ. Не было никаких поставок лодок от кривичей каким-то русам. Это одни и те же люди: внутри своего ареала – кривичи, а вне его – русы.

Ятвяжский язык очень древний – из эпохи первого разделения индоевропейского – трипольского, так что немецкий вторичен относительно его. С учетом того, что немецкое и английское crew (экипаж корабля) – звучит как «крю», а в дословном прочтении «крев», думаю, что первично в происхождении этнонима именно «команда вожака – дружина (в лодке)». Тем более, что немецкое krieg (война) – «криг» созвучно по произношению и близко по смыслу к крев(г) – кривичам. Ведь не для сбора урожая они собирались в «команды».

Анты

От ятвяж. antai – человек равнины. В нашем контексте под равниной понимается степь, что отличается от лесной Беларуси и это определение применимо именно к степным (украинским) антам. На латыни (pl)ana – плоский, в одной из версий санскрита (j)āna(n) – ровный. Напомню, что украинская часть Трипольской цивилизации в процессе расселения-экспансии была связующим языковым звеном между литовским (ятвяжским), санскритом и латынью. Отсюда же украинское – поло(а)нына – безлесая поверхность.

Дулибы

Этимология слова не очевидна. Предложу свою: от ятвяж. dulis – темный, тайный, непонятный (сравните с соседями narus – неврами, таинственными). С учетом того, что Дулибия была как раз на пути невров в земли Беларуси, возможна тождественность понятий.

Еще варианты: от dulgt – моросить, темнеть; dul'ava – туман с дождем. Карпато-волынский регион наиболее «влажный» в Украине, а в Карпатах на

высоте 1–1,5 км путники часто оказываются внутри облаков, и тогда начинает dul(i)gt – моросить.

Вторично греческое понятие doúlos – раб. Из северной части Причерноморья шел один из главных потоков рабов в Грецию в начале нашей эры.

Топонимические следы этих народов в Украине, Беларуси и Росссии

Венеты. Так как это не самоназвание, а этноним немецко-финского происхождения, то и топонимов в ареале обитания мало. В Беларуси всего 3–5 деревень с названиями типа Вендеж, Видейки. В Украине есть Венеславівка, Венслави в Полтавской области (пограничные топонимы).

Склавены. В Украине Славгород, Славенщина, Славів, Славута, Слов'ятин, Словатичі, Словечне, Словіта – все в карпато-волынском регионе. Также древнее название Днепра – Славутич. В Беларуси – Славгород, Славени, Славковичи в Могилёвской и Витебской областях. На РФ Славени, и 5 Славково в приграничных с Беларусью областях. Плюс до 20 искусственных: Славянка и Славянский – в Калининградской области, в Кабардино-Балкарии, на Алтае и т. д. На топонимические следы ареала указывают Словакия и Словения.

Невры. Первичные топонимы в Украине это Невирівка, Невицьке, Невір, Невірків, Невкля. В Беларуси – Нарев, Нерис, Нарочь, Наровля. Также эстонская Нарва. А вот киевская Нивка и питерская Нева поздние производные от вышеназванных. Нива – искусственный «топоним», производный от нива – поле. «Нива» по словарю Даля – обработанное поле, пашня, посевы.

Понятие «нива» в России происходит от северо-западных, приграничных с Беларусью районов, оно производно от этнонима невров, которыми изначально были скифы-пахари. Интересно свидетельство испанского миссионера и путешественника Педро Куберо (в книге «Паломництво світом»): «дістався міста і фортеці Смоленськ, що стоїть на берегах Дніпра. Однак, за свідченням іспанця, місцеві називали річку інакше – Невель». Таким образом, еще в позднем средневековье Днепр в верховьях являлся гидронимом невров, что вписывается в схему расселения геродотовых невров.

Итого: в Украине 16 топонимов и один гидроним невров. В Беларуси четыре первичных гидронима и 20 топонимов. В России 3–4 гидронима и 38 топонимов (из них большинство вторичных).

Кривичи. Первичные топонимы «Кривичи» в основном находятся в Беларуси и несколько в Украине. Однако для всех трех стран я посчитал и вторичные, вроде Кри(ы)ва, Кри(ы)ве, Кри(ы)вець в Украине (но не Крива Балка, Кривий Ріг и т. п.). Итого: в Украине 24 топонима кривичей, в Беларуси – 19, в России – 22.

При этом Киев – топоним кривичей! У латышей, ближайших соседей к ареалу руссов, русский – это Krievu (а Россия – Krievija), да и ятвяжский Kreivas очень близко. Теряется одна буква, окончание отваливается естественным для славянского языка образом и Krievu превращается в Kiev. Если у киевского князя гостил какой-нибудь англосакс, который «р» вообще не выговаривает, он и разнес весть о Kiev-е по европейским окрестностям.

Понятно, что ни от какого «кия» — ни князя, ни палки — название Киев не произошло. Понятно, что такое удобное место не было пустым как минимум 5 тыс. лет, доказательством чему служат раскопки безымянных трипольских поселений археологом Викентием Хвойко на киевском Подоле. Но именно «Киеву» вполне может быть намного меньше.

Рис. 11. Схема славянских топонимов

Анты. Сохранились всего несколько топонимов типа Антополь, Антонополь — семь в Украине, три в Беларуси. В России топонимов антов нет.

Дулибы. С учетом промежуточности этнонима тоже мало сохранилось топонимов — пять первичных и четыре вторичных в Украине, два в Минской области. Расположение именно первичных Дулибов в центре Беларуси не случайно, хотя казалось бы они должны быть в Брестской области. Дело в том, что 3—1,5 тыс. лет назад путь из северной части Украины в центральную Беларусь занимал всего 10—15 дней! Дело в том, что как только примерно в X веке до н. э. в этих краях научились делать лодки, Припятское озеро-море из непреодолимой преграды превратилось в объединяющий фактор для жителей его берегов.

Можно говорить, что уже 3,5—3 тыс. лет назад существовал единый посттрипольский этнический массив, на базе которого позже возникли братские народы — украинцы, белорусы, поляки.

Садясь в лодки (vene) в районе нынешнего украинского Луцка на берегу Стыра, равно на Случи или Горыни, команда корабля (krivule) легко (первая половина пути вниз по течению, вторая по озеру) высаживалась возле белорусского Слуцка, до стен которого доходило во время паводков Припятское озеро. И наоборот. Сходство гидронимов и топонимов очевидно. Припятское озеро

с дюжиной впадающих в него рек было, в современном понимании, транспортным хабом, дававшим возможность быстро перемещаться на большие расстояния. Даже если приходилось плыть против течения, это не было чем-то слишком трудным: все реки здесь равнинные, с медленным течением и без порогов-перекатов.

Русы. Здесь мы несколько забегаем вперед, но это уместно по смыслу. За исключением нескольких, все первичные топонимы Русов – Русаки находятся в Беларуси, в трех ее областях, исключительно с балтийской стороны водораздела. В Подмосковье вполне мог быть занесен полторы тысячи лет назад колонистами из Беларуси. В Украине обнаруживаются 6 первичных топонимов (возрастом до 2–1,5 тыс. лет). В России два первичных (подмосковные Русаки, новгородская Старая Русса) и 24 вторичных топонимов.

Итого: в Украине 6 первичных и 35 вторичных топонимов плюс два гидронима – Рось и Росава. Сказочное древнеславянское чудовище Рус по Далю жило на днепровских порогах, не Волжских, не Камских, не Окских, не Уральских! Днепр – река Русов. А Волга чья угодно река – булгар, угро-финнов, уральцев, тюрков, татар, но не славян и, тем более, не русов и не «русских» в современном понимании.

В Беларуси 17 (!) первичных и 16 вторичных, плюс река Россь с самым крупным первичным топонимом – городом Россь, письменно известным с 1205 года. В ближайших окрестностях гидронимы: польский – довольно крупное озеро Рось и очень крупный литовский Нямунас, древнее название которого в нижнем течении – Ру́сне (лит. Rusnė, нем. Russ).

Андрофаги. В России 30 первичных топонимов – Андроново (с геродотовых времен возрастом 2,5–2 тыс. лет) с двумя небольшими гидронимами, и 42 вторичных, более поздних, типа Антоново (вероятно этим именам 1,5–1,0 тыс. лет).

В Беларуси в крайней к исконному ареалу андрофагов Витебской области целых 9 Антоново, в Минской – 5, еще западнее – в Брестской и Гродненской всего по 2. Вероятно, то были первые беглецы из тех краев (позже оттуда сбегут предки современных венгров и болгар).

При этом не надо путать славянские Антоновки, которых одинаков много везде и которые производны от имени Антон. Однако даже безобидные Антоновки четко указывают на границы исходного ареала андрофагов. В их базовых областях (Вологодская и Костромская области) нет ни одной Антоновки! Андрофаги не славяне!

На примере перебивки топонимов покажу, насколько системно и методично в Российской Федерации фальсифицируют историю.

Помимо того, что Россия сама по себе огромный фэйковый топоним, так еще на местном уровне представляет собой наглядную иллюстрацию определения Владимира Даля:

> РУСАК (м.) вообще русский человек, русачка, русская; | | кто особенно русит, хочет быть русаком / / Русеть, делаться, становиться русским. Мордва вся русеет. / / |

Вот пример того, как «мордва русеет». Повсюду в России, но особенно в землях волго-уральцев (в Мордовии, Удмуртии...) по 10–15 деревень каждого топонима вроде Русский, Русская, Русские. Но при этом исконные земли тюркоязычных народов – татар, башкир, зауральцев пестрят двойными топонимами вроде Русский Акташ, Русский Кукмор, Русский Кандыз; Русская Хомутерь; Русская Свербейка, Русская Пенделка – всего не менее 60 подобных фэйков. Опять же смотрим у Даля:

> Встарь писали Правда Руская; только Польша прозвала нас Россией, россиянами, российскими, по правописанию латинскому, а мы переняли это, перенесли в кириллицу свою и пишем русский.

В качестве примечания упомяну закарпатских Русин, (в транскрипции с украинского – Русын). Это классический пример жителей горно-лесного популяционного убежища. Причем в виде синтеза сразу двух разнесенных по времени на 2–1,5 тыс. лет популяций. Во-первых, прямые потомки ранних трипольцев по гаплогруппе E1b1b1a. Во-вторых – потомки изначальных русов, которые попали в закарпатское популяционное убежище в V–VIII вв. в период расселения славян: общеславянская северотрипольская R1a1 – 30–35 % и балканская южнотрипольская (она же неврская) I2a2 – 13–20 % гаплогруппы.

Так что Закарпатье и населяющие его русины это не исходный ареал расселения, а конечный его пункт: горно-лесное убежище для потомков трипольцев и для русов украино-белорусского пограничья.

ГЛАВА 2. КРИВИЧИ

Далее очертим ареалы обитания рассмотренных в предыдущей главе племен-народов. Но сначала два пояснения: а) хронология нуждается в уточнении, главная цель показать ход событий – кто в кого превращался, кто как назывался и куда расселялся; б) согласен с тенденцией удлинить историю некоторых известных по письменным источникам этносов (или их названия, так как зачастую это одни и те же народы и даже в одно и то же историческое время).

Исторические сведения

VI–V вв. до н. э. – IV–VI вв. Невры. Нестор-летописец имел в виду нориков-невров белорусского ареала, а западные хронографы – альпийско-балканских.

V–IV вв. до н. э. – V–VII вв. н. э. Венеды. Разберемся с белорусскими, так называемыми Восточными Венетами. Вот цитата из статьи из Большой Советской Энциклопедии (БСЭ):

> ...упоминаемые в древних хрониках как Венеды, Венеты (лат. Venedi, Venethi), иногда Энеты, в германском произношении – Венды, Винды (нем. Wenden) – племенная группа, известная до VI в. и упоминаемая древними историками Геродотом, Плинием Старшим, Тацитом, Клавдием Птолемеем, Иорданом, размещаемая ими к востоку от Вислы – от балтийского побережья до северных Карпат и низовьев Дуная. Опираясь на эти источники, многие исследователи считают венедов непосредственными предками древних славян VI–VIII вв. (вендов, склавен и антов).

Рис.12. Размещение этносов. V век до н. э. — VIII век н. э.

Все именно так.

> ...Эти [венеты], как мы уже рассказывали в начале нашего изложения, – именно при перечислении племен, – происходят от одного корня и ныне известны под тремя именами: венетов, антов, склавенов (Иордан. «О происхождении и деяниях гетов», ч. 34–35).

Из предыдущих глав следует, что кельты имели самое непосредственное отношение к созданию причерноморской Скифии в VII–VI вв. до н. э. Кельты – древние франко-германцы, имели отношение и к формированию скандинавов. Готы – смесь северогерманцев и скандинавов, естественным образом наследники кельтов.

Так что Иордан в некотором роде прав, удлиняя историю готов на 500–700 лет, до скифов и гетов (массагетов), и проводя параллели между готами и гетами, и даже гуннами. Таким образом, концептуально (детали додумайте сами, кому интересно) так называемой «готской проблемы» более не существует.

О венедах упоминал ещё Геродот в V веке до н. э., когда писал о том, что янтарь привозят с реки Эридан от энетов (венетов) – именно о них (будинах). Геродот редко ошибался. Так и в этот раз: легендарный античный Эридан существует, это Неман и он впадает в Северный океан. Античные авторы не знали Скандинавию, Атлантика у них переходила в Балтику и далее в Баренцево море, на берегу и островах которого находилась Гиперборея.

Геродот честно говорит, что никому не ведомы верховья многих рек, поэтому не стоит ждать от него точной локализации устья реки на берегу «Северного

океана». Течет строго на запад в низовьях. «Падение своего брата Фаэтона (на солнечной колеснице) с небес в воды Эридана» — именно так, для наблюдателей на берегу Немана солнце «падает» в спокойные воды Куршского залива, являющегося как бы продолжением реки.

Основные разработки янтаря в Европе находятся в Висло-Неманском междуречье побережья Балтики. На втором месте – Волынь, которая является географическим центром ареала венетов. Существовали несколько янтарных путей, а не только общеизвестный по Висле и далее на юг, в Италию. Был еще и Днепровский.

IV—III вв. до н. э. — VI—VIII вв. Склавены. Изначально этноним польских постбудинов, много позже, уже в летописные времена VIII—IX веков он распространился на всех славян. Из Иордановой «Гетики»:

> Склавены живут от города Новиетуна (# восточная граница) и озера, именуемого Мурсианским, до Данастра (# Днестра; отметим попутно Дунай и Будапешт, ведь Буда – топоним будинов), и на север – до Висклы (# дельты); вместо городов у них болота и леса.

С запада ареал склавенов-славенов ограничивался собственно готами-германцами.

Novietunum, это «новый таун», Новогрудок, либо городище в его окрестностях в юго-западном секторе до Припятского озера, именуемого Иорданом Мурсианским. На ятвяжском **mūsai** – мох, плесень; **mukas** – болото. Добавляем букву «р» и получаем мусай-мурсай-Мурсиа(-нское) – очень точно отражает суть. Огромное озеро в паводок, пестрота озер и болот в засуху.

Отсюда же «замурзанный». Например я в детстве, приходя с улицы, часто слышал от мамы подобный «комплимент» (белорусско-ятвяжский, как раз из тех мест). Поляки северо-восточной части страны – Мазовии, исторически назывались мазурами по причине наличия болот в той части Польши. Тут же эстонское mustus – грязь.

III—II вв. до н. э. — VI–IX вв. Кривичи. В историографии восточнославянское племя, занимавшее верховья Волги, Днепра, Западной Двины и часть бассейна Немана.

III—II вв. до н. э. — VI–VIII вв. Анты – потомки скифов-пахарей. Византийский историк Прокопий Кесарийский писал:

> Эти племена, славяне и анты, не управляются одним человеком, но издревле живут в народоправстве... Да и внешностью они друг от друга ничем не отличаются, ибо все и высоки, и очень сильны, телом же и волосами не слишком светлые и не рыжие, отнюдь не склоняются и к черноте, но все они чуть красноватые. (11)

III—II вв. до н. э. — VII—IX вв. Дулибы – в карпато-волынском регионе сформировались путем смешения будинов и скифов-пахарей.

Итог исторических и топонимических изысканий представлен на схеме.

Примечания к схеме: Ареал русов тройной – в виде ядра с первичными топонимами V–VIII вв.; прерывистой линией обозначены границы в IX–X вв.; стрелки обозначают направления экспансии во времена Киевской Руси. Не показан ареал кривичей:

на юго-западе он совпадает с ареалом венетов (кривичи – это славянизированное имя венетов), во всех остальных направлениях – с ареалом невров и русов.

В карпато-волынском регионе (условной Дулибии) пересекаются все ареалы – это и есть сакральный центр славянства. Ранее я уже делал похожий вывод применительно к временам трипольского расселения, а в I–V вв. он повторяется. Западная Украина есть прародина восточно-славянской цивилизации, перекресток славянских народов.

Все три упомянутые локализации лежат на конечном отрезке Янтарного пути – обычно историки проводят его северную часть по границам Украины и Беларуси, но это ошибка. Я понимаю, что «янтарный путь» во многом условное название, но в буквальном смысле, помимо Висло-Неманского междуречья на побережье Балтики, янтарь добывают только в украинском Полесье. В древности просто собирали на поверхности после паводков и ливней, а сейчас намывают промышленным способом.

Если считать центром янтарного региона польский город Нур (полонизированный топоним невров) на реке Нарев, то от него до северо-восточных пределов расселения невров на Неве и в Ярославской области около 1000 км, столько же и до Венеции. В самом центре ареала невров находится Беларусь, но переселение на юго-запад по янтарному пути логично предположить из района польско-белорусско-литовско-украинского пограничья.

Таким образом, если в III тысячелетии до нашей эры центр расселения протославян-трипольцев был в Украине, то к началу нашей эры центр экспансии славян-русов сместился в Беларусь.

На этой схеме направления «А» и «Б» движения трипольцев напрямую из Украины идут по Среднерусской возвышенности, что точно соответствует на-

Рис. 13. Стрелками показаны направления расселения Трипольцев с территории Украины

личию славянских топонимов в Курской, Орловской и Калужской областях России. Направление «В» вдоль Дона и Воронежа соответствует цепочке топонимов VII–X вв. в Белгородской, Воронежской, Липецкой и Рязанской областях, связанных со второй волной колонизации во времена ранней Киевской Руси.

И если 5–4 тыс. лет назад территория нынешней Беларуси была для трипольцев просто транзитной по направлению 1 – 1-1 – сектор 1-3, далее в Гиперборею и на северо-запад Индии, то на протяжении всего 1-го тысячелетия движение невров-русов-кривичей по сектору 1-3 шло непосредственно из Беларуси.

Эти же направления расселения совпадают с контурами основных культур бронзового века (см. рис. 2). **Культура шнуровой керамики четко накладывается на лесную зону (на снимках темно-зеленая), а Ямная (с вариациями) – на степную-лесостепную. Освоение первой шло из Беларуси, второй – из Украины. Культуры шнуровой, а позже штрихованной керамики точно входят в зону белорусской топонимики невров-кривичей-русов.**

Это было мирное заселение более пустынных, чем исходный ареал, территорий по причине отсталости в развитии заселяемых пространств. Историки-археологи отмечают технологическое превосходство культуры шаровидных амфор относительно соседних территорий.

Также можно найти сведения о том, что по данным археологии, культура шнуровой керамики долгое время соседствовала с культурой неолита. Значит, племена финно-угров оставались на своих местах – никто их не изгонял, не завоевывал. Вероятно, белорусские переселенцы-колонисты жили обособленно, не смешиваясь с племенами андрофагов (угро-уральцев), вроде как голландские колонисты-буры в XIX веке в Южной Африке.

А теперь вопрос – какое отношение имеет Россия к славянским странам, а также к русам и к Руси? Может быть, я что-то пропустил, где-то допустил логическую или фактологическую ошибку – поправьте меня, если так.

По данным и письменных источников, и топонимов-гидронимов Московия никогда не отождествлялась со славянами, вплоть до начала XIX века. На западный манер ее стали называть Руссией-Россией лишь с 1721 года. Движение археологических культур всегда было извне – в Московию, с юго-запада на северо-восток. Данные ДНК-исследований говорят о том же: славянские гены жителей России происходят из украино-белорусского региона, так как при обратном движении на юго-запад они, условно говоря, «сгущаются». Даже имеющие наибольшие шансы называться «русскими» жители псковско-новгородского региона, судя по летописям, вплоть до XVI–XVII вв. не считали себя русскими и не думали, что Русь относится к их территории.

Однако локализовать ядро Руси с достаточной точностью вполне возможно.

Глава 3. Пре-Русы

Прежде чем поставить финальную точку в исследовании возникновения феномена русов, сделаю отступление. Как известно, гаплогруппы мужских Y-хромосом (соответствующие активному мужскому началу) позволяют более точно определять пути миграции племен и/или завоевания народов. Передаю-

щиеся по женской линии мтДНК определяют степень автохтонности населения на конкретной территории. Сокращенная таблица мтДНК гаплогрупп дана ниже (см. проект eupedia.com).

Region/ Haplogroup	H	H1+H3	J	T2	U5	U	W	Размер выборки, человек
France	44.3	(26.5)	7.7	6.2	8.2	1.4	1.9	1216
Germany	44.8	(16)	9	7.8	8.8	0.8	1.7	2490
Poland	43.9	(14.5)	7.9	6.9	10.1	1.4	3.6	883
Belarus	39.1	(11)	8.9	5.1	9.1	6.6	3.7	350
Ukraine	39	(11.5)	8.1	8.4	9.8	0.6	2.6	346
Russia	41.2	(15)	7.8	6.5	10.4	2.2	1.8	1768
Lithuania	45.3	(14)	6.4	7	11.4	1.2	2	342
Georgia	19.9	(1.5)	3.1	8.8	4.2	4.6	3.1	261
Greece	40.5	(6)	9.5	6.6	5.2	2.5	1.3	996
Iceland	37.7	(23)	13.7	10.1	7.7	0.2	0.5	998
Sweden	45.8	(31.5)	7.7	4	12.1	2.8	1.3	637
Turkey	30.8	(4.5)	8.9	4.3	3	6.3	1.9	463

Примечательно, что содержание гаплогруппы U у белорусок во много раз больше, чем в окружающих странах. Это очень древняя гаплогруппа (имеет девять субкладов U1–U9). Возможны три версии подобной диспропорции, в зависимости от возраста гаплогруппы мтДНК современных носителей:

а) Если возраст 8–10 тыс. лет – это подтверждает глубокую автохтонность белорусов, появление их на нынешней территории сразу после того, как ушел ледник. И, соответственно, подтверждает «центральность» относительно окружающих народов. А также дает традицию уважительного отношения мужчин к женщинам (наследие матриархата!). Наряду с кавказскими народами, у которых тоже высокая доля гаплогруппы U – до 10 %.

б) В случае 4–5 тыс. лет и совпадения с украинскими 0,6 % этой гаплогруппы это служит еще одним подтверждением расселения поздних трипольцев с территории современной Украины. При этом U-мтДНК должна совпасть у всех в радиусе 1 тыс. км на юго-запад и до 1,5–2 тыс. км. на северо-восток от центра Украины. Также это свидетельство исхода трипольцев и возникновения на территории современной Украины в те времена некоторого «популяционного вакуума», заполненного пришельцами с запада и с востока.

в) Возраст в 2,6 тыс. лет подтверждает слова Геродота о переселении части невров из центральной Украины в Беларусь, а другой части (они же киммерийцы) – в северную Турцию. При этом U-мтДНК белорусок, кавказских горянок и турчанок должны совпасть.

Затрудняюсь выделить наиболее вероятный вариант. В период 8–3 тыс. лет назад в Восточной Европе наилучшие условия обитания были в центре нынешней Украины. Тогда предпочтительны миграционные варианты «б» и «в». Но, возможно, белорусы уже 8 тыс. лет назад не искали себе лучшей доли в чужих краях, а жили по принципу «где родился, там и пригодился». Тогда вариант «а» – супер-автохтонность.

Вернемся к Русам

В Европе лошадь впервые приручили представители Трипольской цивилизации 8–7 тыс. лет назад, колесо изобрели они же около 6,5 тыс. лет назад. Из древнеиндийской «Ригведы» и иранской «Авесты» известно, что пришедшие с севера арии были всадниками на лошадях, широко использовали колесницы.

Именно в процессе поиска новой родины взамен высыхавшего северного Причерноморья арии-трипольцы оставили след в виде так называемого Се́йминско-Ту́рбинского феномена «воинов-кочевников, владевших металлообработкой, использовавших конницу и двухколёсные колесницы».

Среднеазиатская «дикая лошадь Пржевальского» в лесостепной и лесной зоне Восточной Европы известна под именем тарпан, последние из них встречались в Беловежской пуще еще в начале XIX века. Сегодня они прижились в Чернобыльской зоне, где популяция успешно восстанавливается.

Мы знаем о тесной связи Скифии и Будинии еще 2,5 тыс. лет назад – скифы-гелоны (земледельцы) поселились в земле будинов, вернее на ее окраинах, а невры (те же скифы-земледельцы) из центральной Украины полностью переселились в Землю будинов (Беларусь). Помимо более высокой культуры земледелия невры принесли сюда и коневодство*.

Все перечисленное позволяет сделать вывод, что невры в Будинии-Беларуси чувствовали себя вполне комфортно. Сочетая навыки земледельцев, скотоводов и коневодов, они предопределили мощный пассионарный толчок развития с территории Беларуси и окрестностей на рубеже нашей эры. Подобная же комбинация обусловила 2-тысячелетнее процветание Трипольской цивилизации, а также мощь причерноморской Скифии, дважды разгромившей в союзе с Будинией крупнейшие в мире того времени армии персов.

При этом на территории Беларуси еще в неолите (5–6 тыс. лет назад) тоже было совсем неплохо. Уже тогда местные жители активно занимались не только присваиваемым хозяйством – охотой и рыболовством, но и воспроизводящим: выращивали бобовые и овощи, чуть позже рожь, а также животноводством. Это производство было не столь развитым, как в Триполье, но намного опережаюло соседей с северо-востока. Которые и по прошествии тысячелетий (по свидетельству Плиния) в I веке н. э. оставались, по сути, в первобытном состоянии:

* Геродот упоминал «стада диких белых лошадей, пасущихся у огромного озера (Припятского) – матери Гипаниса» (Южного Буга).

у феннов – поразительная дикость, жалкое убожество; у них нет ни оборонительного оружия, ни лошадей, ни постоянного крова над головой; их пища – трава, одежда – шкуры, ложе – земля; все свои упования они возлагают на стрелы, на которые из-за недостатка в железе насаживают костяной наконечник. (12)

Под фенами Плиний имел в виду угро-финнов, предков современных жителей европейской части России, которых вследствие исторического недоразумения последних два столетия называют «русскими». Ареал обитания феннов, так называемый «русский север» – севернее 56-й параллели.

Наличие залежей кремня позволило древним белорусам уверенно себя чувствовать в производстве орудий труда и оружия вплоть до середины железного века, когда они освоили технологию выплавки металла из болотной руды, перескочив из каменного сразу в железный век, минуя бронзовый (13).

В ментальном плане невры чувствовали себя в Будинии (Беларуси) тоже как дома, что немаловажно, так сказать не хлебом единым. У Геродота сказано:

79. ...Был у царя в городе борисфенитов большой роскошный дворец, обнесенный стеною. Кругом стояли беломраморные сфинксы и грифоны. На этот-то дворец бог обрушил свой перун и он весь погиб в пламени».

Верховный древнеславянский (и литовский) бог именно Перун. Принято считать, что перун – это молния. Аналог Перуна у греков Зевс (громовержец). У ятвягов velis / vele – Дух мертвых. Еще в начале второго тысячелетия киевляне ставили алтарь Велесу у подножия одного из надднепрянских холмов, а Перуну – на его вершине. У греков аналог Велеса – Арес, бог войны и кровопролития.

От ятвяжского Perkūnas (громовержец) – Перун; прус. PERKÛNS; + perkūnaut – клясться, божиться, богохульствовать. Прямо диалектический материализм получается – единство и борьба противоположностей, что иллюстрируют производные слова: perkūnausna – клятва; perklantīsna – проклятье; perklantīt – проклинать (прус. PERKLANTÎTUN); perkūnija – вершина, максимум. Все значения соответствуют сакральному понятию божества (вершины всего сущего), карающего и милующего.

О том, что дохристианская мифология-религия в Восточной Европе (и далее – к франко-германским кельтам и индийским ведам), восходит к трипольской, которая в неизменном виде сохранилась у литовцев, сказано выше. Вот фактическое доказательство ментальной связи степной Украины с лесной Беларусью 2,5–2 тыс. лет назад и ранее: Бутьковский идол (кстати, Бутьки – вторичный топоним будинов). На фотографии, сделанной автором, пропорции идола видны на фоне научного сотрудника местного музея. Обезобразили лицо и выбили крест на груди идола средневековые латинизаторы – католические фанатики.

В Украине подобные идолы называют каменными бабами (такое же название принято в Беларуси) или скифскими бабами, найдено их несколько сот штук. В Беларуси найдено несколько десятков. Даже с учетом меньших разме-

ров территории и количества населения их должно быть в Беларуси намного больше. Думаю, что подобная диспропорция связана с более сильной латинизацией Беларуси, а также с более развитой относительно Украины культурой каменных строений. Вероятно, множество таких «баб» легло в фундаменты и стены католических монастырей, замков магнатов, шляхетских усадеб.

Языкового барьера не было. В период 5–3,5 тыс. лет назад на просторах нынешних Украины, Беларуси и Польши с ближайшими окрестностями все говорили на языках, аналогичных посттрипольскому (ятвяжско-литовскому).

Литовский язык по своей структуре мало изменился со времен индоевропейского (трипольского), но за 4–5 тысячелетий его морфология изменилась сильно, ведь это живой язык со многими десятками тысяч слов в лексиконе. Он развивался изолированно, «защищенный» со всех сторон буферными прусским, ятвяжским и латышским.

А ятвяжский, в силу близости к огромному, раз в 30 большему польско-белорусско-украинскому ареалу в бо́льшей степени обменивался с ними словоформами. При этом в силу малого ареала коренных носителей он как бы застыл в лингвистическом развитии, вместе со всей территорией Ятвингии, которая остановилась в историческом развитии с начала II тысячелетия. Это была ничейная земля на стыке четырех ареалов.

Подобное «средиземье» в Восточной Европе есть еще в украинском Закарпатье, на стыке славянских языков и румынского с венгерским, что привело к возникновению т. н. «русинского диалекта». Но русинский – производный от окружающих, а ятвяжский – условно родительский для трех основных славянских – белорусского, польского и украинского. На самом деле 4–3 тысячи лет назад все они были ровесниками, но ятвяжский позволяет видеть, какими были эти языки изначально.

Даже без специального образования любой грамотный человек способен увидеть и связь ятвяжского с современными славянскими языками, и его первичность. Кстати говоря, в ятвяжском, как и в древнеславянском, нет звука «ф», а в литовском есть, то есть ятвяжский дошел до нас в более первозданном виде.

Вот примеры архаичных понятий в ятвяжском языке, от которых логически производны современные слова, обозначающие несколько иные понятия и явления.

bēda – печаль, беда + **bedīs** – укол, удар. Архаичные синонимы «беды», в древности наибольшая беда – это получение травмы.

Budte (богиня мудрости) – свидетельство общетрипольской истории ятвягов и пришельцев в Индию ариев, у которых божество обрело мужской род – Будда. Тут же baudint – будить, пробуждать (в т. ч. разум), созвучное понятию мудрость – Budte.

Deivas – архаичный предшественник словам диво, демон;

Kar'as – войско, военный. Архаичный предшественник понятия «карать», как одного из предназначений войска.

lopa – лапа; вторично **lopas** – пламя (архаич. понятие огня как огненной лапы); еще более позднее **lopta** – лопата (искусственная лапа).

magila – дух теней, архаич. предшественник слова «могила».

panīka – очаг, небольшой внутренний огонь, способ топить по-черному, без печи. Понятно, насколько важно было древним следить за тем, «чтобы не поднялась паника». Тут же прусский огонёк – PANNIKAN [Pannike].

trupas – деревянная колода; архаичный предшественник современного понятия «труп», который именно затвердевший.

vartai – дверь, заслонка. Архаич. предшественник украинского «варта» – стража, охрана, пост.

visas – всё. Архаич. предтеча современной «визы» – разрешения на въезд, то есть на всё, а не только «смотреть из-за забора».

zala – damage, harm – повреждение, вред, порча; архаичный предшественник современных «зло» и «зола». При этом в ятвяжском: vōsis – зола; pēlanai – пепел.

zandas – jaw – челюсти, от которого **zangis** – ant – муравей (главная часть у него челюсть-жевала). Эта лексическая связка особенно архаична.

Прямые производные слова 1-3-х звенной трансформации (несколько сот в словаре): gelza – железо; **budavot** – укр. будувати; **budīt** – будить; **debīkas** – большой, укр. дебелий; **dadīt** – давать; **dausas** – дух; **gadīt** – годиться; **dēlas** – работа; **lataka** – подкова (латка); **Nadēle** – воскресенье, укр. неділя; **peleka** – плавник; **kreslan** – стул (кресло); **blusa** – блоха; **svētan** – свет (мир), прус. SWĪTAN; **vest** – женить; прус. WESSELI – свадьба, укр. весілля; **gena** – жена, женщина; **dalīt** – делить; ятв.-прус. **rasa** – роса; **denkaut** – прус. DĪNKUN – спасибо; белор. укр. – дзякуй, дякую; **zirna** – зерно; **Panadēle** – понедельник; paparte – папоротник; **kel'an** – копье (кол); **seina** – сено; **abaras** – амбар; **dūmaka** – дымка; **kaupas** – куча, груда, укр. купа; **dimstis** – укр. дім (а не «дом»); **nagas** – копыто (нога); **gurte** – огурок, и т. д.

Исходные понятия-определения для гидронимов-топонимов:

preiplstun – приносить, доставлять, а также **preipus** – прочь, отступая = Припять (крупнейшая в тех краях река именно уносится прочь). Тут же прус. PREIPAUS – прочь, вон.

baugas – исчезающий, Западный Буг (по смыслу созвучно уносящейся Припяти). Все логично: любое место на поверхности реки исчезает, уходит от наблюдателя в отличие от неподвижной земли.

Brist – брод. В районе современного Бреста была наиболее удобная переправа через Западный Буг, это место слияния его и Мухавца. Путешествующие с юго-запада на северо-восток (и обратно) переправлялись в районе Бреста, чтобы не преодолевать две реки.

С учетом предыдущего топонимического анализа вырисовывается ареал Неврии – Венедии – Будинии («Великой Беларуси»), существовавшей 2,5–2 тыс. лет назад: остров Рюген – река Неман – река Нарва – река Нева – река Москва – река Ока – Киев – Закарпатье – Норик (Венеция).

Все изложенное подводит к финальным страницам нашего исследования.

Глава 4. Русы

Академик Олег Трубачев полагал, что этноним «Русь» происходит от древнейшей индоарийской основы ruksa / ru(s)sa – «светлый, белый». В одном из десятка вариантов санскрита «ru» – светлый, который восходит к первопричине – Солнцу, называемому Ру (Ра у египтян) вероятно еще в ностратическом (доиндоевропейском) языке.

У ближайших к славянам соседей немцев (и у близким к ним англосаксов) нет различия между красным и рыжим – то и то «рот» (рэд), а русый и коричневый – «лайтбраун» и «браун». Славяне различают больше оттенков этих цветов. Дело в том, что этими цветами – русым, рыжим, коричневым окрашены два базовых понятия, составлявших основу жизни восточных славян, которые в древности были в большей степени хлеборобами-пахарями и наездниками, чем соседние кельто-германские или скандинавские лесные племена-народы (неиндоевропейские племена андрофагов тем более не идут ни в какое сравнение). Это были: 5 тыс. лет назад трипольцы; 2,5 тыс. лет назад – скифы, известные под разными именами – скифы-пахари, гелоны, невры.

Первое базовое понятие, связанное с потребностью в пище – рожь, которая имеет оттенки от светло-русого днем до красно-рыжего на закате. В ятвяжском **rugis** – рожь, со временем созревания которой в тех краях связаны **rugp'utis** – август и **rugsejis** – сентябрь. От этого понятия происходят **rutainan** – рыжий (ржавый) цвет; **rudan** – железная руда (в тех краях болотная, красно-рыже-кирпичного цвета) и **rudene** – поздняя осень, когда листья от заморозков краснеют, а также **rust** – коричневеть (ржаветь).

Второе базовое понятие, связанное сразу с несколькими потребностями – в передвижении, в нападении и защите, в еде (молоко кобылиц, мясо) и окрашенное в эти цвета – лошадь. Еще одним подтверждением важности лошади в этих краях служат сразу пять значений этого слова в ятвяжском лексиконе: **paustakaika** – дикая лошадь (тарпан); от этого слова вторично современное поскакайка – скакун; **asveikls** – тягловая лошадь; **asva** – кобыла; **zirgas** – жеребец. **Rusas** – быстрая и выносливая лошадь; вторичное современное русас – русак – **рысак**. Тут же прусское RUSS, RUSSAS [Russis] – конь.

Современное украинское «кінь» происходит от ятвяжского **kinis** – загон для скота (в котором обязательно находился конь).

Наших предков окружали до пятидесяти оттенков русого цвета: от светлого «рос, рокс» и среднего «рус» до рыжего «рут» и рыже-коричневого «руг». Прослеживается логичная связь этнонима с древнейших времен:

а) Первично «ру» (светло-русо-солнечный) – цвет Солнца (Ра) а также «ругрус» (красно-русо-солнечный) цвет ржи, лошадей.

б) Вторично название лошади у посттрипольцев-ятвягов – рус-русас. Скорее всего это имя принесли им невры, так как у литовцев, которые с посттрипольских времен жили наиболее автономно из всех местных народов, лошадь называется «паустакайка», понятия «русас» нет.

Далее ятвяги помогут продлить логическую цепочку. Этноним произошел от ятвяжских **jotis** – наездник; **jot** – двигаться, ехать. Тут же прусские понятия,

первичные: **JATUWIS** [Jatwei + Artwes] – поездка, езда; **JATWAISIS** [Jatuwis + Waisis] – едущий; **JATWEI** – ехать, скакать (на коне). От них произошло название народа **JATAWA** – Ятвязь (земля ятвягов – Ятвингия, Ятвягия); **JATAWIS** – ятвяг.

Так как Ятвингия находится в самом центре первичного (начиная с VI–V вв. до н. э.) ареала топонимов русов, невров и кривичей, которые есть разные названия одних и тех же людей (в зависимости от собеседника и от рода занятий этих людей), можем предположить, что изначально «рус – русас – русак» применительно к людям означало «наездник», «всадник». Иначе говоря с V века до н. э. по I–II века н. э. понятия «ятвяг», «рус-русак» и «наездник», «конники» были тождественны. Если же говорить о землях Западной Беларуси, то в те времена ятвяг и рус были одними и теми же людьми, физически – наездниками.

С течением веков этноним «рус» отделился от прародительского понятия «наездник на русе» (быстром коне). По сути «рус» (как и «ятвяг») был лесным аналогом степного скифа. Но позже ятвягов уже никто не отождествлял с наездниками. Среди историков бытует мнение о ятвягах как о гребцах на лодках (впрочем, это тоже верно). До недавних пор (XVIII–XIX вв.) в белорусском Полесье ятвезью именовали лодочный якорь – но это понятие производное от этнонима. А от ятвяжского названия боевого коня «русаса» осталось современное рысак. Русы же (изначально наездники) к моменту возникновения Киевской Руси стали понятием нарицательным, перешедшим в этноним. Оно более не отождествлялись с лошадьми и наездниками.

Вот интересная связка: ятвяжское Gudai – Goths – готы; Gudija – Gothland – Готланд (остров, вообще земля готов); Gudiskai, Gudiskan – Gothic – готический (что-либо). Прусско-литовское GUDDIJA – Беларусь, GUDDINI – белоруска; GUDDISKAS – белорус.

Ятвяги – исторический субэтнос в центре ареала русов, кривичей, невров, будинов. Пруссы даже по своему названию (п-русы – по-русы – подле русов) на окраине. Возможно, что ятвяжское прозвище готов Gudai-Gudija – гудай-гудья восходит к древнему индоевропейскому понятию «чужак, иной, не такой как мы». Также по-цыгански «гаджьо» – чужак, любой кто не цыган. Цыгане как минимум соседи ариев, принесших в Индию протоиндоевропейский (трипольский) язык (он же санскрит).

Для жителей древней Беларуси и Северной Украины готы не представляли опасности или конкуренции, они были обычными «гастролерами», чужаками – гаджьо – гудья. Они не задержались в тех краях и отправились на опустевшие земли «царских» скифов-кочевников. Такой же пришлой наволочью были позже гунны. Ни первые, ни вторые не могли предложить местным жителям ничего нового оригинального ни в технологиях, ни в социальной организации, а потому не оставили следов в истории наших народов. Немного помыкавшись в Причерноморье, они сгинули со страниц Истории.

По мере «обрусения» ятвягов во второй половине 1-го тысячелетия (в истинном смысле слова, а не в форме «русения мордвы» в XIX веке) и онемечивания пруссов, которые 4–5 тыс. лет назад были такими же потомками посттрипольских переселенцев, как ятвяги, литовцы, латыши, белорусы и вообще все в радиусе 1–1,5 тыс. км от центра Украины, эти субэтносы отдалялись друг от

друга. В итоге к концу 1-го тысячелетия понятие – «гуд(д)и» – чужой, пруссы перенесли на обступавших их со всех сторон истинных руссов, в которых к тому времени превратятся ятвяги. А много позже (в XV–XII вв.) прусское имя первичных русских-русов (то есть ятвягов) было перенесено на московитов (также как эстонское «вене» и латышское «криви»).

После возникновения в IX веке Киевской Руси ятвяги потеряют или передадут бренд «русы». На 400–500 лет он перейдет к киевлянам. С XIV века название «русы – руссия» периодически будут использовать иностранцы применительно к белорусско-украинским землям. И только с 1721 года его присвоят московиты.

Примерно к V–VI вв. почти по всей территории Украины и Беларуси (с окрестностями – юго-запад Литвы, северо-восток Польши), образно говоря, был усыпан равномерным слоем фактически единого этноса, известного в трех основных ипостасях: 1) прото-русов – наездников (русов версии 0.1), 2) невров-земледельцев, 3) венедов-кривичей (лодочников). Этот восточнославянский протоэтнос включал в себя субэтносы ятвягов, дулибов, антов, склавенов (см. еще раз рис. 12).

Предтеча феномена викингов

Начиная с первых веков нашей эры на территорию Беларуси (включая ближайшие литовские и украинские районы) стали прибывать иммигранты – скандинавы. Это на Западную Европу в VIII–IX вв. они наводили ужас, а тут были просто «гастарбайтерами», хотя и с чувством собственного достоинства. От ятв. vītingis – благородный, воин, трансформировавшееся в западноевропейское викинг и славянское витязь. Этому понятию созвучны Vītinīkai – лодочник; vītinīkas – моряк (понятно, речной ладьи), он же вик(т)инг(ас), он же викинг.

При этом финское vene – лодка, путем двух- трехзвенных трансформаций превращается в ятвяжское **vītine** – грузовая лодка (= команда корабля). Вероятно, ятвяги заимствовали понятие лодки у эстонцев с побережья Рижского залива, который от них всего в неделе пути верхом на русах. Возможно, наоборот – финны превратили **vītine в vene**; вопрос для лингвистов, смысла это не меняет.

Таким образом, Беларусь – родина концепции Викингов, воинов-завоевателей на судах-лодках. А Витебск – топоним витингов-викингов.

В ятвяжском словаре **Rōssai (русы)** – означает Varangians – варяги (пришельцы, скитальцы), те же викинги. Поначалу я так и думал, как принято всеми: мол, русами назывались скандинавы (норманны – северные люди), которые ассимилировались и передали это название Киевской Руси. Однако факты – топонимы-гидронимы, словари, логические связки говорят, что все было наоборот: в Róss-menn (росомонов) скандинавы превращались, побывав на южных берегах Балтики и сплавав по Неману (центральная магистраль), а также Висле и Двине в Беларусь. Известно, что росомонами называли норманнов (еще до феномена викингов – в начальные века нашей эры) за пределами Дании и Скандинавии. Изначально, прозвище-этноним давали по конечному пункту прибытия в землю пре-русов – ятвягов на стыке нынешних Летувы – Беларуси – Польши. Затем оно стало нарицательным и любой реэмигрант из тех краев оказывался росомоном.

Даже идея полувоенной экспансии-расселения у скандинавов-викингов вторична относительно славян-пре-русов из обширного региона белорусско-польско-украинского пограничья, откуда они расселялись во все стороны с III–IV вв., но особенно активно в VI–VIII вв.

Сейчас уже невозможно установить, да и не так это важно, какой капсюль воспламенил порох субстрата пре-русов и вызвал пассионарно-популяционный взрыв славянской экспансии. Однозначно, скандинавы не могли быть искрой, мотором перемен – например, в Киев и Новгород они явились просто в виде физических тел – дружинников ятвяжских (пре-русских) князей. Собственно скандинавов в этих дружинах (и вообще на Руси) было всего 7–9 % от общей численности населения. Именно столько мужчин сегодня являются носителями скандинавской гаплогруппы I1 в Украине и Беларуси.

Эти военные предводители (князья) играли роль тех песчинок, вокруг которых в раковинах-жемчужницах Киева, Новгорода и Полоцка выросли жемчужины государственности.

Песчинка может быть любая, но определяющим является способность раковины продуцировать перламутр. Если раковина не созрела, не подходит среда или в принципе не тот вид, то жемчуга не будет. А если предпосылки готовы, рано или поздно при попадании внутрь любой песчинки в раковине вырастет жемчужина. Мы знаем, что несколькими веками раньше вблизи тех краев в намного большем количестве проходили готские племена, однако они нигде не создали более-менее устойчивой государственности.

Русы (и лошади, и наездники) тут были изначально. Не только в Будинии (Беларуси) и Скифии (Украине), но и далеко на северо-запад вплоть до реки Одер (Одра). Вероятно, вторжение массагетов в VII–VI вв. до н. э. вытеснило часть невров-земледельцев из центральной Украины именно туда. Там они постепенно превратились в полабских славян – сербов, ободритов и прочих. В ятвяжском языке sēbra – компания, товарищество, что точно отражает суть этого небольшого межэтнического популяционного убежища (позже, во время расселения, славяне принесли этот этноним на Балканы). По идее, их R1a гаплогруппа должна совпадать с украинской и белорусской популяцией (минимум наполовину), а не с ближайшей к ним польской. От ятвяжского происходит белорусское сябр, сябар – друг. В нормальных обстоятельствах компания состоит только из друзей.

Еще дальше на острове Рюген находилась крайняя северо-западная точка экспансии славян-русов. При этом русы-руги-рюги с территории нынешних Украины и Беларуси были первичны и принесли этноним на север нынешней Германии, где несколько веков сохранялся русо-славянский субстрат, позже поглощенный саксами-саксонцами. Языческие верования рюгенцев были тождественны верованиям литовцев, белорусов и украинцев 1-го тысячелетия нашей эры. Известно, что в святилище Аркона на Рюгене особо почитались кони. Культ коня существовал у древних пруссов и литовцев. Он восходит к ариям-трипольцам 5–3 тысячелетия до н. э., транзитом через почитание коней скифами.

Скандинавы-варяги нашли взаимопонимание с местными «лодочниками» (венетами-кривичами) и воинами (наездниками – русами-ятвягами). Они охотно переняли бренд «русы», немного переделанный на западноевропейский манер в «росомоны» – «люди русов». Понятно, что они собирали дань с окрестностей своих поселений. Играли роль налогово-таможенной инспекции, обирали трудовой народ невров-земледельцев для прокорма князей и себя самих. Но войн, погромов и прочего разорения не учиняли, и то хорошо.

Зная такие факты, нетрудно объяснить смысл сообщений арабских путешественников начала II тысячелетия:

> Сами же они спускаются по воде для торговли и не сообщают ничего о делах своих и товарах своих и не позволяют никому следовать за собой и входить в страну свою. (# Подразумевается Припятское озеро-море вместе с реками-притоками, а также Березина и Днепр по которым можно проплыть через всю Беларусь и Северную Украину).
>
> ...Из страны Арсы привозят на продажу оружие очень высокого качества, вывозят оттуда серебро и олово, чёрных соболей и лисиц и некоторое количество рабов» ...в городе Urtab «производят очень ценные клинки для мечей и мечи, которые можно согнуть вдвое, но как только отводится рука, они принимают прежнюю форму.

В средневековье олово добывали на Британских островах, откуда оно через готов и викингов-варягов попадало к Ятвягам. Серебро – в Чехии, откуда Ятвяги возили к себе по Западному Бугу. Мечи они делали сами, никакой арабский Халифат им был не нужен. В тех краях металл плавили из болотной руды с помощью торфа (бурого угля). На Волыни – в южной оконечности ятвяжского ареала – есть довольно крупный город Ковель, прочие Ковали и Ковалевки, а также многочисленные Рудни, Рудьки, Рудикі, Рудькі (рудники) в украинском и белорусском Полесье.

Русы-витинги-викинги собирались на островах-возвышенностях посреди Припятской низменности в районе Пинской и Мозырской гряды, куда они сплавлялись по десяткам рек с обширной территории всей Беларуси. Именно эти топкие острова, в паводок почти вровень с водой, и упоминали арабские путешественники, называя их «островом русов». Второй «сборный пункт» был в Киеве, куда напрямую приплывали северяне (белорусы) по Днепру, Березине, Сожу, Десне. Причем в Черное море русы выходили не только по Днепру, но также по Южному Бугу и Днестру.

Постепенно иммигранты-скандинавы полностью ассимилировались в наших краях. Именно потому, что не привнесли никаких инноваций (нет инноваций – нет и первичности-верховенства). Следов скандинавов нет ни в Киеве, ни вообще в Украине, а также в Беларуси, кроме нескольких имен, вроде Олег, Ольга, Игорь.

Теперь осталось локализовать ядро русов версии 1.0 – тех, которые сели в Киеве и дали толчок к образованию Киевской Руси.

На рис. 14 – схема топонимов-этнонимов. Выделены топонимы, имеющие отношение к возникновению феномена (бренда) русов – кривичи, прусы, ру-

саки, ятвезь (это все местные) и шведы (варяги). Крупная звезда обозначает географический центр ядра ареала русов в районе Новогрудка. Видно, что у составителей не хватило ресурсов проанализировать топонимы в соседних Летуве и Польше. Ареалы неестественно сплющиваются на литовском и польском пограничье.

Однако схема хорошая. Например, еще раз подтверждает правильность нашего вывода о первичности белорусского Мурсианского озера (в Припятской низменности) перед польской Мазовией. В случае первичности последней, белорусские топонимы мазуров – «М» должны были кучковаться ближе к ней, то есть на западе гродненщины и брестщины, но они расположены в противоположной части страны, именно там, где есть болота.

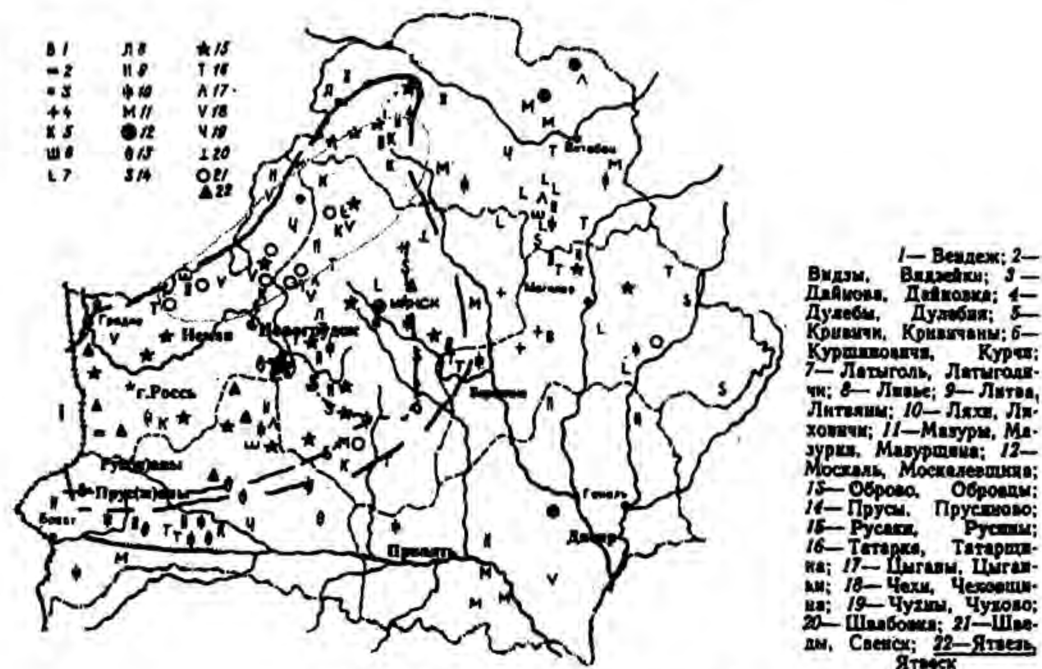

Рис. 14. Схема топонимов и этнонимов

А вот эта схема (рис. 15) позволит определить «ядрышко» откуда «есть пошла русская земля» с точностью до нескольких десятков километров. Найти схему можно на ресурсе karty.by, но изначально она происходит из работы то ли белорусских, то ли литовских археологов. Очень правильная схема, очерчивающая ареал ятвяжских (читай, пре-русских) курганов. Расположение звезды в центре топонимов кривичей-русов перенесено с предыдущей схемы. Дополнительно мной нанесены гидронимы и топонимы русов и государственные границы. Здесь мы видим, что ареал пре-русов продлевается на северо-запад в район белорусско-литовско-польского пограничья.

Таким образом, с учетом плотности гидронимов-топонимов и курганных захоронений, сакральный центр русов локализуется в четырехугольнике Ружа-

мы – Сувалки – Эйшишкес – Новогрудок. Если же учитывать топонимы пре-русов предыдущей схемы, а также из предыдущих глав, то он смещается восточнее и сужается до ядра в районе Эйшишкес – Новогрудок.

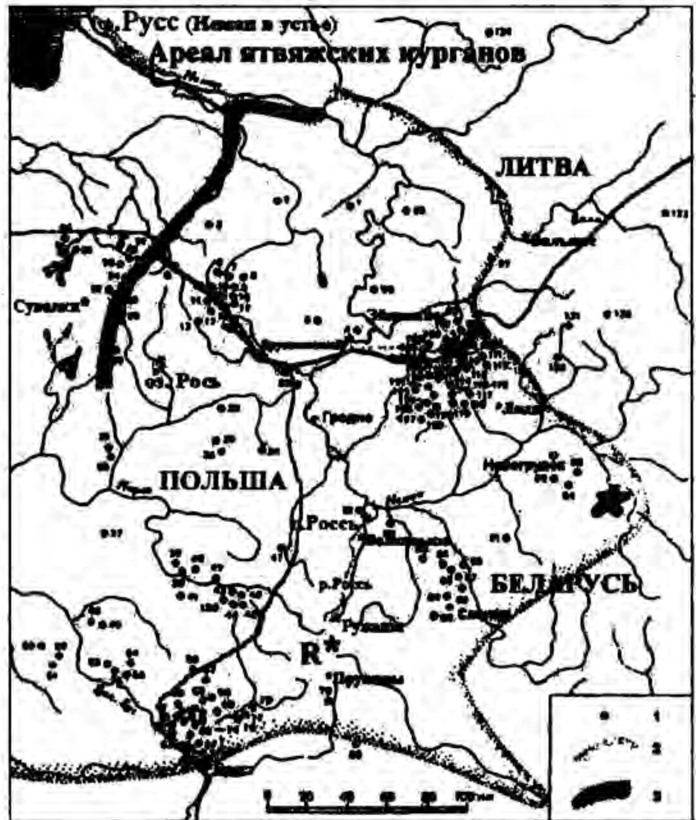

Рис. 15. Ареал ятвяжских курганов

Впрочем, еще не конец Истории. На основе этой и других работ можно заметить цикличность расселений-переселений народов и пассионарные всплески активности в виде возникновения цивилизаций в нашей части света:

- 15000 и 18000 лет назад – возникновение европейских гаплогрупп R1b и R1a;
- 12000 лет – климатический период Атлантика – интенсивное таяние ледника, начало заселения Европы.
- 9000 лет – расселение людей по всей Европе после схода ледника, заселение Скандинавии;
- 7600 лет – «Черноморский потоп» и начало Трипольской цивилизации;
- 6300 лет – расцвет Трипольской цивилизации;
- 4500 лет – начало трипольского расселения, «обнуление» Y-хромосомных гаплогрупп восточных (R1a) и западных (R1b) европейцев;
- 3750 лет – поздние посттрипольцы (арии-гиперборейцы), вызвавшие Турбинско-сейминский феномен, а также дошедшие до Индии + начало экспансии кельтов в Западной Европе. Начало расцвета античного мира в бассейне Средиземного моря;
- 2500 лет – невры/скифы/массагеты;
- 1250 лет назад – славяне/русы/викинги.

(# захватчики «вне расписания» вроде готов, гуннов, монголов не считаются носителями пассионарных популяционных паттернов, они – банальные оккупанты).

Первичность украино-белорусского региона подтверждают письменные свидетельства античных авторов, в первую очередь Геродота (V век до н. э.),

а также более поздних авторов. Невры, гелоны и будины локализованы в северной половине Украины по обоим берегам Днепра, а также по всей Беларуси, где уже в те незапамятные времена жизнь била ключом. Если бы нечто подобное было на территории современной Польши, Чехо-Словакии или Германии, то до Геродота (соответственно и до нас) дошли бы хоть какие-то сведения, кроме того что там обитают «барбарос». Например, воспоминания об осколке Триполья – Гиперборее были живы и дошли до историка через 1000 лет после ее гибели.

Кому мало лингвистическо-топонимическо-логических доказательств первичности белорусско-украинского ареала относительно западных славян – поляков, чехов и словаков, тем придется дождаться данных генеалогического проекта углубленного изучения Y-хромосом упомянутых народов для получения 100 % пруфа. Как это уже произошло в результате московского проекта по изучению так называемых «русских» генов, оказавшихся белорусско-украинскими, что подтвердило гипотезу о первичности белорусов-украинцев относительно своих северо-восточных соседей.

Вернемся к белорусам, которые держат «контрольный пакет» предприятия по продуцированию русов версии 1.0. Думаю, они еще скажут свое слово в Истории, но это отдельная тема. Фактически, исходным ареалом русов-1.0 была вся Беларусь. И даже восточнобелорусские города Смоленск и Полоцк изначально были городами русов, поэтому ничего не говорится в летописях о призыве туда варяжских князей – они там уже были.

Так как ядро русов локализовано почти в центре Беларуси, то топонимы географических прусов, назовем их так – то есть тех, которые пограничны с русами, могут быть в любой стороне от них и даже на восточной окраине страны в Витебской и Могилевской областях, что и видно на схеме. Это подтверждает вывод о первичности этнонима русов и вторичности, производности этнонима пруссов (исторических) в междуречье Вислы и Немана (Русса).

Так что название Пружаны в равной степени может являться как топонимом географических пруссов, которые около русов (ближайший топоним которых Ружаны), так и производным от понятия контрольно-пропускной пункт на ятвяжском **Prazengt**, прус. **Praçisenis** – проход, переходить; прус. PRAWESTUN перевести (переправить) + прус. WEZZENIS (перевоз) = Правежженис – Пражени – Пружаны.

Несколько слов о древнеславянской мифологии. Как обычно, в каждом мифе есть доля правды. Например, сказания о богатырях асилках, велетах (укр. велетні – великаны) «создававших реки и воздвигавших утесы». В древности плотность населения была в десятки раз меньше нынешней, все жили разрозненно и люди из отряда-дружины в сотню человек, запрудившие речку для поднятия уровня воды на 1–1,5 м для прохода десятка своих лодок, окрестным хуторянам казались силачами-великанами, демиургами, меняющими ландшафт. А относительно высокие европейцы-северяне на низкорослых тарпанах-русах у которых ноги действительно были низко к земле, казались великанами арабским путешественникам, особенно если смотреть издалека. Тут же ятвяжское

silanikas – язычник, дровосек – путем 2-х звенного преобразования превращенное в асилка.

Упоминаемые несколькими средневековыми летописцами «люди с песьими головами» (на самом деле волчьими) – это геродотовы невры-колдуны, затем ятвяги, еще чуть позже витинги-гастарбайтеры в Беларуси, а затем собственно викинги, перенявшие у невров-ятвягов-русов-белорусов звериный культ.

Рис. 16. Сарматия европейская и азиатская

Катастрофа
(вместо заключения)

За 12 лет до нашествия Батыя на Киев, в 1230 году, в этих краях случилось сильное землетрясение, разрушившее в Киеве несколько церквей (известно по киевским летописям). О силе его можно судить по тому, что когда в конце 1970-х годов до Киева дошли отголоски землетрясения в Румынии, то по стенам многих современных домов пошли трещинки, но ни одной не было в церквах. Построенных 500–1000 лет тому назад.

Вероятно, от этого изменился рельеф в районе впадения Припяти в Днепр. Ледниковые моренные отложения, которые создавали естественную запруду с небольшим стоком для Припяти сдвинулись и уровень Припятского озера мало-помалу снизился до нынешнего (вернее, до уровня перед активной мелиорацией в советский период). В результате транспортная способность Мурсианского озера многократно ослабла, а значит и интенсивность коммуникаций, и мобилизационная способность всего этого большого региона. Это позволило Батыю одержать верх и положило начало упадку Киевской Руси.

P.S. Полная версия работы представлена на сайтах www.history-belarus.by, www.independent.academia.edu/АлександрГальченко

ЛИТЕРАТУРА:

1. *Клёсов А. Происхождение славян. ДНК-генеалогия против «норманнской теории», 2013.*
2. *Бурдо Н. Б., Відейко М. Ю. Енциклопедія Трипільської цивілізації. Том 1, кн. 1., Киев, 2004.*
3. *Культура боевых топоров // Большая Советская Энциклопедия. Изд. 3-е. М., 1978.*
4. *Бурдо Н. Б., Відейко М. Ю. Трипільська Культура. Спогади про золотий вік. Киев, 2007.*
5. *Krzysztof Rębała and another. Y-STR variation among Slavs: evidence for the Slavic homeland in the middle Dnieper basin. // Journal of Human Genetics/ May 2007, Volume 52, Issue 5, pp 406-414.*
6. *Коновалова И. Г. Восточная Европа в сочинении ал-Идриси. Москва, 1999.*
7. *Мосенкис Ю. Общемировой праязык: теоретические основания реконструкции. 2007.*
8. *Археология Украинской ССР. В трех томах. Том 2. Киев, 1986.*
9. *Закиев М. Происхождение тюрков и татар. Скифо-сарматские этнические корни тюрков. 2002.*
10. *Иордан. О происхождении и деяниях гетов. Части 34—35.*
11. *Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. М., 1993.*
12. *The Encyclopaedia Britannica. Том 22. 2003.*
13. *Кто вы, рудокопы России? // «Знание», 1990, № 1.*
14. *Жиленко І. В. Синопсис Київський. Лаврський альманах. 2002.*

ТЮРКСКИЕ КОРНИ ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОЙ ЗНАТИ

Евгений Сытник

1. ТЮРКСКИЕ КОРНИ ПОЛЬСКОЙ ШЛЯХТЫ

Благородными разумеются все те,
кои или от предков благородных рождены,
или монархами сим достоинством пожалованы.

(«Свод законов Российской империи», том 9, ст. 15)

К V веку н. э. на просторах от Вислы до Волги, сложилась, в общих чертах, такая этническая картина: северную, лесную часть этой территории заселяли славянские и финно-угорские племена, а южную, степную, часть — тюрки.

Начиная с V века н. э., со времени Великого переселения народов, волны тюркской экспансии, догоняя одна другую, накатывались на область славянского расселения — леса между Вислой и Днепром. Часть тюрок оседала на новых территориях, часть продвигалась дальше, на северо-запад и запад. Одним из конечных пунктов их продвижения на запад стала Саксония. Феномен многочисленного саксонского мелкого рыцарства (саксонской «шляхты»), до сих пор является загадкой германской истории, выделяя эту землю из ряда других Германских земель.

Что касается Польши, то рискну высказать гипотезу, что пришедший из Степи шляхетский народ-войско подчинил местных, условно говоря, польских славян и занял среди них положение господствующего класса. Постепенно местный славянский народ был превращен в народ рабов и хлопов.

Одно из тюркских племенных объединений, издревле живших где-то в степных предгорьях Северного Кавказа или в Северном Причерноморье, в VII–VIII вв. начали движение в сторону запада Европы и осели на территории юго-восточной части современной Польши — Малой Польше и в Подляшье*, образовав многочисленную малопольскую шляхту, «гнезда» которой были со всех сторон окружены чуждой славянской стихией. Во всем были различны эти две силы. Как и все остальные тюрки-кипчаки, шляхетский народ в это время уже

Из книги: Сытник Е. А. Этно-экономические симбиозы: очерк истории Восточной Европы. Донецк: «Едит», 2007, с. 91–99, 106–120, 124–133.

* Подляшье — историческая область в западной части территории расселения белорусского этноса, находится в бассейне рек Западный Буг и Нарев. С 1569 по 1795 гг. в составе Польского королевства (Бельский, Брестский, Дорогичинский, Каменецкий, Кобринский, Мельницкий поветы). С 1807 по 1917 г. в составе Российской империи. С 1921 г. в составе Польши (в 1939–41 гг. в составе СССР). — *Прим. ред.*

был христианским: христианские принципы построения семьи у шляхты (один муж — одна жена) резко контрастировали с беспорядочным сожительством в среде славян.

Кожаные сапоги шляхты, другие восточные элементы одежды столь же мало походили на лапти славян, сколь шляхетские кривые железные сабли — на деревянные колья.

Но не только особенности одежды и быта ясно указывали на иноплеменность славян и шляхты по отношению друг к другу. В подтверждение тезиса об иноплеменности этих двух народов, бывших одновременно и разными социальными классами Польши, приведу два аргумента: социально-психологический и количественно-демографический.

Социально-психологический аргумент

В любом классово структурированном социуме отношения между классами имеют психологическую составляющую, всегда окрашенную в какой-то эмоциональный цвет. Это может быть либо спокойная атмосфера социального партнерства — на одном краю спектра, либо отношения непримиримой вражды и иррациональной ненависти — на другом. Со школьной скамьи всем известно, что польская шляхта эксплуатировала польских селян (хлопов) настолько жестоко, что подобное не практиковалось ни в одной стране Западной Европы. Например, во Франции или в Рейнской Германии, где крестьяне сохраняли значительные права.

Скульптурная реконструкция сарматов по черепам из Филипповских курганов, Южное Приуралье (V—IV века до н.э.) Автор реконструкции Т.С.Балуева

Так бесчеловечно, как шляхта относилась к селянам, можно было относиться только к другому, чуждому и презираемому народу, но не к своим соплеменникам, пусть даже и опустившимся по социальной, имущественной шкале. Кстати, обедневшие шляхтичи все равно продолжали пользоваться всей полнотой политических прав.

Факт существования в Королевстве Польском безземельной шляхты, которая все равно пользовалась политическими правами, показывает ничтожность роли имущественной дифференциации в вопросе определения принадлежности к шляхте. Шляхтичем, как правило, можно было стать, только им родившись, и это доказывает, что шляхта была прежде всего народом, а уж затем — классом. Верно будет сказать и так: прежде чем стать классом польского общества, шляхта была отдельным народом. Тюркокровным народом-войском, спаянным в единое целое понятиями взаимопомощи и дисциплины.

Сарматский легковооруженный всадник. I в.

Количественно-демографический аргумент

Дворянство, вырастающее из однонациональной с ним среды соплеменников благодаря службе монарху и личным выдающимся качествам (уму, силе воли, храбрости, организаторским способностям и т. д.), всегда состоит в известном количественном соотношении к основной массе своего народа.

Например, во Франции, стране самого блистательного европейского дворянства, максимальная численность всех дворян достигала в лучшие времена 17 тысяч семей [1].

Половецкий легкий конник. XI в.)

И это на 15–17 миллионов человек населения Франции в XVI–XVIII вв. [2, с. 64, 81].

Если даже считать по максимуму, что численность членов семьи дворянина в среднем составляла 6–7 человек, то получим, что численность дворянства не превышала 0,8 % от общей численности населения страны. Схожая картина и в других западноевропейских странах.

Даже Испания, породившая в процессе Реконкисты многочисленный слой мелкого дворянства (идальго и близкие к ним категории), характеризуется показателями такого же порядка. Там численность дворянства в XV–XVII вв. не превышала 1,5–2 % от численности всего населения. Вообще, Испания времен Реконкисты (VIII–XV вв.) дает нам ярчайший пример происхождения основной массы дворянства из среды простолюдинов – крестьян и горожан. Такое дворянство однонационально с народом, из которого оно вышло. Вышло благодаря заслугам перед королем и благодаря милости короля.

Польские «кольчужные» дружинники (шляхта) 2-й половины X — начала XI в.

Реконкиста создала огромный по масштабам и очень длительный по времени (800 лет!) спрос на военную и административную службу королю, спрос, который и был удовлетворен одаренными выходцами из народной массы, благодаря своим заслугам превратившимися в дворянство.

Совсем не то было в Польше. Там в XV–XVI вв. насчитывалось более 300 тысяч (!) шляхтичей, что при приблизительно четырехмиллионном населении государства составляло 7,5–9 %, а по некоторым оценкам и более. Получается, что в Польше удельный вес дворянства в общей численности населения был в 3–4 раза выше, чем в Испании, и в 9–10 раз выше, чем во Франции. Столь многочисленное дворянство не могло образоваться из народных низов в ходе естественного процесса. В противном случае мы должны предположить осуществление Польским государством столь же масштабных и длительных военных усилий, какие были осуществлены Испанским государством, и даже более, что не соответствует действительности: ничего похожего на восьмивековую Реконкисту Польша не знала.

Польские рыцари (шляхта) середины XIII в.

Следовательно, уместен вывод о некоем ином пути генезиса польского дворянства – шляхты. Пути, весьма специфическом. А специфика эта заключалась в том, что шляхта в виде уже готового к господству слоя пришла в Польшу извне, и еще долго оставалась отдельным народом. Славянская Польша была принуждена импортировать тюркокровную знать из Великой Степи.

К слову, сама шляхта, в отличие от современных историков, считала себя отдельным народом, и называла себя именно «народ шляхетский» (naród szlachecki).

Славяне сопротивлялись пришельцам. В 1037–38 гг. Польша содрогнулась от первого мощного славянского восстания, имевшего четко выраженную языческую подоплеку. Запылали имения шляхты и духовенства, а в лесах разгорался другой огонь – огонь языческих костров, и прыгали, скакали через них в дикой вакханалии косматые тени...

Шляхта справилась с восстанием. Потомки славных степных воинов оказались сильнее славян. С того страшного испытания она пронесла все следующие века чувство локтя, чувство национального, сословного товарищества. Выстояли потому, что каждый был за всех, а все за одного. Выстояли и пошли в гору.

Вот основные вехи восхождения шляхты как класса на вершину ее могущества в Польском государстве.

Польские доспехи в сарматском стиле

Король Людовик I Анжуйский (правил в 1370–82 гг.) подписывает Кошицкий привилей 1374 г., закрепляющий привилегированное положение шляхетского народа в государстве Польша.

Нешавские статуты 1454 г. еще более расширили права шляхты.

Петрковский статут 1496 г.: шляхта оттесняет польские города от внешней торговли, сама осваивает роль посредника в международной коммерции.

Радомская конституция 1505 г. Шляхта усиливает свое влияние в Сейме.

Генриковы артикулы, принятые Генриком Валуа (король в 1573–74 гг.), ставленником шляхты, превращают Польшу в своеобразную шляхетскую республику, где все – для шляхты, и почти ничего – для остальных.

Степь – это воля. Шляхетский народ, вышедший из Степи, состоял из вольных личностей, степень свободы каждой из которых юридически приравнивалась законами Речи Посполитой почти что к степени свободы королей. Голос одного несогласного шляхтича мог отменить принимаемый Сеймом закон (принцип liberum veto).

Шляхта, в отличие от западноевропейского дворянства, в основном возникшего из простолюдинов в процессе службы своим королям, изначально состояла из людей знатных и вольных, которые сами приглашали королей служить себе.

Короли Польши – это, говоря современным языком, короли-менеджеры, а не «средоточие Все-

ленной», не священные особы, как во многих других монархиях. В то время как почти во всей Европе и в Азии троны переходили от монарха к монарху по наследству, в Речи Посполитой короли избирались шляхетским народом.

Постепенно шляхтичи-завоеватели восприняли язык побежденных славян, подобно тому как нормандцы — язык покоренных ими англо-саксов. Впрочем, немало шляхтичей предпочло переходу на славянский язык непосредственный переход на латынь, так и не научившись толком славянскому языку своей новой родины.

Шляхта была лишь одним из ручьев, вытекавшим из того обширного тюркского этнического моря, которое простиралось в древние времена на степных просторах южной половины Восточной Европы. Следом за ними, порой дыша им в спину, шли другие тюрки, державшиеся ближе к Степи и формировавшие в степном пограничье свои воинские сообщества — казаки.

На значительных территориях, названных впоследствии Украиной, шляхта и казаки стали дружественными группировками господствующего над славянами класса.

* * *

Мое предположение об инокровности шляхты по отношению к польским славянам и об ее изначальном достоинстве, не нуждавшемся в милости королей можно подтвердить статистически. Если обратиться к статистике земельных пожалований в средневековой Польше, то можно увидеть, что за целые века количество имений, полученных различными людьми из рук короля, было крайне незначительным. Польский историк М. Счанецкий (M. Sczaniecki) установил, что, например, в течение всего XIII века земельные пожалования получили:

В Великой Польше — 31 человек;

В Малой Польше — 25 человек;

В Куявии, Ленчицкой и Серадской землях — 11 человек;

В Мазовии — 8 человек;

В Поморье — 27;

В Силезии — 32 [3].

Итого королевской милости удостоились 134 человека. При этом всего были пожалованы 184 деревни. И это на всю Польшу, за целые сто лет, при многотысячном шляхетском населении! Такими темпами далеко не уедешь. Чтобы шляхте стать тем, чем она стала, потребовалось бы несколько тысяч лет таких королевских «щедрот».

В реальной истории пожалования играли незначительную роль в становлении польского дворянства. Шляхта сама завоевала себе земли в зоне славянского Леса и поэтому считала себя, и на деле являлась, вооруженным хозяином края. Перед этими тюркскими господами, вооруженными хозяевами земли, были подотчетны все — включая короля.

Ввиду этого, шляхту не совсем правильно называть дворянством. Дворянство — это двор, дворня, всего лишь слуги, пусть даже королевские. Король в Польше сам был лишь слугой шляхты. Это он был при ней дворянином. Поэтому правильней шляхту называть просто словом «знать» и не пытаться подвести ее под дефиниции, характерные для западной части Европы.

Есть и другие статистические данные, которые можно использовать для иллюстрации того, что польская шляхта была именно и, во-первых, народом, а уже во-вторых, социальной общностью, классом.

Обратимся к изданиям Центрального статистического комитета (ЦСК) Министерства внутренних дел Российской империи, в которых содержатся данные о сословном составе населения России за ряд лет (1858, 1863, 1867, 1870 гг.). Из всех дат выберем самую раннюю – она ближе всего ко времени раздела Речи Посполитой между Россией, Пруссией и Австрией, и, следовательно, меньше всего эти данные искажены внутрироссийскими процессами.

При обращении к этим данным поражает численность и удельный вес польского дворянства, резко контрастирующие со среднероссийскими показателями. Так, в девяти западных губерниях Российской империи – Виленской, Витебской, Гродненской, Ковенской, Минской, Могилёвской, Волынской, Киевской, Подольской – то есть на территориях бывшей Речи Посполитой, поглощенной к тому времени Россией, по состоянию на 1858 год проживало 62 % от общего числа дворян всей Европейской части Российской империи! Для справки: в Европейской части России тогда насчитывалось 50 губерний.

Получается, что в остальных 41 губернии Европейской России насчитывалось лишь 38 % от общего числа всех дворян этой части страны*.

Удельный вес польского дворянства в общей численности дворянства Российской империи и далее, вплоть до революции 1917 г., оставался очень высоким – «свыше 40 % от общего числа дворян Европейской России» (Корелин А. П., с. 40).

Такое многочисленное дворянство, как польское, не могло сформироваться в результате одних лишь пожалований монарха. Именно поэтому оно своими количественными параметрами контрастировало с остальной империей. Россия, где дворянство, в отличие от старой знати – боярства, стало, в основном, формироваться при Петре I, за счет пожалований этого достоинства сверху, подтвердила закономерности, характерные для Западной Европы: дворянство, рожденное королевской (царской) милостью, вряд ли будет превышать 1–2 % от численности населения. Дворянство же изначальное, пришедшее из Степи, наоборот, очень многочисленно.

Например, в Вологодской губернии, то есть губернии, далекой от зоны Степи, по состоянию на 1858 год насчитывалось всего 1474 лица дворянского достоинства. В Архангельской губернии и того меньше – всего 710 человек. В то же время в Волынской губернии (бывшая территория Речи Посполитой) дворян насчитывалось 52 563 человека, в Ковенской губернии (тоже бывшая территория Речи Посполитой) – 90 тысяч! (Корелин А. П., с. 293–294). И это при том, что не за каждым шляхтичем бывшей Речи Посполитой Россия признала дворянские права. Так бы дворян в западных губерниях было еще больше.

Такая многочисленность имеет одно объяснение – шляхта была когда-то отдельным народом!

* Расчеты выполнены на основе статистических данных по губерниям, приведенных в книге Корелина А. П. «Дворянство в пореформенной России 1861–1904 гг.: Состав, численность, корпоративная организация». Москва, 1979, с. 292–297.

2. КАЗАЧЕСТВО КАК ФЕНОМЕН ТЮРКСКОГО МИРА

Играло ли бегство от крепостного права главную роль в возникновении казачества?

В российской исторической науке как дореволюционного, так и советского периодов, в том числе в советской украинской науке, и в общественном мнении, устоялась точка зрения (повторяемая и зарубежной исторической наукой), согласно которой казаки – это беглые крестьяне. Крестьяне, выходцы из славянских областей лесного Севера Руси и беглые от крепостного права. В наиболее рафинированном виде эту точка зрения выразил историк Орест Субтельный, заокеанский украинец, согласно которому, казаки – эдакие ковбои Украины, бывшие крестьяне, научившиеся хорошо воевать, и противостоявшие, прежде всего, тюркскому миру – татарам и туркам.

Чтобы увидеть примитивизм данной точки зрения и ее грубое несоответствие действительности, достаточно обратить внимание на одно очень важное обстоятельство.

Дело в том, что сроки введения крепостного права в России и в Великом Княжестве Литовском не согласуются со сроками образования казачества у южных границ этих государств. Оформление и расцвет крепостного права в России приходится на XVIII век, тогда как Донское казачество известно уже с конца XV века. Получается минимум двухсотлетний разрыв!

В Великом Княжестве Литовском (далее – ВКЛ) крепостное право было введено в конце XVI века, а Запорожское казачество достоверно известно уже с конца XV века. Опять нестыковка в целый век!

От чего крестьяне бежали, если бежать, в общем-то, было еще не от чего? По крайней мере, социальный гнет не мог еще допекать крестьян настолько, чтобы сдвинуть с места большие массы людей. Для того, чтобы заставить человека бросить всё и куда-то переселяться, бежать, необходимы очень и очень веские причины. А их-то как раз и не было в рассматриваемое время, когда казачество уже формировалось.

Грандиозные переселенческие процессы с севера на юг, которые, якобы, породили феномен казачества, были невозможны и с демографической точки зрения. Численность населения казачьих областей Днепра и Дона, по самым скромным подсчетам, в XV–XVI вв. составляла сотни тысяч человек. Могло ли 7–8-миллионное населении Московии плюс Литвы, то есть государств зоны Леса, дать столько переселенцев в Степь? Сколько же должно было быть беглецов! Такое массовое убытие рабочей силы было бы настоящей социальной катастрофой, обескровившей экономику, и уж, по крайней мере, не осталось бы без внимания летописцев. Но русские и литовские летописи XV–XVI вв. не зафиксировали сколь-нибудь значительных движений крестьянского населения с лесного Севера на степной Юг.

Освоение новых территорий – дело не простое и не легкое. Зона БАМа, осваиваемая в XX веке в СССР с помощью современной техники и усилий тоталитарного государства стянула к себе не более десятых долей процента от общей численности населения страны, да так и не стала по-настоящему обжитой.

А на Дону в XV веке были многолюдные станицы и великолепные храмы, мощные крепости и знаменитые города.

Даже столь краткий обзор противоречий, связанных с крестьянской теорией происхождения казачества, заставляет усомниться в ее правильности. Рассмотрим проблему поближе.

Днепровские казаки — потомки Черных клобуков

Какой же этнический резервуар подпитывал казачество в то время, когда славянский север Литвы и Московии еще далеко не готов был снабжать его демографическими ресурсами? Я разделяю ту точку зрения, что казачество является продуктом тюркского мира.

Само слово «козак» (в украинском варианте), «казак» (в русском варианте), Kozak (в польском оно пишется именно с большой буквы — как название народа) — тюркского происхождения. В половецком языке это слово означало — сторож, охранник. В турецком языке — вольный, ни от кого не зависимый человек.

Старинные летописи и документы уже во второй половине XV века упоминают о казаках, причем о татарских казаках. Так, итальянские торговые города в Крыму (например, Кафа) нанимали за плату для своей охраны степняков-тюрков, и эти отряды легко вооруженной, подвижной татарской конницы назывались казаками.

Документ 1492 года, жалоба Крымского хана Великому князю Литовскому, называет казаками людей из Киева и Черкасс, которые в устье Днепра совершили нападение на турецкий корабль. Годом позже хан называет казаками дружину черкасского старосты Богдана Глинского, который с ее помощью штурмовал Очаков — турецкую крепость на Черном море. С этого времени, с конца XV века, слово «казак» уже не сходит со страниц исторических документов.

Черные клобуки

Я считаю, что казачество — это коренное население Степи, происхождение которого нет необходимости объяснять через миграцию туда славянского населения. Казачество — это тюркское по крови и христианское, православное по вере автохтонное степное население.

Это нетрудно доказать даже с точки зрения обычного здравого смысла и логики. Из-за того, что за все годы советской власти в Англию эмигрировало, скажем, 60 человек – политических диссидентов из Советского Союза, мы ведь не делаем вывод о том, что все население Англии произошло от политических диссидентов из СССР. Точно так же должно быть и в случае с казачеством. Из-за того, что казаки, выражаясь современным языком, давали политическое убежище беглецам, в том числе и славянским (знаменитое «С Дону выдачи нет!»), не следует делать вывод о том, что все казачество произошло от этих беглецов. Но, к сожалению, все еще находятся историки, объясняющие происхождение англичан от беглых советских правозащитников...

На самом деле днепровское казачество ведет свое начало от народа Черных клобуков. Черные клобуки XII века были известны и под именем «черкасы» (как можно видеть у Н. М. Карамзина), то есть под тем же именем, что и запорожские казаки позднейших веков. С самых давних времен московиты называли запорожских казаков «черкасами», и это название жило вплоть до времен Екатерины II, и даже встречалось позднее. Да и в наше время украинцы – жители российского Поволжья, переселившиеся туда в XVII–XVIII вв. и тем самым законсервировавшие на этом временном уровне некоторые украинские языковые нормы, сохранили самоназвание «черкасы». Северокавказские черкесы, видимо, являются близкими родственниками запорожских казаков и через них, как одну из основ, сформировавших украинский этнос, и украинцев вообще.

Народ Черные клобуки был военно-служилым сословием Киевского государства, а, значит, частью его знати, привилегированных людей. Знатью, рыцарством считали себя и запорожцы. И небезосновательно. Краткий обзор имущественного положения казачества лишь утверждает нас в этом мнении.

Казаки были отнюдь не бедными людьми, как их представляла в советское время, да и позже, официальная история. Многие из них владели часто очень солидной земельной собственностью. Так, один из известных казацких «ватажков» XVI века Григорий Лобода владел двумя селами в Киевском воеводстве. Документы сохранили даже названия этих сел, существующих и поныне: Сошники и Салков. Для казаков, кто победнее, было характерным иметь один – два хутора «на Волости» с десятком-другим зависимых людей, которые работали на данного казака или прислуживали ему и членам его семьи в доме. У гоголевского Тараса Бульбы в доме прислуживают слуги.

Не только каждый казак в отдельности, но и вся казацкая организация как целое, тоже являлась крупным собственником земли и людей. Известный историк запорожского казачества Дмитрий Яворницкий (1855–1940) указывал, что на территории Войска Запорожского существовали поселения т. н. «седней»*, то есть прикрепленных к земле селян, находившихся в зависимости от Войска и рассматривавшихся казаками как коллективная собственность «товарыства». Иными словами, Войско являлось своеобразным коллективным крепостником по отношению к зависимым селянам-седням.

* Видимо, от слова «сидеть» (на земле). Название указывает на то, что эти зависимые от казаков люди были прикреплены к определенным земельным участкам.

Малоизвестный в советское время (по понятным причинам) российский историк казачества, генерал-майор и белоэмигрант Исаак Федорович Быкадоров (1882–1957), автор книги «История казачества», вышедшей в Париже в 1930 году, дает панорамную картину включенности казачества в политическую систему тюркских государственных организмов, сменявших друг друга в истории Степи: Золотой Орды, половецкого государства, Тмутороканского княжества.[46] Он продлевает тем самым историю казачества в прошлое за пределы ее общепринятого официально исходного пункта – XV века, и условная точка ее отсчета отодвигается в XIII, XII или даже в XI век.

Интересно полностью привести рассуждение И. Ф. Быкадорова о славянах и миграции славянского населения в период образования казачества:

> Для бегства славянского населения с севера, из лесной полосы, в степную, не было в то время побудительных причин, а, главное, оно и не могло бежать на юг, так как беглеца ожидали плен и рабство у половцев. Наоборот,... продолжалось вытеснение славян из степной и... предлесной полосы на север, в лесную. Лесная полоса имела громаднейшие свободные пространства, защищенные от кочевников самой природой; туда и уходило население, а не на юг, в степную полосу [«Казачий круг», 1991, спецвыпуск № 2, с. 45].

Запорожские казаки первых лет существования Сечи

Это тоже опровергает укоренившуюся теорию о крестьянском, славянском происхождении казачества. То, что славянин-мужик вообще и беглый славянин-мужик в частности, даже при большом желании и поддержке государства не сможет стать казаком, наглядно подтверждается примером из не

такого уж далекого прошлого, а именно из XIX века. Можно вспомнить знаменитые аракчеевские военные поселения, о которых всем нам твердили в школе как о проявлении «жандармской сущности царизма». Но на главный урок из этой аракчеевской затеи мало кто обратил внимание. А урок этот, по мнению Быкадорова, заключается в следующем:

> Попытка ... в первой половине XIX века образовать из великорусского населения особый тип казачества в виде аракчеевских военных поселений кончилась полной неудачей главным образом из-за отсутствия соответствующих качеств у великорусского народа [там же, с. 44].

Впрочем, народ, в отличие от историков, всегда, испокон веков знал разницу между казаком и мужиком. Былинный казак Илья Муромец, встретив мужика Ивана, говорит ему с иронией:

Запорожский казак XVIII в.

Дурак ты, сильное, могуче Иванище!
Силы у тебя есть с два меня
Смелости, ухватки половинки нет.
[Русские народные былины, Москва, 1958, с. 84].

Три тюркских народа, давших начало военным степным сообществам позднейших казаков – торки, печенеги и берендеи, потеснившие славян в результате революции князя Владимира, поселились на берегах реки Роси, и в историю вошли под именем «черных клобуков» за общий для них всех внешний признак – наличие черных барашковых шапок (т. н. клобуков)*. Этот головной убор стал элементом национальной одежды для всех поднепровских черкасов (казаков), а позднее и украинцев вообще.

Происхождение днепровских казаков необходимо вести от этих тюрков – Черных клобуков – черкасов, которые в результате тех серьезнейших этноэкономических и политических сдвигов X века, которые я называю революцией князя Владимира, вошли в жизнь Киевского государства и стали его вооруженными силами, военно-служилым сословием.

Отражением этих процессов в народном творчестве служат древнерусские народные былины с участием богатыря (батыра) Ильи Муромца. В этих былинах богатырь Илья Муромец часто называется «старым казаком». Вот она, преемственность и непрерывность степных военных сообществ, от богатырей времен пирующего Владимира до казаков времен Богдана Хмельницкого!

* Кстати говоря, и слово «шапка» – тюркское. В современном турецком языке оно означает то же самое, что и в русском.

Продолжает ли в наше время крестьянская теория происхождения казачества быть господствующей? В целом, да. В массовом сознании она все еще господствует. То же и в науке. Но начинают появляться работы, которые свидетельствуют, что некоторые добросовестные и непредвзятые исследователи уже начинают приближаться к пониманию ее ущербности. И это добрый знак, означающий, что стремление к истине не заглушить никакой толщей лжи.

Современный украинский историк Сергей Лепьявко (Сергій Леп'явко), автор монографии «Козацькі війни кінця XVI ст. в Україні» (Чернигов, 1996 г.), рассматривая взаимоотношения между селянством и казачеством, делает следующие важные выводы.

Во-первых, на начальных этапах развития казачества отношения его с классом селян были очень ограниченными. Малоподвижный, привязанный к земле и незаметный в политической сфере класс феодально зависимых селян до конца XVI века просто не имел с казачеством почти никаких контактов на волости, то есть Надднепровской Украине.

Во-вторых, переселение селян в тот период нельзя отождествлять с его превращением в казачество, переходом в это сословие (т. н. «покозаченням», оказачиванием).

И, наконец, в-третьих, селянин в классовом отношении и на новом месте жительства оставался селянином, то есть преимущественно не воевал, а работал на земле.

С. Лепьявко справедливо резюмирует:

> Таким образом, переселениями селянства и колонизационными процессами в границах XVI века невозможно пояснить механизм ... формирования классово-правовых особенностей казачества [указанная монография, с. 29].

Достаточно точно сказано.

Запорожское казацкое сообщество как военно-духовный орден. Возможные восточные корни его идеологии

У запорожцев слово кіш означало повозку с крытым верхом на двух больших колесах — типичный в быту степняков-тюрков со времен гуннов и, как их называли славяне, «половцев», самоходный шатер. Это большое изобретение древних тюрков, одних из предков современных украинцев.

В коше имелся небольшой кухонный очаг для огня — кабиця, на котором пастухи и воины готовили себе пищу, сушили одежду и грелись в непогоду. Своеобразная полевая кухня со всеми удобствами. Киш созывал разбредшихся по степи пастухов; он ждал их со своим теплом и вкусным запахом тетері — своеобразной полукаши, полусупа, которую готовили из ржаной муки и пшена.

В скоромные дни в коше можно было отобедать милаем, то есть мамалыгой, приготовляемой из просяной муки на одной воде, не соля ее, так как заедали мамалыгу соленым сыром или брынзой, типичным степным продуктом.

Одним из любимейших блюд запорожца были галушки, варенные вместе с пастрамой, то есть сушеной бараниной. А запорожские коржи из пшеничной

муки, называемые загребами, поскольку готовили их прямо в остывающей кабыце, загребая жаром и угольками... Много чего мог предложить голодным, промокшим людям киш (в русском произношении – кош). Он манил их, и каждый, кто уходил от него в степные дали, знал, что должен вернуться опять...

Тюркское слово «kiş» в более широком смысле означает «зима», «зимний», то есть место зимовки, нечто стационарное и защищенное, в противовес летнему и мобильному стану, открытому ветрам. Это слово в полной мере соответствует назначению коша.

Запорожская организация как целое, также понимаемая казаками и как высшая инстанция принятия важных решений, обязательных для всего их военного сообщества, также называлась словом Киш, и это слово как нельзя лучше соответствовало способу выработки таких коллективных решений*. Проводя большую часть года в разбросанных по степи небольших поселениях, часто состоявших из одного-двух строений, казаки с определенной периодичностью или по определенному сигналу для решения важных вопросов съезжались в некий общий центр, где проводилось собрание, в свою своеобразную столицу, Січ (в великорусском произношении – Сечь). Сечь имела и некоторое постоянное население, и более основательные строения, в которых это население могло успешно перезимовать и обороняться от противника, и оттого она была как бы общим, большим кошем.

Сечь, по сути, была своеобразным городом; этот город состоял из нескольких специализированных взаимосвязанных зон, каждая из которых была приспособлена для совершения определенных религиозных, военных и гражданских обрядов и мероприятий.

Территория Монастыря Запорожского (он же: городок, фортеця) была окружена высоким и мощным земляным валом с пушками на нем, а на некоторых участках была окружена и водой (в качестве водной преграды для потенциального противника использовались как речные берега, так и рвы с водой). Въезд на территорию Монастыря Запорожского осуществлялся через ворота огромной башни с казаками-часовыми на ней.

Здесь находились своя, монастырская, церковь, жилые дома т. н. запорожских панов, как называли современники казацкую старшину, в том числе не слишком пышный, без излишеств, дворец самого кошевого атамана – казацкого военачальника, историческую фигуру которого можно сравнить с магистрами католических духовно-рыцарских орденов на Западе, а также подземные арсеналы, склады пороха и оружия, знамен и клейнодов**, архивы. Одним из главных клейнодов запорожского кошевого атамана была булава. Вот как определяет булаву Большая Советская Энциклопедия:

> Булава, старинное оружие в виде стержня с головкой, длиной около 0,5–0,8 м... Это оружие характерно для Древнего Востока... У многих племен и народов булава была не столько оружием, сколько символом власти. До 19 века она служила сим-

* Для обозначения того, что все запорожцы выступили в поход, современники говорили: «всем Кошем».

** Клейноды – предметы церемониального и символического значения, в т. ч. знаки воинской власти, знаки подразделений, войсковые печати, коллективные награды от монархов, символы побед и т. п.

волом власти и достоинства у турецких пашей, польских и украинских гетманов. У казаков сохранилась до начала 20 века под названием насеки как принадлежность станичных и поселковых атаманов [БСЭ, 3-е изд., том 4, с.102].

Как видим, даже в официальных изданиях советских времен нет-нет, да и мелькнет крупица правды...

Слово атаман – тюркское, и означает «отец», «батько», или, если так можно выразиться, «отечествующий», «исполняющий роль отца» боевой командир. Не случайно в эпоху тюркско-славянского двуязычия казацкого народа, кошевого так и называли – батько-атаман, что, по сути, является повторением одного и того же слова, тавтологией.

К территории Монастыря Запорожского примыкала территория огромной площади. Здесь, на сечевом Майдане (майдан – тоже тюркское слово, означающее «площадь»), войско строилось для парада или собиралось большим полукругом для сечевой рады*. Над Майданом доминировал силуэт высокой звонницы, пристроенной к деревянной сечевой церкви, скромной снаружи и очень богатой внутри. Колокол звонницы было слышно в степи за десятки километров.

Открытое пространство сечевого Майдана прикрывал специальный бастион – укрепление с четырьмя прямоугольными бойницами на все стороны света. Из бойниц смотрели жерла тяжелых пушек. Эти орудия использовались и во время церковных церемоний по большим праздникам: в день Пасхи, в день Богоявления и в храмовый день (для сечевой церкви храмовым днем был праздник Покрова).

Сходившиеся в Сечь казаки во время нахождения в ней жили в своеобразных бесплатных гостиницах или общежитиях того времени – больших деревянных зданиях, расположенных вокруг Майдана, которые назывались куренями. Просторный курень мог вместить до 500 человек.

Была и коммерческая часть города, где иноземные купцы могли привезти и сгрузить свой товар, после чего войсковая казна производила с ними расчеты. На сечевой ярмарке, открывавшейся в определенное время года, кипел и частный товарообмен. Здесь купцы из разных земель Польши, Киевской земли, Литвы, некоторых германских государств покупали шкуры оленей, коз, лисиц, волков, зайцев, бобров, свиней.

Традиционной статьей запорожского экспорта была рыба, в изобилии водившаяся в реках, Черном и Азовском морях. Ввозило же Запорожье в основном хлеб и разные съестные припасы, как по каналам свободной торговли, так и в виде жалованья от Короля Польского или иных монархов (в зависимости от исторического периода).

Запорожскую Сечь несведущие люди часто представляют просто как точку на карте. На самом деле, нужно говорить не столько о крепости за днепровскими порогами, сколько об особом государственном образовании Запорожская Сечь, то есть о значительных территориях, громадных степных пространствах. Эта территория, называемая еще территорией Вольностей Запорож-

* Старинное слово «рада» происходит от латинского «радиус», отсюда построение людей полукругом или кольцом.

ских, простиралась от рек Буг и Ингул на западе до рек Дон и Кальмиус на востоке.

На юго-западе земли этого православного военно-духовного ордена граничили с причерноморскими территориями, принадлежавшими непосредственно Османской империи; на юге – с Крымским ханством; на востоке граничили с землями Донского войска; на северо-востоке по Северскому Донцу с конца XVII века шла граница со Слободской Украиной, возникшей во время войн Хмельницкого – редко заселенной территорией. находящейся под московским контролем. И, наконец, на всем протяжении северный рубеж был границей с Речью Посполитой, с ее Черниговским, Киевским и Брацлавским воеводствами, образовывавшими вместе Волость, или Волостную Украину, то есть Украину, находящуюся вне территории Запорожья. Территория Запорожской Сечи, таким образом, составляла 130–150 тысяч кв. км, то есть была примерно равна территории соседнего Крымского ханства, включавшего не только собственно Крым, но и прилегающие степные территории материка, а также Кубань.

Исследование устройства Запорожского Войска, обычаев действительных, а не придуманных позднейшими историками – очень сложная задача. Бесследно исчезнувшие в петербургских подвалах казацкие клейноды, сгоревшие архивы, переписывание истории придворными царскими и поднадзорными большевистскими историками практически свели к нулю документальную базу. Даже добросовестные историки не избегают упрощений и общепринятых штампов. Между тем Войско представляло собой очень сложный и самобытный организм, где реальные отношения были гораздо богаче, чем можно сейчас, в наше время, представить.

Исследуя «Усну оповідь колишнього запорожця, жителя Катеринославської губернії та повіту, села Михайлівки Микити Леонтійовича Коржа» (см. «Запорозька Січ», 1997, № 158–170) – один из немногих достоверных источников, дошедший до нас в неизменном виде – я увидел, что рассказчик делает определенное

Казак XIV века

различие между «сечевиками» и «запорожцами». Он не объясняет это отличие, оно для него существует как данность: в повествовании старого казака Коржа есть место, где говорится: «...запорожцы, а особенно сичевики...»

Вероятно, помимо приходивших и уходивших в Сечь казаков существовали еще и постоянные жители Сечи, сечевики (в украинском произношении – «січовыкы», являвшиеся элитой сечевого сообщества, хранителями традиций, их лучшими знатоками. Подобно закону гор, адату, наверняка существовал и степной адат, или закон. У него должны были быть свои хранители, помнящие его на память. Возможно, весь закон или часть его были неписаными.

Косвенным подтверждением этого предположения служат скупые дошедшие до нас сведения о том, что одно время татары, кочевавшие в причерноморских степях в непосредственной близости от Сечи, обращались к кошевому атаману запорожцев Ивану Сирку (1610–1680) с просьбами рассудить их между собой в различных имущественных и других спорах, иными словами, обращались с исками, ища у кошевого атамана справедливого суда.

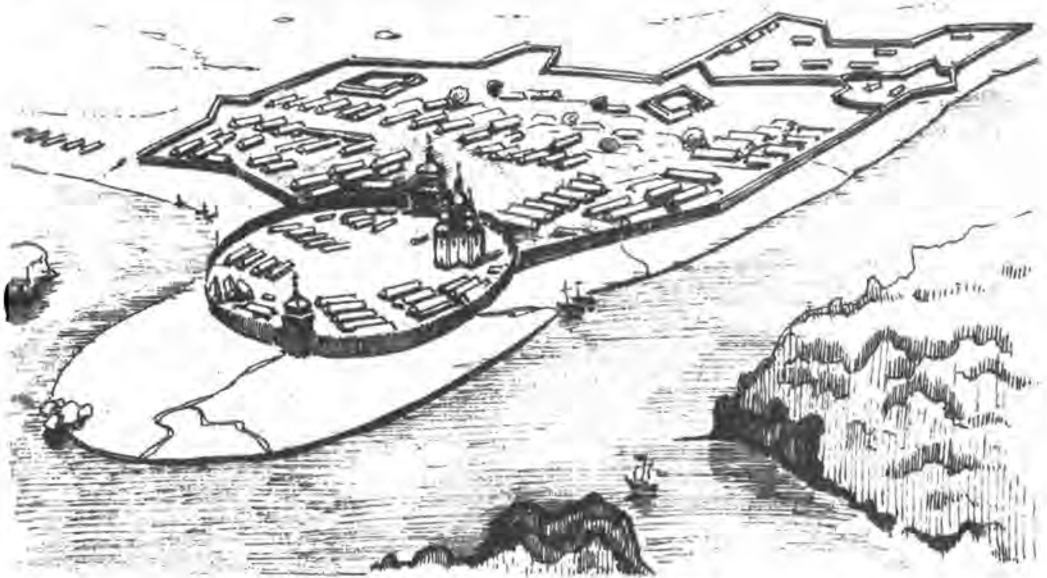
Если попытаться представить власть, существовавшую в Запорожском Войске, в категориях принятого в современном мире разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную, то института законодательной власти в виде отдельного (от общего собрания всех членов сообщества) парламента не было. Было общее собрание всех воинов-казаков, способных держать в руках оружие, или Сечевая Рада. Такой строй наука называет примитивной военной демократией. Значительный массив норм поведения степного воина регламентировался не столько принятыми на Раде решениями, сколько малоизменяемым, стабильным целые века степным адатом, который был дан не Радой, а уже существовал, в глазах запорожцев был дан Богом, предками и Степью, и изменению практически не подлежал.

Несмотря на широкое осуществление власти Радой, институты власти исполнительной все же были нужны хотя бы для того, чтобы руководить в промежутках между собраниями. Главным институтом исполнительной власти была должность кошевого атамана и его аппарата управления. Способ поставления этой власти был демократическим – с помощью выборов на Сечевой Раде. Рада ставила во главе сообщества тех, кто был, по ее мнению, более всего достоин этого.

Конечно, исполнение могло быть более или менее надлежащим, и потому существовала также власть судебная, призванная исправлять вольно или невольно допущенные нарушения или несправедливости. Судебная власть была представлена двумя высшими войсковыми судьями (есаулами*) и их канцелярией.

Высшей религиозной, духовной властью в Запорожском Ордене обладал Сечевой Архимандрит. Некоторые авторы смутно указывают на то, что Запорожское духовенство каким-то особым образом было включено в общую церковную иерархию земель бывшей Киевской Руси. Даже в последние времена существования Запорожского Войска, по данным XVIII века, ситуация была такова: запорожское духовенство находилось в юрисдикции не каких-либо близлежащих

* Тюркское «яса» – закон, «ясак» – дань, взимаемая по закону. Следовательно, слово «ясаул» (есаул) первоначально обозначало «хранитель закона».

Запорожская Сечь в середине XVIII века

церковных центров, а только Межигирського (в русском произношении – Межигорского) монастыря, что под Киевом, и не зависело от киевских митрополитов. Игумен монастыря Межигорского Спаса постановлял священников Сечевой церкви, а белое духовенство паланковых* церквей рукополагал Сечевой епископ, который считался старшим над всем запорожским духовенством. Не является ли такая независимость Запорожья от митрополитов Волости отголоском когда-то в древности существовавшей связи степного военного сообщества с одной из степных митрополий или архиепископий, каких существовало несколько в Северном Причерноморье еще в то время, когда Русь была не крещена?

* * *

Войско, армия, орда, орден – все эти слова, близкие по значению и происхождению, одинаково приложимы к тому организму, которым являлась Запорожская Сечь. Чтобы подчеркнуть высокую степень упорядоченности Запорожского государства, напоминавшего духовно-рыцарские ордена того времени, я иногда буду пользоваться словом «орден». Необходимо преодолеть традицию представлять запорожцев эдакой шайкой беглых и пьяниц-удальцов, которая, вероятнее всего, пошла со времен Петра I, стремившегося стереть в памяти народной славное прошлое Степи. С тех пор кочует по трудам переписывающих друг у друга историков стереотип шайки беглых. А какая у шайки может быть организация? Так умаляется достоинство казачества и перевирается история.

В этом православном военном ордене существовала своя иерархия. Правом голоса пользовались только казаки, его не имели те, кому было предоставлено лишь политическое убежище. Беглецов-крестьян из славянских областей и иных простолюдинов казаки называли райя – что означало «мужичье».

* Паланка – административно-территориальная единица Запорожской Сечи. Позже превратилась в «полк».

Особым авторитетом пользовались сечевики – ядро войскового организма. Если проводить аналогии с Ливонским Орденом, то сечевики были «полными братьями», то есть полноправными рыцарями-основателями Ордена.

Запорожцев в широком смысле, в т. ч. женатых, живших по мелким зимовникам и куреням на всей территории Войска – можно считать «полубратьями», то есть тоже рыцарями, но с несколько меньшими ...даже не правами – моральным авторитетом. Дело в том, что сечевик, для которого безбрачие было обязательным, был не просто рыцарем*, но монашествующим рыцарем, и являлся сакральной фигурой, в отличие от его омирщенного собрата-запорожца.

Численность сечевиков не превышала двух тысяч человек. Запорожских казаков было в несколько раз больше. Казачество Волости в численном отношении превышало казачество Запорожского ордена во столько же примерно раз, во сколько казачество ордена превышало численность сечевиков. Если численность казачества Волости измерялась в сотнях тысяч человек, численность запорожцев – в десятках тысяч, то численность сечевиков – в единицах тысяч. Казачество, проживавшее на территориях Речи Посполитой, по состоянию на первую половину XVII века (вплоть до 1648 года, до начала Хмельничины), представляло собой как бы три круга, концентрически вписанных один в другой. Самым большим кругом (множеством) было все казачество, включая проживающее на Волости; внутри него располагался меньший круг – запорожцы (те, кто был охвачен воинским сообществом с центром на Сечи, орденской дисциплиной и побратимством), внутри него был еще меньший круг – сечевики, представлявшие собой идейное и моральное ядро казачества.

Причем, если казаки Волости имели в частной собственности земли, на которых работали либо зависимые от них люди, либо они сами, казаки запорожские реже брались за мирный труд, хотя и имели в хуторах какое-то хозяйство и, часто, жен, сечевики же не имели ни жен, ни частной земельной собственности, да и ходить с плугом считалось делом постыдным для них. Война за веру была их профессией.

Именно от сечевиков, через передаточный механизм запорожцев, исходили на Волость гетеротрофные импульсы. Именно ядро раскачивало ситуацию во всем целом, увлекая за собой более умеренные и спокойные слои казачества.

Вспомним, что, например, Тевтонский Орден (Ordo domus Sanctae Mariae Teutonicorum), он же Орден крестоносцев, немецкий католический духовно-рыцарский орден, возник в конце XII веке не где-нибудь, а в Палестине. Во время крестовых походов европейское рыцарство и сарацины общались, видимо, не только с помощью мечей. Кое-какие идеи заимствовали друг у друга.

Другой знаменитый орден европейских рыцарей, Тамплиеров, тоже корнями уходит на Восток. Вскоре после первого крестового похода он был основан в Иерусалиме в 1119 г. французскими рыцарями, познакомившимися к тому времени с традициями древних восточных братств. Восток был колыбелью идей, на которых строились и католические духовно-рыцарские ордена, и, возможно, православный военный орден запорожцев.

* Сами запорожские казаки называли себя «лыцарями». Это пример трансформации «р» в «л». Так же называли их современники, так же называл писатель Николай Гоголь.

3. ШЛЯХТА И КАЗАЧЕСТВО КАК ДВА ДРУЖЕСТВЕННЫХ ОТРЯДА ТЮРКОКРОВНОЙ ЗНАТИ В РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ

Заявляя властям Речи Посполитой о своих правах и «вольностях», казаки неизменно указывали на их древность. Казаки были потомственным привилегированным слоем, в смысле этой потомственности и привилегированности аналогичным европейскому рыцарству. Собственно, себя они так и называли: «лицарі», «рыцарі». Долгое время так же воспринимала их и шляхта, и польская королевская власть.

Королевские письма в адрес казачества начинались с адресования «панам молодцам запорожским». Стал бы король называть «панами» просто беглых холопов, пусть даже и преуспевших в военном деле? Стали бы «сиятельнейшие государи» Европы присылать казакам в знак почтения боевые знамена, литавры и иные клейноды (как это сделали, например, курфюрст Бранденбургский или король Венгерский), если бы они были просто шайкой беглых? Даже императоры Священной Римской Империи, объединявшей весь германский мир, присылали казакам почетное оружие и хоругви. Общественное мнение Европы того времени видело в сечевиках славных, достойных и потомственных рыцарей.

С. Лепьявко пишет:

> Козацтво постійно називало себе «рицарством» і «товариством». Такі ж звернення до козаків використовували і офіційні особи... Слова «товарищ», «товариство» також були поширені в той час саме для означення воїна-шляхтича [с. 41]. ...Ці слова мали чіткий соціальний зміст (указывающий на привилегированность. – *Е. С.*) і використовуючи їх щодо казацтва, урядові особи віддавали данину важко вловимій для нас традиції дивитися на козацтво... як на молодших братів шляхти [с. 42].

Очень хорошо, что пан Лепьявко заметил классовую близость шляхты и казачества. Если бы он еще понял тюркскую природу происхождения обоих этих сословий (станов), происхождения их из Великой Степи, то «трудно уловимая» для него традиция смотреть на казачество как на братьев шляхты перестала бы быть «трудной», а, напротив, стала бы вполне понятной. Примеры классовой близости шляхты и казачества не ограничиваются одинаковостью применяемых к ним обращений и званий. Их дополняют и примеры кадрового взаимодополнения и взаимопроникновения.

Долгое время в Речи Посполитой военная карьера шляхтича считалась неполноценной, если он не «стажировался» какое-то время в Запорожском Войске. Запорожский Орден был своеобразной военной академией тогдашней Речи Посполитой, кузницей военных и административных кадров государства.

Многие шляхтичи навсегда связывали с казацким орденом свою жизнь, дослуживаясь до самых высоких должностей: кошевого атамана, гетмана, генерального писаря (канцлера) и т. д. Почти все гетманы запорожских казаков по происхождению были шляхтичами. Вот их краткий список.

Гетман Предслав Лянцкоронский (возглавлял походы казаков в 1512–1530 гг.) был шляхтичем по рождению, и даже свояком короля Польши, великого князя Литвы Александра Казимировича (1461–1506).

Первый исторически достоверный атаман коша и гетман во многих походах 1562–1563 гг., Дмитро «Байда» Вишневецкий – князь, староста Черкасский и Каневский (говоря в современных терминах – глава районной администрации).

Польский шляхтич начала XVIII века

Знаменитый гетман Криштоф Косинский (ум. в 1593 г.), которого многие историки считают предтечей Хмельницкого – шляхтич родом из-под Бреста Литовского.

Кошевой атаман и славный гетман Петро Сагайдачный (ум. в 1622 г.) – шляхтич из Самбора (Галиция).

Гетман Иван Мазепа (1644–1709) – шляхтич с Киевщины, потомок славного и очень древнего православного рода.

Список этот можно продолжить.

В свою очередь, и казаки нередко превращались в польских панов, причем без особых затруднений. В качестве примера, лучшего, чем ссылки на все вместе взятые сухие умствования историков, приведу одну народную балладу XVIII века, в свое время очень популярную на Украине. Народ подмечает все основное и главное, сохраняя и увековечивая это главное в произведениях народного творчества, и порой в одном слове народной думы или баллады информации больше, чем в десятке научных трудов иных академиков.

Баллада называется «Ой був в Січі старий козак». Начинается она таким куплетом:

Ой був в Січі старий козак, на прозвище Чалий,
Вигодував сина Саву козакам на славу.
Не схотів же та той Сава козакам служити,
Відклонився до ляшенків в Польщу паном жити.

Словом «відклонився» в балладе названа измена Саввы казацкому делу и казацкому образу жизни. Сколько легкости и непринужденности – в этом слове «відклонився»! Получается, стоило казаку «відклонитись», то есть слегка уклониться, отклониться (от казацкого образа жизни) – и он уже превращается в польского пана!

Если бы Польша была внешней, чуждой страной по отношению к Украине и Запорожью, и если бы казачество не было разновидностью знати (что облегча-

ло переход в другие ее прослойки), было ли возможно такое превращение?

...Немало афганцев, турков, персов и прочих иммигрантов, живущих, скажем, в современной Германии, хотело бы так «отклониться», чтобы получить немецкое гражданство да плюс к нему привилегированный социальный статус. Но это невозможно. Для подобного перехода требуются время и усилия, для описания которых явно не подходит слово «отклониться», «уклониться».

Не свидетельствует ли эта баллада о том, что казаки и шляхта – два очень близких класса знати, воинов одного, общего для них государства – Речи Посполитой, и грань между ними была довольно зыбка и легко преодолима?

Моя гипотеза о генетическом родстве и сословной близости шляхты и казачества Речи Посполитой звучит так:

И шляхта, и казачество относились к господствующим слоям Речи Посполитой; долгое время они были близкими по своему статусу отрядами одного большого общественного класса – класса свободных профессиональных воинов тюркской крови, некогда осевших на славянском субстрате и подчинивших его себе.

Запорожский казак XVII века

И те, и другие смотрели на селян-славян, как на «bydło» (скот), «chłopów» (холопов), забитых потомков людей Леса, рабов, не способных владеть оружием.

4. БОЯРСТВО КАК ТЮРКОКРОВНАЯ ЗНАТЬ

Взаимная конвертируемость боярского, шляхетского и казацкого достоинства

Как и в Польше, где тюркокровная христианская шляхта осела на селянском славянском субстрате, став господствующим классом, так и на Руси тюркские роды, двигающиеся из Великой Степи, в VI веке накатились поверх славянского Леса и тоже стали господствующим слоем по имени боляре, или бояре.

Строго говоря, это вторжение тюрков-христиан в языческий славянский Лес произошло задолго до того, как указанная территория стала называться Русью. Русью она стала называться лет через двести после боярского вторжения, когда скандинавские (варяжские) дружины – русь – засели в Новгороде, Полоцке, Смоленске и Киеве.

Бояре (слово «bajar» по-тюркски означает «господин», «вельможа», «богатый или знатный человек»), подчинив себе славянские и финские лесные племена, не ладили между собой. Таков уж, видно, характер степняков. Наряду с сильными сторонами он имеет и темные черты, среди которых зависть к успехам соседа, коварство и жестокость.

Свары бояр между собой и порожденное ими осознание потребности в силе, обеспечившей бы прекращение свар, и породили, видимо, то легендарное обоснование призвания варягов на Русь, сформулированное самими приглашающими; которое заключалось в необходимости наведения порядка.

Тем не менее, варяжские конунги навели порядок. Боевой топор варягов усмирил кривую боярскую саблю. Воцарилась сторонняя династия, названная Рюриковичами — чтоб никому из бояр не было обидно. Правда, Рюриковичи, умножившись числом, спустя столетие относительного порядка сами принялись выяснять между собой, кто главнее. Но это позже...

Территория нового государства долгое время делилась на станы. Деление территории на станы (заметим, стан — чисто тюркское слово), видимо, отражает те древние порядки на Руси, когда боярин или группа бояр наблюдали за спокойствием подданного славяно-финского населения в своем округе (стане), и были ответственны за это перед своим князем-варягом.

С приходом иноземных князей с сильной дружиной-русью между боярами и княжеской властью был заключен своеобразный и, возможно, неписаный договор об общественном согласии. Каждая сторона имела свои права и обязанности. Бояре имели право иммунитета в своих вотчинах, право участия в государственном управлении (Боярская Дума), право иметь собственных вассалов и, наконец, право отъезда к другому князю. Главной обязанностью боярина была служба в войске князя. Князь обязан был уважать древние права и вольности бояр, организовывать оборону края от нападения извне. Это были базовые параметры договора.

Отношения княжеской и боярской власти не всегда складывались гладко. За отступление от норм договора князь мог поплатиться жизнью, как поплатились в начале XIII века призванные галицкими боярами князья Игоревичи Черниговские, слишком ретиво взявшиеся выкорчевывать боярскую вольницу. Они были отстранены боярами от власти и повешены.

Часто и князья казнили бояр «за измену». Все же, несмотря на эти эксцессы, боярская и княжеская, а в Московии затем и царская власть уживались друг с другом вплоть до XVIII века, когда звание боярина было отменено Петром I.

Тюркское, степное происхождение боярства подтверждается и тем, что именно на территориях Руси, пограничных со Степью, достигла наибольших значений как численность бояр, так и степень развития их вольницы. Именно в Черниговском и Муромо-Рязанском княжествах влияние боярства заглушило местную великокняжескую власть, не дав ей приобрести деспотические формы.

* * *

Шляхта, казачество и боярство — это три родственных отряда одного большого привилегированного класса воинов, господствовавших на территории государств Восточной Европы, примыкающих с севера к зоне Степи: Королевства

Польского, Великого Княжества Литовского, Руси Киевской и Московии. Родственность этих классов – в их происхождении из тюркской Степи. Различие – во времени прихода оттуда и в масштабах овладения зоной Леса.

Судя по летописям, первыми заявили о себе бояре – в V–VII вв. Скорее всего, это были потомки первой волны тюркских господ, пришедших еще с Аттилой, овладевших ситуацией в зоне Леса и поставивших под свой контроль славянские и финские племена. Бояре глубоко продвинулись в Лес, вплоть до широты Новгорода. В соединении с княжеской властью русов, пришедшей из Скандинавии, бояре стали одним из государствообразующих, политических классов таких государств, как Киевская Русь (VIII–XIII вв.), и заступивших на ее место Литвы, Владимиро-Суздальского княжества, а затем Московии.

Порыв этнического тюркского ветра из Степи, давший начало шляхте польской, чешской и саксонской, случился несколько позже. Эти тюркские роды пришли в зону Леса в VII–VIII вв. и одним из очагов, которым они овладели, были преимущественно лесные, заболоченные территории Малой Польши, Мазовии, Подляшья и Полесья.

В свою очередь, казаки представляли собой тюркское население, организованное в особые военные братства и сообщества, не утратившее непосредственную связь со Степью и сравнительно неглубоко продвинувшееся в зону лесостепи и Леса. Начало их устойчивого продвижения на север, вплоть до Киева и его окрестностей связано с революцией князя Владимира, открывшей перед ними перспективы службы автотрофному государству*.

Как складывались отношения между этими отрядами военного класса в том случае, если сфера их влияния распространялась на одну и ту же территорию (а такое бывало повсеместно**)?

Можно сказать, что в целом эти три отряда тюркокровного господствующего класса уживались мирно, по крайней мере, до XVI века. Мирному сосуществованию способствовала иерархия. Старшими считались те, кто овладел Лесом раньше. До той поры, пока этот порядок не был поломан стремительным восхождением новой, реформирующейся шляхты в результате автотрофной эволюции польской экономической системы в течение XVI – первой половины XVII вв., иерархия боярство – шляхта – казачество (старшие, средние, младшие) сохранялась.

Однако эта иерархия не была абсолютно строгой, в том смысле, что всегда существовала возможность перехода из одной группы знати в другую. Логично предположить, что принципиально возможны были три типа социальных переходов:

1. Переход представителей шляхты в казачество (и наоборот);
2. Переход представителей боярства в казачество (и наоборот);

* Не случайно местность недалеко от Киева называется Половетчина. В старину здесь жили половцы, служившие киевским князьям.

** В Речи Посполитой сосуществовали боярство (на землях бывшей Руси), шляхта (на землях бывшей Литвы) и казаки (на землях прежних Киевского и Черниговского княжеств). В Московии боярство было повсеместно, а казаки жили на Дону. – Прим. ред.

3. Переход представителей боярства в шляхту (и наоборот). Все эти типы переходов встречались на практике и хорошо известны истории. Приведу примеры таких переходов.

1. Переходы шляхты в казачество и наоборот широко известны. Это и отмеченное выше занятие шляхтичами должностей в Запорожском Войске, превращение их в разного рода казацких предводителей, равно как и ошляхетчивание казацкой старшины. Так, существует много примеров дарования казакам, имевшим особые заслуги перед государством, шлехетских прав королями Речи Посполитой.

Средневооруженный дружинник (боярин) VI—VII вв.

Кроме того, такие переходы происходили не только на индивидуальном уровне, но и на коллективном, групповом. Говоря о событиях времен восстания Богдана Хмельницкого и об особенностях повстанческого движения в разных регионах, А. Я. Ефименко отметила интересное социальное явление:

> ...Оригинальный характер имело это движение (Хмельничина. – *Е. С.*) на правом Поднестровье, особенно в так называемом Покутье. Здесь вместе с низшим классом поднялась и местная, православная и русская, мелкая шляхта и стала во главе восставших, образовав как бы старшину войска, организованного по казацкому образцу; главой этого войска был некто Семен Высочан [Ефименко А. Я. История украинского народа. Киев, 1990, с. 232].

Как можно видеть, имело место заимствование мелкошляхетским войском целого региона казацкой структуры, своеобразная мимикрия шляхты под казаков.

2. Переходы бояр в казаки и наоборот тоже достаточно известны. Еще Пантелеймон Кулиш описывал оказачивание боярства, в связи с чем возникла даже т. н. боярская теория происхождения казачества. В своей «Истории воссоединения Руси», отвечая на вопрос, представители каких слоев населения шли казаковать на днепровский Низ, он говорил: «бояре чаще всего становились казаками»*. О подобных процессах упоминали К. Тишковский, О. Яблоновский и другие известные историки.

* Кулиш П. А. История воссоединения Руси, СПб, т. 1, 1874, с. 184.

Обратный процесс: Московские цари раздавали боярские титулы высшей казацкой старшине в XVII веке. Так, гетман Левобережной Украины Иван Брюховецкий во время своего пребывания в Москве осенью 1665 года получил боярское достоинство, в качестве благодарности за содействие в деле интеграции руководимого им Левобережья в общерусское политическое пространство.

3. Следы перехода представителей боярства в шляхту (равно как и обратные процессы), можно наблюдать в отдельных регионах Западной Украины. Так, боярство, издревле проживавшее в окрестностях Овруча (Волынь) и Бара (Подолье), а также в ряде других мест Речи Посполитой, постепенно эволюционировало в т. н. «околичную шляхту», и под этим именем просуществовало остаток своей истории. Обратный переход можно наблюдать при пожаловании литовскими Великими князьями и магнатами боярских званий некоторым шляхетским родам.

Итак, между тремя этими отрядами знати никогда не существовало непроницаемых барьеров и никогда полностью не закрывались социальные шлюзы. Подобная взаимная «конвертируемость» боярских, шляхетских и казацких статусов, все эти превращения подтверждают гипотезу о том, что эти три отряда господствующего класса были генетически родственными. Ведь такие социальные превращения одного в другое могли происходить лишь в пределах более общих и обширных рамок, охватывающих воедино что-то близкое, родственное и достаточно однородное.

Тяжеловооруженный дружинник (боярин) XIII века

* * *

Многие, возможно, не согласятся с мыслью о тюркском происхождении шляхты, казачества и боярства. Предположение о тотальной этнической инородности господствующего социального класса по отношению к населению зависимому и местному, на первый взгляд выглядит весьма еретически. Уж слишком силен в общественном сознании вульгарно-марксистский формационный подход, заключающийся в том, что господствующие классы являются исключи-

тельно продуктом расслоения общества в результате определенных экономических процессов. Дескать, некая первоначально однородная община, эволюционируя под влиянием экономических законов, порождает из самой себя свои же собственные господствующие классы.

В этом суть так называемого исторического материализма, и, в более узком смысле, формационного подхода, приверженцы которого считают, что различные народы последовательно проходят нехитрую шкалу стадий развития: первобытнообщинный строй, рабовладельческий, феодальный и капиталистический. Затем через пролетарскую революцию устанавливается «самый передовой» социалистический строй, являющийся первой фазой коммунизма. Круг замыкается: коммунизм своей бесклассовостью похож на первобытнообщинный строй, но только гораздо сильнее технологически. В этом проявляется закон отрицания отрицания столь любимой марксистами диалектики.

Излишне говорить, что в рамках этого, пусть и упрощенно изложенного, подхода, совершенно не остается места для реальной, а не придуманной, истории.

Экономическая история большинства стран мира, например, практически всех азиатских обществ, не вписывается в марксистский истмат. Поэтому возникла необходимость придумать учение об «азиатском способе производства», который не является ни «рабовладельческим строем» в марксистском его понимании, ни «феодальным строем».

Существуют и другие околомарксистские теории, само появление которых на свет обусловлено явной неспособностью истматовского понятийного аппарата описать реальные исторические процессы.

Исторический материализм – это своего рода дарвинизм, примененный к историческому процессу. Согласно учению Дарвина, высшие виды животных произошли от низших в результате эволюции. Согласно истмату, господствующие классы произошли от первоначально однородной, как вода, примитивной общины. Там вода породила жизнь, а тут община породила классы. Сторонники вульгарного истмата не допускают и мысли о том, что господствующий класс какого-либо народа мог прийти извне, а не зародиться на месте.

Между тем история свидетельствует о том, что господствующие классы, не менее чем в 50 % случаев являлись не результатом «разложения» некой общины, а возникли в результате завоевания одного этноса другим. Пришлые спартанцы покорили коренное население Лаконики, превратив его в бесправных илотов, македонцы и эллины Александра стали господствующим слоем в покоренной Персидской империи Дария. Инки и майя, подчинив соседние племена, создали свои государства, где сами являлись господствующим народом-классом, пока их, в свою очередь, не поработили испанцы. Люди Вильгельма Нормандского, захватив Англию, стали господами на новой родине... Тюркские роды, продвинувшись во время Великого переселения народов из Великой Степи в населенный славянами и финно-урграми Лес, дали начало польской, саксонской и чешской шляхте, боярству Руси и Великого Княжества Литовского, украинской православной шляхте и казачеству.

Конечно, нельзя отрицать роли имущественной дифференциации внутри одного народа, которая происходит и вне процессов завоевания одного народа другим, но считать ее единственным источником классообразования нельзя. У славян тоже была своя, родная, знать. Достоверно известен славянский вождь Мал, судя по имени, язычник, люди которого убили варяга (руса) Ингвара (Игоря), Киевского князя. Жена Ингвара, Хельга (по-славянски Ольга) отомстила за смерть мужа: город Искоростень (Коростень), где правил Мал, был сожжен...

Однако славянская знать была и одета совсем не так, как тюркокровная шляхта, носившая шаровары, кожаные сапоги и кривые сабли, и поклонялась славянская языческая знать совсем другим богам, чем христиане-шляхтичи.

На территории Королевства Польского славянская племенная знать, упорствовавшая в язычестве, была либо физически уничтожена к XIII веку, либо крещена и переведена в разряд тяглого сословия, слившись с основной массой сородичей. Лишь в единичных случаях представители славянской знати пополняли шляхетство.

ДРЕВНЯЯ ЛИТВА И СОВРЕМЕННАЯ ЛЕТУВА

Сергей Павловский, Геннадий Саганович

Ничего у нас, белорусов, не получится, пока не начнем называть вещи своими именами.

Ну, действительно, если вы, например, называете это столом, а я это же самое называю дверью... Тогда, имея в виду одно, мы будем говорить о разном. В результате получим либо несуразную комедию, либо несуразную трагедию. По крайней мере, ничего вместе, сообща мы с вами сделать не сможем, никакой пользы от наших перестроек не будет.

Или – такая ситуация. Представьте, что вы сами не имеете определенного, своего имени. Кто-то зовет вас Василём, а кто-то Ганной, кто-то Позняком, а кто-то Дементеем. При такой неопределенности вы одновременно и белый, и черный, и левый, и правый, и твердый, и мягкий. Всякий и никакой. Вы не имеете своего имени, своего названия.

А если своего имени не имеет целый край и целый народ?

Нечто подобное происходит с названиями БЕЛОРУССИЯ и БЕЛОРУСЫ. Полистайте старые книги и вы увидите, как часто менялось наше название. Были мы и русинами, и литвинами, и тутэйшыми, и даже поляками. А земля наша была и Русью, и Литвой, и Северо-Западным краем, и Западной Россией...

Почему это важно? Потому что имя страны и народа – это их моральный тыл и капитал. И при каждой новой замене своего названия мы, белорусы, навсегда утрачивали свой надежный тыл и с нуля начинали свой капитал.

Представьте, если бы сегодня Белоруссия называлась Россией, а мы, белорусы, – русскими. Да мы бы сразу начали глядеть на себя по-другому, прониклись национальной гордостью и своим «мировым призванием». По-другому смотрели бы на нас в мире, нас бы заметили.

А Россия называлась бы Белоруссией...

– Где же такой край? – спрашивали бы в мире, как сейчас спрашивают о нас.– Не слыхать такого в истории.

Кто знает историю, тот знает, что мы некогда и претендовали на безраздельное владение этим названием – Русь... Русскими нас, белорусов, называли в те времена, когда современных русских называли не иначе как московитами, москалями. Московская держава не стала тогда еще Русским государством.

А литовцами и нас называли, и мы считали себя вплоть до конца прошлого столетия. «Литва, отчизна моя»,– писал о Новогородчине, о Беларуси Адам Мицкевич (1798–1855). «Предки мои вышли из литовских болот»,– писал о Пинщине, о Беларуси Федор Достоевский (1821–1881).

Из журнала «Неман», 1991, № 1, с. 162–165.

Белорусский писатель Винцент Дунин-Марцинкевич (1808–1884) «Литвою» считал Минск, в котором тогда жил, – современную столицу Беларуси. Белорусского поэта Владислава Сырокомлю (1823–1862) современники называли «литовским лирником», а другой белорусский писатель Артём Верига-Даревский (1816–1884), родившийся на Лепельщине и живший в Витебске, писал в своем произведении: «Литва – родная земелька». Кстати, и стихотворение его с красноречивым названием «Литвинам, записавшимся в мой Альбом на прощание» (1858 г.) было адресовано молодым белорусским литераторам. В нем, между прочим, автор восклицал: «Чей это голос? Это наши слова, браточки-литовцы».

Подобных примеров множество. Из них видно, что в XIX веке слова «Литва» и «литвин» использовались как самоназвание белорусов западной и центральной частей нашего края. Также называли нас и соседи. От украинца о белорусе можно было услышать: «Хіба лихо озме литвина, щоб він не дзекнув». Жители Курской и Орловской областей России называли белорусов «литвинами» вплоть до второй мировой войны. А на Белосточчине уже в наше время записано о белорусе: «Як сыр не закуска, так ліцьвін – не чалавек!» или «Ліцьвін – то чортаў сын!»

Десятки деревень в Белоруссии имеют название Литва, тысячи белорусов носят фамилии Литвин, Литвинович, Литвинка и подобные.

Но чем же была в прошлом сегодняшняя Литва? В XIX веке территория теперешней Литвы, близкая по очертаниям к территории Литовской республики межвоенного периода, чаще всего называлась своим извечным именем – Жмудь. Об этом имеется немало свидетельств, например, в материалах восстания 1863 г.

Таким образом, в совсем еще недалеком прошлом земли западной и центральной Белоруссии имели выразительное название – Литва. И даже представители официальных властей Российской империи, имевшие целью утверждать в нашем крае «извечную Россию», рассматривали Виленскую, Гродненскую и Менскую области, а также Белосточчину, как Литовский край. Да и ранее, скажем, сразу после разделов Речи Посполитой земли Западной Белоруссии входили в новообразованную Литовскую губернию, затем – в Литовское генерал-губернаторство. Даже царские власти оставляли этнически белорусским административно-территориальным образованиям название «Литва». Неужели случайно? Нет, согласно глубокой исторической традиции.

Еще в XV–XVII веках – во время существования могущественного европейского государства Великого Княжества Литовского, ядром которого были белорусские земли, документы фиксировали чаще всего краткую форму названия этого государства – Литва. В качестве политонима, то есть государственно-политического определения, слово «Литва» закреплялось даже за северными и восточными землями Белоруссии, имевшими уже и свое этнонимическое название «Белая Русь».

Например, белорусская народная песня, в которой воспевалась крупная победа гетмана Острожского над московитами в 1514 году, свидетельствует: «Слава Воршы ўжо ня горша сярод мест літоўскіх». Согласно летописи XVII века один из городов-крепостей, заложенных Иваном IV на оккупированной Полот-

чине, находился «от литовских городов от Лепля пол – 30 верст; от Лукомля 20 верст». Рассказывая о рейде небольшого неприятельского отряда на Смоленщину в 1565 году, московская летопись отметила, что это были «литовские люди», а затем конкретизировала: «мстиславцы и кричевцы».

Ну, а как называли себя сами жители тогдашней Беларуси? Можно привести множество примеров, когда определение «литвин» использовалось средневековыми белорусами именно как самоназвание. Полоцкий студент Франтишек Скорина в Кракове записался «литвином» (Иван Федоров там же – «москвитином»), белорусский гуманист XVI века М. Тышкевич (автор трактата «О нравах татар, литвинов и московитян») везде подписывался Михалоном Литвином. Простые крестьяне и горожане средневековой Беларуси, захваченные царскими войсками, называли себя в Москве «літоўскімі пашаннымі людзьмі розных гарадоў беларусцамі». Каждый в отдельности записывались так: «ліцвін беларусец Ашмянскага павету», «літоўка беларуска Мсціслаўскага павету» и т. п. Свою землю плененные белорусские шляхтичи также называли Литвою. И даже А. Филипович, этот одержимый борец за отход Белоруссии «под высокую руку» православного московского царя, даже он в 1667 году местонахождение Купятицкого монастыря, откуда писал, называл Литвою, а это ведь – «миля от Пинска».

А самое интересное, что и белорусский язык – государственный язык Великого Княжества Литовского – в те века называли литовским. Еще чешский теолог Иероним Пражский (1371–1416), побывав при Витовте миссионером в Княжестве, писал, что в этом государстве «язык Народа есть славянский», а по названию государства его называют «литовским». Вот как свидетельствует об этом случай, описанный в Актах Московского государства (запись 1618 года): «...выехали из деревни человек с пятнадцать, а на них магирки литовские, и почали им говорить по-литовски: не утекайте-де!» Или другой пример. Белорусский просветитель Лаврентий Зизаний в 1626 году по заказу патриарха написал православный «Катехизис» для России и так объяснил в нем название самого произведения: «по-литовску это оглашение, русским же языком нарицается беседословие». Через год сам московский царь спрашивал у него: «По литовскому языку как вы говорите «собра»?», на что просветитель отвечал: «Тожде и по литовскому языку «собра».

Герб староства Жамойтского (оно же Жмудское)

Как государственный язык могущественной когда-то Литвы – Великого княжества Литовского, белорусский язык еще и в XVIII в., несмотря на интенсивную полонизацию края, и на западе – для Польши, и на востоке – для Российской империи,– оставался «литовским». И преданный новой властительнице Екатерине II православный владыка В. Садковский угрожал белорусским священникам на

епархиальном соборе в Слуцке: «Я вас скорэню, знішчу, штоб і языка не было вашого проклятого літовскрго і вас самих; я вас у зсылкі парассылаю альбо ў салдаты пааддаю, а сваіх з-за кардону пановажу!»

Названию «Литва» уже скоро тысяча лет.

Как свидетельствуют летописи, в XII веке племена, населявшие Литву, зависели от Полоцка и платили ему дань. Далекий Киев подчинил себе только часть этой земли. Литва выделялась тогда военной активностью. Источники сообщают о многочисленных совместных походах полочан и литовского войска на Смоленск, Псков, Новгород. При необходимости Полоцк пропускал литовские дружины через свою территорию. И только в XIII веке между Полоцким княжеством и Литвою дошло до каких-то конфликтов. Витебские, менские и турово-пинские князья также использовали военный потенциал Литвы в интересах своей политики, нанимали литовские войска для собственных походов.

Литовские исследователи локализуют летописную Литву в пределах Аукштайтии – восточной части современной Литвы. Они утверждают, что холмы и низины Аукштайтии и стали колыбелью древней литовской государственности, что образование Великого Княжества Литовского шло путем завоевания славянских земель безусловно балтской Литвой. И наконец, что с этнической точки зрения Княжество складывалось «из двух противных элементов – господствующего литовского и подчиненного русского» (Г. Ловмяньский).

Такие постулаты, несмотря на их очевидную шаткость и слабую аргументированность, уже не первое десятилетие удовлетворяют и всю советскую официальную историографию. Против этих стереотипов отважился выступить белорусский историк Николай Ермалович (1921–2000). Проанализировав тексты летописей и топонимику, он показал, что в XII–XIII веках Литва находилась не в Аукштайтии, а на территории современной Беларуси, в бассейне Верхнего Немана. На севере по Березине она граничила с Полоцким княжеством, на востоке – с Минским, на юге граница ее проходила по Щаре, а на западе – по рекам Мышанка и Валовка, которые отделяли Литву от ятвягов.

Летописная Литва лежала как раз между основными этнически белорусскими землями – Полоцкой, Турово-Пинской и Новогородской. Она и дала название Великому Княжеству Литовскому – средневековому государству, ядром которого была наша Белоруссия. И просуществовало княжество почти пять столетий.

Была ли Белоруссия «завоевана литовскими феодалами», были ли белорусы «подчиненными» в великой Литве – Великом княжестве Литовском? Факты противоречат этой отжившей свой век имперской версии. На самом деле до упадка Княжества Белоруссия воплощала в нем

Герб ВКЛ «Погоня»

свой суверенитет. И историческое название «Литва» для нее не менее, а даже более свое, чем для Аукштайтии и Жмуди, так как именно на белорусских землях родилось, распространялось и укреплялось это название, а на территорию Аукштайтии перешло позже.

Что касается Жмуди, то она всегда была обособлена от Литвы. Еще в XIII вее между ней и Литвою легла тень вражды. Отдельной и часто враждебной Литве землей видел ее хронист Петр Дусбургский в своей «Хронике Прусской земли» (1326 г.). Такой видел Жмудь и великий князь Витовт. В документах 1506 года о границах государства с Ливонией Жмудь выделена из Литвы как самостоятельная земля. Сами жмудины в XVI веке активно добивались, чтобы великий князь подтвердил нерушимость старых границ, отделявших Жмудь от Литвы.

Великое Княжество Литовское в период расцвета (XV век)

Но могло ли такое произойти, чтобы название какого-то там племени так изменяло свое значение, переходило на могущественные державы и огромные территории? — засомневается скептик. А вот ведь могло. И история знает немало таких примеров. Завоеванные немецкими рыцарями прусы — немногочисленные балтские племена, жившие между Вислой и Неманом на побережье Балтийского моря, дали свое название великой немецкой державе Пруссии. А слово «римлянин», означавшее сначала только лишь «гражданин полиса Рим», во времена Римской империи означало уже всех италиков и даже людей нелатинского происхождения — жителей провинций. Когда же христианство стало государственной религией империи, то все сторонники официального вероисповедания составили одну большую общность византийцев, однако сами себя они считали «ромеями», а разговаривали по-гречески. Хоть среди этих «ромеев» были и славяне, и сирийцы, и армяне... Наконец, в XIX веке далекие потомки бывших подданных Римской империи, сосланных когда-то на территорию Дакии, назвали себя *румынами*, что означало также «римляне».

Грамота Великого Князя Витовта на старобелорусском языке

Сегодня мы должны понять, что мы утратили вместе со своим историческим названием Литва; что вместе с названием приобрела современная Литва, в великом княжестве Литовском имевшая другое название – Жмудь.

Литва обрела фундамент консолидации, единство своего народа – богатую историю, а значит, и будущее. Мы же получили полную путаницу в собственной истории и современности, ибо само слово «Литва» (за которым наши 500 лет) мы воспринимаем сегодня как нечто отдельное от нас и чужое. Как чужую воспринимаем мы и Вильню – колыбель белорусской нации, государственности и культуры, нашу древнюю столицу. Что такое в белорусском языке *Вильнюс*? То же, что Дели, что Сантьяго или Гонолулу...

Сегодня *Литва* и *Литва* – два разных понятия. Первое – историческое, относящееся к современнымбелорусам, литовцам и украинцам. Второе – современное, касающееся исторических жмудинов и аукштотов.

Нужно называть вещи своими именами. А свое имя у современной Литвы – *ЛЕТУВА*. Самоназвание современного литовца – *ЛЕТУВИС*. Оставим, наконец, историческое – истории, а современное – современности.

Староство Жаймойтское

Кстати, чтобы избежать терминологической

путаницы, польский историк Феликс Конечны (1862—1949) еще в 1929 году предложил под названием «Литва» понимать все земли Великого Княжества Литовского независимо от этнической принадлежности населения, а неславянскую часть этого государства именовать «Летува» — «как сама себя именует». О том же свидетельствует и опыт белорусской эмиграции, давно использующей термины: *Летува, летувіс, летувіскі.*

Вот ведь в случае с Русью мы *стол* назвали *столом* скорее, чем в случае с Литвой. Слова *Расея* и *расейцы* уже довольно прочно укрепились в белорусском языке. *Русь* же и *рускі* понимаются как исторические названия Беларуси и белорусов. В полном согласии с историей, которая и здесь имеет немало свидетельств.

Наша Беларусь останется. Под этим именем шло все наше национальное возрождение нового времени. Это имя находим и в исторических документах. Да и мы сами, современные белорусы, принимаем его как свое, как кровное имя нашей Родины. Но мы не должны утрачивать и наши исторические названия, наши тыл и капитал, ясное видение нашей тысячелетней истории.

Действительно несуразна ситуация, когда, упоминая древнее белорусское государство — Великое Княжество Литовское, современный белорусский историк вынужден будто извиняться и объяснять каждый раз, что и мы, белорусы, имеем к этому княжеству какое-то отношение; или писать полное название княжества — Литовское, Русское, Жмудское... будто такое перечисление вносит бо́льшую ясность.

Писать сегодня: литовско-белорусское государство, литовско-белорусские князья, литовско-белорусское войско и т. д.— в отношении средневековья — несуразность. По средневековой терминологии нужно писать литовско-русская или просто литовская, а по современной терминологии: белорусско-летувиские государство, войска, князья.

Отделив себя от слов *Литва* и *Русь*, мы никогда не разберемся, что в нашей истории и культуре наше, а что чужое, где мы, а где не мы, откуда мы, а откуда другие. Мы просто не найдем в собственной истории себя.

Нужно называть вещи своими именами. Это никак не испортит наших отношений с соседями. Доказательство тому — хотя бы те слова, которые мы выписали из канадской белорусской газеты «Зважай»:

> Віншуем Летувісаў, Латышоў і Эстонцау! Няхай жывуць адноўленыя незалежныя балтыйскія рэспублікі!

Здесь дверь названа дверью.

СМУТА И БЕЛАРУСЬ

Геннадий Саганович
кандидат исторических наук

Мой знакомый россиянин, любитель истории, в разговоре о наших непростых взаимоотношениях в прошлом как-то сказал, что жестокость ратников царя Алексея Михайловича в Беларуси во время 13-летней войны с Речью Посполитой (1654—1667 гг.) явилась местью за 1612 год. Я не сразу уловил логическую связь и лишь потом понял, что он имел в виду. Мол, помогали же ваши предки полякам занимать Москву...

Да, со времен Смуты обида на западных соседей укоренилась в ментальности россиян. Сведением счетов оправдывалось многое в политике царских властей и в XVIII, и в XIX веке. Известно, что Суворов в 1794 году, громя повстанцев, беспощадную резню в варшавском предместье Праге представлял ответом на сожжение Москвы в 1612. Эти события вспоминал Пушкин, выступивший против национально-освободительного восстания в 1831.

...И ненавидите вы нас...
За что ж? ответствуйте: за то ли,
Что на развалинах пылающей Москвы
Мы не признали наглой воли
Того, над кем дрожали вы?

— надменно спрашивал он в стихотворении «Клеветникам России». И вот, в конце XX века, почти те же слова в устах моего знакомого...

Смута, конечно, известна каждому со школьной скамьи. Парадокс, однако, в том, что при общем знании основной канвы бурных событий в России мало кто представляет, а что же творилось тогда в Беларуси, являвшейся плацдармом всего предприятия, называемого в историографии «иностранной интервенцией», в чем и какое отношение белорусов к Смуте.

В доперестроечных учебниках, учебных пособиях или даже академических изданиях по истории Беларуси о «димитриаде» или не найдете ни слова, или же прочитаете, что польские «магнаты и шляхта путем вооруженной интервенции посадили на московский престол самозванца Лжедмитрия I», а белорусские крестьяне и мещане, «возмущенные произволом шляхты и наемников, выражали сочувствие русскому народу и при удобных обстоятельствах громили отряды захватчиков». Даже такие почтенные мужи советской исторической науки, как В. Д. Королюк и Б. Н. Флоря, писали о «польской магнатско-шляхетской восточной экспансии» в XVII веке, о «инкорпорации России как конечной внешнеполитической цели» Речи Посполитой в Смутные времена и т. п.

А теперь в некоторых новых белорусских изданиях легко заметить крен в противоположную сторону. Здесь в героях уже «белорусско-литовское войско,

занявшее Москву», а сама война, получается, велась за возвращение Смоленской земли и за создание федерации Речи Посполитой с Московским государством. И всеми делами по возведению польского кандидата на московский престол будто бы руководил из-под Смоленска канцлер Лев Сапега.

Не исключено, но прошу доказательств, – вправе сказать историк.

Все было намного сложнее, глубже и многомерно. Рискну предложить читателю свое видение тех событий, переломных во взаимоотношениях России и Речи Посполитой. Разумеется, я ограничиваюсь тем, что, по-моему, важно знать, чтобы судить о причастности Беларуси к Смуте и о «смуте» в самой Беларуси.

Итак, «димитриада», Беларусь, Лев Сапега.

* * *

Лев Сапега (1557—1633)

Еще в 1603 году, когда на Украине, у князей Вишневецких объявился человек, выдававший себя за младшего царского сына – чудом спасшегося Дмитрия, в Беларуси и Литве никто не обращал на это особого внимания. Кто это был в действительности, то ли монах Григорий Отрепьев, как принято считать в годуновско-пушкинской интерпретации тех событий, то ли, как доказывает российский историк П. П. Васильев, действительный сын Ивана Грозного, – вопрос до сих пор открытый. Похоже, на наших землях версию о его царском происхождении тогда никто всерьез не воспринимал. Но как только самозваный царевич занялся вербовкой воинских людей, магнаты и шляхта забеспокоились. Контактов с ним избегали. Опытный политик коронный канцлер Ян Замойский советовал королю убрать самозванца из пограничья, спрятать его подальше, дабы каких конфликтов с Москвой не произошло. Однако монарх уже связал с Лжедмитрием свои планы.

В те годы король польский и великий князь литовский Сигизмунд III Ваза вел борьбу за утраченную корону Швеции, при ощутимой нехватке сил воевал в Инфлянтах. Союзников не имел – даже Дания и ганзейские города от него отвернулись. А враждовавшие обычно Швеция и Московское царство неожиданно сблизились. Правительство Годунова не приняло предложения Речи Посполитой о союзе, ограничилось лишь подписанием мира. В той ситуации именно в Самозванце король увидел своего потенциального союзника. Появился план коронации Дмитрия в Москве с тем, чтобы тот, воцарившись, вступил в войну со Швецией на стороне Речи Посполитой. Это как минимум. Сигизмунд замышлял любым путем объединить Речь Посполитую и Швецию в руках одного законного властителя, каким себя и считал. Так уже на начальном этапе всей «димитриады» важнейшим фактором дальнейшего развертывания драмы стали личные интересы короля, его обостренные амбиции. Стремление вернуть

Смоленск, потерянный еще в 1514 году, а также обрести новые земли – все это приложилось чуть позже.

Но Речь Посполитая была шляхетской республикой, где монарх не мог самостоятельно решать важнейшие вопросы внешней политики, особенно касающиеся войны и мира. В любом случае надо было иметь согласие шляхты, владевшей землей, а значит, и финансами. Для начала требовалось прозондировать настроения в обществе. И уже в 1604 году король осторожно высказался о том, что без сейма он, конечно, ничего не предпримет, однако как союзник Лжедмитрий мог бы принести немало пользы Речи Посполитой, в частности, помог бы отвоевать Эстонию.

В поддержку активной восточной политики не прозвучало ни одного голоса. Ни в Короне, ни в Великом княжестве Литовском никто не отстаивал идею экспансии. Наоборот, как сенаторы, так и послы выступали против вмешательства в московские дела. Поддержку Самозванца называли «бесправием». Главный съезд шляхты Беларуси и Литвы в Девятковичах постановил с Москвой во всем сохранить мир. И неудивительно, рыцарское сословие (стан) Великого Княжества, особенно Беларуси, больше всех натерпевшейся от войн, был заинтересован в сохранении мира с Москвой. В широкие шляхетские слои проникла мысль о возможной политической унии с восточным соседом, о совместном противостоянии Турции. В те годы шляхта вообще воспринимала только войны оборонительные, и лишь защита Отечества представлялась ей святым долгом, основанием всех похвал и заслуг. Тогда, в начале XVII века любой план интервенции не имел шансов на поддержку сеймиков.

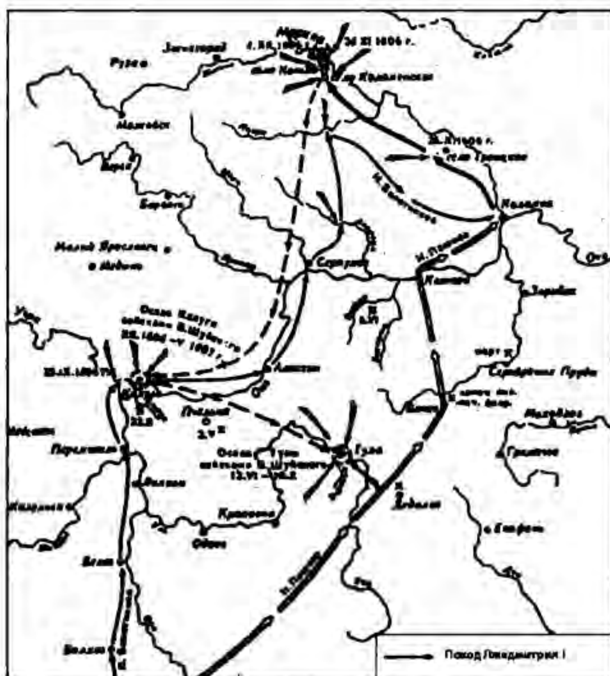
Однако Сигизмунд Ваза преследовал собственную цель. Весной 1604 года он пригласил самозваного, или, говоря по-костомаровски, «называемого Димитрия» на аудиенцию в Краков. Там с ним имел встречу и папский нунций Густав Рангони (кстати говоря, закулисная игра иезуитов прослеживается во всей «димитриаде»). Димитрий тайно принял католичество. Король Сигизмунд III и сандомирский воевода Юрий Мнишек подписали с ним «кондиции» – условия договора, на основании которых они брались поддержать самозванца.

В октябре 1604 Лжедмитрий с собранным войском перешел из Украины на территорию Московского царства. Стоит сразу подчеркнуть, что ни коронная армия, ни хоругви Великого Княжества не имели к этим действиям никакого отношения. Пользуясь помощью Мнишека и опекой короля, Лжедмитрий нанял около двух тысяч охотников, среди которых был и отряд шляхты из Беларуси – пятьсот православных шляхтичей, которые после успешного завершения похода получили вознаграждение и вернулись домой. Но участие отдельных лиц в военных приключениях в те времена было обычным делом и не отождествлялось с официальной политикой государства.

Колонну Самозванца по дороге пытался остановить магнат Ян Острожский, внук знаменитого героя оршанской битвы гетмана Константина Ивановича Острожского. Он силой убрал на реке все средства переправы и у Днепра собрал свое войско, но в последний момент не захотел проливать кровь. Видимо, подействовало то, что в обозе Лжедмитрия находился сенатор Юрий Мнишек.

Может быть, повлияла и скрытая протекция Сигизмунда III. Ведь вся авантюра была движима благодаря частным интересам этих державных мужей.

А теперь время задаться вопросом об авторстве первой «димитриады». С давних пор оно приписывалось Льву Сапеге, которого считали скрытой пружиной едва ли не всех антимосковских акций. Сергей Михайлович Соловьев в свое время принял старую версию, согласившись, что самозванец, скорее всего, был подставлен великим канцлером литовским. Свое предположение почтенный российский историк обосновал следующими аргументами. Во-первых, Сапега являлся поборником антимосковских планов короля, был врагом Годунова. Во-вторых, он дважды ездил в Москву с посольством. В-третьих, его слуга Петровский первым приехал к Вишневецким, когда там объявился Лжедмитрий, и признал его. В-четвертых, Сапега и позже, после Смуты, держал при себе самозванца Дмитрия Лубу (канцлер «готовил» его по поручению короля). Наконец, в качестве пятого аргумента фигурирует ссылка на рассказ о том, будто в одном из своих манифестов Лжедмитрий упоминал, что он был в посольстве Сапеги в Москве.

Поход Лжедмитрия I на Москву

Но, разумеется, самого упомянутого документа нет. А чётыре предыдущих довода еще ни в чем не убеждают, во всяком случае, их явно недостаточно, чтобы согласиться с традиционной версией. Напротив, с высоты современных исторических знаний отношение Льва Сапеги к «димитриаде» видится решительно отрицательным. Достоверные источники свидетельствуют, что в 1604–1605 годах он не только не клонил дело к войне, но, наоборот, всеми доступными средствами стремился удержать мир с Годуновым. Канцлер, так много сделавший для подписания в 1602 году двадцатилетнего мира с Москвой, добивался его соблюдения. Инцидент с московскими купцами, которых наперекор условиям договора не пропустили в Речь Посполитую, Сапега расценил как нарушение прав. Из-за этого царь имеет основания начать войну, – писал он Криштофу Радзивиллу.

Когда поход «называемого Димитрия» все же начался, Сапега критически высказался, что независимо от того, посчастливится ли сандомирскому воеводе или нет, одно уже ясно – он «зло отечеству и нам учинит». Это при том, что Сапеги могли быть особо заинтересованы в экспансии, поскольку их владения под

Смоленском еще в 1513 году отобрал московский государь. А в дни успешного продвижения Самозванца к Москве канцлер писал Мнишеку, чтобы тот возвращался в Польшу, ибо на их дело смотрят дурно. Можно вспомнить и то, как в январе 1605 года на варшавском сейме, когда сенаторы ясно высказались за сохранение мира с Москвой, особенно резко восточную политику короля критиковали Ян Замойский и Лев Сапега, который обрушился на Мнишека, говорил, что не верит в царское происхождение самозванца. Ян Острожский уже тогда потребовал, чтобы сейм наказал виновников вторжения в Московию.

Для современной историографии стало очевидно, что в целом версия о первом самозванце как «польском» ставленнике – старый миф. Гораздо ближе к правде был В. О. Ключевский, утверждавший, что «называемый Димитрий» не подброшен, он «только испечен в польской печке, а заквашен в Москве». В этой истории больше всех не повезло Льву Сапеге, на которого кто-то излил свою ненависть (точно так, как царь Василий Шуйский в своих интересах списывал всю Смуту на интервенцию). А недоброжелателей у такого деятеля хватало. Глубокий знаток московских отношений, постоянно курировавший восточный участок внешней политики, он завоевал авторитет трезвыми и взвешенными оценками. Всякий раз, когда из Москвы приходили послания или приезжали послы, верховная власть обращалась к Сапеге. Благодаря его консультациям и Стефан Баторий в свое время блестяще громил царя Ивана IV.

Можно вспомнить конкретный пример тенденциозных свидетельств о действиях канцлера. Так, даже входивший в круг близких ему людей писарь Пельгримовский, рассказывая в дневнике о встрече с царским посольством Салтыкова в Вильне, когда московская сторона пропустила шведский титул Сигизмунда Вазы, неизвестно ради чего представил дело так, будто Сапега даже не брал слова. Зато в записках московских послов значится, что речь в основном держал именно канцлер. Известны и другие случаи «неравнодушного» отношения современников к личности этого преуспевшего политического деятеля.

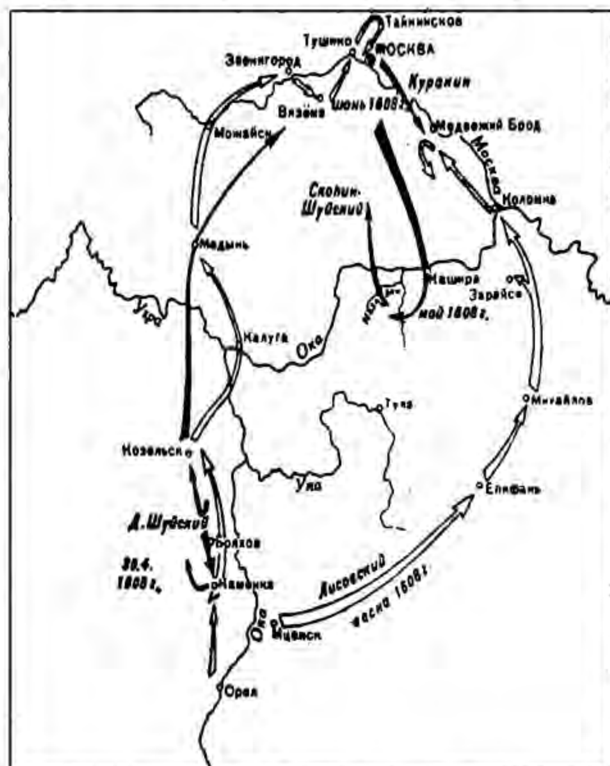
Лжедмитрий I

Но вернемся к походу самозванца. Сразу после его начала белорусско-литовская шляхта заговорила об опасности вторжения московских людей. Нападение могло последовать как ответ на участие подданных Великого княжества в авантюре Лжедмитрия, а шляхта совсем не желала такого развития событий.

Определенную панику могло вызвать и то, что здесь уже знали об агрессивных планах Бориса Годунова. Воцарившись, тот не только начал дипломатическую игру со шведским королем Карлом IX, но стал активно искать союзников для борьбы с Сигизмундом III. В том же 1604 году ему удалось передать в Вену грамоту с проектом коалиции против Речи Посполитой. Предусматривалось, что кроме Московского царства и империи Габсбургов в нее войдут Молдавия и

Семиградье. В случае успеха победители короновали бы в Варшаве Максимилиана Габсбурга, который потом женился бы на дочери Годунова, а все Великое Княжество Литовское надлежало инкорпорировать в состав Московского царства.

Осенью 1604 года двор Годунова активно готовился к войне. Собираться в «литовский поход» предлагалось ногайским татарам, общие военные действия обсуждались с Крымом, а при дворе европейских монархов московские посланцы уже взялись объяснять, что не царь виноват в нарушении мира, а наоборот, вся ответственность за войну лежит на Сигизмунде III. Белорусскую шляхту настораживали и работы по укреплению Смоленска, начатые при Годунове. «Наши, которые близко к границе, очень тревожатся, боятся какого-нибудь вторжения», — писал оршанский староста Андрей Сапега.

Поход Лжедмитрия II на Москву

Угроза с московской стороны чувствовалась так сильно, что в 1605 году Криштоф Радзивилл призвал скорее созвать посполитое рушение Великого княжества. Мол, неприятель не будет таким смелым, «когда услышит о нашей готовности». Шляхта успела принять решение о мобилизации, но собирать армию уже не понадобилось: после внезапной смерти Годунова Лжедмитрий вошел в Москву и стал царем. Вести об этом вселили в шляхетский народ некоторое спокойствие. Казалось, опасность миновала и восточная граница стабилизируется. В феврале 1606 года послы от Короны и Княжества повезли новому московскому царю проект «вечного соединения» Речи Посполитой и Московии.

О планах аннексии разговоров не велось. На вальном сейме в Варшаве ни один повет не высказал таких намерений. Идея союза с Москвой ни у кого не вызывала возражений. Правда, знающий соседнюю страну Лев Сапега напоминал о том, что Речи Посполитой потенциально угрожают как Швеция, так и Москва. Но этим все и ограничилось. Никаких планов экспансии в шляхетской среде не рассматривалось.

Майское восстание в Москве, в стихии которого погибли Самозванец, почти год правивший по-европейски, но не спешивший выполнять подписанных с королем и Мнишеком «кондиций», и тысяча наемников (иные, в том числе

послы, привезшие проект объединения, попали в плен), снова резко обострило отношения соседних стран. Шляхта центральной Беларуси побоялась посылать многих послов под Сандомир на съезд рокошан и, «смотря на опасность, исходящую от Москвы как пограничного соседа, с которым надежного и заключенного мира нет», никому вообще не разрешила разъезжаться. В Речи Посполитой московское восстание подтолкнуло к активности как регалистов /то есть сторонников короля/, заговоривших о внешней угрозе для государства, так и оппозицию, резко критиковавшую власти за участие в авантюре. Сигизмунд III Ваза тоже открыто выступил с антимосковским заявлением и в конце 1606 года перешел к агитационным действиям, хотя существенной поддержки по-прежнему не имел.

Настроения шляхты стали меняться с 1607 года, когда Сигизмунду удалось разгромить главный лагерь оппозиции – рокош*, возглавляемый Николаем Зебжидовским и Янушем Радзивиллом. Проиграв битву под Гузовом, рокошане рассеялись. В стране появлялось все больше неоплаченных, не подчиняющихся государственной власти жолнеров, участвовавших в инфлянтской войне со Швецией. Проблема «своевольного жолнера», буквально свалившегося на головы шляхты, в те годы рассматривалась практически всеми сеймиками. Его надо было куда-то девать. И тут интервенция показалась лучшим выходом. Королевский двор успешно распропагандировал лозунг превентивной войны против России. Мало кто помнил, что Речь Посполитая еще не закончила войну со Швецией. Реалисты надеялись, что победный поход позволит консолидировать расколотую шляхту вокруг монарха.

Наконец, подключился еще один немаловажный фактор. Уже тогда, в 1606–1607 годах в Вильно и Варшаве получали известия о том, что часть московского боярства желает видеть на царском троне представителя польской королевской семьи. Например, московский уполномоченный Иван Безобразов утверждал, приехав в Польшу, что бояре жаждут, чтобы на престол скорее сел королевич Владислав.

Лжедмитрий II

На вальном сейме 1607 года многие сенаторы уже приняли план похода на восток. Правда, от Великого княжества за нее агитировал, насколько известно, только маршалок Криштоф Дорогостайский. Вот тогда и появился новый «чудом уцелевший» Дмитрий Иванович – Лжедмитрий II. Баркулабовская летопись утверждает, что он «шол со Шклова». Подлинно известно, что его, Андрея Нагого, сначала обнаружили в Пропойске и арестовали, а потом отпустили. Перейдя границу, уже в июне 1607 года он появился в Стародубе.

А в Московии продолжалась гражданская война, и антиправительственные силы возглавлял Иван Болотников, сразу выступивший против избрания царем Василия Шуйского. Потерпевшие поражение под Москвой повстанцы

* Это непризнанная королем и направленная против него конфедерация вооруженной шляхты.

возлагали надежды на помощь соседей. Даже послов к королю отправили, прося выступить против правительства Шуйского. Не получив помощи от официальной Речи Посполитой, они искали ее частным порядком – настойчиво призывали шляхту из Беларуси. От имени царя противники Шуйского с конца 1606 по осень 1607 года неоднократно обращались к властям Мстиславля, Могилева, Орши, Кричева, Минска и других белорусских городов с просьбой прислать «людей рыцарских». Особым спросом пользовались ветераны похода первого самозванца. Хотя заманивали высокой оплатой – получите, мол, такое «великое жалование, какого у вас и на разуме нет», – белорусская шляхта не спешила. Проявлялась общая пацифистская настроенность воинского стана. Лжедмитрий II тоже рассылал листы «к ротмистрам земли литовской и товарищам их», обещая платить в три раза больше, чем получали жолнеры в Великом Княжестве.

Станислав Жолкевский

К лету 1608 года у второго самозванца постепенно собралось одних жолнеров около 5 тысяч, а казаков намного больше. Но все же, как отметил знаток тех событий Р. Г. Скрынников, наемников в тушинском лагере было значительно меньше, чем самой «москвы». Документы свидетельствуют, что белорусская шляхта и на этот раз не проявляла особого желания служить у Самозванца. Усвятский староста Ян Петр Сапега, нанимавший отряд для помощи Лжедмитрию II, жаловался, что в Беларуси вербовка охотников была нелегкой, что тут его задерживали и вредили «люди незычливые». А лидер диссидентов (то есть некатоликов) Януш Радзивилл утверждал тогда, что из рокошан вообще вряд ли кто пойдет к самозванцу.

Весьма показательны для восприятия всей авантюры в Беларуси слова местного летописца, отметившего, что к самозванцу собирается «люд гулящий, люд своевольный,.. якийсь наймит з Мстиславля до него пришол».

Подойдя к Москве, армия Лжедмитрия II не смогла ее взять и в июле 1608 года остановилась в Тушине. Так образовался тушинский лагерь, в котором был и свой «тушинский царь» Дмитрий, и свой патриарх Филарет – отец будущего царя Михаила Романова. В Московии установилось двуцарствие.

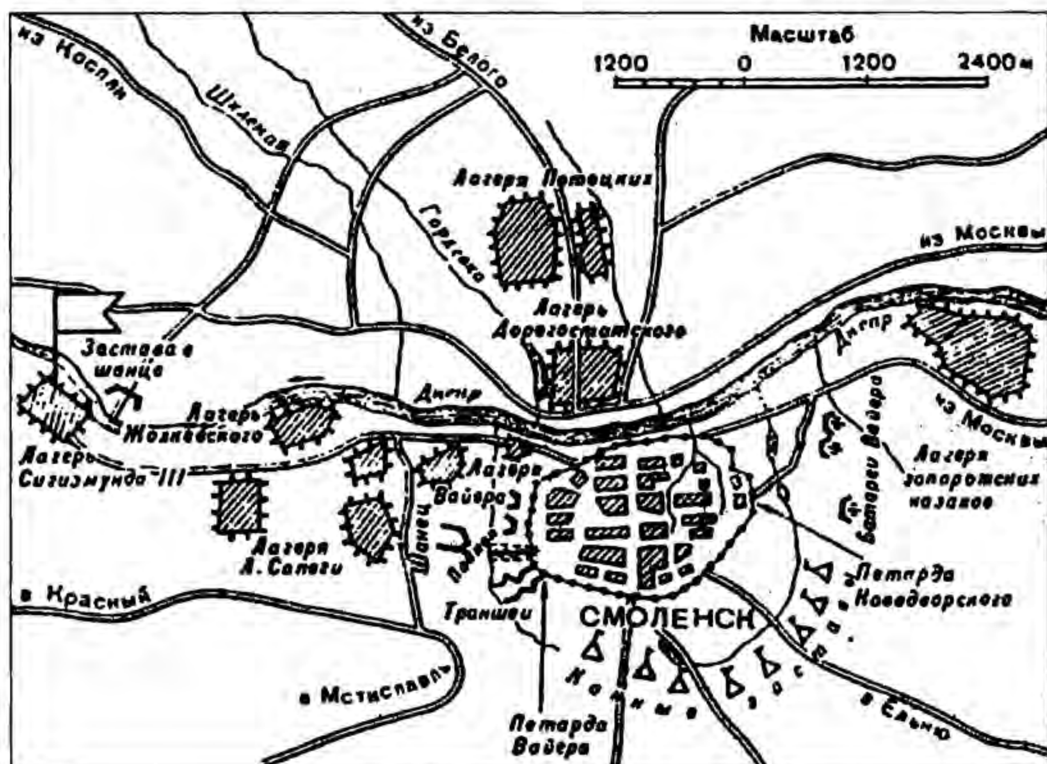
Тем временем король и регалисты начинали готовиться к официальной войне. Во время сеймиковой кампании в конце 1608 года Сигизмунд III стремился заручиться если не согласием шляхты на интервенцию, то хотя бы ее нейтральностью. В разосланной инструкции обещал, что без разрешения сейма не развяжет военных действий. Но и на этот раз мало кто принял его план. В Беларуси и Литве большинство рыцарского народа было по-прежнему против. Шляхта Минского воеводства потребовала, «чтобы никакой войны с Москвой

Бой у деревни Клушино

в нарушение мира, раньше подтвержденного присягой, не начинали и не разрешали».

Среди влиятельных политиков в Беларуси и Литве войну пропагандировал, похоже, один лишь виленский епископ Бенедикт Война. Даже ярый католик Николай Радзивилл Сиротка оказался ее противником. На поддержку большинства рассчитывать не приходилось, посему Сигизмунд III даже не стал выносить свои замыслы на вальный сейм. Все было решено на тайном совещании сената. На этом закрытом заседании интервенцию в первый (и в последний!) раз поддержал Лев Сапега, припомнивший территориальные потери Великого Княжества в пользу Москвы во времена его отцов. Посольской избе, занимавшей откровенно антивоенные позиции, оставалось лишь принять к сведению, что дело уже решено. Сам Лев Сапега впоследствии с горечью вспомнит, как «тихие коморные совещания и... породили эту войну».

Регалисты инспирировали печатание листовок, писем, поэм, оправдывавших идею вторжения. Воеводы ряда западнороссийских городов уже вели переговоры с властями Речи Посполитой о возведении на престол польского кандидата. Однако военные сборы сразу же столкнулись с критикой самой программы интервенции. Существенно, что критиковали ее представители практически всех политических группировок страны – и коронный гетман Станислав Жолкевский, и герой Кирхгольма великий гетман литовский Ян Карл Ходкевич, и главный протестант Януш Радзивилл, прозванный «стражем шляхетских свобод». Но государственная машина была уже запущена.

Осада Смоленска в 1609—1611 гг.

По иронии судьбы именно в Минске, который последовательно противился плану интервенции, король долго поджидал основное коронное войско. Не спеша, будто колеблясь, в августе 1609 года Сигизмунд III Ваза во главе армии пересек московскую границу. При монархе был и канцлер Сапега со своим полком, насчитывавшим 200 пехотинцев и 550 всадников.

Король оглашал, что идёт для предотвращения «опасности [со стороны] Москвы и Швеции, между собой связанных». Было ли за этими словами что-либо действительное или это обычная демагогия, придуманная для оправдания агрессии? Похоже, у короля имелись-таки реальные основания для подобных опасений. Еще в марте 1609 года царь Василий Шуйский подписал в Выборге договор о «вечном мире» со шведским королем Карлом IX, в котором формулировалась программа военного союза против Речи Посполитой. На помощь Москве пришла шведская армия Делагарди. Шуйский даже использовал в договоре титул «князя Полоцкого», чем постулировал намерение бороться за земли, захваченные раньше Иваном IV, но возвращенные Великому Княжеству по Ям-Запольскому миру 1582 года. Так что в этом плане тревога была законной. Правда, вряд ли кто-нибудь возьмется утверждать, что в случае незаключения военного союза царя Шуйского со Швецией интервенция не состоялась бы.

Так, без надлежащей подготовки, без достаточных сил (в его 15-тысячной армии, осадившей вскоре первоклассную смоленскую крепость, пехота составляла лишь треть), без ясной стратегии действий, наконец, в нарушение закона

(ибо сейм не давал согласия на поход) Сигизмунд III вторгся в Московское царство. И если раньше военные действия против московского правительства имели частный характер, то теперь против него началась вполне легальная война Речи Посполитой.

Когда королевское войско подошло к Смоленску, между ним и тушинским лагерем возникло противостояние. Долго велись напряженные переговоры. Лжедмитрий II просил короля не срывать «урожая» тушинцам, помнить о молодых шляхтичах и их бедных, старых родителях, с надеждой ожидающих детей. Эта деталь послания «тушинского царя» как нельзя лучше свидетельствует, что в его движении участвовали не «широкие магнатско-шляхетские круги», а бедные шляхтичи, мещане и даже крестьяне, для которых война по обычаям того времени открывала возможность улучшить не только материальное положение и прославиться, но и возвыситься социально. Простой мещанин или мужик мог получить шляхетство — вот мотив, поднимавший многих в поход.

Осада Смоленска затягивалась. Когда сам король и гетман уже засомневались в успехе, из Москвы на помощь смолянам вышла 35-тысячная армия Дмитрия Шуйского, усиленная отрядами шведов. В той критической ситуации все изменила блестящая победа Станислава Жолкевского, встретившего и разгромившего это воинство под Клушином. Как сторонник союза с Московией, коронный гетман быстро нашел понимание у московского боярства. В феврале 1610 года под Москвой он подписал с боярской думой первое предварительное соглашение о соединении царства с Речью Посполитой, а в августе — второе. Между ними произошло свержение Василия Шуйского. В подписании второго договора кроме боярского правительства участвовало уже и дворянское войско, и московский посад. В обоих проектах не было никаких элементов инкорпорации — предусматривалось создание обычного военного союза с условием избрания на царский трон 14-летнего королевича Владислава. Бояре сами добились, чтобы Жолкевский ввел в Москву свои хоругви и ликвидировал тушинский лагерь. Так в столице ВКМ появился польский гарнизон.

Гетман Жолкевский призывал короля и сенат отказаться от аннексии, не добывать Смоленск, закончить войну, но тщетно. Монарх сам претендовал на царский венец. Вскоре герой Клушина был отозван из Москвы под Смоленск, а когда в столице против польского гарнизона вспыхнуло восстание, он не подчинился приказу короля идти на его подавление и вообще покинул смоленский обоз. В те дни Лев Сапега, близкий к королю и не замеченный в дружеских отношениях с Жолкевским, тем не менее решительно поддержал его проект унии. Очень скоро после начала официальной интервенции он пожалел, что принял ее план на заседании сената. Резко критиковал медлительность и неорганизованность, само предприятие в военном отношении.

Лучше других знавший Московское царство, канцлер разуверился в возможности военного успеха и снова стал сторонником урегулирования отношений путем переговоров. Склонял короля принять план Жолкевского, но убедился, что тот под чужим влиянием. В конце 1610 года написал жене: «Господь Бог дает нам в руки Москву, но король упрямостью своей ее от себя отталкивает...» А в письме к Янушу Радзивиллу высказался еще определеннее: «Была возможность,

да сплыла. Прозевали все, и боюсь, что вместо славы с неславой домой возвратимся...»

В июне 1611 года Смоленск был, наконец, взят штурмом. На волне триумфа монарх потребовал от сейма средств для победного завершения войны. Но из всех сеймиков Великого княжества только виленский увлекся победным настроением короля. Остальные в предписания своим послам включили решительные предупреждения и острые замечания. И в дни триумфаторского сейма 1611 года, когда Жолкевский представил плененного царя Шуйского, послы почти всех сеймиков выразили обеспокоенность тем, что война была начата без согласия станов, хотя и благодарили короля за приобретенные территории. Представители шляхты Минского воеводства требовали, чтобы «впредь без консенсуса Речи Посполитой такие войны не развязывались, ибо эта вещь слишком вредная для нашего отечества». Постановление о новых налогах на войну прошло только потому, что его поставили на голосование в момент, когда в посольской избе не осталось и половины депутатов. Так был одобрен сбор двух налогов, но шляхта добилась уточнения, гласившего, что приоритетным способом дальнейших действий все равно должны быть переговоры.

Принять решение о налогах еще не значит их собрать. Одиннадцать поветов территории современной Беларуси на протяжении двух лет не платили государству так называемого ланового побора. Полоцкий повет был уже настолько разорен шайками казаков, что не мог собрать податей. Через два года комиссары Берестья утверждали, что те, кто сознательно затягивал выплату налогов, «своей неневинной амбицией погубили отечество».

Но дело было не в амбициях. Да, вначале многое решала позиция шляхты, которая не простила королю незаконное развязывание войны. Она смотрела на интервенцию как на частное дело Сигизмунда III и не хотела давать деньги на авантюру. Но так или иначе война началась и для нее были наняты тысячи жолнеров, которым власти оказались не в состоянии платить за службу. Очень скоро стало очевидно, что вследствие разорений собрать необходимые деньги невозможно. Говоря официальным языком, финансовые расходы намного превосходили поступления, и дефицит скарба ежегодно только увеличивался. Тогда вояки стали выходить из повиновения властям, объединяться в конфедерации и силой вымогать свои «кровавые» заслуги. Драматизм положения точно передал кто-то из шляхтичей: «Войны этой не можем завершить из-за недостатков, но не завершив – двойная опасность для Речи Посполитой: и от Москвы, и от своих».

Война еще могла быть закончена удовлетворением просьбы московских послов, которые явились в Варшаву в конце 1611 года и снова просили дать им на трон королевича Владислава. Но старый Ваза, надеясь добиться венца для себя, опять отказался от такой возможности. А уже через год под Смоленском уполномоченные боярской думы выставили заведомо неприемлемые для Речи Посполитой условия мира: королевич Владислав переходит в православие, а Московское царство должно сохранить свою территориальную целостность, то есть остаться со Смоленском и Северщиной.

Лишь когда польский гарнизон в Москве оказался в осаде ополчения Минина и Пожарского, сенаторы наконец убедили короля, что единственный выход –

дать на царский престол Владислава. Положение засевших в Кремле жолнеров было безнадежное. Основные силы из-за неуплаты денег объединились в конфедерации и ушли. Гетман Ходкевич остался под Москвой с незначительными отрядами. «С маленькими силами и почти уничтоженным скарбом сражаюсь с неприятельским войском, стараюсь и обдумываю, как удержать столицу...», – писал он, но не мог помочь осажденным.

Летом 1612 года Сигизмунд III во главе двух полков вместе с сыном во второй раз двинулся на Москву. Лев Сапега тогда точно подметил: «Не знаю, ради чего... Теперь надо больше заботиться, как сохранить Польшу, а не как добывать Москву». По дороге послы многих городов Московии присягали Владиславу как избранному царю. Но в столицу обоз опоздал. Кремлевский гарнизон, поедавший своих лошадей и траву, 6 ноября капитулировал. Прихватив московскую казну, жолнеры пошли в Речь Посполитую. Довелось разворачиваться и королю с королевичем. Хотя их еще догоняли посланцы московской оппозиции и просили вернуться, для занятия трона Владиславом достаточно было удовлетворить только два требования – перейти в православие и оставить нерушимыми границы царства. Удрученные Вазы через Беларусь неспешно продвигались к Польше.

А белорусские земли все больше наводняли команды неоплаченных жолнеров, вернувшихся из Московии. Создав конфедерации, они приступали к силовому вымоганию денег у государства, разоряли край и грабили население. Особенно ужасным для Беларуси выдался год 1613-й. Трудно даже представить степень озлобленности конфедератов. Известен случай, когда, найдя рисованный портрет короля, они немедленно прострелили ему глаза.

Бесправие, насилие обозленных жолнеров принимали катастрофические масштабы. Из четырех появившихся в Беларуси группировок конфедератов наибольший вред стране причиняли «сапежинцы» – бывшее войско Яна Петра Сапеги, разместившееся в Берестье. Требуя денег, они грозились всю «Речь Посполитую погубить и в ничто превратить». Не лучшими были и вояки прежней инфлянтской дивизии Яна Карла Ходкевича, стоявшие под Минском и угрожавшие походом на Вильню. Вскоре акт конфедерации приняли и в известном полку Александра Лисовского.

Автор одного из анонимных посланий того времени возмущался, что конфедераты буквально всех держат в своих руках. «Такую большую губу имеют, что у нас нечего за нее заткнуть», – сокрушался современник. Формирования деморализованных жолнеров сожгли Берестье, Слоним, Новогрудок и другие города на западе Беларуси. И даже после того, как власти выплатили «сапежинцам» необходимую сумму, те продолжали выбирать стации (полюдье, продукты питания и фураж, собиравшиеся с местного населения для содержания войска). Между тем с востока и юга в Великое княжество без конца врывались казаки, но вояки-конфедераты даже не пытались защищать свое государство.

Диктат конфедератов сказывался на жизни всей страны, в том числе на работе сеймиков. Все чувствовали себя их заложниками, но не знали, в чем искать спасения. И в феврале 1613 года вальный сейм встал перед дилеммой. Послы критиковали политику правительства, бурно требовали найти зачинщиков войны и наказать их, но непринятие новых налогов в тех условиях означало бы обо-

стрение внутренней ситуации и гражданскую войну. Король взывал к патриотизму, просил не допустить, «чтобы в огне том вся Речь Посполитая, как в пожаре каком, вспыхнула», решиться на жертвы ради победного завершения войны.

Большинство сеймиков Беларуси и Литвы одобрило сбор меньшего числа налогов, чем требовали регалисты. Однако даже утвержденные суммы не знали как собрать, поскольку реквизицией самовольно занимались команды конфедератов. Необходимых денег на армию по-прежнему не хватало, а, как скептически высказался Ходкевич, «без войска звать неприятеля на переговоры — то же самое, что у голодного хлеба просить». Очень скоро стало ясно, что не обойтись без дополнительных поборов. С целью их утверждения в конце 1613 года в Варшаве собрался первый в истории Речи Посполитой чрезвычайный сейм, занимавшийся только проблемой финансов. «Русь понесла такие потери, каких не знала уже двести лет», — констатировалось на сейме.

Не обошли и самый больной вопрос — о зачинщиках войны. Уполномоченные сеймиков атаковали и Льва Сапегу, подозреваемого в соавторстве политики правительства. Во время разбирательств канцлер утверждал, что рокошане, связавшись с самозванцем, планировали короновать последнего в Варшаве после детронизации Сигизмунда III, и этим, мол, оправдывалось вооруженное вмешательство. Об этом же канцлер говорил и три года спустя, когда снова потребовалось выяснять мотивы смоленской экспедиции 1609 года. Рассматривался и конкретный список рокошан, ставивших целью коронацию Дмитрия. Интересно, что ученые находят все новые подтверждения этой версии.

Тем временем положение Беларуси все ухудшалось. Банды казаков, врывавшихся в страну, достигали двадцати тысяч. Ужасающие масштабы грабежа и разорений вынудили чрезвычайный сейм принять специальное постановление «О казаках и людях своевольных», которое обязывало гетмана Ходкевича казнить смертью всякого, кто занимался разбоем. Формирования, верные властям, стали разыскивать и «сносить» незаконные шайки.

Присоединенный Смоленск вскоре был атакован московским войском, и гарнизону пришлось защищаться без достаточных сил и провианта. Жолнеры пухли от недоедания и взывали к милости «Речи Посполитой, матери нашей». Современники так и говорили, что «Смоленск больше затиснут голодом, чем неприятельской силой». А вскоре четыре тысячи голодных жолнеров смоленского гарнизона свалились на головы населения Беларуси. Ко всему, с начала 1614 года белорусское Подвинье подверглось нападениям формирований нового московского царя. Послы Великого княжества добивались от центральных властей скорейшего укрепления Полоцка, поскольку за северную Беларусь боялись особо. Но каждому болело свое. Государство в таком положении, что «лучше пусть погибнет один повет, чем все имеем погибать», — парировал коронный подканцлер Феликс Крицкий.

В полном отчаянии белорусская шляхта требовала созвать виленскую конвокацию чтобы самостоятельно организовать хоть какую-нибудь оборону и искать спасения*. В этом отношении особенно характерно послание оршанцев королю, под которым 30 подписей — Яна, Геронима и Александра Ходкевичей, Алек-

* Здесь конвокация — общий съезд шляхты ВКЛ для решения неотложных вопросов. — *Прим. авт.*

сандра Сапеги, Николая Глебовича и других. Они утверждают, что под властью Сигизмунда Великое Княжество Литовское окончательно разорено, и неизвестно, можно ли вообще рассчитывать на помощь монарха. Шляхта оршанского повета исправно выплачивала налоги на защиту границ из собственных владений, но это не гарантировало ее безопасности. Происходящее побуждает считать, что причиной всех бед стал поход короля в Московское царство, — говорится в письме. Границы страны открыты, «враг может безнаказанно жечь деревни и города, убивать и выводить людей».

Авторы апеллируют к обязательствам короля в отношении к его подданным и требуют организовать защиту. «Какая же это радость, если при господаре [короле] людей вольных в неволю берут». В послании также недвусмысленно упрекалась польская шляхта, державшая белорусское рыцарство «не за братьев, а за каких-то данников» и не помышлявшая приходить на помощь.

В целом, корреспонденция, инструкции и реляции 1614 года охвачены настроениями, близкими к апокалипсическим. Гибнет Отечество! Такого в истории ВКЛ еще не было. Другим выразительным акцентом общественной мысли тех лет стала апелляция к закону, требование остановить противоправно начатую войну и наказать зачинщиков. В посланиях королю, временами просто слезных, шляхта просит монарха как можно скорее закончить эту ужасную войну и закрыть восточную границу. Но несчастия беззащитного края казались бесконечными. «Москвичи сожгли предместья Велижа, людей изрубили, других в плен побрали», — с тревогой писали мещане Витебска гетману Ходкевичу зимой 1616 года. Летом они сообщали, что царские ратники уже «воеводство Витебское опустошают, под Велиж подступили и Сураж сожгли, и в наших местностях много вреда наделали». А осенью доносилось, что уже сам «город Витебск солдаты и казаки московские сожгли». И в то же время хоругви, нанятые за деньги жителей Беларуси, как свидетельствует инструкция слонимского повета, не пошли в неприятельский край, а остались грабить свой.

Вопросы, связанные с завершением войны, собирались решить еще на вальном сейме 1615 года, но он был сорван. В предсеймиковой кампании шляхта острее прежнего требовала наказать виновников войны. Лишь в следующем году удалось заручиться поддержкой всех станов на сбор новых налогов, предназначенных для похода королевича Владислава на Москву. Однако это согласие совсем не означало поддержку политики короля. Поборы были разрешены единственно ради завершения ужасной войны. Примечательно то, что шляхта Великого Княжества и на этот раз долго не соглашалась на финансирование очередного похода. Януш Радзивилл дал своих 200 конников, но с обязательным условием — чтобы они не использовались в военных действиях против Москвы.

Наконец весной 1617 года и главный съезд шляхты ВКЛ одобрил налоги для похода Владислава, но при этом оговорил, что «уже больше ВКЛ такой тяжести войны Московской выносить не сможет». Еще раньше Героним Волович писал, что «война Московская к тому привела, что ВКЛ, мое отечество, от тяжестей жолнерских и неприятельских нападений сохнет...»

Третий поход на Москву стал последним. К силам королевича Владислава и гетмана Ходкевича присоединился гетман Сагайдачный с 20 тысячами казаков,

а также полк лисовчиков. Осенью 1618 года попробовали штурмовать столицу, – и тщетно. Зато демонстрация силы подтолкнула московское правительство к переговорам. Владислава на трон Москва не приняла, но на мир с территориальными потерями согласилась, что и было зафиксировано Деулинским договором.

* * *

Вполне осознавая, что императив классического историзма «как это собственно было» недостижим, предвидя упреки в необъективности освещения Смуты, я, тем не менее, решился на определенную ревизию всей этой истории. Хотя бы ради того, чтобы показать, что все и проще, и сложнее. Проще, ибо мотивы, руководившие участниками тех событий, были обычно далеки от государственного или национального патриотизма, а тем более от каких-то геополитических интересов. Сложнее, потому что в предлагаемые ранее интерпретации не вкладывается и половина известных фактов.

Предложенный очерк вовсе не претендует на исчерпывающее объяснение. В нем сознательно опущены многие важные сюжеты и лица, ибо не в полноте освещения виделась цель. Важно было показать, что историк в любом случае уже не может сводить причины Смуты к иностранной интервенции. Ее породили внутренние причины, прежде всего ужасные разорения, ставшие результатом политики Ивана Грозного, и потом несколько лет небывалого неурожая. А основной движущей силой выступили казаки. С противоположной же стороны главными инспираторами войны были король да Мнишек. Применительно к Речи Посполитой и тем более Великому Княжеству Литовскому ни о какой государственной программе экспансии на восток говорить не приходится.

Что же дала эта авантюра Речи Посполитой? О прочных обретениях рассуждать вообще проблематично. Напротив, война породила новые глобальные проблемы шляхетской республики. Это и разорение государства, и «своевольный жолнер», и глубокое недоверие шляхты к центральным властям, проявившееся, в частности, в стремлении любой ценой сохранить старый строй и не допустить его реформирования. Беларусь же, меньше всего причастная к «димитриаде», – подчеркиваю, абсолютное большинство шляхты страны постоянно и решительно протестовало против интервенции – потерпела больше других.

Возвращаясь к Льву Сапеге, остается констатировать, что было бы непростительным упрощением как по-прежнему взваливать на него всю вину за подставку самозванца и начало «димитриады», так и изображать из канцлера этакого героя, скрыто руководившего всей драмой. Мне кажется, он был слишком умен для этого. Лучше уж прислушаться к мнению Жолкевского, участника тех событий, одинаково чтившегося по обе стороны границы. Он считал, что начало той войны, «такого обильного проливания крови... с пана Юрия Мнишека, сандомирского воеводы пошло».

Что касается общественной оценки всей интервенции, то ее, по-моему, точно передают слова из постановления ряда шляхетских сеймиков Беларуси, принятых в 1618 году, в которых говорилось, что авантюра эта «нам и отечеству нашему всякое зло принесла, с достатков его слупила и к чужим народам в ганьбу вправила».

УЗНИКИ МОСКОВСКОГО ДЕСПОТА
(ЛИТОВСКИЕ ЗАКЛЮЧЕННЫЕ В РОССИИ ПРИ ЦАРЕ ПЕТРЕ I)

М. Шапока

Гражданская (1700–1710) и Северная (1700–1721) войны принесли значительные экономические, материальные и людские потери Польско-Литовскому государству или Республике Обоих Народов (Речи Посполитой).

В Литве в середине последнего десятилетия XVII века разгорелся конфликт между сторонниками магнатского рода Сапег и их противниками из других вельможных семей, переросший в открытую войну в 1700 г. В том же году, когда саксонская армия Августа II, короля Речи Посполитой и курфюрста Саксонии в одном лице, напала на Ригу, началось длительное военное противостояние со Швецией.

В 1704 г. Речь Посполитая окончательно разделилась на два враждующих лагеря. Август II объединил вокруг себя своих сторонников, образовав Сандомирскую конфедерацию, которую поддержал воевавший со Швецией русский царь Петр I. В качестве противовеса ей шведский король Карл XII и его союзник польский король Станислав Лещинский собрали своих приверженцев под флагом Варшавской конфедерации. Военные действия продолжались до 1706 г., когда шведы победили саксонскую армию и принудили Августа II официально отречься от польско-литовского престола.

Тем не менее Лещинский даже при поддержке шведов не смог объединить страну. Сандомирская конфедерация осталась верна Августу II и военно-финансовому союзу с Россией. Этот альянс принес свои плоды 8 июля 1709 г., когда конфедераты внесли значительный вклад в победу русской армии над шведами под Полтавой, не допустив соединения шведско-польско-литовской армии Лещинского с войсками Карла XII.

Военный союз Речи Посполитой с Россией не был новым политическим феноменом. После последней войны между этими странами, которая закончилась миром в 1686 г., оба государства стали членами военного альянса, направленного против Османской империи. Тем не менее военное, финансовое и политическое сотрудничество в Великой Северной войне намного превышало взаимопомощь в военных походах против турок. Политическое руководство Литвы в период 1702–1704 гг., а именно великий гетман Михаил Серваций Вишневецкий (1680–1744), казначей Людвик-Константин Поцей (1664–1730), польный (полевой) гетман Григорий Огинский (1663–1711) и другие внесли значительный вклад в укрепление союза с Россией. В течение этого периода при отсутствии польского представительства было подписано три соглашения

Из книги: Архіварыус. Зборнік навуковых паведамленняў і артыкулаў. Мінск: НГАБ, 2014, с. 298–313.

о сотрудничестве между верными Августу II литовскими вельможами и русским царем Петром I.

Основной причиной, принудившей руководство Литвы активизировать сотрудничество с Россией, было опасение перед сторонниками Сапеги, так как они уже в 1701 г. попросили протекции шведов, победа которых грозила литовским сторонникам Августа II потерей правящих позиций. Официальный союз Республики и России заключен в 1704 г. подписанием Нарвского договора. Согласно ему российская армия имела право вступить на территорию Республики, но должна была содержаться на средства Петра I. Тем не менее шведские победы и страх перед Сапегами привели литовских вельмож в 1705 г. к решению просить Петра I немедленно войти в Литву с российской армией, гарантируя ее обеспечение за счет местных ресурсов.

Вмешательство двух великих на тот момент стран, России и Швеции, во внутриполитическую борьбу Польско-Литовской державы привело к тому, что литовских вельмож, шляхту, крестьян, горожан и представителей этнических меньшинств – евреев и татар – захватывали как шведские, так и русские войска и вывозили в эти государства для принудительного труда. Сведения о литовских заключенных в Швеции можно обнаружить в архивах Литвы, а также Швеции.

В трудах же историков только в общих чертах упоминается о больших потерях населения ВКЛ в начале XVIII века (убийства, эпидемии, депортации, заключения, продажа в рабство). Данная статья является первой попыткой получить представление по одному из аспектов этой широкой проблемы, а именно осветить судьбы литовских пленников в России.

После вступления на территорию Литвы в 1705 г. русская армия сразу стала производить аресты политических оппонентов Августа II. Особенно значительная волна пленений и арестов наблюдалась весной 1707 г., когда великий гетман литовский М. Вишневецкий предал Августа II и Петра I и присоединился к сторонникам шведов. Русская армия захватила в плен и арестовала множество шляхтичей и военнослужащих литовских войск, вызывавших малейшее подозрение. Случалось и так, что сандомирские конфедераты отправляли российские армейские подразделения в поместья нежелательных им лиц, не совершивших преступлений, называя их сторонниками шведов и Лещинского.

По данным иезуитских миссионеров, в Москве после 1707 г. находилось в тюрьмах более 2000 заключенных из Польши и Литвы. Они содержались в очень тяжелых условиях – около 500 человек в год погибало, но общее их число не уменьшалось, так как постоянно поступали новые арестанты. Заключенные содержались не только в Москве, но и в других городах России. Значительное число находилось в Санкт-Петербурге, где только в 1708 г. от цинги умерли 50 человек из Польско-Литовского государства. В 1710 г. политзаключенных в Москве насчитывалось так много, что в местном Свято-Троицком католическом костёле было позволено служить мессу на польском языке.

Победы шведов принудили Августа II заключить в 1706 г. перемирие и отказаться от польской короны. Но после Полтавской битвы (8 июля 1709 г.) Август II вернулся в Польшу. Несмотря на то, что многие из представителей шляхты мало ценили Августа II как человека и монарха, летом 1709 г. он снова оказался

главным претендентом на королевскую корону. Большая часть шляхты приняла его как легитимного короля, чем было достигнуто политическое сплочение нации.

Восьмого августа 1709 г. перед возвращением в Польско-Литовское государство Август II издал воззвание к своим сторонникам и сторонникам Лещинского, призывая признать его легитимным правителем и гарантируя амнистию тем, кто желает покинуть лагерь врага. Однако политическая реальность того времени предполагала такое заявление безосновательным без сопутствующего решения о вынесении амнистии русским царем Петром I. Между тем, Петр I побуждал Августа II не спешить давать амнистию известным сторонникам Лещинского, а свое прощение гарантировал только простым шляхтичам, которые, по словам царя, «были введены в заблуждение своего руководства и только потому поддерживали шведов». Бывшие и нынешние сторонники Лещинского имели основание опасаться русского царя, потому что после Полтавской битвы главные российские войска (по разным оценкам около 40 тыс. солдат, в основном пехотинцев, быстро двигались через территорию Литвы в сторону Риги, попутно арестовывая неблагонадежных и заподозренных лиц.

Среди духовенства самым известным заключенным был униатский епископ Дионисий Жабокрицкий, похищенный российскими войсками за поддержку Карла XII и Лещинского. Но, по-видимому, похищение было частью плановой политики Петра I, направленной против униатской церкви в Польско-Литовском государстве. Одним из католических священников, арестованных в 1709 г., был член Виленской капитулы ксендз Гонсевский. В мае 1710 г. Виленская капитула приняла постановление послать ему 300 злотых в качестве поддержки для выживания в плену.

Однако наиболее сильную реакцию вызвал арест М. Вишневецкого в октябре 1709 г. После Полтавской битвы он пытался примириться с Петром I, но, отправившись приветствовать царя, был арестован, несмотря на гарантии безопасности от Л. Поцея и Г. Огинского. Вероятно, Петр I таким образом отомстил М. Вишневецкому за предательство в 1707 г. Арест одного из самых известных вельмож Республики вызвал большое недовольство других магнатов и широких масс шляхты. В феврале 1710 г. начался совет Варшавской конфедерации, который должен был утвердить на престоле Августа II. В ходе заседания послы от всех поветов Польского королевства и Великого Княжества Литовского единогласно потребовали освободить М. Вишневецкого. Август II послал Петру I официальное письмо с требованием освободить М. Вишневецкого. Петр I в своем письме на имя короля ответил:

> Уповаем, что вашему величеству и любви и всему свету известно, коим образом помянутый князь за все ему от нас показные великие благодения и что мы ему не токмо деньгами и людьми вспомогали, но и у вашего величества нашим заступлением много вашего величества милости исходатайствовали, нас весьма безчестным образом обманул и не токмо в самое неудобное нам время без данной всякой причины против обещанной своей верности и данной письменной поруки не токмо сам к неприятелю приступил, но и всю литовскую армею, большая часть против

их воли, к тому привел и всякие неприятства со оным против наших войск чинил [...] но и на нашу собственную особу ловительствовал и в нашем пути из Варшавы к Вильне на нас переняти искал.

[...] Чего ради мы сие и иные многие того князя нам учиненные досады без отмщения не могли оставить, но оного при усмотренном случае чрез наши войска, яко нашего и отечествия его явственного неприятеля и изменника в полон взять.

Хотя царь официально обещал выпустить М. Вишневецкого, если Речь Посполитая будет судить его по своим законам за все преступления, в тайных указаниях своим дипломатам Петр I просил сделать всё, чтобы М. Вишневецкого удерживать в неволе как можно дольше. Правда, Вишневецкий, в отличие от лиц низшего происхождения, содержался в хороших условиях. Первоначально его доставили в Киев, затем в Москву, а на рубеже 1709–1710 г. снова вернули в Киев. При нем был личный священник и пятеро слуг, а в Москве для его охраны назначили всего одного офицера и двух солдат. Вишневецкому и слугам русские давали достаточно еды, а также денег для удовлетворения других потребностей.

Литовские евреи тоже не избежали репрессий. Петр I приказал евреям Вильни заплатить контрибуцию в 20 тысяч талеров (около 150 тысяч злотых) – за писарей еврейской национальности, которые работая в таможнях Литвы, якобы чинили обиды русским купцам. Это была чрезвычайно большая сумма. Для сравнения можно сказать, что заплаченный в бюджет подушный годовой налог от всех евреев ВКЛ составлял 60 тыс. злотых, а пехотинец литовской армии получал зарплату около 200 злотых в год. Евреи Вильни отказались выполнить требование Петра I. Но, даже если бы они и хотели это сделать, то не смогли бы изыскать такие финансовые возможности. Тогда русская армия арестовала 50 самых известных и богатых евреев и увезла их в Россию в качестве заложников.

В начале 1710 г. Совет Варшавской конфедерации решил отправить великого литовского маршалка Марциана Воловича с дипломатической миссией к Петру I – договориться с ним о выполнении всех обязательств по договору 1704 г. А именно: заплатить субсидии польским и литовским войскам, вернуть Ригу и Ливонию, Правобережную Украину, похищенную артиллерию, а также вывести свои войска с территории Речи Посполитой. В инструкции М. Воловича было и требование освободить всех заключенных в России. Но эта миссия была обречена на провал еще до своего начала, так как посол не имел данных о количестве вывезенных из Литвы пленников и вооружения.

Казна Польши и Литвы была совершенно пуста, что очень осложняло миссию маршалка. Для ее финансирования он заложил свои личные владения. М. Волович терял время в ожидании, пока все необходимые для дипломатической миссии аксессуары и предметы роскоши будут привезены из Кёнигсберга в Литву. В середине ноября 1710 г. Волович все еще ожидал прибытия из Пруссии карет, лошадей и капеллы музыкантов. Когда же он прибыл к российской границе, то был остановлен пограничниками, которые отказали ему во въезде в страну по причине эпидемии чумы в Литве. Из этого можно заключить, что рус-

ские по указанию царя стремились задержать приезд посольской миссии. Великий маршалок Литвы несколько месяцев жил на границе, сохраняя при себе большую свиту – около 400 человек. Только 15 февраля 1711 г., то есть почти через год после решения направить дипломатическую миссию в Россию, М. Волович прибыл в Москву.

Миссия Воловича потерпела полную неудачу: ему не только не удалось добиться от царя выполнения хотя бы одного обещания, но даже при обсуждении таких вопросов, как освобождение заключенных или возвращение похищенных пушек литовской армии, он встретил большое сопротивление русских. Все же, по оценкам английских дипломатов, М. Воловичу удалось освободить 400 политических заключенных из Польши и Литвы, евреев, похищенных два года назад, и униатского священника Гонсевского.

Несколько сотен остававшихся пленников царь обещал освободить, если М. Волович даст письменное обещание, что после своего возвращения на родину они не будут более предпринимать враждебных действий в отношении России. В официальном ответе на требования М. Воловича царь также пообещал вернуть всех похищенных крестьян. Амнистия была обещана и бежавшему из плена в начале 1711 г. М. Вишневецкому с предоставлением возможности спокойного проживания в Речи Посполитой. Уезжая из Москвы, М. Волович оставил своего уполномоченного Спрингера (вероятно, саксонца) для заботы об освобождении оставшихся заключенных. В соответствии с полученными инструкциями он должен был потребовать скорейшего освобождения всех заключенных, находящихся в Москве и различных деревнях, а также после освобождения пленников из Петербурга, Архангельска, Астрахани, Казани и

Гонят в ссылку

Сибири договориться о получении лошадей для их перевозки и размещения на станциях.

Спрингеру не удалось получить всех пленников. Его записи показывают, что из Санкт-Петербурга было отказано освободить свыше 60 политических пленных из шляхетского сословия, из Архангельска — 10. В Москве по-прежнему в плену находились три литовских армейских офицера, которые служили в лояльных Сапегам кавалерийских частях. В Киевской губернии заключенными оставались полковник литовского войска Себастьян Трецинский с несколькими слугами и более 30 шляхтичей, служивших в воинских частях Вишневецкого. Таким образом, несмотря на все усилия, более 100 дворян остались в русском плену.

Сложнее обстояло дело с крестьянами и ремесленниками. Точное количество вывезенных представителей этих категорий населения никому не было известно, что облегчало русским задачу задержать их у себя. По мнению Спрингера, эти люди находились в собственности российских офицеров и государственных чиновников; многие из них были проданы в рабство в азиатской части России, а также за рубеж. Все запросы Спрингера в царскую канцелярию направлялись в Сенат России, затем Сенат подавал прошения в царскую канцелярию. Так тратилось время, а все прошения терялись в бюрократических джунглях российского правительственного аппарата.

Новый этап переговоров между Россией и Речью Посполитой пришелся на июнь 1711 г. и состоялся в Ярославле. Представители Республики Обоих Народов поднимали традиционные требования о Риге, Ливонии, Правобережной Украине, выплате субсидий, а также выводе российских войск, но российские уполномоченные и сам Петр I пытались уйти от выполнения своих обязательств.

Наряду с переговорами по этим вопросам вновь обсуждалась проблема об освобождении литовских пленных на территории России. Снова требовалось выпустить Д. Жабокрицкого и «других заключенных из Польши и Литвы по списку, который представит великий маршал Литвы». Ответ российской стороны извещал, что царь отказывается освободить Д. Жабокрицкого до конца войны, потому что он может вредить общим интересам, поддерживая шведов и их сторонников. Других заключенных вновь пообещали освободить.

Царь не выполнил свое обещание, и в 1712 г. часть заключенных попрежнему не была освобождена. В апреле того же года Сейм Речи Посполитой принял решение отправить в Россию еще одно дипломатическое посольство во главе с хорунжим надворным Литвы Михаилом Пузыной. Одним из требований снова оставалось освобождение последних заключенных, в том числе епископа Д. Жабокрицкого, шляхтичей Сенницких, Даровского и других, а также слуг М. Вишневецкого, которые после побега своего хозяина еще находились в русском плену.

В этот раз царь изменил свою тактику. Вместо обещания освободить всех узников послу было заявлено, что освободят только лиц, взятых в плен из числа мирного населения и не угрожающих общим интересам Речи Посполитой и России. Кроме того, были высказаны критические замечания в адрес Спринге-

ра, который брал в Москве крупные взятки от заключенных шведов и, именуя их «поляками», требовал отправки на родину. Если данные факты имели место, то становится ясно, почему к запросам по освобождению пленных в Москве относились с подозрением.

В свою очередь, М. Пузыну можно обвинить в срыве переговоров с русскими. Царские дипломаты затягивали аудиенцию литовского посла, под разными предлогами откладывая его встречи с царем. По мнению самого М. Пузыны это бесчестило его как Чрезвычайного посла сейма Речи Посполитой. Однако вместо протестов и усиления своей позиции при переговорах М. Пузына атаковал российских дипломатов просьбами компенсировать недостойное обращение подарком в виде портрета царя Петра I. Правда, сведений о вручении такого подарка М. Пузыне нет, но посол до последних минут своей миссии не сомневался, что станет «первым из поляков, которому будет оказана такая честь».

При упоминании о заключенных Литвы в России особое внимание следует уделить Рафаэлю Боратынскому. Об истории его плена осталось удивительно большое количество сведений, которые прекрасно иллюстрируют сложные государственные отношения между Россией и Польско-Литовским государством, а также бюрократизм двух стран.

Рафаэль Боратынский – чиновник Оршанского повета, представитель средней шляхты, он имел до 50 дымов (дворов), налоговых единиц того времени. В 1710 г. в Орше во время депутатского сеймика, проходившего в день Сретения Господнего, его избрали полковником шляхетского ополчения Оршанского повета. Должность предполагала руководство поветовой шляхтой в случае военной угрозы. Свое новое положение Р. Боратынский использовал не только для блага уезда, но и в личных интересах. В 1711 г. Литовский Трибунал присудил его к лишению шляхетского достоинства за ограбление Могилёвской королевской экономии.

Родственники Р. Боратынского также занимали важные должности в Оршанском повете. Габриэль в 1710 г. был сборщиком налога после установления его советом Сандомирской конфедерации в Варшаве в размере 16 злотых с одного дыма. Александра, чашника оршанского, король Август II назначил одним из комиссаров Речи Посполитой по пересмотру дел о нарушениях, совершенных в пограничных областях жителями Литвы и России в октябре 1714 г.. Франтишек был мечником и послом (депутатом) от повета на сеймы 1712 и 1713 гг.; к великому гетману Л. Поцею в 1713 и 1715 гг.; представлял повет в Виленской конфедерации в 1716 г. Эти факты показывают, что род Бора-

Арестант

тынских имел достаточное влияние в Оршанском повете и доверие большинства представителей местной шляхты.

В 1710–1711 гг. в Оршанском повете начались массовые беспорядки. Этой зимой 22 хоругви татарской кавалерии литовской армии, 2 регимента рейтаров (полки наемников) и 4 хоругви других видов кавалерии квартировали в повете, что привело к большим убыткам государственных и частных имений. Кроме того, местную шляхту терзали мародеры и дезертиры из войск Петра I. В 1709–1710 гг. российские солдаты массово самовольно покидали свои отряды. В начале 1710 г. около 3000 таких солдат скрывались в лесах восточных поветов Литвы, в том числе в Оршанском. Организованные в группы, они терроризировали и грабили местное население. Поветовый сеймик 1710 г., присвоивший Р. Боратынскому звание полковника, обязал его защищать повет от всякого рода бандитских формирований. В случае опасности Р. Боратынский мог созывать ополчение. В помощь ему сеймик назначил 8 «консиляров» (советников).

Весной 1711 г. через восточные регионы Литвы в сторону Минска прошли крупные силы российских войск, которые впоследствии направились на юг, в поход против Османской империи. Такой наплыв различных военных формирований, сопровождавшийся дополнительными обязанностями и контрибуциями в отношении местного населения, вынудил оршанскую шляхту заволноваться. Узнав об этом, великий гетман Л. Поцей предупредил сеймик Орши, что любые враждебные действия против русских будут иметь негативные последствия для повета. Стремясь развеять данные опасения, оршанцы отправили великому гетману своих послов. Однако предупреждение гетмана сбылось. Российские власти восприняли самооборону от разбойничьих отрядов как враждебные действия против российских войск. Р. Боратынский был арестован и доставлен в Смоленск. Об аресте сообщили Л. Поцею. Официально Р. Боратынского обвинили в поддержке шведов и С. Лещинского.

Арест главного военачальника повета принес много проблем оршанскому шляхетству. Формально они не могли выбрать нового полковника до сеймика 1712 г., созываемого в день Сретения Господнего. Кроме того, только полковник повета имел право созывать уездные сеймики в условиях действия конфедерации, а именно такими условиями характеризовался 1711 г. Шляхтичи Орши обратились к великому гетману Л. Поцею с просьбой выступить в качестве посредника в деле освобождения Р. Боратынского. Хотя первоначально гетман был уверен, что он действовал в пользу Сапегов и Лещинского, но затем, получив надежные сведения, стал отстаивать позицию о незаконном аресте Р. Боратынского. С этого момента начался долгий процесс освобождения бывшего оршанского полковника.

Первый раз требование освободить Р. Боратынского было выдвинуто на переговорах в Ярославле в июне 1711 г. Спустя месяц Л. Поцей направил послов к царю, который уже находился со своим войском на территории Османской империи, требуя выплаты субсидий, обещанных литовской армии по Нарвскому договору 1704 г. В качестве одного из дополнительных требований выступало освобождение Р. Боратынского. Миссия потерпела неудачу, так как проходила в

неблагоприятное для царя время. Не получив желаемой поддержки от польско-литовской армии, он потерпел поражение в походе против турок, и в плохом настроении вернулся на территорию Польши. Следствием стал его решительный отказ обсуждать любые требования послов.

Обращения к царю по вопросу освобождения Р. Боратынского не прекратились. К переговорам подключились король Август II и польские министры. В своем письме к царю монарх Польско-Литовского государства утверждал, что Р. Боратынский арестован напрасно, и Петр I как союзник Республики должен его освободить. Подобный аргумент излагался и польским вице-канцлером Яном Шембеком. Не дремали и оршанские шляхтичи. В конце 1711 г. сеймик Орши послал двух послов к смоленскому воеводе, под юрисдикцией которого находился арестант. Но без прямого приказа царя смоленский воевода не мог освободить полковника.

В апреле 1712 г. и в январе 1713 г. во время варшавских сеймов состоялись переговоры между министрами Литвы и дипломатами России по вопросу освобождения Р. Боратынского. Л. Поцей и С. Денхоф (литовский польный гетман) предложили российским посланникам письменную гарантию благонадежности полковника в случае его освобождения. В марте 1713 г. царь получил из Варшавы отчеты от своих дипломатов. Он согласился освободить полковника при усло-

Колодники. Из книги «Обычаи, нравы и костюмы русских в Санкт-Петербурге». Лейпциг, 1801 г. Худ. Кристиан Гейслер

вии, что польские и литовские министры подпишут данные ими обязательства, а Р. Боратынский собственноручно присягнет на верность царю. Прошло еще почти два месяца, пока в конце апреля Петр I получил обещание, подписанное Л. Поцеем и С. Денхофом, а также письмо от Августа II с просьбой освободить Р. Боратынского, собственноручно подписанное «Vierny brat Avgust». Имея все необходимые документы из Республики, российские чиновники обратились лично к Р. Боратынскому, повелев ему подписать обещание, что он и сделал 5 мая 1713 г.

Тем не менее освобождение полковника затянулось более чем на год. Трудно объяснить, почему это произошло. Вероятно, поручительства Л. Поцея и других лиц затерялись в канцеляриях различных государственных учреждений России. Между тем Р. Боратынский, ожидая окончательного решения об освобождении и уже получив благоприятные условия содержания, своими просьбами и вопросами успел значительно надоесть русским.

О затерявшихся документах пришлось заботиться ... самим русским. Канцлер России Г. Головкин дал указания послу царя при дворе Августа II А. Дашкову собрать новые поручительства о верности Р. Боратынского у соответствующих должностных лиц Республики. Проблема была в том, что на тот момент Август II проживал в Саксонии и почта из Санкт-Петербурга, даже с курьером, до Саксонии добиралась почти 3 недели [22]. Получив прошение, А. Дашков очень удивился, что вопросами поручительства занимается сторона, содержащая пленника, а не ходатаи его освобождения. Тем не менее посол послал письма Л. Поцею и Я. Шембеку с просьбой еще раз поручиться за Р. Боратынского.

Спустя почти месяц все подписанные документы достигли Дашкова, который выслал их в Санкт-Петербург, куда они прибыли только в начале июля. Не дождавшись возвращения Р. Боратынского, оршанские шляхтичи решили отправить еще одно посольство – на этот раз непосредственно к царю. Посланники имели на руках еще одно поручительство за полковника, подписанное Л. Поцеем. Это действие способствовало достижению желаемого результата – в своем ответе от 13 марта 1714 г. царь пообещал, что Р. Боратынского освободят. После этого А. Дашкову были отправлены указания, о прекращении сбора новых поручительств. Однако до этого времени российский посол уже успел собрать новые обещания.

Надо отметить, что бывшим пленникам было чрезвычайно трудно вернуться к повседневной жизни. Часто их дома были сожжены, хозяйства разрушены, крестьяне похищены, убиты или бежали. Польский шляхтич Ян Лещинский, который с 1706 по 1711 г. находился в российском плену, уверял, что потерпел убыток в размере 84 тыс. злотых. В таких случаях дворяне тех поветов, куда возвращались бывшие пленники, пытались проявить солидарность и часто объявляли о дополнительных налогах, средства от которых поступали в помощь вернувшимся.

Таких решений со стороны поветовых сеймиков было достаточно много. Сеймик Лиды от 6 декабря 1714 г. постановил обложить налогом в размере двух злотых каждый дым в повете (по тарифу 1690 г.) для оказания помощи бывшим шведским и российским пленным, а также тем, чьи поместья были сожжены

вражескими армиями. 14 августа 1710 г. сеймик Орши назначил одному из бывших пленников сумму в размере 1500 злотых, собранную из местных налогов. В феврале 1710 г. тот же сеймик определил другим бывшим пленникам сумму свыше 20 грошей от трех дымов, а сеймик Жмуди от 29 мая 1714 г. постановил выплатить несколько тысяч злотых пятерым пленникам, прибывшим из Стокгольма, где они были в заключении в течение 12 лет.

Вероятно, заключенные, оставшиеся в плену после миссии М. Воловича, не были освобождены и в 1712 г., так как в 1713 г. в Риге уполномоченный посол Литвы Ян Плятер неоднократно просил российских чиновников выполнить обещание, данное царем М. Воловичу, и освободить пленников. Эти просьбы не имели никакого отклика, и в марте 1714 г. Плятер повторил свои просьбы, что снова было проигнорировано.

Прошений о возвращении арестованных литовцев и поляков, датированных после 1715 г., в российских архивах не обнаружено. Весьма сомнительно, что все они были освобождены. Имеющийся материал позволяет предположить, что большинство из них так и умерло в России. Складывается впечатление, что чиновники Речи Посполитой устали упрашивать российские власти о том, что те даже не думали осуществлять. После 1715 г. почти не находим просьб о выполнении условий Нарвского договора 1704 г.

В конце 1712 г. большинство российских войск наконец покинуло территорию Речи Посполитой. Через год Август II вернул саксонскую армию в Польшу и Литву, и, не созвав сейма, велел ей собирать контрибуцию. Это вызвало большое неудовольствие привилегированного населения, и царь Петр 1 стал союзником вельмож и шляхты, что вынудило Августа II уважать законы и права Речи Посполитой. Таким образом, чтобы не ухудшать отношения с царём из-за нескольких заключенных, было принято решение больше не возвращаться к вопросу об их освобождении.

В 1715–1717 гг. требования к России выполнять соглашения Нарвского договора и напоминания о заключенных арестантах, особенно униатского епископа, иногда высказывали некоторые польско-литовские политические деятели, но уже не отражали реальных отношений между двумя странами, в которых Россия играла роль «первой скрипки».

ЧАСТЬ III. МЕЖДУ БНР И БССР

СРАЖЕНИЯ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ 1914—1918 гг. НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ

Максим Петров

Великая Европейская война началась с того, что 28 июля 1914 г. (по новому стилю) Австро-Венгрия объявила войну Сербии. Россия, которая была союзницей Сербии, 30 июля объявила всеобщую мобилизацию с той целью, чтобы начать в скором времени военные действия против Австро-Венгрии. На следующий день Германия предъявила России ультиматум — немедленно прекратить мобилизацию — но ответа не получила, а мобилизация продолжалась.

Тогда Германия 1 августа объявила войну России, а 3 августа — Франции и нейтральной Бельгии, отказавшейся пропустить германские войска через свою территорию для вторжения во Францию. 4 августа войну Германии объявила Великобритания вместе со всеми своими доминионами и колониями и, наконец, 6 августа Австро-Венгрия объявила войну России.

Причиной объявления Австро-Венгрией войны Сербии послужило несогласие последней с одним из пунктов ультиматума, предъявленного ей в связи с убийством наследника престола эрцгерцога Франца Фердинанда (1863 г. р.) и его жены Софии Гогенберг (1868 г. р.). Убийство совершил 28 июня 1914 г. в городе Сараево гимназист Гаврила Принцип (1894—1918), член тайной организации «Млада Босна». Эту организацию создала и финансировала сербская тайная террористическая организация «Чёрная рука», которую возглавлял полковник Драгутин Дмитриевич (1876—1917), позже казненный сербскими властями за подготовку к свержению династии Карагеоргиевичей.

Ультиматум правительства Австро-Венгрии к Сербскому королевству включал 10 требований:

1. Запретить издания, пропагандирующие ненависть к Австро-Венгрии и нарушение её территориальной целостности;
2. Закрыть общество «Народна Одбрана», все другие союзы и организации, ведущие пропаганду против Австро-Венгрии;
3. Исключить антиавстрийскую пропаганду из народного образования;
4. Уволить с военной и государственной службы всех офицеров и чиновников, занимающихся антиавстрийской пропагандой;
5. Сотрудничать с австрийскими властями в подавлении антиавстрийского подрывного движения;

6. Провести расследование против каждого из участников убийства в Сараево (группа террористов состояла из 6-и человек), с участием в расследовании представителей австрийского правительства;
7. Арестовать майора Воислава Танкосича и подполковника Милана Цигановича, непосредственно причастных к сараевскому убийству;
8. Принять эффективные меры к предотвращению контрабанды оружия и взрывчатки в Австрию, арестовать пограничников, помогших убийцам пересечь границу;
9. Дать объяснения насчет враждебных к Австро-Венгрии высказываний сербских чиновников в период после убийства;
10. Немедленно информировать австрийское правительство о мерах, принятых согласно предыдущим пунктам.

Парламент Сербии не принял только шестой пункт — об участии австрийцев в расследовании убийства. Причина отказа была проста: австрийские чиновники неизбежно раскрыли бы общественности европейских стран тот факт, что члены организации «Чёрная рука»» проникли во все звенья сербского госаппарата. Получив отказ в удовлетворении этого важнейшего требования, возмущенное правительство Австро-Венгрии объявило Сербии войну.

ПЛАНЫ СТОРОН И РАЗВЁРТЫВАНИЕ ВОЙСК

Верховное германское командование, реализуя стратегический план генерал-фельдмаршала Альфреда фон Шлиффена (1833—1913), принятый еще в 1905 г., развернуло основные силы (7 армий) на Западном фронте.

На Востоке против России оно выставило лишь одну 8-ю армию генерал-полковника Притвица, состоявшую из 4-х армейских корпусов. Она должна была защищать Восточную Пруссию. Притвиц расположил по одному корпусу в укреплённых районах. В общей сумме немцы развернули в районах, прилегающих к границе с Россией, 15 пехотных дивизий и 1 кавалерийскую, при 1044 орудиях (в том числе 156 тяжёлых), общим числом около 200 тысяч человек.

По плану германского верховного командования, главную роль в борьбе с Россией должны были сыграть войска Австро-Венгрии. Австрийцы выставили против России три армии и отдельную армейскую группу. В районе Львова — 3-ю армию генерала Рудольфа фон Брудермана (1850—1941) — 6 пехотных, 3 кавалерийские дивизии, 288 орудий. В районе вокруг Перемышля развернулась 4-я армия генерала Морица фон Ауффенберга (1852—1928) — 9 пехотных, 2 кавалерийские дивизии, 436 орудий. Рубежи вдоль реки Сан заняла 1-я армия генерала Виктора фон Данкля (1854—1941) — 9 пехотных, 2 кавалерийские дивизии, 450 орудий. Отдельная группа венгерского генерала Германа Кёвесса (1854—1924) — 10 пехотных, 3 кавалерийские дивизии, 448 орудий — расположилась в районе Тарнополя, на правом фланге австрийских войск.

Всего к началу боевых действий австро-венгерское командование развернуло против России 34 пехотные и 11 кавалерийских дивизий (850 тысяч человек, 1622 орудия). По плану командования эти войска, при содействии германских

Пехотный полк российской армии на марше. 1914 год

войск с севера, должны были окружить и разгромить русские войска в Западной Польше.

2-я австрийская армия первоначально была отправлена против Сербии, однако позже и её перебросили в Галицию против русских войск.

Российские войска производили развёртывание на двух основных направлениях – северо-западном (против Германии) и юго-западном (против Австро-Венгрии). Там были созданы одноименные фронты. Северо-Западный фронт под командованием генерала Якова Жилинского (1853–1918) образовали две армии (1-я и 2-я) – 17 пехотных и 8 кавалерийских дивизий, 1104 орудия, а всего 250 тысяч человек. Против Австро-Венгрии, на Юго-Западном фронте (командующий генерал от артиллерии Н. И. Иванов) развёртывались 4 российские армии (3-я, 4-я, 5-я, 8-я). К началу боевых действий они имели 34 пехотные и 12 кавалерийских дивизий, всего около 600 тысяч человек и 2100 орудий.

Верховным главнокомандующим российских войск стал великий князь Николай Николаевич (1856–1929).

ВОСТОЧНО-ПРУССКАЯ ОПЕРАЦИЯ
17 августа — 15 сентября 1914 г.

По плану российского генштаба Северо-Западный и Юго-Западный фронты должны были перенести войну на территорию Германии и Австро-Венгрии в течение двух недель со дня объявления войны.

1-я армия генерала Павла Ренненкампфа (1854–1918) выступила 14 (1) августа, перешла границу 17 августа и обошла Мазурские озёра с севера, чтобы отрезать немецкие войска от Кёнигсберга. 2-я армия генерала Александра Сам-

сонова (1859–1914), выступив 16 (3) августа, пересекла границу 19 (6) августа и обошла Мазурские озёра с запада, чтобы не допустить отхода германских войск за Вислу.

Однако в ходе этой операции, получившей название «битва при Танненберге»и занявшей 4 недели, русская армия потерпела тяжёлое поражение, потеряв до 80 тыс. человек убитыми, ранеными, пленными (из 250 тыс.) и свыше 230 орудий (из 1104). Германские войска потеряли около 60 тыс. убитыми, ранеными и пленными. Захватить Восточную Пруссию русским не удалось. Правда, они отвлекли на себя часть германских сил с Западного фронта, что помогло союзным войскам французов, бельгийцев и англичан одержать победу в битве на реке Марна 5–12 сентября.

Далее на Восточном фронте последовали Галицийская битва (23 августа – 11 сентября), Варшавско-Ивангородская (28 сентября – 27 октября) и Лодзинская операции (11–24 ноября).

Главным итогом кампании 1914 года стало то, что германская армия не смогла разгромить русскую армию. Русские оставили западную часть Польши, однако заняли значительную часть Галиции и Буковины, где было создано Галицийское генерал-губернаторство. Русское командование планировало зимой захватить перевалы в Карпатах, чтоб весной вторгнуться в равнинную часть Венгрии. С конца 1914 г. на Восточном фронте установилась позиционная линия фронта.

* * *

Не сумев в 1914 г. разгромить союзников на Западном фронте, германское командование решило в 1915 г. направить главные силы на Восточный фронт и нанести там удар такой силы, чтобы Россия вышла из войны. Для этого оно планировало взять русскую армию в гигантские «клещи». План состоял в том, чтобы мощными фланговыми ударами из Восточной Пруссии (немцы) и Галиции (австрийцы) прорвать оборону российской армии, и окружить ее главные силы на территории Польши.

ГОРЛИЦКИЙ ПРОРЫВ
2 мая — 23 июня (19 апреля — 10 июня) 1915 г.

Прорыв русского фронта в Галиции планировалось осуществить между Вислой и Карпатами, южнее Сандомира, в районе города Горлице. Здесь не было крупных естественных преград, а в случае прорыва фронта отрезались пути отхода русской группировки из Карпат и создавалась возможность для окружения всего левого фланга Юго-Западного фронта.

Для осуществления операции с Западного фронта сюда была переброшена 11-я германская армия генерала Августа фон Макензена (1849–1945). Ее поддерживала 4-я австро-венгерская армия, в операции участвовали и другие австро-германские соединения. Задачей наступающей стороны являлся прорыв русского фронта, окружение оборонявшейся здесь 3-й русской армии и дальнейшее наступление на Перемышль и Львов. На 35-километровом участке прорыва

Макензен сосредоточил 10 пехотных дивизий и 1 кавалерийскую (126 тысяч человек, 457 лёгких и 159 тяжёлых орудий, 96 миномётов, 260 пулемётов).

В это время в центре внимания русского командования находилось завершение Карпатской операции. Из состава 3-й русской армии (свыше 18 пехотных и 6 кавалерийских дивизий) на направлении прорыва группы Макензена находились только 5 пехотных дивизий (60 тысяч человек, 145 орудий, 100 пулемётов). Немцы создали здесь двукратное превосходство в пехоте и 5-кратное в артиллерии.

Наступление началось 2 мая после мощной артподготовки. Русские отчаянно сопротивлялись, но им пришлось отступить на 2–5 км. Командование Юго-Западного фронта считало, что основной удар австро-германцы нанесут в Карпатах, а в районе Горлице они проводят отвлекающий манёвр, поэтому не направило резервов для 3-й армии. Не удивительно, что за пять дней ожесточённых боев немцы, как и планировали, прорвали фронт и продвинулись на глубину до 40 км.

ВЕЛИКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ И НАЧАЛО ВОЙНЫ НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ

5 июня (24 мая), подтянув тяжёлую артиллерию, Макензен возобновил наступление. 16 (3 июня) германо-австрийские войска заняли Перемышль, а 5 июля (22 июня) – Львов. К 23 (10) июня русские войска отступили на линию Ивангород – Люблин – Холм – Бучач и закрепились здесь.

Но 22 июля германские войска форсировали Вислу и продолжили наступление, выходя в глубокий тыл русской армии. Тогда Ставка, чтоб избежать окружения русских армий в Польше, начала крупномасштабное отступление на восток.

4 августа (22 июля) русские войска оставили Варшаву и Ивангород, 20 (7) августа капитулировала крепость Новогеоргиевск (ныне Модлин). В немецком плену оказались 80 тысяч человек (в том числе 23 генерала!), трофеями немцев стали более 1000 орудий и свыше миллиона снарядов. Русские войска продолжали отступать, моральный дух бойцов падал.

В связи с ударом германских войск по Наревскому направлению русские войска отступили на линию Осовец – Влодава. 3 сентября (22 августа) русские покинули Осовец, 5 сентября (24 августа) они ушли из Брест-Литовска, 15 (2 сентября) с боями был оставлен Гродно.

Итак, на территорию современной Беларуси война пришла в августе 1915 г. На совещании Ставки Верховного Главнокомандующего в Волковыске 3 августа было решено разделить Северо-Западный фронт на два – Северный (со штабом в Пскове) и Западный (со штабом в Минске). Западный фронт возглавил генерал от инфантерии Михаил Алексеев (1857–1918). Западный фронт получил следующие задачи:

1) Прочно удерживать в своих руках Гродно-Белостокский район и фронт от верхнего Нарева до Бреста включительно;

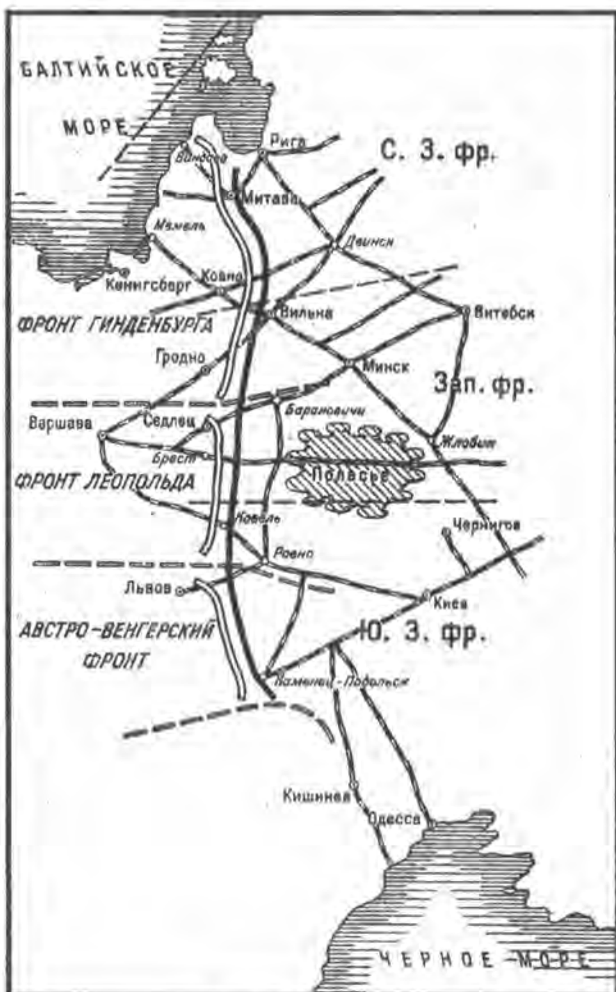
2) Прикрывать пути по правому берегу верхнего Буга к фронту Брест – Кобрин – Пинск – Лунинец.

Разграничительная линия между Северным и Западным фронтами с 17 августа должна была проходить по линии Августов – Августовский канал (до селения Горчица) – село Копциово – Лейпуны – Дубокланцы – Марцинканцы – Вороново – Сурвелишки – Лоск – Молодечно – Сенно – станция Заболотники.

Получив от Верховного Главнокомандующего эти распоряжения, генерал М. В. Алексеев отдал 4 августа директиву. Согласно ей, в состав Западного фронта вошли 1-я, 2-я, 3-я и 4-я армии.

* * *

Непосредственные боевые действия на территории нынешней Республики Беларусь начались 12 августа 1915 г., когда германские и австрийские войска предприняли попытку захвата крепости в Бресте-Литовском. Немцы подошли к крепости с северо-запада, австрийцы – с юго-запада. Орудия западных фортов начали обстрел неприятеля, немцы отвечали. Вскоре крепость стали бомбить самолеты; кроме бомб, они сбрасывали также листовки, в которых сообщалась дата падения Бреста – 14 августа. Между тем команда подрывников под командованием штабс-капитана Еремеева под вражеским огнем готовила к взрыву капониры фортов первой линии Тереспольского отдела.

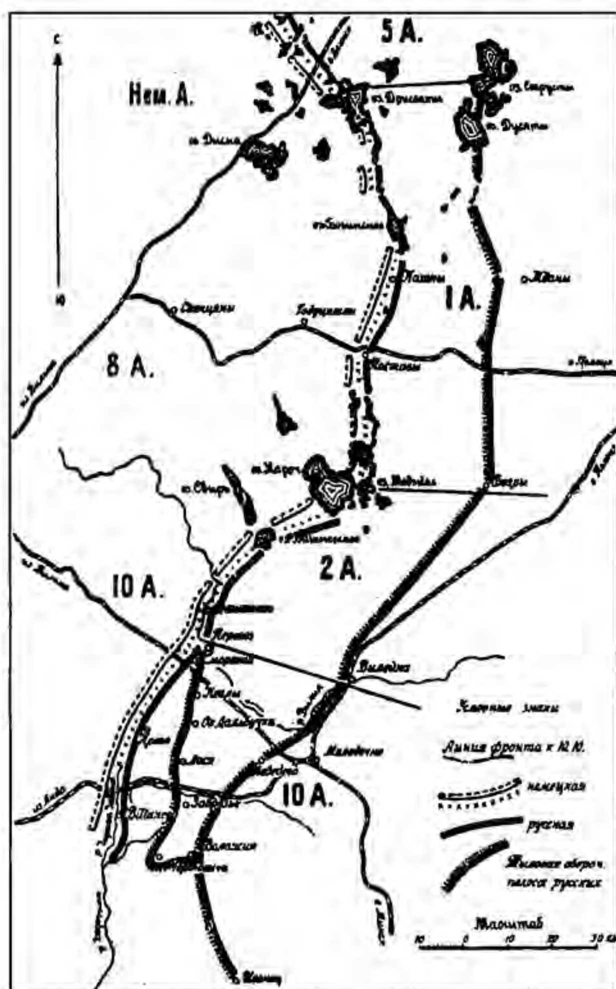

Разделение фронтов

Утром 25 (12) августа австрийцы пошли в атаку, решив эффектно ворваться в крепость на глазах у союзников. Сохранилось свидетельство журналиста:

Австрийцами, которых посылали вперед, чтобы атаковать передовые оборонительные сооружения укрепления, защищавшего вход в Брест-Литовск, номинально командовали их собственные офицеры, в действительности это

были немцы... Ранним утром... они начали отчаянный штурм фортов, которые простирались от деревни Высоко-Литовск, где стоял роскошный замок графини Потоцкой, до самого города Бреста. В течение целого дня они сражались без перерыва, и тысячи человек погибли в траншеях, которые приходилось брать штыковой атакой. Русские отошли к Бугу, защищая свои позиции сантиметр за сантиметром.

Стабилизация фронта после великого отступления

Это описание неточно – никаких фортов возле деревни Высоко-Литовск не существовало, да и наступление австрийской пехоты достаточно быстро остановили внезапные взрывы фугасов, заложенных русскими минёрами у форта «К». Последовавшая затем контратака полков 81-й пехотной дивизии не оставила австрийцам шансов на успех. Расквартированные в крепости части тоже оказали ожесточенное сопротивление. Бой шел весь день.

Однако в ночь с 25 на 26 (с 12 на 13) августа гарнизон крепости по приказу командования взорвал часть укреплений и покинул крепость. Кроме того, на 80 % был уничтожен город Брест-Литовск.

В эту ночь М. В. Алексеев приказал начать отвод войск на линию: река Неман – Гродно – Кузница – Городок – Рудня – Шерешево – Кобрин.

Но уже 29 (16) августа немцы огромными силами обрушились на все корпуса 3-й армии, кроме левофлангового. В результате был оставлен город Пинск. Некоторые части были сбиты с позиций, поэтому командующий армией генерал Леонид Леш (1862–1934) попросил разрешения в ночь на 30 (17) августа отойти на линию Пружаны – Муховлок – Большие Болота.

Изменили положение также 2-я и 4-я армии – они оставили берег Немана и отошли на линию Мстибово – Новый Двор – Пружаны. 1-й армии предпи-

сывалось три дня удерживать линию Гродно – Индура: нужно было закончить инженерные работы в Гродно.

Некоторые авторы заявляли, что отходили русские армии в спешке, чуть ли не в панике. Однако на самом деле все их перемещения были санкционированы вышестоящим начальством. Генерал-майор Д. И. Ромейко-Гурко, летом-осенью 1915 г. начальник штаба 14-го армейского корпуса 3-й армии, вспоминал:

> Мы отступали на заранее подготовленные инженерным ведомством позиции, иногда даже укрепленные колючей проволокой. Когда немцы подходили к такой позиции, они разворачивались и производили усиленную разведку, обыкновенно на другой день. На следующий день они обычно открывали по нам артиллерийский огонь, а на третий энергично атаковали. Мы же отступали на следующую, заранее укрепленную позицию. Рядом с нами шел 3-й Сибирский корпус. Он действовал более энергично, задерживая немцев иногда более суток. Так продолжалось около 10 суток. Стреляли мы мало, так как в снарядах и патронах был большой недостаток.

20 (7) августа 1915 г. главкома Западного фронта М. В. Алексеева сменил в должности генерал от инфантерии Алексей Эверт (1857—1926). Алексеев же занял пост начальника штаба Верховного Главнокомандующего.

Германские войска 22 (9) августа взяли русскую крепость Ковно (ныне Каунас), где им достались богатые трофеи – огромное количество оружия, боеприпасов и продовольствия.

В это же время германское командование обсуждало план дальнейшего развития кампании на территории Северо-Западного края Российской империи. Единства во взглядах не было. Начальник Генерального штаба, генерал пехоты Эрих фон Фалькенхайн (1861—1922) считал, что после вытеснения русских войск из Польши крупных операций предпринимать не стоит. Он писал:

> Еще 9 августа имелась, казалось, прочная надежда, что удастся помешать прорваться к востоку большим русским силам, стесненным в пространстве Нарев, Висла, Вепрж, Влодава, и уничтожить их... Но скоро, однако, выяснилось, что от этого придется отказаться... Противнику удалось своевременно извлечь свои главные силы из опасного для него района. В этом ему помогла сохранившаяся у него оперативная свобода в пространстве к северо-западу и северу от Брест-Литовска.

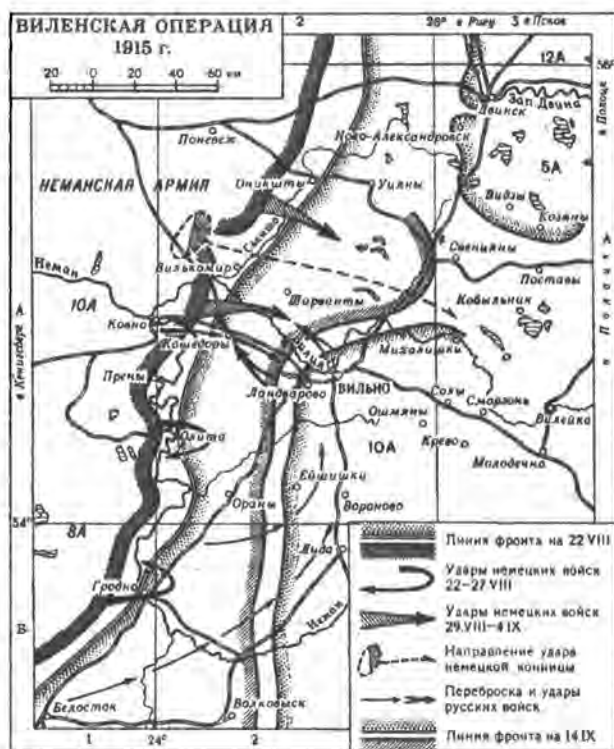
Тем самым Фалькенхайн признал, что русские выровняли фронт, пусть дорогой ценой – полностью потеряв Польшу – поэтому дальнейшее наступление нецелесообразно.

Генералы Пауль фон Гинденбург (1847—1934) – командующий 9-й армией, и Эрих фон Людендорф (1865—1937) – командующий Восточным фронтом – категорически отвергали такое мнение. Они считали, что нужно немедленно развивать наступление, ибо спасение Германии состоит в скорейшем выведении России из войны. Окончательное решение оставалось за Верховным главнокомандующим – императором Вильгельмом II. Он занял сторону Гинденбурга и Людендорфа и приказал им провести наступательную операцию.

ВИЛЕНСКАЯ ОПЕРАЦИЯ
22 августа — 2 октября (9 августа — 19 сентября) 1915 г.

Основной удар предполагалось нанести от Вильно на Минск, а вспомогательные – от Ковно (взятого 22/9 августа 10-й армией) на Двинск (Даугавпилс) и от верхнего течения Немана – на Лиду и Барановичи. 24 (11) августа в войсках германской 10-й армии генерала Германа фон Эйхгорна (1848–1918) был зачитан приказ по Восточному фронту:

> 10-я армия переходит в наступление своим левым крылом с 27 августа. Генерал Гарнье с 1-й и 9-й кавалерийскими дивизиями, а также с 3-й, что переводится из Неманской армии, энергично действует с того же числа от района Вилькомира в полосе Кукуцишки – Уцяны. Армии стараться по возможности усиливать свое наступающее левое крыло.

Итак, 10-я армия пошла в наступление от Ковно между реками Вилия и Неман. Она стремилась обойти Вильно с севера и окружить сосредоточенные в плотной группировке к северо-западу от Вильно силы 10-й русской армии генерала Евгения Радкевича (1851–1930). Натиск германских войск заставил русское командование усилить этот участок фронта тремя корпусами. Удержав свои позиции в районе Вильно, русские войска в ходе ожесточенных встречных боев остановили наступление немцев.

Эта осечка заставила немецкое командование изменить план. Германское командование, усилив свою 10-ю армию резервами, начало 27 августа (8 сентября) наступление на Свенцяны, в стыке между 5-й армией Северного фронта (командующий генерал Павел Плеве; 1850–1916) и 10-й армией Западного фронта. С севера и юга 10-ю германскую армию поддерживали Неманская и 8-я армии.

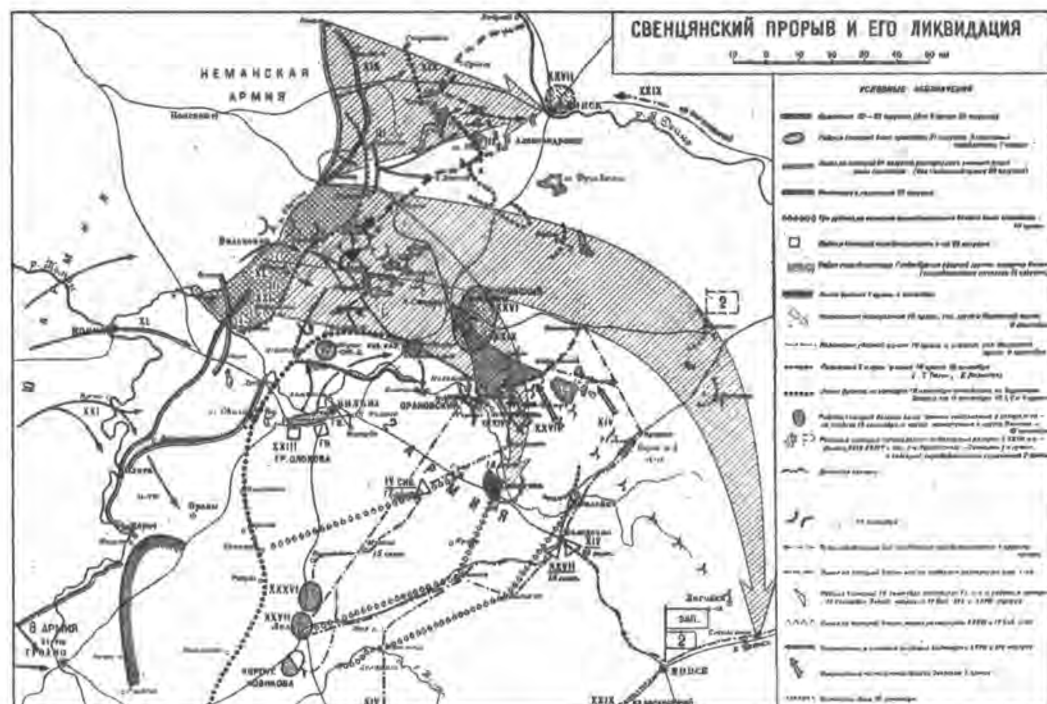
На 30-километровом участке прорыва немцы создали двукратное превосходство в силах и 9 сентября прорвали русскую оборону севернее Вилькомира, неподалеку от Свенцян. Поэтому прорыв получил название Свенцянский.

К утру 10 сентября между флангами двух русских фронтов образовался разрыв в 40 км. Германское командование, узнав об этом, 11 сентября отдало приказ 6-му кавалерийскому корпусу генерала О. фон Гарнье (4 дивизии, вскоре к ним добавились еще две) остановиться, а с утра 12-го идти на юг, в направлении Свенцяны (ныне Швенчёнис) – Сморгонь – Молодечно. Обеспечивая прорыв, германские войска усилили атаки на Лиду, Новогрудок, Барановичи. Отбросив находившуюся здесь немногочисленную русскую конницу, корпус Гарнье 12 сентября захватил Свенцяны, а затем начал рейд по тылам 10-й русской армии.

13 сентября германская кавалерия подошла к озерам Нарочь и Свирь. Отсюда 1-я и 4-я кавалерийские дивизии устремились на Сморгонь, к железной дороге Вильно – Молодечно и переправам через реку Вилию. На следующий день (14-го) кавалеристы Гарнье заняли Вилейку и подошли к Молодечно. В то время Молодечно был важным железнодорожным узлом, кроме того, здесь замыкались линии военной и правительственной связи. Если бы немцы захватили город – в управлении русскими фронтами мог возникнуть хаос.

Передовые конные разъезды немцев углубились восточнее Минска и дошли до реки Березины, в районе Борисова, где перерезали шоссе Минск – Смоленск. Однако к этому времени натиск германской конницы, лишённой поддержки пехоты и артиллерии, ослаб.

Главком Западного фронта А. Е. Эверт бросил наперерез германской кавалерии только что созданную 2-ю армию под командованием генерала В. В. Смирнова. Созданная «с миру по нитке» из сильно потрепанных в боях частей, 2-я армия не только задержала дальнейшее продвижение вражеской конницы, но и

отбросила ее 15–16 (2–3) сентября из района Молодечно к озеру Нарочь. Она также освободила захваченные противником города Сморгонь и Вилейку. Свенцянский прорыв был ликвидирован.

Со 2 октября (19 сентября) 1915 г. линия фронта застыла на рубеже Рига – Двинск (ныне Даугавпилс) – озеро Дрисвяты – Поставы – озеро Нарочь – Сморгонь – Крево – Барановичи – Пинск – Дубно – Тарнополь. Обе стороны начали зарываться в землю, возводить мощные линии обороны.

Таким образом, и в 1915 году германские войска не смогли разгромить вооруженные силы России и вывести ее из войны. Зато они оккупировали всю Польшу, Литву, Западную Беларусь и удерживали их под своим контролем вплоть до конца войны. Российская императорская армия, в свою очередь, с октября 1915 г. прочно держала оборону и не пропустила германские войска в центральную часть России. Ей удалось сделать это без заградительных отрядов, и без втягивания гражданского населения во «всенародную партизанскую борьбу».

Русские пулеметчики на Западном фронте

БОИ ЗА СМОРГОНЬ

Утром 15 (2) сентября 1915 г. один полк 1-й германской кавалерийской дивизии при поддержке пулеметов и полевой артиллерии атаковал Сморгонь – 16-тысячный город в 90 км восточнее Вильно. Русские маршевые роты, оказавшиеся в городе, 8 часов держали оборону. Понеся потери и израсходовав патроны, они отошли на Крево, навстречу подходящим войскам 2-й русской армии. Население города поспешно эвакуировалось.

Западнее, южнее и восточнее Сморгони подошли части 36-го, 27-го, 4-го Сибирского и 1-го кавалерийского корпусов, которые вступили в боевое соприкосновение с противником. 20 (7) сентября, около 15 часов совместной атакой 9-й и 10-й Сибирских стрелковых, 68-й и 25-й пехотных дивизий город был освобожден. Немецкая кавалерия отступила на север, за Вилию.

А вечером 24 (11) сентября к Сморгони с запада, отходя с боями от Вильно, подошел Гвардейский корпус под командованием генерал-лейтенанта Владимира Олохова (1857—1920) — 572 офицера, 23.920 штыков пехоты, 1080 сабель кавалерии, 145 орудий. Уже на следующий день начались кровавые схватки на переправе через Вилию, у мельницы, у железнодорожной станции. В бой за город вступила вся 3-я Гвардейская пехотная дивизия — лейб-гвардии Кексгольмский, Петроградский, Волынский и Литовский полки.

Немцы бросили в бой свежую бригаду пехоты. Из резерва корпуса подошел лейб-гвардии Преображенский полк (1-й гвард. пехот. дивизии) и два батальона лейб-гвардии Гренадерского полка (из 2-й гвард. пехот. дивизии). Гвардейцы получили приказ стоять насмерть в Сморгони и не пропустить врага на Минск. Они отбили все атаки, удержали сморгонские позиции. Впервые за время «великого отступления» русских войск немцы были остановлены, и это произошло у Сморгони.

Ночью город осветило зарево пожаров. Повсюду были слышны стоны раненых — там немцы, тут русские. Из-под обломков разрушенного сморгонского костёла достали тела нескольких десятков солдат, пяти офицеров и трех генералов. Утром над германскими позициями появился белый флаг. Немцы просили о перемирии на 4-км участке фронта вдоль реки Вилии для сбора раненых и убитых. Русские приняли предложение. Четыре резервных батальона без оружия и весь парк санитарных повозок дивизии собирали раненых и убитых до

Русские окопы у Сморгони

18 часов вечера. За время перемирия было захоронено 3800 павших русских солдат и офицеров, немцам было передано 5500 трупов. Среди погибших было и 150 местных жителей.

Так началась ожесточенная битва за Сморгонь и ее окрестности. К концу 1915 г. силы противника были истощены. Далее велась «позиционная война»: круглосуточная ружейно-пулеметная стрельба, огонь артиллерии, атаки и контратаки местного значения, аэростаты и самолеты в небе.

Немцы усиливали оборону: заливали бетоном свои огневые точки и блиндажи. Их и сегодня можно увидеть на западной окраине Сморгони. Лабиринты окопов и траншей с каждым днем все увеличивались. Ходы сообщения, ведущие в тыл на 3–5 км, представляли собой галереи шириной от 3-х до 5-и метров, глубиной 3 метра, замаскированных сверху от авиации. Десятки километров железных дорог – обычных для движения тяжелых орудий, узкоколейных на конной тяге для подвоза боеприпасов и эвакуации раненых – были построены по обеим сторонам фронта. Через Вилию были наведены многочисленные мосты и паромные переправы, уложены десятки километров гатей в болотах севернее Сморгони до озера Вишнево.

Еще 12 октября 1915 г. немцы впервые применили газ против 3-й Гвардейской пехотной дивизии. А с апреля 1916 г. газовые атаки на сморгонском участке фронта вошли в разряд обычных боевых действий. 2 июля 1916 г. за полтора часа немецкой атаки газ проник более чем на 20 километров в сторону Молодечно и нанес большой урон русским войскам. Было отравлено 40 офицеров и 2076 солдат 64-й и 84-й пехотных дивизий. Немцы шли в атаку в противогазах,

Перед газовой атакой

с винтовкой в одной руке и с дубиной, утыканной гвоздями, для добивания удушенных – в другой. Но успеха они не добились.

В ночь на 2-е августа 1916 г. немцы 8 раз, через каждые полчаса, выпускали газы на позиции Кавказской гренадерской дивизии у железной дороги в Сморгони. Было отравлено около 3000 солдат и офицеров, однако последующую немецкую атаку гренадеры отбили.

6 сентября 1916 г. у Сморгони и российские войска впервые в войне провели газобаллонную атаку. На германские окопы за 15 минут его было выпущено 13 тонн.

Одна только «газовая война» на территории нынешнего Сморгонского района унесла жизни десятков тысяч солдат и офицеров обеих сторон.

Велась также «подземная война». Весь июнь 1916 г. саперы 52-го саперного батальона 26-го армейского корпуса копали тоннель в тыл немцам – к высоте 72,9 на северной окраине Сморгони, где находилась немецкая батарея. В день штурма заложенный под землю динамит был взорван, 255-й Аккерманский и 258-й Кишиневский полки взяли высоту.

На Сморгонских позициях мужество и героизм стали нормой. Недаром у русских солдат сложилась поговорка «Кто под Сморгонью не бывал, тот войны не видал».

Февральская революция 1917 года всколыхнула войска. Дисциплина в армии начала стремительно падать. Несмотря на приказы разговаривать с немцами «только посредством пули и штыка», случаи открытого братания в полосе передовых окопов приняли к осени повсеместный характер. Преобладающим в армии стало стремление к миру.

5 декабря 1917 г. в местечке Солы, в 10 км западнее Сморгони (на десять дней раньше общего перемирия, подписанного в Бресте 15 декабря), представители 2-й, 3-й и 10-й армий (руководитель делегации рядовой 322-го Солигаличского полка 81-й пехотной дивизии С. В. Щукин, член Военно-революционного комитета Западного фронта, большевик) заключили перемирие с немцами.

Сражение за город, продолжавшееся 810 дней и ночей, наконец закончилось.

НАРОЧСКАЯ ОПЕРАЦИЯ
18—29 (5—16) марта 1916 г.

24 (11) февраля 1916 г. в могилёвской Ставке Верховного Главнокомандования состоялось совещание, посвященное дальнейшим действиям Западного фронта. В связи с тяжелым положением, сложившимся во Франции в районе крепости Верден, было решено откликнуться на просьбу союзников о помощи и осуществить мощное наступление в районе озера Нарочь, чтобы союзники под Верденом получили передышку, смогли подтянуть подкрепления и перегруппировать войска.

Главком Западного фронта А. Е. Эверт указал на плохие погодные условия, на неготовность его войск к операции, но его доводы предпочли не услышать.

В итоге проведение операции поручили генералу от инфантерии Александру Рагозе (1858–1919), уроженцу Витебска, выпускнику Полоцкого кадетского корпуса. Его временно назначили командующим 2-й армией.

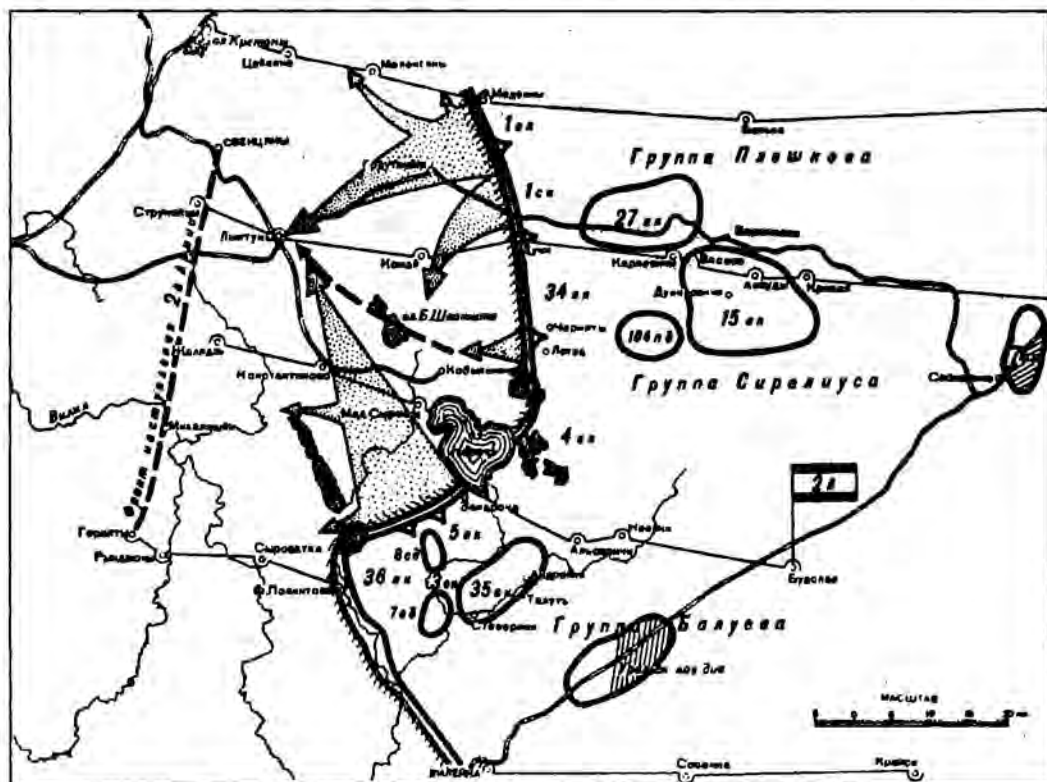
Директива Ставки, переданная в войска 16 (3) марта, ставила следующие задачи:

> Государь Император повелел:
>
> 1. Армиям перейти в наступление для нанесения энергичного удара германским войскам, действующим против Северного и правофланговых армий Западного фронтов.
>
> 2. Общая цель действий при настоящей операции – достижение линии Митава (ныне Елгава. – *Ред.*) – Бауск – Вилькомир (ныне Укмерге. – *Ред.*) – Вильна – Делятичи.
>
> 3. Ближайшая цель действий – овладеть и прочно утвердиться на линии река Лауце – озеро Саукен – Окнисты – Ново-Александровск – Дукшты – Давгелишки – Свенцяны – Михалишки – Гервяты.
>
> 4. Главные удары направить:
>
> Северному фронту из Якобштадтского района в общем направлении на Поневеж; Западному фронту войсками 2-й армии – в общем направлении на Свенцяны – Вилькомир.
>
> 5. Независимо от сего, Северный фронт атакует частями 12-й армии от Пулькарна и м. Икскюля в общем направлении Бауск – Шенберг; Западный фронт, сообразуясь с развитием операции на главном направлении, наносит удар в направлении Вильны.
>
> ...9. Начало наступления назначается на 5-е марта, Северному фронту предоставляется начать 6-го числа...

Таким образом, замысел операции состоял в нанесении главных ударов в двух направлениях – 5-й армией Северного фронта (командующий фронтом генерал А. Н. Куропаткин) из района Двинска (ныне Даугавпилс) на Поневеж (ныне Паневежис) и 2-й армией Западного фронта (командующий генерал А. Е. Эверт) севернее и южнее озера Нарочь на Свенцяны и Вилькомир. Вспомогательные удары наносили: 12-я армия Северного фронта на Бауск и Шенберг, 1-я армия Западного фронта на Видзы и Дукшты, 10-я армия того же фронта на Вильно. В операции участвовали 4 корпуса Северного и 8 корпусов Западного фронтов (всего до 600 тысяч человек).

Задача, стоявшая перед 2-й армией, была очень трудной. Линия фронта, разделившая земли Беларуси надвое, успела затвердеть. Немцы весьма основательно укрепили свои позиции. Как правило, они отрывали несколько линий окопов, составлявших укрепленную полосу глубиной до полутора километров. Через каждые 15–20 шагов – закрытые траверсы с бойницами для пулеметов или с минометами. В 30 шагах позади окопов делались землянки, каждая на 10 человек, далее в 100–150 шагах возводилась вторая линия окопов.

Первую линию прикрывали проволочные заграждения в одну, а местами в две полосы, в свою очередь прикрытые спереди и сзади рогатками. Первая

План наступления 2-й армии в марте 1916 г. в районе Нарочи

полоса была выдвинута на 50–60 шагов от окопов, вторая обычно проходила перед самым бруствером. Первая линия «колючки» обыкновенно в две рогатки, высотой 140–150 см, шириной 5–6 шагов. Вторая – колья в 5–6 рядов, местами до 10–11 рядов, с натянутой по ним проволокой. Лощины и рвы, как правило, были завалены срубленными деревьями с торчащими сучьями.

На всем протяжении фронта русской 2-й армии противостояла 10-я германская армия генерала Германа фон Эйхгорна. Правда, русские имели значительный перевес в живой силе – на 82.518 человек. Немецкие 31-я, 42-я, 115-я пехотные, 75-я резервная, 10-я ландверная дивизии, 9-я ландверная бригада, 3-я, 9-я и Баварская кавалерийские дивизии вместе насчитывали 282.214 штыков (против 355.989 русских) и 8200 сабель (против 16.943 русских). У русских было преимущество и в артиллерии – 605 легких орудий против 576 германских, 282 тяжелых орудия против 144 германских.

Наступление началось на Западном фронте 18 (5), на Северном – 19 (6) марта артиллерийской подготовкой, в ходе которой из-за недостатка снарядов и тяжёлой артиллерии оборона противника не была подавлена. Наступление русских в направлении Паневежа и Бауска успеха не имело. На Видзенском направлении удалось оттеснить противника на некоторых участках на 2–3 км.

Наибольших результатов добилась 2-я русская армия. Почти две недели она героически «ломала» германскую оборону. Офицеры и солдаты, проваливаясь

по колено в талую воду, шли в убийственные лобовые атаки на колючую проволоку и пулеметы... Южнее озера Нарочь русские войска вклинились в оборону 10-й германской армии на 2–9 км. Но операция не получила развития: наступление велось в весеннюю распутицу, разрозненно, на узких участках фронта; войска вводились в бой по частям, резервы запаздывали, управление войсками нарушалось. Весенняя распутица свела на нет и попытку главкома Куропаткина ввести в сражение 1-й кавалерийский корпус.

Пришлось М. В. Алексееву, начальнику штаба Верховного Главнокомандующего издать 29 (16) марта директиву о прекращении операции. Вскоре он сообщил представителю Ставки ВГК при французском командовании генералу от кавалерии Я. Г. Жилинскому:

> Наступательные действия, начатые 5–8 марта (ст. ст.)... не получили полного развития и были приостановлены, когда совершенная распутица обратила все пространство боев в болото, покрытое водой... Наше наступление не дало нам существенных результатов.

Прорвать немецкий фронт не удалось. В результате Нарочской операции, продолжавшейся фактически по 18 марта, русские войска захватили 1200 пленных, 15 пулеметов, несколько сотен винтовок и всего-навсего 10 квадратных километров территории. Эти достижения абсолютно несопоставимы с потерями. Той же территории на своем правом фланге потеряли 70 кв. км. А потери в живой силе были просто ужасными. По официальным отчетам, 2-я армия потеряла убитыми и ранеными: в группе Плешкова – 582 офицера и 47.896 нижних чинов; в группе Балуева – соответственно 423 и 28.672; в группе Сирелиуса – 13 и 859. В сумме 1018 офицеров и 77.427 нижних чинов убитыми и ранеными!.. Из этого колоссального числа 12 тысяч человек было обморожено и замерзло, еще 5 тысяч погибли на проволочных заграждениях.

Антон Керсновский в 4-м томе своей «Истории Русской армии» (1938 г.) оценил потери русских за время этой операции в 20 тысяч убитых, 65 тысяч раненых, 5 тысяч пропавших без вести. Немцы определили свои потери в 20 тысяч убитых и раненых. Нынешние российские авторы никак не могут согласиться с таким превосходством «фрицев» в умении воевать и упорно заявляют, что «на самом деле» германская сторона в Нарочской операции потеряла убитыми и ранеными около 35 тысяч человек.

Провал операции обусловил целый ряд причин:

- Спешка, вызванная тяжелым положением французов и англичан под Верденом;
- Внезапная болезнь командующего 2-й армией и замена его Рагозой перед самым началом наступления;
- Серьезные недостатки в управлении войсками;
- Исключительно тяжелые погодные условия (распутица днем и морозы по ночам);
- Наступление на узком участке сильно растянутого фронта, тогда как одновременное наступление сразу на нескольких участках значительно

распылило бы силы противника и не дало бы ему возможности маневрировать резервами.

Русским генералам противостояли опытные, высокопрофессиональные генералы одной из лучших армий мира. Достаточно сказать, что перенос противником основных усилий в глубину своей обороны стал полной неожиданностью для русского командования.

Несмотря на всё это, терновый венец Нарочи безусловно заслуживает уважения и памяти потомков. Доблесть воинов, которые, проваливаясь по колено в талую воду, шли на колючую проволоку и пулеметный огонь, достойна восхищения.

Советские военные историки любили приводить Нарочскую операцию в качестве примера того, как «бездарные царские генералы» напрасно загубили 78 тысяч человек. Однако прорыв глубоко эшелонированной обороны противника во все времена стоил больших жертв любой армии. Например, за четыре месяца битвы на Сомме, начавшейся 1 июля 1916 г., британские и французские войска продвинулись только на 13 километров, потеряв при этом 794 тысячи человек убитыми и ранеными – по 61.077 человек на километр! Но что-то не приходилось встречать книг и статей с критикой бездарных английских и французских генералов.

А сколько красноармейцев погибло в декабре 1939 года в безуспешных попытках прорвать «линию Маннергейма» на карельском перешейке?!

Тактический успех в Нарочской операции все же был достигнут. Германским войскам под Верденом пришлось на две недели прекратить свои атаки. Кроме того, германское командование вынуждено было перебросить в указанный район часть своих резервов (4 дивизии – две из Восточной Пруссии, две из Галиции).

Тем не менее, «Нарочская Голгофа», как ее назвал А. А. Керсновский, оставалась и остается одной из самых «неупоминаемых» в СССР и «новой России» битв Великой войны. Причины забвения очевидны. Никто не любит вспоминать действия, которые не привели к заметным результатам...

БАРАНОВИЧСКАЯ ОПЕРАЦИЯ 19 (6) июня — 14 (1 июля) 1916 г.

После неудачи на Нарочи главком Западного фронта А. Е. Эверт изрядно пал духом. Поэтому он сильно расстроился, когда 1 апреля 1916 г. на совещании в Ставке узнал, что его фронту снова предстоит играть роль «тарана». На этот раз удар предстояло наносить из района Молодечно силами 4-й и 10-й армий на Ошмяны. Верховное командование рассматривало этот участок фронта как плацдарм для прорыва на Вильно и далее к Варшаве. Северному фронту поручался вспомогательный удар от Двинска (Даугавпилса) на Свенцяны.

Сил у Эверта было вполне достаточно. На июнь 1916 г. в состав Западного фронта входили четыре армии:

2-я армия (генерал от инфантерии В. В. Смирнов) – 6 армейских корпусов: 27-й (генерал от инфантерии Д. В. Баланин), 34-й (генерал от инфанте-

рии В. П. Шатилов), 15-й (генерал от инфантерии Ф. И. фон Торклус), 37-й (генерал от инфантерии Н. А. Третьяков), 1-й Сибирский (генерал от кавалерии М. М. Плешков). В резерве 5-й армейский корпус (генерал от инфантерии П. С. Балуев). Армия базировалась в районе Нарочи.

4-я армия (генерал от инфантерии А. Ф. Рагоза) – 5 армейских корпусов: 20-й (генерал от инфантерии А. И. Иевреинов), 24-й (генерал от инфантерии А. А. Цуриков), 35-й (генерал-лейтенант П. А. Парчевский), 3-й Сибирский (генерал-лейтенант В. О. Трофимов), 2-й Кавказский (генерал от артиллерии С. Б. Мехмандаров). Армия базировалась под Сморгонью.

10-я армия (генерал от инфантерии Е. А. Радкевич) – 5 корпусов: 38-й (генерал-лейтенант В. В. Артемьев), 44-й (генерал-лейтенант Н. А. Бржозовский), 3-й Кавказский (генерал от артиллерии В. А. Ирманов), 1-й Туркестанский (генерал от кавалерии С. М. Шейдеман) плюс к ним 7-й кавалерийский корпус (генерал от кавалерии князь Г. А. Туманов). Армия базировалась в районе Крево.

3-я армия (генерал от инфантерии Л. В. Леш) — 5 корпусов: 9-й (генерал от инфантерии А. М. Драгомиров), 25-й (генерал от инфантерии Ю. Н. Данилов), 31-й (генерал от артиллерии П. И. Мищенко) армейские, а также Гренадерский корпус (генерал-лейтенант Д. П. Парский) и 6-й кавалерийский корпус (генерал-лейтенант А. А. Павлов). Армия базировалась в районе Барановичей. Правда, с 10 июня ее 31-й корпус был передан в состав Юго-Западного фронта.

В резерве фронта стоял 23-й армейский корпус (генерал от инфантерии А. В. Сычевский). Кроме того, на территории Беларуси размещались резервы Ставки ВГК – 1-й и 2-й Гвардейские, 4-й Сибирский армейский и 1-й Гвардейский кавалерийский корпуса. В сумме – 26 корпусов!

Однако главком после Нарочи не хотел браться за решительное наступление. Его вполне устраивала позиционная война. Незадолго до 18 мая он неожиданно связался со Ставкой и попросил отсрочку, мотивируя это неготовностью фронта в инженерном отношении. 27 мая Ставка разрешила отложить наступление до 4 июня, однако поставила условие – левый фланг фронта должен освободить Пинск и накопить силы для дальнейшего удара на Кобрин.

В начале июня 1916 г. войска Юго-Западного фронта начали наступление, прорвали позиции австро-венгерской армии и продвигались в глубь Галиции. Однако командующий Западным фронтом А. Е. Эверт дважды откладывал намеченное наступление войск своего фронта, сначала на 13 июня (31 мая), затем на 17 (4) июня, а затем предпринял попытку вообще отменить операцию. Затем план наступления был изменен – вместо удара на Вильно решили нанести удар в районе Баранович. Согласно категорическому требованию Ставки Верховного Главнокомандования от 16 (3) июня Западный фронт обязывался «атаковать противника на фронте Новогрудок – Барановичи». На подготовку наступления отводилось 22 дня.

* * *

Трудно сказать, какими соображениями руководствовался Эверт, когда выделял для наступления всего один корпус – Гренадерский генерал-лейтенанта Д. П. Парского. Однако ни командарм Леш, ни комкор Парский не рискнули

опротестовать приказ главкома. Общее направление удара гренадеры должны были направить на Столовичи – деревню, расположенную в 4-х километрах восточнее Барановичей (сейчас здесь проходит шоссе Брест – Минск – Москва). Русским 1-й и 2-й гренадерским дивизиям (26 тысяч штыков, 125 орудий) противостояли 11-й, 19-й и 51-й ландверный полки 22-й пехотной бригады 4-й ландверной дивизии (9 тысяч штыков, 60 орудий). Обе стороны занимали укрепленные позиции по холмистым берегам реки Щары. Передовые окопы противника находились в двух километрах друг от друга.

Столовичский бой закончился полной неудачей. Цвет русских гренадерских полков лег в белорусскую землю, не сумев прорвать сильно укрепленную полосу обороны германцев. А самое главное, этот бой встревожил противника и фактически раскрыл ему карты русских. Если до 31 мая немцы ждали наступления Западного фронта на Ошмяны и Вильно, то теперь стало понятно, что главный удар Эверт нанесет на Барановичи. Это было куда опаснее для немцев: если атака Ошмян и Вильно неизбежно вылилась бы в локальную операцию, то захват Барановичей открыл бы русским дорогу на Брест-Литовск, а с юга Западному фронту в таком случае помогли бы войска Брусилова.

Впрочем, решение окончательно отказаться от Виленского направления Эверт принял только 2 июня. Он сообщил в Ставку, что погода на фронте резко изменилась – из-за дождей и тумана артиллерийская подготовка и подвоз боеприпасов затруднены, район Полесья стал практически непроходимым. Поэтому Эверт отверг идею удара на Пинск (а заодно и на Вильно), и предложил сосредоточить усилия на Барановичском

направлении. Для этого из-под Молодечно предполагалось перебросить под Барановичи 2–3 корпуса. М. В. Алексеев ответил согласием, и 3 июня появилась директива Ставки:

> Хотя войска Запфронта и готовы к удару, но ввиду крайне тяжелой работы войск при чрезвычайно сильно укрепленном фронте неприятельских позиций и лобовых ударах, обещающих лишь медленное и с большим трудом развитие операции, – Запфронту атаковать не на Виленском, а на Барановичском направлении. Атака откладывается на 18 дней с соблюдением полнейшей скрытности подготовки.

В тот же день Эверт издал следующий приказ:

> Атаку 4-й и 10-й армий на Виленском направлении отменить. Атаки Гренадерского корпуса под Барановичами и 31-го армейского корпуса под Пинском отложить до распоряжения. Всем корпусам 4-й армии, ныне занимающим фронт, перейти в состав 10-й армии. Управление 4-й армии перебросить в Несвиж.
>
> С 24.00. 21.6. – образовать новую 4-ю армию в составе: 25-го армейского, Гренадерского, 35-го армейского, 9-го армейского корпусов, 11-й Сибирской стрелковой дивизии, 2-й Туркестанской казачьей дивизии и Уральской казачьей дивизии на фронте Делятичи – оз. Выгоновское. Армии спешно готовить исходные плацдармы для атаки. Расположенной правее ее 10-й армии в новом составе продолжать пристрелку батарей и работы для привлечения внимания противника. Левее, 3-й армии основательно подготовить к 19.6. удар под Пинском, дабы взять его во что бы то ни стало, согласуя действия с Юго-Западным фронтом.

В десятых числах июня согласно этому приказу Эверта началось формирование новой 4-й армии – фактически ударной группы наподобие той, в которую была превращена 2-я армия накануне Нарочи. Сравнение напрашивалось еще и потому, что руководить операцией снова был назначен генерал А. Ф. Рагоза, имя которого прочно связывалось в армии с нарочской неудачей. Но Эверт по-прежнему доверял Рагозе, более того, высоко его ценил – иначе бы доверил вести решительное наступление другому военачальнику.

А. Ф. Рагоза не был согласен с главкомом фронта. Он считал, что после трехмесячной подготовки к броску на Ошмяны и Вильно резко менять планы и наступать на Барановичи не стоит. Однако Рагоза принципиальности не проявил и перечить начальству не стал, а действовал по принципу «поручили – выполним». Если в марте Рагоза возглавлял «чужую» армию, то сейчас – «свою», но при этом «чужой» для него стала задача, которую ему поставили.

* * *

Новая 4-я армия занимала позиции на 145-км фронте. В её состав входили 5 корпусов (9-й, 10-й, 25-й, 35-й армейские корпуса, Гренадерский корпус, 112-я пехотная, 11-я Сибирская и 7-я Туркестанская дивизии, Польская стрелковая бригада, Уральская и 2-я Туркестанская казачьи дивизии). К началу операции прибыли подкрепления, а именно 3-й Сибирский, 3-й армейский и 3-й Кавказский корпуса. Всего для прорыва было сосредоточено 19 пехотных и 2 казачьи

дивизии, в состав которых входили 331 батальон, 128 сотен, 1324 пулемета, 742 легких и 258 тяжелых орудий (всего 340.000 человек).

План русского командования состоял в прорыве укрепленной полосы с нанесением главного удара двумя корпусами (9-м и 35-м) на 8-км участке. Для обеспечения ударной группы соседние корпуса атаковали: 25-й – на 2,5-км участке севернее Дробыши, а Гренадерский – одной дивизией на местечко Столовичи, в 10 км южнее главной атаки. Вспомогательный удар наносили в 20 км южнее главной атаки две дивизии 10-го корпуса на участке протяженностью 4 км от Дарево до Лабузы.

Ближайшая задача 25-го, 9-го, 35-го и Гренадерского корпусов заключалась в прорыве позиции и овладении рубежом Цирин – Олизаровщина – Арабовщина – Дубово, отстоящим от переднего края германской позиции на 3–4 км. Последующая задача – выход на рубеж Новый Свет – Богуши – Жубинцы – река Мышанка – Чмыри, в 5–6 км от первого рубежа. На этом рубеже корпуса закреплялись для дальнейшего наступления на Новогрудок совместно с левым флангом соседней 10-й армии.

Операции под Барановичами в 1916 г.

Артподготовка операции свелась к развертыванию артиллерии групп: на направлении ударной группировки – 84 тяжелых орудия и в Гренадерском корпусе – 31 тяжелое орудие. Каждому корпусу было придано для корректирования по одному авиаотряду и по одной воздухоплавательной роте, но борьба с многочисленной германской артиллерией была неудачна. Инженерной подготовки почти не было. В целях внезапности атаки передвижения войск производились по ночам, но противник узнал о перегруппировке от большого числа перебежчиков. Пристрелка артиллерии началась за несколько дней до атаки, что также демаскировало подготовку к наступлению.

Противник располагал на участке будущего наступления 9-й армией (25-й резервный, 3-й армейский, 22-й австро-венгерский, 3-й ландверный кор-

пуса) и другими войсками, входившими в состав армейской группы Вильгельма фон Войрша (1847–1920).

В этой группе было свыше 500 тяжелых орудий. Германские позиции состояли из двух, а в ряде мест из трех укрепленных полос. Первая укрепленная полоса из трех линий окопов хорошо применялась к местности на западных берегах болотистых долин рек Сервечь и Щара. Перед первой линией окопов находились проволочные заграждения (до 35 рядов). Широко применялись «лисьи норы», бетонированные пулеметные гнезда, убежища от огня тяжелой артиллерии. Вся артиллерия была укрыта в окопах с навесами и убежищами. Внутри полосы были построены бетонированные долговременные укрепления, которые русская артиллерия не могла разрушить. Вторую и третью полосы обороны русские войска вообще «не заметили».

* * *

С 7 до 22 часов 2 июля русская артиллерия вела непрерывный огонь, частично разрушивший окопы 1-й линии, но не подавивший артиллерию противника. Три дивизии 9-го корпуса на рассвете 3 июля после короткой артподготовки начали атаку и овладели 1-й линией окопов, а на некоторых участках и 2-й линией. Введенные с запозданием из резерва для развития успеха две дивизии 35-го корпуса существенного влияния на ход боя не оказали, так как вводились в бой полками и в разное время. С продвижением в глубь оборонительной полосы наступающие части были остановлены пулемётами из большого количества бетонных гнезд с проволочными заграждениями, главным образом на обратных скатах высот. Требовалась дополнительная артподготовка. К 19 часам первого дня наступления части 9-го и 35-го корпусов прекратили атаки, удержавшись на линии взятых окопов, Гренадерский корпус к вечеру был отброшен в исходное положение, а в 10-м корпусе вследствие неудачной артподготовки все атаки были отбиты.

4 июля русское командование проводило дополнительную артподготовку. В 19 часов вечера пять дивизий начали повторную атаку, которая на участке 9-го корпуса была остановлена встречным контрударом 19-го ландверного и 335-го резервного германских полков. Начатые вечером бои продолжались всю ночь и днём 5 июля. В бой был введён 3-й Кавказский корпус южнее направления главного удара. Удалось занять только 2-ю линию германских окопов. Потери за первые три дня операции доходили в атакующих частях до 50 % личного состава, войска были крайне утомлены. Эверт решил отложить новые атаки до 8 июля, пока произвёл перегруппировку войск. Медленные действия русского командования использовал противник, укрепивший атакованные участки и усиливший их артиллерией.

7 июля с рассветом началась новая артподготовка, а в 2 часа ночи 8 июля шесть дивизий пошли в атаку на 12-км фронте от Цирина до Заосья, имея во 2-й и в 3-й линии по две дивизии как резерв армии и фронта. В течение дня части 3-го Сибирского и 9-го корпусов четыре раза ходили в атаку, но успеха не имели, продвинувшись в центре всего лишь на 2 км. Все атаки противник отбил исключительно ружейно-пулемётным огнем. 9 июля из-за тумана атака не состоялась, потом была перенесена на 14-е, а в конечном итоге и совсем отменена под

предлогом недостатка снарядов. В итоге результаты долго готовившейся операции свелись к овладению только первой укрепленной линией, захвату более 2000 пленных и нескольких орудий. Наступавшие части понесли потери около 40.000 человек.

14 июля германские войска предприняли контрнаступление силами трёх дивизий с целью улучшить свое положение на участке у Скробова. После трёхчасовой артподготовки они атаковали русские позиции. Наступление на правом фланге захлебнулось вследствие русского заградительного огня и сильной контратаки, но на левом фланге были заняты все потерянные ранее окопы, взяты в плен 1500 человек и захвачены 11 пулеметов. Произведенные русскими войсками 15 июля две сильные контратаки были отбиты.

В период 25–29 июля в районе Барановичей вновь были возобновлены атаки пяти русских стрелковых дивизий на фронте Скробово – Лабузы, занимавшихся пятью австро-германскими дивизиями. Несмотря на упорство и сравнительно длительную артподготовку русским войскам не удалось достигнуть никаких результатов.

За неделю непрерывных боев в районе Барановичей русские войска потеряли более 30 тысяч человек убитыми, 47 тысяч ранеными и 2 тысячи пленными, в сумме 79 тысяч (по данным В. И. Оберюхтина, автора книги «Барановичи. 1916 г.»).

Немцы оценили свои потери весьма скромно – 56 офицеров и 1100 солдат убитыми, 124 офицера и 5150 солдат ранеными, 1020 человек без вести пропавшими. Итого – 7450 человек. Точное количество потерь у австрийцев неизвестно. По данным Оберюхтина, общие потери немцев и австрийцев – 8 тысяч убитых, 13 тысяч раненых, 4 тысячи пленных. Итого 25 тысяч, в три с лишним раза меньше, чем у русских. Дальнейшие бои фактически были навязаны русской армии противником и формально не могут считаться частью Баранович-

Начало атаки. Передняя линия резерва готовится к наступлению

ской операции, однако неразрывно связаны с ней. Только 17 июля 1916 г. на фронте окончательно наступило затишье.

По оценке Оберюхтина, общие потери русской стороны под Барановичами составили 120 тысяч человек убитыми, ранеными и пленными, из них 50 тысяч убитыми; потери австрийцев и немцев – до 40 тысяч человек, из них примерно половина убитыми.

30 июля в состав Западного фронта были переданы Особая и 3-я армия. 3 августа Эверт назначил их наступление на 15 августа, однако затем перенес его дату на 22 и 24 августа. Утром 22 августа 1916 г. на фронте началась артподготовка, однако начавшийся сильный дождь спутал все планы командования – Эверт отменил наступление, так как распутица сделала его заведомо неудачным. Только 27 августа 3-й и 26-й армейский корпуса 3-й армии провели локальное наступление на Черевищенском плацдарме, окончившееся неудачей. С началом сентября 1916 г. на Западном фронте наступила оперативная пауза...

Германские военные историки пишут о Барановичской (вариант: Скробово-Городищенской) операции в июне – июле 1916 г. как о блестящем, принципиально важном для хода всей Великой войны оборонительном сражении, которое с минимальными затратами для своей стороны провел Р. фон Войрш.

Русские военные историки ничего о Барановичах написать не успели – наступил 1917-й. В целом Барановичи заслужили дурную славу «продолжения Нарочи», своего рода летнего варианта Нарочского сражения, самого кровавого и бессмысленного на Восточном фронте. Чтобы преуменьшить значение этой операции, ее задним числом записали в «отвлекающие», второстепенные – в сравнении с брусиловским прорывом. Что ж, никто не любит вспоминать проигранные сражения. Поэтому стараются делать вид, что их просто не было.

Конечно, при желании можно сказать, что русские войска не потерпели сокрушительного поражения, не отдали противнику стратегически важную территорию. В Барановичском сражении русские войска добились некоторых тактических успехов. Но любой военный человек прекрасно понимает: тактические успехи ничего не значат по сравнению с провалом стратегического замысла!

Имея для подготовки несколько месяцев, располагая тройным перевесом в живой силе и некоторым превосходством в артиллерии, русские части не смогли прорвать укрепленный германский позиционный фронт, овладев только первой его линией на отдельных участках наступления. Ни на одном из участков прорыва наступавшие не вышли к третьей полосе обороны противника. Более того, мощной короткой контратакой германские части смогли частично восстановить первоначальное положение.

Главными причинами поражения являлись: плохая артподготовка (в ней не была задействована половина тяжелой артиллерии и 2/3 легкой артиллерии), слабая концентрация артиллерии на участке прорыва. Разведка укрепленной полосы, строившейся в течение года, не выдерживает никакой критики – подавляющая часть укреплений первой полосы обороны не была выявлена, а 2-й и 3-й рубежи обороны оставались неизвестными русскому командованию до начала сражения. Командный состав не был подготовлен к организации прорыва укрепленных полос. Численное превосходство использовано не было: из

значительного количества войск, собранных для проведения операции, основная масса бездействовала, пока атакующие части захлебывались в крови, затем свежие части заменяли обескровленные и атаки на тех же рубежах повторялись вновь и вновь.

Ни одна из задач операции выполнена не была. Русские войска не смогли улучшить своего положения, не создали условий для будущего наступления, не отвлекли внимания командования противника от действий Юго-Западного фронта. Даже в разгар операции у Барановичей германское командование продолжало снимать силы из полосы Западного фронта для переброски на юг.

Огромные потери при полном отсутствии результатов оказали крайне негативное влияние на моральный дух русских войск, в которых усилились антивоенные настроения. В 1917 г. это дало самую благоприятную почву для революционной пропаганды в войсках и сделало части Западного фронта наиболее подверженными влиянию большевиков.

КРЕВСКАЯ ОПЕРАЦИЯ 6—9 ИЮЛЯ 1917 г.

Это последняя крупная операция Западного фронта. Она была предпринята в июне 1917 г. уже в совершенно других политических обстоятельствах. После февральского переворота и падения монархии власть в стране перешла к Временному правительству, армия была «демократизирована» (в каждой части создавался комитет, который мог отменить приказ командира).

План этой операции был точной калькой неосуществленного наступления лета 1916-го в направлении Ошмяны – Вильно. Основной удар при этом должна была наносить 10-я армия – 16 пехотных и 2 кавалерийские дивизии. Однако по мере политизации армии становилось понятно, что наступление может потерпеть неудачу уже не по причине несокрушимой оборонительной линии противника или нехватки снарядов, а из-за состояния собственных войск. Об этом убедительно написал А. И. Деникин в своих мемуарах:

> Смотрел войска в строю. Видел части, правда, как исключение, сохранившие почти нормальный, дореволюционный вид как по внешним формам, так и по внутреннему строю – в корпусе сурового и непреклонно отстаивавшего старую дисциплину Довбор-Мусницкого; видел большинство частей, – хотя и сохранивших подобие строя и некоторое послушание, но во внутренней жизни своей подобных разворошенному муравейнику: после смотра, обходя ряды и беседуя с солдатами, я был буквально подавлен новым для меня настроением, охватившим их: бесконечными жалобами, подозрительностью, недоверием, обидами на всех и на всё: на отдельного начальника и корпусного командира, на чечевицу и на долгое стояние на фронте, на соседний полк, и на Временное правительство, за его непримиримое отношение к немцам.
>
> Видел, наконец, и такие сцены, которые не забуду до конца своих дней... В одном из корпусов приказал показать мне худшую часть. Повезли в 703-й Сурамский полк. Мы подъехали к огромной толпе безоружных людей, стоявших, сидев-

ших, бродивших на поляне, за деревней. Одетые в рваное тряпье (одежда была продана и пропита), босые, обросшие, нечесаные, немытые, – они, казалось, дошли до последней степени физического огрубения. Встретил меня начальник дивизии (генерал-майор Э. Г. Катлубай. – *Ред.*) с трясущейся нижней губой и командир полка с лицом приговоренного к смерти. Никто не скомандовал «смирно», никто из солдат не встал; ближайшие ряды пододвинулись к автомобилям. Первым движением моим было выругать полк и повернуть назад. Но это могли счесть за трусость. И я вошел в толпу.

Пробыл в толпе около часу. Боже мой, что сделалось с людьми, с разумной Божьей тварью, с русским пахарем... Одержимые или бесноватые, с помутневшим разумом, с упрямой, лишенной всякой логики и здравого смысла речью, с истерическими криками, изрыгающие хулу и тяжелые, гнусные ругательства. Мы все говорили, нам отвечали – со злобой и тупым упорством. Помню, что во мне, мало-помалу, возмущенное чувство старого солдата уходило куда-то на задний план, и становилось только бесконечно жаль этих грязных, темных русских людей, которым слишком мало было дано и мало поэтому с них взыщется...

Из Сурамского полка я поехал, по настойчивому приглашению особой делегации, на корпусный съезд того же 2-го Кавказского корпуса. Там собрались выборные люди, и поэтому разговоры их были рассудительнее, стремления реальнее: в разных группах делегатов, среди которых замешалась свита, шла беседа о том, что здесь вот главнокомандующий, командующий, корпусный, штабы и все начальство; хорошо бы прикончить их тут же всех разом, вот и конец наступлению...

Понятно, что вести этих «воинов» на врага не имело смысла. Поэтому наступление постоянно откладывалось – на конец апреля, затем на 15 июня, 22 июня, 3 июля и, наконец, 9 июля 1917 г.

Состав сил Западного фронта к началу наступления сильно переменился. Теперь в него входили следующие соединения:

2-я армия (командующий с 8 апреля 1917 г. – генерал-лейтенант А. А. Веселовский): 9-й (генерал-лейтенант П. Д. Шрейдер), 50-й (генерал-лейтенант Б. А. Дзичканец), 3-й Сибирский (генерал-лейтенант А. Е. Редько, затем В. Ф. Джунковский), Гренадерский (генерал-лейтенант Д. П. Парский) корпуса.

3-я армия (командующий с 3 апреля 1917 г. – генерал-лейтенант М. Ф. Квецинский): 10-й (генерал от инфантерии Н. А. Данилов), 15-й (генерал-лейтенант И. З. Одишелидзе), 20-й (генерал-лейтенант А. Я. Ельшин), 25-й (генерал-лейтенант В. В. Болотов) армейские корпуса.

10-я армия (командующий с 9 апреля 1917 г. – генерал-лейтенант Н. М. Киселевский): 3-й (генерал-лейтенант Д. Н. Надежный), 38-й (генерал-лейтенант И. Р. Довбор-Мусницкий), 1-й Сибирский (генерал-лейтенант Е. А. Искрицкий), 2-й Кавказский (генерал-лейтенант Г. И. Чоглоков) армейские корпуса. Итого 12 корпусов.

9 июня главком фронта провел совещание с командующими армий и сделал по его итогам следующие выводы:

3-я армия. Армейский комитет по составу удовлетворительный... Дивизионные комитеты настроены хорошо и являются помощниками начальников дивизий...

По настроению впереди других стоит артиллерия; наступление ею приветствуется. В пехоте настроение более пестрое. Лучше других 20-й корпус... Несколько слабее пехота 15-го корпуса. Еще слабее 35-й корпус...

10-я армия... Лучше других настроена артиллерия. Наиболее крепким следует считать 1-й Сибирский корпус... 2-й Кавказский корпус особенно болезненно переживает переход от старого режима к новому и, по оценке командующего армией, 2-я Кавказская гренадерская, 51-я и 134-я дивизии по своему настроению небоеспособны... 38-й армейский корпус настроен спокойнее... Численность армии продолжает заметно уменьшаться. Общее отношение солдат 10-й армии к наступлению скорее отрицательное...

2-я армия. Армейский комитет малоинтеллигентный, несамостоятельный, слепо идет за фронтовым комитетом, даже и в его крайних проявлениях... Настроение вполне хорошее в артиллерии, в пехоте пестрое, но вообще гораздо худшее, чем в других армиях... Дезертирство с фронта почти прекратилось. Братание наблюдается редко, одиночными людьми. Укомплектования поступают на фронт так скверно, что некомплект угрожающе прогрессирует.

Верховный главнокомандующий А. А. Брусилов (он занял этот пост в мае 1917 г.) наложил на доклад красноречивую резолюцию: «При таком настроении стоит ли подготовлять тут удар?»

Тем не менее, «подготовляли». Чтобы понять, в какой обстановке готовилось наступление, упомяну, что 8 июня съезд фронтовых комитетов высказался против проведения операции, 18 июня – за, 20 июня – снова против. Попутно свое мнение высказывали другие комитеты, например, Минский совет рабочих и солдатских депутатов (постановил не наступать), дивизионные (в 169-й дивизии – постановил считать наступление изменой революции) и т. п. В сложившейся ситуации офицерам, помимо своих служебных обязанностей, приходилось просить солдат идти в наступление. Сейчас это воспринимается как бредовый сон, но таковы были будни русской революционной армии – «армии свободной России», как ее тогда называли.

1 июля 1917 г. в Молодечно был издан приказ по 10-й армии. Он гласил:

1. Части 10-й и 12-й армий противника занимают укрепленную позицию по линии оз. Нароч, д. Ново-Спасское, местечек Крево, Геверишки, Делятичи, Барановичи.

2. На армии Западного фронта возложена задача нанести противнику удар в общем направлении на Вильно.

10-й армии приказано нанести главный удар, атакуя противника на фронте Гавеновичи, Геверишки, имея первоначальной целью овладение линией Солы, Жуйраны, Ошмяны, Гражишки.

2-й и 3-й армиям приказано всеми средствами содействовать наступлению 10-й армии и по мере развития успеха перейти в наступление в общем направлении на Вильно и Слоним.

3. Во исполнение поставленной задачи командующий 10-й армией решил нанести противнику главный удар на участке Сутковского и Новоспасского лесов с

дальнейшим развитием главного удара в направлении на лес, что между деревнями Глинная и Базары.

4. Ближайшей задачей командарм поставил выйти тремя ударными корпусами (2-му Кавказскому, 1-му Сибирскому и 38-му) на линию р. Оксна, деревни Глинная, Асаны, западная опушка Богушанского леса, Попелевичи, Чухны.

Для дальнейшего наступления с целью овладения линией Солы, Жуйраны, Гружишки указания предполагалось дать дополнительно.

5. Корпусам – задачи:

а) Кавказскому – атаковать участок Гавеновичи, Новоспасское с целью овладеть массивом с Сутковским лесом и развития в дальнейшем действий для закрепления на линии р. Оксна до Глинная;

б) 1-му Сибирскому – атаковать участок от Новоспасское до северной окраины Крево с целью овладения Новоспасским и Богушинским лесами и группой лесов к западу от первого и к северу от второго и закрепления на линии Глинная, Асаны (включительно);

в) 38-му – атаковать участок Крево, Чухны (включительно) с целью захвата Кревского массива и леса к западу от него и закрепления на линии Асаны (исключительно), Попелевичи (включительно);

г) 3-му – оборонять участок от Геверишки включительно до высоты в 1 1/2 верстах юго-восточнее деревни Бор включительно, содействуя наступлению 38-го корпуса, сосредоточив артиллерийский огонь по батареям противника, группирующимся в районах деревень Вишневка, Ордаши, Куты, и имея корпусный резерв (три полка 73-й пехотной дивизии) на правом берегу р. Березины. В дальнейшем корпус должен принять участие в общем наступлении на линию Солы, Ошмяны, Гружишки.

Для прорыва мощной линии обороны противника на участке главного удара было сосредоточено огромное количество артиллерии: 788 орудий, в том числе 356 крупнокалиберных. Все орудия, кроме 12-дюймовых гаубиц, имели комплекты снарядов на 13 дней непрерывного огня. Корректировку стрельбы должны были осуществлять 15-й, 35-й корпусные и 11-й армейский воздухоплавательные, Гренадерский, 1-й Сибирский и 34-й корпусной авиационные отряды.

Надо отметить, что специальные части русской армии – артиллерия, авиация, броневые отряды, инженерные войска – были значительно меньше затронуты революционным разложением, чем пехота, поэтому на них вполне можно было положиться.

Операция началась мощной артподготовкой, которая длилась свыше трех суток, с 6 по 9 июля 1917 г. Ее результаты стали наилучшими за всю историю Западного фронта. Проволочные заграждения противника местами были уничтожены полностью, окопы 1-й, а частью 2-й и 3-й линий перестали существовать. Блиндажи и пулеметные гнезда были разрушены; железобетонные бункеры почти не пострадали, но входы в них были плотно завалены обломками бревен и землей.

Однако сама Кревская операция, уложившаяся в один день – 9 июля, окончилась полным провалом. Из 14 русских дивизий, готовившихся к атаке, пошли

в наступление 7, из них полностью боеспособными оказались только 4. Солдаты не желали выполнять приказы офицеров, массово уходили в тыл, совершали «самострелы», делали что угодно, лишь бы не воевать.

Не вдохновило солдат пехотных частей и участие в атаке женского добровольческого «батальона смерти» под командованием дочери новгородского крестьянина, прапорщика Марии Бочкаревой (1889—1920). Женщины отличились при взятии Новоспасского леса в 10 км южнее Сморгони на участке 1-го Сибирского армейского корпуса.

Лишь отдельные русские подразделения показали 9 июля подлинный героизм и самоотверженность. Ярче всех действовала 51-я пехотная дивизия, чьи 202-й Горийский, 204-й Ардагано-Михайловский и три роты 203-го Сухумского полков. С редким мужеством сражались офицеры. Подвиги многих из них граничили с мученичеством и были возможны только в угарной атмосфере 1917-го. Например, в 38-м корпусе описан такой случай:

> Тщетно офицеры, следовавшие впереди, пытались поднять людей. Тогда 15 офицеров с небольшой кучкой солдат двинулись одни вперед. Судьба их неизвестна — они не вернулись.

Подполковник Сергей Иванович Янчин собрал отряд из 44 офицеров и 200 верных долгу солдат и пошел с ним в атаку. Никто из храбрецов назад не вернулся.

Одна из целей Кревской операции все же была достигнута. Войскам 10-й армии впервые за всю историю позиционной войны на Западном фронте удалось частично уничтожить и прорвать сильно укрепленную полосу обороны противника в районе Крево. Из горьких уроков Нарочи и Барановичей наконец-то были сделаны правильные выводы...

* * *

Осенью 1917 г. боевые действия на фронте стали замирать (последние крупные бои были отмечены 26 и 31 октября), а после большевистского переворота окончательно стихли. В середине ноября войска сами начали заключать с противником перемирия на местном уровне. Первым, 10 ноября, предложил перемирие противнику штаб Гренадерского корпуса 2-й армии. Но заключили перемирие первыми 55-я и 69-я пехотные дивизии — в 22.00. 13 ноября стрельба прекратилась в районе деревни Новосёлки. На другой день, в полдень 14 ноября, начали переговоры с немцами Гренадерский корпус и 67-я пехотная дивизия.

В тот же день, 14 ноября, последовал приказ большевистского главнокомандующего Западным фронтом В. В. Каменщикова — заключать перемирия на местах самим. Так что переговоры Гренадерского корпуса и 67-й пехотной дивизии неожиданно получили официальную основу. 67-я дивизия перестала вести боевые действия в тот же день, Гренадерский корпус — в полдень 16 ноября (на 30-верстном участке Барановичи — Горбачи — Полонечко). 15 ноября начал переговоры с немцами, а 19-го «воткнул штыки в землю» на участке северный берег озера Нарочь — местечко Петруши 15-й армейский корпус. Вечером

17 ноября 1917 г. комитеты 2-й и 10-й армий остановили боевые действия на своих армейских участках и обратились к германскому командованию с официальным предложением начать переговоры о перемирии.

Тем не менее, еще несколько дней на фронте заключались «частные» перемирия корпусного, дивизионного и полкового уровней. 18 ноября прекратились боевые действия на участке 7-й Туркестанской стрелковой дивизии, 19 ноября — 3-го армейского корпуса. «Частные» перемирия заключались как долгосрочные, на три месяца, так и на две недели (с 15 по 30 ноября — на участке 515-го пехотного Пинежского полка, от Телехан до деревни Валище). Многие части обязывались содействовать заключению перемирий на боевых участках соседних подразделений. Иногда инициатива перемирий исходила от немцев.

А 23 ноября последовало уже «общее», фронтовое перемирие. Оно было заключено фронтовым ВРК в местечке Солы. Оно вступало в силу с полудня 23 ноября 1917-го и действовало по полдень 24 января 1918 г. или «до заключения общего перемирия на всем русско-германском фронте, если таковое последует ранее означенного срока» (что и случилось).

На всем Западном фронте от Видз до Припяти немедленно прекращались все боевые действия всеми видами оружия и средств массового поражения, минные и саперные работы, воздушные полеты над расположением противника и в 10-верстной полосе от передовой линии своих окопов, действия разведчиков. Стороны обязались не производить подготовительных работ к наступлению и не перебрасывать крупные силы с одного фронта на другой. Особенно «хорош» был пункт о проволочных заграждениях: переход солдат за свою проволоку не разрешался, но к тем, кто это делал, никаких штрафных санкций не применялось.

Формально перемирие, подписанное в Солах, действовало недолго — около двух недель, с 23 ноября до 14.00 4 декабря 1917 г., когда вступило в силу подписанное 2 декабря в Скоках под Брест-Литовском 28-дневное перемирие по всему русско-германскому фронту от Балтики до Дуная.

* * *

Последние боевые столкновения с противником на территории Беларуси произошли в феврале — марте 1918 г. Тогда германская армия, нарушив перемирие, перешла в наступление по всему фронту. 20 февраля немцы вошли в Полоцк, 21-го — в Минск, Режицу и Двинск, 24-го — в Калинковичи, 25-го — в Борисов, 27-го — в Жлобин, 28-го — в Рогачёв и Речицу, 1 марта — в Гомель, 3 марта — в Оршу, 5 марта — в Могилёв. Из крупных белорусских городов остался неоккупированным только Витебск. В ходе февральско-мартовского наступления 1918 г. германская армия практически без потерь, малыми силами захватила 23 белорусских уезда из 35, за две недели осуществив то, к чему она безуспешно стремилась более двух лет...

Разрозненные, потерявшие боеспособность остатки старой русской армии и мелкие отряды «красногвардейцев» оказывали лишь символическое сопротивление захватчикам. Небольшие столкновения с немцами произошли на под-

ступах к Минску, Толочину, Калинковичам, Жлобину, Речице, Витебску, Гомелю, Ветке.

Только в Орше бои шли несколько дней, причем, по свидетельству коменданта Орши И. Ф. Скуратовича, немцам так и не удалось полностью захватить железнодорожный узел: они контролировали товарную станцию, а Орша-Пассажирская осталась в руках красных.

Формально война для большевистской России закончилась 3 марта 1918 г. заключением позорного Брестского мира.

Последний бой с немцами произошел 6–7 марта 1918 г., когда 2-й Гомельский красногвардейский отряд вытеснил германское подразделение из только что занятого им Добруша и отбил потерянный 3 марта свой бронепоезд.

ЛИТЕРАТУРА

Евсеев Н. Ф. ***Свенцянский прорыв (1915 г.). Военные действия на восточном фронте мировой войны в сентябре — октябре 1915.*** *Москва: Госвоениздат, 1936. — 272 с.*

Жилин А. П. ***Последнее наступление (июнь 1917 г.).*** *М.: «Наука», 1983. — 103 с.*

Оберюхтин В. И. **Барановичи 1916. Военно-исторический очерк.** *Москва, Госвоениздат, 1935. — 224 с.*

Подорожный Н. Е. ***Нарочская операция в марте 1916 г. на русском фронте мировой войны.*** *Москва: Воениздат, 1938. — 179 с.*

Ростунов И. И. **Русский фронт первой мировой войны.** *М.: «Наука», 1976. — 390 с.*

Фогель В. ***Барановичи. 1916 г.*** */пер. с нем. А. И. Далина/ Петербург: Госиздат, 1921. — 57 с.*

НЕ НАША ВОЙНА

Ольга Петровская

Эта статья российского автора интересна тем, что показывает: россияне, свихнувшие на идее своего имперского «величия», болезненно реагируют на всё, что ставит под сомнение эту идею. Понятно без лишних слов, что национально ориентированные исторические концепции, разработанные в «новых старых» государствах, возникших на руинах СССР, воспринимаются ими исключительно как враждебные. Для этой публики с воспаленными мозгами не русофобы только те, кто смотрят им в рот и словно попугаи повторяют выдумки российских державников от Карамзина до наших дней.

* * *

Для белорусов, проживавших в западных губерниях Российской империи, Первая мировая война стала труднейшим испытанием истории. Территория Беларуси оказалась театром боевых действий, а население непосредственно испытало на себе все тяготы военного времени, включая оккупацию и беженство.

В то же время белорусы не могут, как другие народы империи, гордиться успехами государственного и национального строительства в годы Первой мировой войны. Однако именно эти процессы (в представлениях нынешних белорусских элит, перед которыми стоит задача формирования национальной идентичности) призваны стать основной конструкцией исторического самосознания граждан независимой Беларуси.

Поэтому и в официальной историографии, и в историческом образовании советская эпоха, когда белорусы, пусть и формально, обрели государственность, более значима, чем период вхождения нынешних белорусских земель в состав Российской империи. Такой подход ведёт к тому, что «своей» самой важной войной белорусы сегодня считают Великую Отечественную, а Первая мировая остаётся для них чужой, значительно более далёкой, чем её истинное место в исторической хронологии, и по-прежнему империалистической.

1. ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Переход с цикличной на линейную систему преподавания истории в связи с сокращением срока обучения в средней школе Республики Беларусь окончательно унифицировал содержание исторического образования, так как оставил только два комплекта учебников: один по всеобщей истории, другой — по исто-

Из сборника «Первая мировая война: Историографические мифы и историческая память». Под ред. О.В. Петровской. Книга 1. Москва, 2014, с. 129–161. В статье было 180 сносок на источники. В целях экономии места я их устранил. Кроме того, снял несколько абзацев текста, не имеющих прямого отношения к рассматриваемой теме.

Нашу страну автор упорно называет Белоруссией, я заменил это колониальное название на Беларусь. — *Ред.*

рии Беларуси. Вместе с тем реформа пока не завершена, и в старших классах ещё используются учебники второго, обобщающего цикла.

Однако и старые, и новые учебники, затрагивающие период Первой мировой войны, написаны одними и теми же авторами, поэтому их тексты излагают одинаковые подходы и различаются лишь объёмом предлагаемых фактов. Те же историки являются и авторами наиболее тиражируемых и популярных вузовских учебников по истории Беларуси. Таким образом, можно говорить о существовании официальной концепции истории Великой войны, предшествовавших и сопутствовавших ей событий в системе исторического образования. Она построена на модифицированной доктрине советской историографии. В соответствии с ней в истории Беларуси (но не во всемирной истории) Первая мировая война не рассматривается как отдельное завершённое событие, так как ключевую роль в периодизации истории сохраняет Октябрьская революция 1917 г. Причём учебники для 9-го и 10-го классов написаны авторами с разными идейными убеждениями. В вузовских пособиях официального направления, излагающих всю историю Беларуси в одном томе, Октябрь 1917 г. также является основанием для деления на части и главы.

Анализ утверждённых Министерством образования РБ учебников истории показывает, что Первая мировая война играет существенно меньшую роль в историческом образовании, чем Вторая мировая. Объём материала, отведённого на Великую войну, в среднем в 2 раза меньше, а учитывая внимание к революциям, место, занятое непосредственно войной и особенно военными действиями, невелико. В учебниках по всеобщей истории акцент сделан на причины и итоги войны, а также вызванные ею социально-экономические изменения. Пособия же по национальной истории ограничивают события пределами белорусской территории.

В то же время в белорусской системе образования сохраняется и альтернативный сегмент. В вузах, особенно на исторических факультетах, активно используются учебные пособия с выраженным националистическим уклоном. Все события XX века, в том числе и Первую мировую войну, они рассматривают сквозь призму белорусского национального движения. Поэтому и периодизация истории здесь отлична. В частности, Октябрьская революция не рассматривается в качестве значимого для национальной белорусской истории события. Кроме того, в отличие от учебной литературы официального характера, Первой мировой войне уделяется значительно больше внимания, чем Второй мировой, что видно по объёму материала.

Вместе с тем государство и на уровне вузов стремится регулировать процесс преподавания, контролируя объём тиражей и продвигая учебники, соответствующие сегодняшним идеологическим представлениям.

В 2009 г. альтернативное учебное пособие с грифом Министерства образования РБ было выпущено и для средней школы. В этом случае президент А.Г. Лукашенко отдал дань своему учителю, доценту Могилёвского университета, ныне уже покойному, Я. Трещенку, приверженцу концепции западнорусизма. Эта идейная парадигма обусловила и особенность изложения событий первой четверти XX века в этом учебнике.

Правда, трудно сказать, насколько широко он используется в школе, так как учителей не ориентируют на возможность выбора учебных пособий. А издан учебник небольшим тиражом – немногим более 2 тыс. экземпляров, тогда как основные школьные учебники имеют тираж более 100 тыс. Не меняет положения и несколько больший тираж (5 тыс.) вузовских учебников под редакцией этого автора.

2. МЕСТО ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В СОВРЕМЕННОЙ БЕЛОРУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Изучение Первой мировой войны также не является приоритетным для белорусских историков и значительно уступает другим войнам и историческим событиям XX века, что обусловлено комплексом причин. Прежде всего к ним следует отнести наследие советской историографии, рассматривавшей мировую войну лишь как предпосылку Октябрьской революции и не проявлявшей интереса к империалистической «николаевской» войне в целом. Несмотря на то, что многие историки критикуют советскую историографию и декларируют пересмотр прежней концепции, в тенденции официальной белорусской исторической науки можно заметить возврат ко многим тезисам советской историографии. В первую очередь преемственность прослеживается в критике царского правительства, внимании к социальным проблемам, роли, которая отводится революциям в событиях 1914–1918 гг.

Особая роль, которая придаётся в белорусской идеологии Великой Отечественной войне, оставляет Первую мировую в тени и переносит на неё сформированное у белорусов неприятие Германии, немцев и нацизма.

Ещё одним фактором, определяющим особенность подходов к изучению Великой войны, является важность национальной составляющей белорусской истории на современном этапе государственного строительства и присущее в силу этого многим историкам стремление рассматривать войну через призму национального движения и выяснения причин провала национального проекта.

Наконец, следует учитывать и трудности изучения Первой мировой войны, обусловленные сменой в течение 1914–1918 гг. нескольких режимов (Российской империи, кайзеровской Германии, Временного правительства, советской власти) и отсутствием в Беларуси архивных материалов этого периода.

Тем не менее, несмотря на преемственность с предшествующим этапом развития, можно говорить о переходе в последние два десятилетия белорусской исторической науки на новую ступень изучения Первой мировой войны, которая характеризуется расширением тематики, попытками ликвидировать «белые пятна», появлением новых методов исследования. Магистральными направлениями исследований современных историков являются беженство (и благотворительная деятельность, направленная на помощь беженцам); состояние российской армии и военного командования на белорусских землях и их влияние на местное население; оккупационная политика немецких властей, в первую очередь в культурно-образовательной сфере; попытки национального самоопределения.

В настоящее время единственным комплексным научным исследованием Первой мировой войны в современной белорусской историографии можно назвать вышедшую в 2010 г. монографию М. Цубы «Первая мировая война в Беларуси в контексте мировых военных действий (общественный и военный аспекты)». Исследователь попытался объединить в ней военные действия и состояние российских армий, дислоцированных на территории Беларуси, с эволюцией настроений и положения белорусского общества в годы войны.

Существуют и другие обобщающие работы по теме, но они дифференцируются по региональному и национальному признакам. Так, в последние десятилетия в Беларуси созданы многочисленные истории регионов, городов, местечек и районов, которые неизбежно включают главу о Первой мировой войне. Большую роль в этом отношении играет серия книг «Память», изданная при поддержке местных органов власти. Книга В. Черепицы «Город-крепость Гродно в годы Первой мировой войны» – пример регионального исследования, специально посвященного Великой войне. С учетом полиэтничного и поликонфессионального прошлого белорусской территории, закономерно появление национальных историй евреев и поляков, также содержащих разделы о Первой мировой.

В отличие от унифицированной учебной литературы профессиональная историография плюралистична. Различия в подходах обусловлены политической ориентацией и отношением к России. Для национал-романтической историографии характерны гипертрофированное внимание к этнонациональным проблемам и нескрываемая русофобия. На сходных позициях стоит эмигрантская литература и польская белорусистика.

Историки, придерживающиеся официального курса, не особенно благожелательно относятся как к самой войне, так и к участию в ней России. Социальные проблемы в годы войны для этой группы исследователей не менее важны, чем национальные.

Существует и пророссийское направление исследований, представленное Я. Трещенком, В. Бондаренко, В. Черепицей и др. Ему свойственны обращение к героике войны, апологетика руководства Российской империи и стремление вернуть название войны как Второй Отечественной. Эту группу исследователей отличает и наибольший интерес к Первой мировой войне.

В целом белорусские историки предпочитают исследовать события войны на белорусской территории, а также судьбы белорусов за её пределами Международные же аспекты войны ими практически не изучаются.

3. ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВОЙНЫ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ БЕЛОРУССИИ

Причины и виновники Первой мировой войны

В официальной историографии Беларуси, на позиции которой сегодня перешло большинство историков, твёрдо придерживаются традиционного советского тезиса о противоречиях крупнейших европейских государств и их

борьбы за рынки сбыта и источники сырья. В учебной литературе эта концепция не подвергается сомнению на протяжении всего времени существования независимой Беларуси.

В «Гісторыі Беларусі" под редакцией Л. Лойко основными предвоенными противоречиями называются англо-германские и российско-германские, а вина за развязывание войны однозначно перекладывается на Германию, которая, по мнению авторов, хотела оторвать от России и захватить Польшу, Финляндию, Белоруссию и Украину. О том, что Германия была инициатором гонки вооружений, пишет и В. Кошелев в учебниках по всемирной истории. Он также подчёркивает, что после сараевского инцидента 1914 г. можно было избежать войны, однако Германия посчитала этот момент благоприятным для того, чтобы «расправиться с Францией на западе, пока медлительная Россия не развернула свои вооружённые силы на востоке».

В то же время В. Кошелев утверждает, что «оба военно-политических блока преследовали агрессивные цели». Он также склонен обвинять правительства европейских держав, которые не прислушивались к требованиям участников движения против гонки вооружений. И уточняет: «Сначала всю вину возлагали на Германию... Однако со временем стало ясно, что проблема ответственности более сложная. Большинство историков стали склоняться к тому, что в развязывании Первой мировой войны в той или иной степени виноваты все её главные участники».

Несмотря на эту модификацию в русле современных европейских историографических тенденций, последнее поколение школьных белорусских учебников, в отличие от двух предшествующих, всё же старается не использовать историю Российской империи для формирования антироссийских настроений, поэтому в числе ответственных за развязывание войны она прямо не называется, акцент на её агрессивности не делается. Однако за пределами школы национальная историческая литература активно применяет советские клише. «Царский режим скрывал свои истинные цели в войне, прикрывая их псевдопатриотическими лозунгами солидарности с сербами, черногорцами, поляками и другими славянскими народами», — утверждается, например, в истории Пинска. Автор монографии о Беларуси в Первой мировой войне М. Цуба в числе главных виновников называет «несколько коронованных особ ведущих европейских государств вместе со своими военными советниками».

Гродненский же профессор В. Черепица полностью снимает вину с России и объясняет вовлечение её в войну исключительно влиянием антирусских сил: мирового масонства и агрессивных кругов Германии и Австро-Венгрии.

Представители другого — националистического — течения белорусской историографии, как правило, не интересуются причинами войны. Однако в среде белорусской эмиграции можно найти оригинальную национальную концепцию. Автор её, Ю. Веселковский, рассуждая о причинах войны, во главу угла ставит национальные противоречия внутри империй, «хроническую болезнь» игнорирования права меньшинств на самоопределение, называя их основной причиной неизбежного вооружённого конфликта. Он подчёркивает, что «в идеологии этой безответственной войны лежали планы дальнейшего наступле-

ния великодержавных экспансивных империализмов-национализмов, которые и дальше были готовы удерживать угнетённые народы под своим господством и эксплуатацией».

При этом автор книги «Беларусь в Первой мировой войне» разоблачает тезис о том, что великие державы будто бы вступились за малые – Бельгию и Сербию. Он обвиняет все страны, «амбиции, престиж и эгоизм» которых «превысили здравый рассудок», в том, что они не были заинтересованы в сохранении мира. При этом среди виновных выделяется Россия, которая, по мнению автора, якобы выступила в защиту Сербии, а на самом деле хотела пробиться к Средиземному морю и поэтому объявила мобилизацию. Из этого Ю. Веселковский делает вывод, что Россия несёт не меньшую ответственность за развязывание конфликта, чем Германия и Австро-Венгрия. Белорусские историки обращают внимание на то, что польские, украинские и белорусские земли были предметом противоречий России с Германией и Австро-Венгрией, но в отличие от украинских коллег не превращают Беларусь в камень преткновения великих держав.

Российская армия и военные действия в годы войны

В научной литературе после 1991 г. только в монографии М. Цубы системно и достаточно подробно в хронологическом порядке излагается ход военных действий, а также рассматриваются сущность и значение наиболее крупных военных операций. Отдельные авторы стремятся показать героические страницы обороны белорусских земель в соответствии с задачами патриотического воспитания, что отражается в материалах главного белорусского исторического журнала «Беларускі гістарычны часопіс», в значительной степени ориентированного на учителей, а также появившейся в последнее время литературе публицистического характера. Однако количество таких работ невелико.

Незначительная роль, которая отводится военной истории в белорусской исторической науке, становится ещё более заметной при анализе учебной литературы. Из него следует, что белорусская молодёжь едва ли может получить адекватные представления о боевых действиях во время Первой мировой войны. Они не занимают много места в повествовании, что особенно заметно на фоне объёмных текстов о социальной и национальной борьбе.

Так, в учебниках по всеобщей истории подчёркивается, что в 1915 г. основную тяжесть войны несла Россия, «обеспечив Франции и Англии столь необходимую передышку», но ничего не говорится о конкретных военных операциях на Восточном фронте. Из всех событий на этом направлении упоминается лишь Брусиловский прорыв 1916 г., в ходе которого австро-германские войска, как подчёркивает автор этих учебников, понесли большие потери – 5 млн убитых, раненых и пленных. Часть пособий по истории Беларуси заканчивают описание военных действий октябрём 1915 г., когда стабилизовавшийся по линии Двинск – Вильно – Поставы – Барановичи – Пинск фронт разделил Беларусь на две части, другие упоминают наступательные операции российской армии 1916 г. в районе озера Нарочь и города Барановичи. Каких-либо подробностей сражений, их роли в ходе войны и последствий, как правило, не при-

водится, за исключением, пожалуй, упоминания в учебниках Е. Новика того, что полностью разрушенная Сморгонь вошла в историю как «мёртвый город» и «место жестоких газовых атак немцев». А З. Шибека в этом случае добавил, что за неудачную попытку прорвать фронт в районе Барановичей русская армия заплатила потерей 80 тыс. солдат.

Невнимание белорусских исследователей к специальному изучению дипломатической истории войны повышает значимость учебной литературы для выяснения доминирующих представлений по этим вопросам. Так, В. Кошелев в учебниках по всеобщей истории ключевое значение отводит вступлению в войну США. По его мнению, именно они обеспечили победу Антанте, перебросив в Европу более 20 дивизий (более 1 млн человек), так как после Февральской революции боеспособность русской армии неуклонно снижалась. О значении же действий русской армии, её боеспособности, взаимоотношениях с союзниками по Антанте и жертвах русской армии в пользу Антанты как в школьных учебниках, так и большинстве вузовских речь не идёт. Лишь некоторые пособия для студентов упоминают, что военный потенциал России был в 3–4 раза меньше, чем у союзников, но тем не менее российская армия сдерживала натиск 40 % австро-германской армии.

С этой точки зрения из общей массы выделяется пособие Я. Трещенка, где утверждается, что война приняла затяжной характер из-за противоречий внутри Антанты, и на Восточном фронте были понесены наибольшие потери союзников: «Русская армия истекала кровью. На тысячу солдат английская армия потеряла 6 человек, французская – 59, а русская – 85».

Следует отметить, что первые национальные учебники начала 90-х гг. прошлого века ещё перекладывали часть вины за поражение российской армии в 1915г. на западных союзников, которые не оказали России существенной помощи в тяжёлое для неё время. Нынешние школьные пособия официального направления ограничиваются сухими фразами: «Российская армия вынуждена была покинуть значительную часть территории Беларуси». Только Я. Трещенок открыто обвиняет Антанту в том, что, принудив Россию мобилизовать 14-миллионную армию, союзники плохо выполняли свои обязательства по вооружениям, поэтому русских солдат «бросали в атаку безоружными, чтобы они поднимали винтовки убитых и раненых».

Я. Трещенок – единственный, кто привлекает внимание читателей к тому, что на Западе и в России по-разному понимали союзнический долг, поэтому Россия каждый раз приходила на помощь Франции, не считаясь с подготовленностью и обеспеченностью этих операций, – она спасла Париж и в августе-сентябре 1914 г., и в марте 1916 г., потеряв в Нарочской операции 100 тыс. человек.

Неизмеримо больше места, чем боевым действиям, в белорусской историографии и учебной литературе уделяется самой российской армии, квартировавшей на территории Беларуси. Такой подход объясняется тесной зависимостью жизни белорусов от российских военных в годы войны. Именно российская армия, по общему мнению историков, определяла судьбу Беларуси и её народа в то время. Её военные неудачи по-прежнему, как правило, объясняются военно-технической и экономической отсталостью страны из-за бездарного командо-

вания и его зависимости от союзников по Антанте. Однако есть и исключения. Так, В. Черепица не видит в поражениях вины правительства, сделавшего, по его мнению, до войны всё возможное для строительства государственной обороны.

Неизменно подчёркивается, что в Беларуси была размещена 1,5-миллионная царская армия (на территории, оккупированной Германией, армия насчитывала 1 млн человек). В «Гісторыі Беларусі» под редакцией Я. Трещенка к военным добавляется ещё и 1 млн тылового персонала. Все учебники сообщают, что сначала в Барановичах, а затем в Минске находилась Ставка Верховного главнокомандующего российской армией, функции которого сначала выполнял родственник царя, а затем сам Николай II.

В качестве других доказательств тезиса о тесной связи жизни белорусов с армией приводятся и такие: в Минске квартировал штаб Западного фронта и разместились 150 тыс. военнослужащих, города и местечки были переполнены штабами, госпиталями, складами, мастерскими по ремонту оружия. Делаются выводы: «офицеры и солдаты, созванные со всей России, составляли большую часть взрослого мужского населения Беларуси», или «количество вооружённых людей далеко превосходило количество взрослого гражданского населения».

Ещё в начале 90-х гг. XX века была заложена достаточно прочная традиция показывать негативный облик тыловых служб, с которыми соприкасалось местное население, например: «Казнокрадство, взяточничество, спекуляции были широко распространены в интендантских службах армии». В новейшей литературе эту точку зрения поддерживает гродненский историк Л. Павлов, исследовавший продовольственные поставки российской армии и пришедший к выводу, что они не соответствовали установленным нормам эшелонирования, качеству продукции, осуществлялись в неполном объёме и даже срывались. В этой ситуации, отмечает он, снижались нормы пайка, вводились мясопустные дни, что отражалось на морально-боевых качествах военнослужащих. Помимо объективных причин плохого снабжения армии продовольствием (огромная численность армии, неурожай 1916 г., сокращение посевных площадей) Л. Павлов выделяет субъективные – недостатки системы управления на разных уровнях руководства.

Внимание многих белорусских исследователей привлекает проблема дезертирства в российской армии, когда целые части отказывались идти в наступление. Специально ей посвятил свою работу А. Зябко, подчёркивающий антивоенный характер бегства, что, по его мнению, стало главной причиной развала российской армии. Причинами дезертирства называются усталость, желание мира, угроза разорения домашнего хозяйства и гибели семьи, пополнение армии в 1916–1917 гг. лицами со слабой военной подготовкой и низкой мотивацией к участию в войне. Приводятся данные Ставки о дезертирах, составивших с августа 1915 по март 1917 г. 136000 человек34. А З. Шибека подчёркивает, что после начала переговоров с немцами (февраль 1918 г.) на Западном фронте от некогда 2-миллионной армии осталось лишь 70 тыс. солдат.

Такое огромное количество военных, как показывает белорусская литература, делало белорусов зависимыми от того, что происходило в армии. Ситуация же на Западном фронте, в свою очередь, определялась тем, что происходило в

центре России. По общему убеждению историков официального направления, солдаты дружно приветствовали революцию, так как надеялись, что она приведёт к окончанию войны. Под влиянием большевистской пропаганды они братались с солдатами противника и выступали против офицеров.

Очевидно, что авторы стремятся привлечь внимание к белорусам, которые служили в российской армии. По подсчётам белорусских историков, из Витебской, Минской и Могилёвской губерний было призвано 634.636.600 человек, а погибло на фронте 100 тысяч уроженцев Беларуси. Школьные учебники выделяют героев-белорусов среди российских героев (С. Бойна-Родзевич, М. Зданович) и призывают учащихся посетить памятники павшим в годы Первой мировой войны в своей местности.

Историк националистического направления З. Шибека много внимания уделяет белорусскому движению в армии, подчёркивая, что на белорусскую сторону встали некоторые генералы — К. Алексеевский, К. Кондратович, И. Пожарский. А после августа 1917 г. в армии была создана разветвлённая сеть белорусских организаций, которые охватывали Беларусь, Россию, Украину, Эстонию и Молдавию, готовилась почва для их объединения. Он считает создание белорусских военных организаций неизбежным и объясняет это тем, что российская армия разваливалась и не могла защитить Беларусь от немецких оккупантов, а мирное население — от российских дезертиров. Соответственно, приветствуется решение генерала Н. Духонина о создании белорусских национальных частей российской армии. По мнению З. Шибеки, который сетует, что ни одно из решений о создании белорусских воинских подразделений не было воплощено на практике, в созданном летом 1917г. польском корпусе генерала И. Довбор-Мусницкого белорусы-католики составляли от 40 до 60 %.

Предметом особых волнений националистической историографии являются неудачи в формировании белорусских воинских частей, распылённость белорусских солдат по разным фронтам, что считается одной из важных причин неудачи проекта собственной государственности в годы войны.

Оккупационная политика Германии

Жизнь белорусов в немецкой оккупации достаточно интенсивно исследуется в исторической литературе независимой республики, так как Германия в 1915 г. захватила четверть современной территории Белоруссии, где до войны проживало 2 млн человек. Предметом исследований являются организация власти и оккупационная политика, преимущественно в сфере просвещения.

Германия однозначно признаётся врагом белорусского народа, подчёркивается, что образ немцев в годы войны имел негативный характер.

В белорусской историографии нет единого мнения относительно планов Германии на белорусские территории. Официальная историографическая концепция строится на том, что Германия хотела отнять Беларусь у России, хотя и признавала её экономически и культурно отсталой частью империи со своей этнографической спецификой. С. Морозова, В. Сосна, С. Панов утверждают, что у германского командования существовала программа колонизации и германизации Беларуси путём переселения немцев на захваченные земли47.

Вместе с тем значительная часть историков, не исключая национально ориентированных, утверждают, что Германия не собиралась разрушать Российскую империю. Главным для Вильгельма II было экономически привязать Россию к Германии, использовать её как источник сырья и рынок сбыта, поэтому территориальные претензии немцев были умеренными: создать буферное польское государство и аннексировать Литву и Курляндию. Беларусь же рассматривалась как часть Российской империи, поэтому земли военно-операционной полосы Германия якобы собиралась вернуть русскому царю. Есть исследователи, которые утверждают, что Германия вообще не имела в начале войны планов в отношении Беларуси, а её политика в дальнейшем формировалась под влиянием белорусского национального движения и особенно создания Белорусской народной республики (БНР).

Признавая издержки «нового порядка» (пресс налоговой политики, случаи лишения имущественных прав, телесные наказания, роспуск общественных организаций, реквизиции, принудительные работы на объектах военного строительства), историки-националисты находят в нём много позитивных черт, особенно в сравнении с действиями российских представителей на другой части белорусских земель. Немцы, по их мнению, развивали самоуправление, не создавали препятствий в экономической деятельности, более того, содействовали обеспечению поместий и предприятий рабочей силой; проводили либеральную образовательную и религиозную политику.

В частности, главной заслугой оккупационных властей признаётся введение обязательного обучения на родном языке в соответствии с принципом «народности и религиозной толерантности», подчёркивается, что «никто не заставлял родителей посылать детей в школы, если они считали, что язык обучения для них неприемлем». Читателей подводят к мысли, что именно немцы, а не русский царь, дали белорусам широкие права и предоставили больше возможностей для реализации белорусского национального проекта. В целом, по их мнению, заслуга немцев состояла в том, что они несколько ослабили духовный натиск русских и поляков.

Белорусский идеолог Е. Новик в этом списке оставляет лишь поляков, полагая, что действия Германии были направлены на предотвращение польского засилья на белорусских землях. Помимо школ он упоминает созданные при участии немцев белорусские издательства, газеты и журналы.

В вузовском учебнике под редакцией Л. Лойко, так же как и в книге З. Шибеки, утверждается, что немцы старались действовать гораздо более гибко в сравнении с царским правительством в отношении национальных проблем. Более того, немецкая администрация попыталась использовать белорусское национальное движение в своих целях, пообещав, что «освобождённые от России земли вновь не вернутся под российское ярмо». Белорусские деятели во главе с братьями Луцкевичами, как полагают авторы, просто не могли не использовать эту ситуацию и развернули активную деятельность по государственному самоопределению.

В школьном учебнике уже трудно увидеть позитивные черты в германской оккупационной политике. Здесь авторы ставят на первое место реквизиции,

штрафы, налоги, жестокие кары за сопротивление, грабёж лесных богатств Беловежской пущи и пр. Что же касается национальных проблем, то их сущность излагается в одном предложении: «Германские власти запретили обучение по-русски и ввели в начальной школе преподавание на белорусском языке, но только на основе латинского алфавита». Значение этой акции ещё больше снижается добавлением фразы, что обязательным было и изучение немецкого языка.

О деятельности и идеях братьев Луцкевичей в учебнике под редакцией Л. Лойко упоминается, но оценок не даётся. Утверждается, что оккупационные власти поддерживали идею возрождения Великого Княжества Литовского (ВКЛ) лишь на словах, а правительства европейских держав остались глухими к потребностям белорусской нации. В курсе лекций под редакцией П. Бригадина объясняется это тем, что Антанте нужна была не Беларусь, а царская Россия, которая продолжала бы войну. Он также считает, что идея возрождения ВКЛ в тот момент была уже утопией.

В целом, в сравнительном описании действия Германии и России по отношению к белорусскому населению по обе стороны фронта в белорусской литературе выглядят похожими, некоторые авторы даже не разделяют их, а в работах националистического характера стараются привести факты в пользу Германии. Только Я. Трещенок выдвигает резкие обвинения в адрес немцев как нации и тех, кто с ними сотрудничал, а также проводит прямые параллели с событиями Второй мировой войны. В частности, автор пишет, что в Германии национальный порог жестокости никогда не был высоким, поэтому уже в годы Первой мировой войны «жертвами репрессий становились старики, женщины, дети, сжигались селения, применялась система заложников». Подробное описание здесь немецких злодеяний направлено в первую очередь на то, чтобы убедить читателей в «омерзительном поведении» белорусских националистов и бундовцев, поспешивших в услужение оккупантам.

Однако за исключением Я. Трещенка никто не оценивает столь негативно деятельность белорусских националистов. В националистической и официальной историографии не прослеживается разницы в оценках белорусского национального движения на оккупированных территориях. Основное отличие заключается в том объёме, который отводится этим проблемам в разделах о Первой мировой войне. Так, в вузовском учебнике З. Шибеки белорусскому национальному движению до Февраля 1917 г. посвящено восемь страниц, а в сопоставимом по объёму вузовском учебнике под редакцией Е. Новика – лишь две. Если для первого автора центральными в теме Первой мировой войны являются национальные процессы, то для второго – социальные. Лишь для учебников Я. Трещенка с их пророссийской концепцией характерно подчёркивание слабости белорусского национального движения и узости его социальной базы.

Националист З. Шибека считает белорусское движение на оккупированной немцами территории наиболее активной его частью, а Вильно называет «белорусской Меккой». Он подчёркивает, что именно здесь белорусскими либералами во главе с В. Ластовским была впервые выдвинута идея независимости. Вместе с тем даже он не переоценивает результаты национальных процессов на этих землях.

Основной проблемой национального движения историк считает недостаток белорусской интеллигенции и активистов, в том числе учителей, для полноценного использования благоприятных условий и ведения культурно-просветительной работы, а также конкуренцию поляков: «Перевес поляков в интеллектуальных и материальных силах с неизбежностью вёл к полонизации белорусов в условиях, когда русское противостояние снималось».

Ещё большее внимание на принудительную полонизацию белорусов, которая вызывала недовольство местного населения, обращает Е. Новик. Авторы всех учебников указывают на такие причины нежизнеспособности идей возрождения польско-белорусского или литовско-белорусского государств, как раскол в белорусском национальном движении, межнациональные противоречия и избирательная национальная политика оккупационных властей.

Иначе говоря, поиск в немецкой оккупационной политике по отношению к белорусам позитивных черт можно считать достаточно распространённым даже в учебной литературе. Несмотря на сдержанность в этом отношении официальных школьных пособий, они не показывают существенной разницы между немецкой и российской политикой на белорусских землях в годы войны. Ещё меньше различий в официальной и националистической историографии в оценках белорусского движения в годы войны. Исключением из общей тенденции являются учебники Я. Трещенка, мало используемые в историческом образовании.

Белорусы на территории Российской империи в годы мировой войны

Вопрос об отношении общества к войне, непосредственно связанный с его лояльностью к власти, белорусские историки относят к важным и пытаются ответить на него, исследуя самые разные аспекты истории Первой мировой войны. Однако единства мнений по этой проблеме, как и по многим другим, не прослеживается. В курсе лекций под редакцией П. Бригадина указывается, что политику правительства поддержали имущие классы. Я. Трещенок считает слишком упрощённым советский тезис о «нежелании масс воевать за российских помещиков и капиталистов».

В учебниках по всеобщей истории и по истории Беларуси, где авторство глав принадлежит Е. Новику, повествуется о патриотическом подъёме летом 1914 г., который приобрёл особенный размах в Могилёве. Однако в вузовском учебнике Е. Новик прилагательное «патриотический» пишет без кавычек, а в школьном, так же как и в учебнике С. Морозовой, В. Сосны и С. Панова по истории Беларуси для 9-го класса, закавычивает его, как бы предлагая сомневаться в наличии патриотических настроений. Авторы учебника для 9-го класса явно не на стороне тех, кто поддерживал войну. Они пишут, что манифестации и молебны за «победу славянского оружия» организовывало царское правительство, и сетуют, что осуждавшую войну газету «Наша нива», редактором которой тогда был Я. Купала, обвиняли чуть ли не в измене Родине. С. Морозова, В. Сосна и С. Панов с неодобрением упоминают о том, что Николай II в октябре 1914 г. побывал в Минске, где ему была передана большая сумма денег, и подчёркивают,

что ура-патриотические настроения быстро сменились разочарованием, так как с начала 1915 г. российские войска начали терпеть поражения.

Е. Новик обращает внимание на особую форму крестьянского движения – стихийные погромы, сопровождавшиеся грабежами имущества помещиков и торговцев и достигшие пика в 1915 г. М. Цуба и А. Зябко, исследуя характер этих крестьянских выступлений, совпавших с мобилизацией, приходят к единодушному мнению, что они не носили антивоенного характера. Причины нападений на помещичьи имения, погромов винных магазинов и складов А. Зябко видит в застарелых крестьянско-помещичьих отношениях и «сухом законе». Антивоенный характер, как полагает этот историк, имели еврейские выступления, но они не были массовыми. Саму мобилизацию, в ходе которой к пунктам сбора явилось 96 % призывников, он оценивает как результативную, но делает вывод, что высокого патриотического подъёма среди крестьян, в отличие от городского населения, не было. Он объясняет это тем, что в глазах крестьян война была угрозой хозяйству и семье, к тому же для них были неясны её цели. М. Цуба подчёркивает, что настроения населения колебались, и приводит донесения о недовольстве по отношению к царю.

Вместе с тем подходы к описанию начального периода войны в официальной исторической науке отличаются от тех, что предлагает националистическая историография. Так, в учебнике начала 1990-х гг. говорилось, что «массовая идеологическая кампания, которую развернули царское правительство, правые партии и православное духовенство, вылилась в разгул шовинизма, причём «особенным шовинизмом, как и раньше, выделялись газеты „Северо-Западный вестник“ и „Виленская жизнь“». А в книге З. Шибеки настроения населения называются «квазипатриотизмом» и подчёркивается, что в условиях жёсткого военно-полицейского режима иные проявления общественно-политической жизни были просто недопустимы.

В учебной литературе сложилась прочная традиция показывать Первую мировую войну как чуждую белорусскому народу. Е. Новик называет её «ненавистной народу», вторят ему и С. Морозова с соавторами, по мнению которых война принесла неисчислимые бедствия белорусскому народу. При этом специально подчёркивается, что 80 % белорусов составляли крестьяне, а также небольшое количество горожан, а вот господствующие классы были инонациональными. По мнению Е. Новика, «среди помещиков преобладали представители русской и польской национальностей, а среди буржуазии – еврейской». Я. Трещенок, исходя из своих идейных убеждений, о русских помещиках не вспоминает и пишет, что элиты в большинстве являлись поляками-католиками и отношения их с белорусскими крестьянами были традиционно напряжёнными, но не оспаривает тот факт, что торговля находилась в руках еврейской буржуазии с вытекающими отсюда национальными противоречиями («еврейские погромы возникали совсем не на пустом месте»).

Значительные усилия историков направлены на то, чтобы нарисовать тяжёлую картину быта белорусов прифронтовой полосы Российской империи, обусловленную мобилизацией более половины мужского населения на фронт, массовыми реквизициями скота, продуктов питания и фуража, введением во-

енного положения, ограничившего свободу. Показывается, что переполнение городов военными вело к дефициту, росту цен, спекуляции, голоду. Эвакуация привела к сокращению в прифронтовой полосе православного населения в пользу католиков и иудеев. Мобилизация, обращают внимание исследователи, оставила семьи без кормильцев — некому было засеять поле.

По подсчётам В. Корнелюка, из пяти белорусских губерний в 1914–1917 гг. было мобилизовано 900 тыс. человек, или 8,3 % численности населения, а всего из хозяйственной жизни было выведено 13,8 % довоенного работоспособного населения. Однако, подчёркивают историки, невзирая на сельскохозяйственные нужды, к рытью окопов, ремонту дорог и мостов привлекалось почти всё работоспособное население прифронтовых деревень Минской и Витебской губерний.

Если в литературе, придерживающейся официального курса, в том числе учебной, эти сведения направлены на формирование негативного образа войны в целом, то в учебниках националистического толка они носят явно антироссийский характер: «Тут маршировали российские войска, а интенданты обирали местных горожан и военных». Д. Киселёв убеждён, что царское и Временное правительства отводили белорусским губерниям лишь роль поставщика, не учитывая при этом их потребностей и возможностей. В. Ляховский рисует картину негативного воздействия войны на систему образования, акцентируя внимание на том, что многие вывезенные образовательные учреждения не вернулись. По его мнению, наибольшее негативное влияние войны проявилось в изменении морально-психологического состояния детей, «среди которых укоренились бескультурье и вредные привычки».

В начале 1990-х гг. первые национальные учебники по инерции ещё уделяли много внимания проявлениям социального протеста населения. Правда, основной целью анализа социальной борьбы являлось доказательство, что «рабочее движение было незначительным по своим масштабам», крестьянское — имело свои особенности, но в целом до Февраля 1917 г. революционного подъёма в Беларуси, в отличие от России, не было.

Сегодняшние националисты уже практически не обращают внимания на социальную борьбу, полностью переключившись на национальную. А вот представители официальной историографии делают социальную борьбу более значительной темой повествования. Между тем и они не считают рабочее движение на территории Белоруссии массовым, но объяснения этому находят только в карательных мерах, наличии большого количества войск, полиции и жандармерии на прифронтовой территории.

Беженство, явившееся результатом наступления Германии и имевшее широкий масштаб, рассматривается как одна из главных бед белорусов в годы войны, даже как катастрофа. Подчёркивается, что власти Российской империи в ходе эвакуации позаботились лишь о чиновниках, служащих и православных священниках. Не только историки националистической ориентации обращают внимание на насильственный характер выселений. М. Смольянинов, описывая «тактику выжженной земли» и принудительную эвакуацию, подчёркивает, что 20 июня 1915 г. Верховному главнокомандующему доложили об «унынии,

озлобленности и смуте среди населения, порождаемых бессистемной эвакуацией, уничтожением целых селений», что и привело к прекращению эвакуации. Такой же точки зрения придерживается С. Лапанович, который считает, что летом 1915 г. численность беженцев в результате насильственных выселений достигла размеров, угрожавших внутренней стабильности страны.

В белорусской историографии нет единого мнения о количестве беженцев с белорусских земель. Их численность оценивается в 1,2–1,5 млн, 1,7 млн, 2 млн человек. Курс лекций под редакцией П. Бригадина опирается на официальные сведения Комитета великой княгини Татьяны Николаевны по оказанию помощи потерпевшим от военных действий, согласно которым количество беженцев составляло 1.130.042 человека, причём большинство – выходцы из Гродненской губернии (750.680 человек). В свою очередь, белорусские земли, как подчёркивает М. Цуба, явились основным местом размещения беженцев из Польши. По официальным данным, на территории Витебской, Минской и Могилёвской губерний осенью 1916 г. находилось 287.250 беженцев разных национальностей, но, как полагает историк, это далеко не полная цифра.

Авторы всех учебников не жалеют красок, рисуя тяжёлое положение людей, вынужденных покинуть свои дома, которых царские власти стремились ещё и использовать как дешёвую рабочую силу. Практику правительства распределять беженцев по всей России З. Шибека объясняет тем, что голодные и обездоленные представляли угрозу для местной власти. Опираясь на свидетельства участников съезда беженцев в Москве в 1917 г., он описывает печальную участь белорусов в России, которых «выгоняли из городских квартир, прогоняли из деревень, не давали хлебных пайков, первыми увольняли с промышленных предприятий».

Одно из развивающихся направлений белорусской историографии – изучение деятельности, направленной на помощь беженцам, таких благотворительных организаций, как Всероссийский союз городов, Всероссийский земский союз, Татьянинский комитет. Наиболее активно занимается этой темой С. Лапанович, исследовавший законодательную базу, организацию помощи и её результаты как во внутренних российских губерниях, так и на территории Белоруссии. Согласно его выводам в работе негосударственных организаций, которые чаще строились по национальному принципу, отсутствовали координация действий, имели место жёсткая конкуренция и беспринципная борьба за казённые средства.

По мнению В. Корнелюка, эвакуация и беженство способствовали усилению чувства этнического отличия от коренного населения внутренних российских губерний. Националистическая же историография подчёркивает сильное негативное влияние беженства на судьбу белорусского национального движения. По утверждению историков этого направления, стали беженцами и были мобилизованы в армию самые образованные и активные белорусы – «война вытолкнула их из самого сердца Белоруссии... и раскидала по всему свету». А их место заняли русские, которые сгонялись в прифронтовую полосу, чтобы быть там военными, рабочими военных предприятий или чиновниками. Эти демо-

графические изменения, по их мнению, ослабили белорусское национально-освободительное движение и усилили прорусские настроения.

Такой подход позволяет создать впечатление о массовом характере национального движения, хотя даже З. Шибека признаёт его проблемы: распылённость белорусов по всей империи, деление на сторонников и противников автономии, противодействие сторонников западнорусизма. Несмотря на то, что факты вынуждают признать слабость белорусского национального движения, главное для националистической историографии в целом – это представление о собственном самоопределении белорусов и создании своего государства как единственной возможной дороге прогресса.

Напротив, Я. Трещенок убеждён в том, что белорусское крестьянство не отделяло себя от российского в этническом отношении, поэтому белорусское национально-демократическое движение не имело влияния среди крестьян, что особенно было заметно на фоне польской и еврейской активности. Более того, оно часто воспринималось откровенно враждебно. А в курсе лекций П. Бригадина подчёркивается, что по мере возрождения Польши часть польской общественности Беларуси и Литвы постепенно перешла на позиции национальных демократов (эндеков) и выступала за присоединение к Польше. Следовательно, как показывают некоторые вузовские учебники, существовали и иные пути самоопределения. Поэтому именно войну и спровоцированные ею революции большинство авторов определяют как фактор, активизировавший белорусское движение.

Условия для белорусского движения «под царским ярмом» З. Шибека оценивает как несравнимо худшие, чем под немецкой оккупацией, поскольку правительство «разрешало только белорусские комитеты помощи беженцам и то с большой неохотой», а на незанятой немцами белорусской территории не выходило ни одной белорусской газеты. Тем не менее он признаёт, что наиболее активным белорусское движение всё же было среди беженцев и военных, то есть на российской стороне. Он объясняет это тем, что более половины мужского населения белорусских губерний было мобилизовано, а также тем, что только на чужбине, где притесняли белорусов, могли пробудиться настоящие патриотические чувства.

Е. Новик же ведёт рассказ о белорусском национальном движении, стараясь не разделять его на германскую и российскую части, и объясняет активизацию белорусского национального движения Февральской революцией.

Таким образом, негативный образ войны в целом, который усиленно формируется в белорусской историографии, отражается и на оценке политики российской власти, которая показывается неспособной вести войну, наладить эвакуацию, оказать помощь беженцам. Наиболее негативный взгляд представлен в националистической историографии, для которой характерен приём сравнения с немецкой зоной оккупации не в пользу российской. А самым большим несчастьем белорусов в годы Первой мировой войны все учебники считают беженство, приведшее не только к физическим страданиям народа, но и к распылению его пассионарных национальных сил.

Первая мировая война и российские революции

Революционные события дают белорусским историкам повод оценить действия руководства Российской империи, но и в этом вопросе взгляды их расходятся. В националистической историографии, рассматривающей династию Романовых в качестве врага белорусского народа, падение Романовых не вызывает никакого сожаления. Пассажи из труда З. Шибеки отражают весьма критичное отношение к правящим кругам Российской империи националистического исторического сообщества Белоруссии в целом. «Царская шайка, — пишет З. Шибека, — настолько самоизолировалась, что достаточно было выйти 23 февраля на улицы Петрограда голодным женщинам-работницам, чтобы потом к ним присоединился весь рабочий люд столицы и военные петроградского гарнизона. Ни одно крупное военное подразделение, ни одна политическая партия не встала на защиту Николая II».

Он крайне негативно оценивает 150-летнее правление Романовых на белорусских землях:

> Российский царизм оставил после себя тяжёлое наследие. Край раздирала непримиримая вражда между белорусскими землевладельцами, которых толкали к польскости, и белорусскими крестьянами, которых по религиозному признаку заманивали в русскость. Экономика оставалась слаборазвитой. За годы царского господства белорусские земли лишились навыков политического самоуправления, национально перспективного униатства, профессионального искусства, основанного на местных традициях и выращенного на шляхетско-крестьянской почве третьего сословия. Белорусский народ служил стеной во всех основных военных конфликтах, в которых участвовала царская Россия. (....) Русское самодержавие методично уничтожало местную элиту (1830, 1863, 1905 гг.).

Иначе говоря, главная вина российского руководства, по убеждению З. Шибеки, состояла в препятствии развитию белорусского этноса, который, тем не менее, вопреки усилиям России сохранился по следующим причинам:

> Белорусов спасли от денационализации достаточно большая численность, польско-русское противостояние, наличие собственной историко-культурной традиции и непривлекательность имперских идеалов.

Идейные единомышленники этого историка пишут, что отречение Николая II было встречено в Белоруссии с радостью.

Современные школьные учебники, наиболее чётко отражающие сущность официального направления в историографии, стараются уйти от оценки самодержавия, воздерживаются от резкой и негативной оценки действий руководства Российской империи, хотя кое-где проскакивают фразы о его неспособности снять напряжение в обществе, доведении народа до отчаяния. Не оценивают они позитивно и национальную политику Российской империи в отношении белорусов. В целом официальной белорусской исторической науке по-прежнему свойственно искать причины революции в просчётах власти:

неудачах Первой мировой войны, обнищании народа, пренебрежительном отношении к интересам неимущих.

Даже сторонник монархии Я. Трещенок, полагающий, что «фатальной неизбежности революционного взрыва в России не существовало», рассматривает отречение Николая II как проявление «безвольной трусости и предательства».

Наиболее позитивное отношение к Февральскому перевороту наблюдается в национал-романтической историографии. З. Шибека приветствует свержение царизма, которое, по его мнению, открывало дорогу к независимому существованию Беларуси. Он утверждает, что все белорусские силы встали на защиту Февральской революции и дружно поддержали генерала Л. Корнилова110.

Если для З. Шибеки Февральская революция – закономерный итог действий и бездействия самодержавия, на которое и направлено острие его критики, то Е. Новик склонен связывать её непосредственно с Первой мировой войной, которая «принесла России страшную экономическую разруху, вызвала глубокий экономический и политический кризис», обусловивший неизбежность революции. На этом подходе основаны его учебники для школы. Однако в пособие для студентов он вносит существенное дополнение, рассматривая Февральскую революцию как осуществление заговора против царя руководителями российского масонства («группа Гучкова»). Важную роль в свершении заговора он также отводит командованию российской армии, обвиняя генералов М. Алексеева, Н. Рузского, А. Деникина, Л. Корнилова, А. Колчака.

В соответствии с этой концепцией Е. Новик считает двоевластие «относительным и даже показным», поскольку и «во Временном правительстве, и в Петроградском совете заправляли люди "одной команды" – команды масонов», которых он рассматривает как носителей чуждой идеи вестернизации. Е. Новик обвиняет их в стремлении уничтожить государство и армию, вспоминая и Приказ № 1, и то, что во главе Белой армии стояли «дети Февраля», которые вместе с Антантой якобы желали уничтожить Россию, превратив её в колонию: «Россия пала не потому, что была слабой, а её враги сильными, – пишет историк, – а потому, что получила удар в спину в результате заговора многочисленных антирусских сил».

Иначе говоря, именно на Февральскую революцию и её идеологов обрушивается критика Е. Новика. Не скрывая своего позитивного отношения к большевикам, он специально развенчивает тезис советской историографии об их причастности к ней, указывая, что из 29 членов и кандидатов в члены ЦК РКП(б), избранных на VI съезде партии в августе 1917 г., ни один в феврале – марте не находился в Петрограде.

А в качестве главной предпосылки Октябрьской революции учебник Е. Новика называет нежелание и неспособность Временного правительства решать социально-экономические и политические проблемы, которые волновали общество. По его мнению, преступное Временное правительство решило продолжить ненавистную для солдат войну до победного конца ради получения контрибуции с побеждённых стран в целях обогащения и наживы правящей верхушки. Напротив, как пишет Е. Новик, большевики своё слово сдержали – II Всероссийский съезд Советов принял Декрет о мире. Ещё один аргумент в

пользу большевиков – их борьба за единую и суверенную Россию, что, по убеждению белорусского идеолога, и обусловило переход почти половины старого офицерского корпуса в Красную армию. В целом основная цель, которую преследует Е. Новик, – опровергнуть историографическую версию о том, что армию и государство уничтожали большевики, и перенести вину за это на буржуазию и масонов.

Солидарен с Е. Новиком в оценке Февральской революции и Я. Трещенок: «В очередной раз после Петра I Россию стали переделывать по западным лекалам, которые не соответствовали устройству российского "организма". Сторонники западноевропейских политических идей словно хирурги вторгались со скальпелем в живое нутро великого народа, не зная его анатомии».

Вместе с тем взгляды этих двух историков расходятся в оценке событий как до, так и после Февраля 1917 г. Я. Трещенок, исходя из самобытности русской государственности, утверждает, что остановиться на первой фазе русская революция не могла – возможны были лишь или реставрация монархии и белая диктатура, или диктатура красная. Показывая неизбежность Октябрьской революции, он не идеализирует большевиков, полагая, что для них основной целью было захват власти. По его оценке, «великая историческая ирония» заключалась в том, что «главным разрушителям государства предстояло стать его спасителями, однако в форме невиданного утопического проекта, названного диктатурой пролетариата».

Е. Новик – апологет Октябрьской революции и большевиков. Он признаёт её «объективную необходимость» и «социалистическую сущность», опровергая тезисы о случайном и сионистском характере. Полемизируя с белорусскими историками и «либерально-буржуазной концепцией революции», он доказывает, что не Октябрьская революция спровоцировала Гражданскую войну и не А. Парвус на деньги Генерального штаба Германии привёл к власти В. Ленина. Он высоко оценивает её за то, что она «осуществила национализацию богатств, украденных у народа». Во всех своих учебниках Е. Новик пишет, что раньше в советской учебной и научной литературе это событие называлось «Великой Октябрьской революцией» и разъясняет почему. Заметно, что для автора эта революция по-прежнему остаётся великой, он сетует, что теперь она называется просто «Октябрьской».

Таким образом, пройдя через попытку пересмотра сущности Октябрьской революции, предпринятую И. Игнатенко в начале 1990-х гг., белорусская историография вернулась к прежнему мнению о том, что альтернативы Октябрю не было.

По-разному описывают учебники и процесс установления советской власти в Белоруссии. Так, события октября 1917 г. З. Шибека трактует как захват большевиками власти и подчёркивает, что на белорусской территории на самом деле было не «триумфальное шествие Советов, которым потом хвастались коммунисты», а «триумфальный развал администрации Временного правительства». По его мнению, большевики в Беларуси не имели реальной власти вплоть до 1921 г.

В отличие от Е. Новика, большевики совсем не симпатичны З. Шибеке. То, что белорусские партии и организации на выборах в Учредительное собрание

набрали только 0,3 %, а большевики – более половины голосов, Шибека объясняет прифронтовым положением Беларуси, где дороже всего оценивали ленинский Декрет о мире, и тем, что голосовать здесь можно было только так, как того требовали вооружённые солдаты Западного фронта, которым опостылели окопы.

Эволюция белорусской историографии последнего десятилетия заключается в подчёркивании особенностей установления советской власти в Беларуси. Основной из них является признание значительной роли, которую сыграли солдаты Западного фронта в победе Советов. Именно близость фронта и предопределила активизацию масс на территории страны: «Необходимо говорить о революционных событиях на Западном фронте и в Белоруссии, ставя на первое место именно фронт». Иными словами, многочисленные солдаты и перемещённые из российских губерний квалифицированные рабочие военных предприятий стали источником революционной агитации и пропаганды. Историки вынуждены также признать, что процесс осложняли действия Ставки Верховного главнокомандующего, которая находилась в Могилёве. Наконец, в новой версии участником борьбы за власть становится также третья сила – белорусские националистические организации.

Ключевым событием в этой борьбе в белорусской историографии выступает разгон большевиками Всебелорусского съезда в декабре 1917 г. Для З. Шибеки это – закономерный акт насилия и коварства большевистских комиссаров, которые изначально делали всё, чтобы не допустить созыва съезда. С его точки зрения, Всебелорусский съезд был легитимным органом, так как на него приехали посланцы со всех частей этнической Беларуси, со всех фронтов и из тыла. По мнению З. Шибеки, разгон съезда был политическим уроком национальным лидерам, которые долго не отваживались взять власть и надеялись, что она достанется им из рук большевиков.

Другие историки расценивают разгон как «огромную ошибку» большевиков, поскольку резолюции съезда не только не противоречили, но и полностью соответствовали, как считают авторы, договорённостям с И. Сталиным. Они полагают, что на решение повлияли конфликт центра с Украинской радой и непонимание большевистским руководством белорусского вопроса, а также идея мировой революции.

Совсем иной точки зрения придерживается Е. Новик. Он утверждает, что, во-первых, 1872 делегата не представляли весь белорусский народ, которые «не только не выбирал их, но и мало что знал про этот съезд», а во-вторых, съезд (или конгресс) был распущен за попытку ликвидации советской власти, а не за стремление к самоопределению. В целом он одобряет такой подход, так как «каждая власть должна уметь себя защищать». Соглашается с этой точкой зрения в своих учебниках и Я. Трещенок. Он ставит слово «конгресс» в кавычки, принижая его значимость.

В целом можно заключить, что в белорусской исторической литературе революционные события доминируют над военными. Однозначной оценки причин, сущности, итогов революций, а также российской монархии, буржуазного правительства и большевистской власти в ней нет.

Официальное направление склонно к критике как самодержавия, так и Временного правительства и позитивной характеристике большевиков. Белорусскоцентричный подход, напротив, предполагает позитивную оценку Временного правительства и негативную оценку той власти, что ему предшествовала и наследовала. Исходя из этого, война рассматривается как катализатор революции.

Брестский мир, немецкая оккупация 1918 г. и итоги войны

Историки показывают, что ни в 1917, ни в 1918 гг. исход войны на фронтах не был ясен, военные действия имели затяжной характер. И Россию, и Германию – как полагает В. Кошелев – из войны вывели революции. По его утверждению, после Октябрьской революции и заключения Брестского мирного договора Россия фактически капитулировала, а Германия начала решающее наступление на Западном фронте.

Удивительно, но сепаратный мирный договор, несмотря на то, что он был заключён непосредственно на белорусской территории и разграничил её, занимает весьма скромное место в учебниках, что можно объяснить стремлением сконцентрировать внимание учащихся на более важном, по мнению авторов, событии – провозглашении Белорусской Народной Республики. Между тем в профессиональной белорусской историографии можно найти работы, специально посвященные Брестскому миру, такие, например, как монография С. Третьяка.

Устоявшейся в белорусской литературе является точка зрения о том, что только Брестский мирный договор позволил большевикам решить вопрос о власти и укрепиться им в восточной части Беларуси. Историки разных политических взглядов единодушны в том, что «интересы Беларуси ни одним из участников переговорного процесса в Брест-Литовске не учитывались», и оценивают отношение к белорусам и со стороны большевиков, и со стороны немцев как политический цинизм. То, что во время мирных переговоров в Брест-Литовске большевики рассматривали Белоруссию как разменную монету, З. Шибека объясняет отсутствием широкой поддержки комиссаров на её территории.

В то же время С. Третьяк подчёркивает, что в условиях Брестского мира обострился конфессиональный и культурный раскол белорусского этноса. По его мнению, для носителей идеологии независимости – католической части национальной разночинной интеллигенции и национальной аграрной буржуазии – Брестский мир означал освобождение из-под ярма «азиатской деспотичной России» и «возвращение» Беларуси в лоно европейской цивилизации.

В трактовке историков-националистов история немецкой оккупации 1918 г. сводится к борьбе за национальную государственность и провозглашение БНР, которую они считают первой формой белорусского государства.

Своеобразно объясняет сотрудничество с немцами белорусских национальных деятелей З. Шибека: «Белорусские лидеры сначала протестовали против узаконенной оккупации. Но нельзя было исключить существующую возможность как-то договориться с новыми хозяевами». Он высоко оценивает их деятельность как спасителей Беларуси, которую «растаскивали на куски», и считает, что «с точки зрения укрепления белорусской государственности попытка

опереться на немцев имела смысл». Несмотря на то, что БНР так и не была признана Германией, политика немцев в отношении белорусской идеи в представлении З. Шибеки и на этот раз выглядит более позитивно, чем политика России. Он припоминает, что в Москву ездила специальная белорусская миссия, но комиссар по иностранным делам Г. Чичерин её даже не принял.

Напротив, Е. Новик и Я. Трещенок негативно оценивают сотрудничество руководителей БНР с немцами и считают, что оно отдаляло их от народа ещё больше. Как пишет могилёвский историк, «эти действия окончательно разоблачили националистов как коллаборационистов». Антинародной признаётся деятельность руководства БНР и авторами многотомной истории Белоруссии: «Созданная без участия народа, Рада считала для себя нормой действовать не только без народа, но и против него».

В. Корнелюк полагает, что предельно допустимые границы сотрудничества в каждом случае надо определять индивидуально, с учётом обстоятельств и результатов. Моральные критерии, которыми оцениваются поведение обычных людей, по его мнению, не подходят для политиков. Все новые национальные-политические силы на просторах Российской империи (украинцы, литовцы, поляки, евреи), пишет историк, пытались опереться на немцев по отдельности, каждый в свою пользу.

Таким образом, оценка Белорусской Народной Республики различается в зависимости от идеологических позиций авторов. Тема эта продолжает оставаться одной из самых дискуссионных в белорусской историографии. В литературе нет единства по поводу многих связанных с БНР вопросов, в том числе факторов, обусловивших неудачи белорусского государственного проекта.

Основной причиной нежизнеспособности БНР З. Шибека считает отсутствие собственной армии, созданию которой «препятствовали и Временное правительство, и большевистский режим, и немецкие оккупанты», а также то, что мобилизованные белорусы были раскиданы по фронтам далеко от родины. Авторы же учебника под редакцией Л. Лойко выделяют совсем другие факторы: значительная часть народа не была подготовлена к восприятию идеи разрыва с Россией, негативно к идее независимости отнеслись российские эсеры и сионисты, не поддерживали её и страны Антанты. Соглашается с тем, что БНР не нашла поддержки в православном и еврейском обществе, составлявшем большинство населения, и С. Третьяк.

Е. Новик убеждён, что Белорусская Народная Республика государством не являлась, и призывает не преувеличивать её значение. В его трудах истинными патриотами выступают не белорусские националисты, пытавшиеся с помощью немцев установить свою власть, а те, кто боролся с немецкими захватчиками. Поэтому он посвящает специальные разделы партизанскому движению и Рудобельской Республике.

Итогов Первой мировой войны касается, как правило, обобщающая и учебная литература. Общим для учебных пособий является утверждение, что война дорого обошлась человечеству: 30 млн человек было убито, ранено и искалечено, среди них – 10 млн погибших (из них 8,5 млн солдат). З. Шибека оценивает потери белорусов в годы Первой мировой войны в 1 млн 200 тыс. человек. Труд-

но сказать, на чём они основаны, но другие учебники численность собственных национальных потерь не обозначают.

Даётся в литературе и подробный перечень материальных потерь Беларуси. Отмечается, например, что в 1917 г. доля продукции местной промышленности, предназначенная для гражданского населения, составляла только 15–16 % довоенного уровня. Много и аргументировано пишется о сокращении посевных площадей, упадке сельского хозяйства. В то же время ряд авторов не забывают упомянуть, что развивались отдельные отрасли промышленности, которые выполняли военные заказы: швейная, обувная и металлообрабатывающая. Кроме того, война оказала влияние на подъём национального движения, что с позиций нынешнего государственного статуса Беларуси оценивается позитивно.

Однако в целом Первая мировая война представлена в белорусской исторической литературе чужой и ненужной белорусскому народу, принёсшей ему неисчислимые беды: погибло мирное население, были разрушены города и сёла, уничтожены материальные и духовные ценности. Основным аргументом является тот факт, что белорусская территория была «главным театром войны», ареной действий миллионных армий, поэтому война принесла неисчислимые бедствия белорусской земле, которая «покрывалась окопами, обтягивалась колючей проволокой, поливалась человеческой кровью».

Таким образом, основная проблема, которая совершенно по-разному решается в националистической и официальной историографии применительно к немецкой оккупации 1918 г., заключается в выяснении того, кто был предателем, а кто патриотом: те, кто продвигал национальную идею, пусть и с помощью немцев, или те, кто вёл борьбу с немцами партизанскими методами?

Заметно также, что белорусская учебная литература не формирует представления об окончании Первой мировой войны, возможно потому, что для белорусов она не закончилась в 1918 г.: за немецкой оккупации последовала польская, а затем территория Беларуси стала ареной советско-польской войны, завершившейся только в 1921 г. Рижским мирным договором.

4. ВОЗВРАЩЕНИЕ ПАМЯТИ О ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ В БЕЛОРУССИИ

Никакая другая война не оставила на территории Беларуси столько материальных свидетельств, как Первая мировая: бесчисленные бетонные доты, километры оплывших от времени окопов, остатки железнодорожных насыпей, десятки военных кладбищ, руины ещё в те годы разрушенных и до сих пор не восстановленных храмов. Все они в комплексе являются уникальным историческим памятником мирового значения. Между тем большинство из них пока не входят в списки исторических ценностей.

На территории Беларуси сохранился большой комплекс оборонительных укреплений, созданных до войны в Российской империи, а также возводившихся в течении трёх лет немцами: траншеи, окопы, пулемётные гнёзда, артиллерийские капониры и т. п. Особенно много их в районе озера Вишнево, под Сморгонью и Крево. В отдельных местах они представляют собой целые укре-

прайоны, объединяющие по 20–30 сооружений, которые пережили не только Первую, но и Вторую мировые войны.

Так, в августе 1915 г. при отступлении русской армии попытались взорвать наиболее известный гродненский форт № 2, но мощные пироксилиновые заряды лишь частично повредили укрепление, толщина стен которого достигает 5 м. Сегодня в память о погибших в войнах жителях города у этого форта № 2 в районе деревни Наумовичи возведены два памятника: мемориальный крест с плитами, на которых высечены имена погибших, и скорбящая мать, оплакивающая своих сыновей. В Сморгони бетонные укрепления и артиллерийские капониры находятся буквально в сотне шагов от жилых домов микрорайона.

Во время войны вдоль линии фронта и в тылу армий на территории Беларуси возникли десятки воинских кладбищ и братских могил. Сотни тысяч солдат с обеих сторон погибли в ходе таких крупных операций, как Свенцянский прорыв и его ликвидация осенью 1915 г., героическая 810-дневная оборона местечка Сморгонь; Нарочанская битва в марте 1916 г., наступление российских войск летом того же года под Барановичами; бои 1917 г. под Сморгонью и Крево. Общее число жертв не подсчитано, но все они остались лежать в белорусской земле. По приблизительным оценкам, здесь покоятся останки более 1 млн солдат разных армий, принимавших участие в войне. Из них около 600–700 тыс. русских воинов, остальные – солдаты и офицеры Германии, Австрии, Венгрии и других европейских стран. Многие из них для родных и близких навсегда остались пропавшими без вести.

В 20–30-е гг. XX века на белорусских землях, входивших тогда в польское государство, происходило обновление воинских кладбищ Первой мировой войны, связанное с крупной международной компанией. В частности, средства в 30-е гг. выделялись по линии Международного Красного Креста. Примером подобного обустройства является смешанное русско-немецкое кладбище в деревне Невель Пинского района. За кладбищами в тот период старательно ухаживали, останки эксгумировались и переносились на более крупные кладбища, деревянные кресты массово заменялись бетонными индивидуальными надгробиями. Надписи с крестов, как правило, переносились на бетон на польском языке.

На территории БССР, входившей в Советский Союз, по идеологическим причинам практически никаких работ на воинских кладбищах Первой мировой не велось. Исключение составляет небольшое количество братских могил российских солдат, на которых были установлены памятники либо памятные знаки – в деревнях Негневичи Новогрудского района, Комары и Медведино Вилейского района, Скробово Барановичского района, Брусы, Черемшицы, Узла Мядельского района, Стошаны Пинского района. Однако пренебрежение к памятникам Первой мировой войны в СССР – одна из главных причин того, что подавляющее большинство кладбищ, образовавшихся в военные годы в тыловой зоне российской армии, до наших дней не дошли.

С конца 80-х гг. XX века в Беларуси стала проводиться работа по восстановлению и обустройству кладбищ Второй Отечественной, но в основном по инициативе местных жителей, частных лиц и лишь иногда при содействии местных администраций. Однако в целом за прошедшее столетие большин-

7 Зак. 64

ство могил было утрачено. Часть уничтожена в ходе строительства городов, прокладки дорог, расширения деревень, сельскохозяйственной деятельности, часть просто заброшена в лесах и полях и постепенно сравнялась с окружающим ландшафтом.

И всё же много военных кладбищ уцелело. Некоторые из них ухожены и восстановлены в последнее время, другие ждут своей очереди. Среди них есть смешанные кладбища, так как довольно часто, особенно в прифронтовой зоне, военнослужащих противоборствующих армий сразу после боёв хоронили вместе.

В 2008 г. на официальном учёте в Беларуси находилось 61 кладбище, по данным Российского государственного военного архива их должно было быть не менее 300, а журналист В. Богданов нашел, осмотрел и сфотографировал к концу года 217 захоронений Первой мировой войны, более половины которых располагались в Гродненской (87) и Брестской (53) областях. Большинство кладбищ – немецкие, почти вдвое меньше русских, ещё меньше (около 40) смешанных. Одно из самых больших военных кладбищ находится в деревне Проньки Мядельского района, где только в солдатской части более 1,5 тыс. надгробий.

В хорошем и удовлетворительном состоянии, по мнению В. Богданова, находится не более половины обнаруженных кладбищ. Остальные либо заброшены, либо находятся под угрозой полного исчезновения. Множество захоронений уже почти не видны. Лишь на 60 кладбищах и братских могилах в той или иной степени сохранились памятники, мемориалы, элементы каменных оград, выполненные непосредственно во время войны либо в первые послевоенные годы. Практически все они находятся на немецких или смешанных кладбищах. От русских военных кладбищ уцелели, как правило, лишь отдельные могилы. К исключениям следует отнести сохранившийся на станции Залесье памятник «Защитникам Родины, убитым в боях осенью 1915 года».

Одна из причин кроется в традициях: русские могилы были обозначены деревянными, а не каменными, как у немцев или австрийцев, крестами. Вместе с тем сегодня ещё можно восстановить многие воинские погребения времён Первой мировой войны. Степень их сохранности связана с местом расположения. Так, в лучшем состоянии находятся могилы в населённых пунктах (городах и деревнях) либо с хорошим доступом к ним. Значительная их часть с недавнего времени досматривается местными жителями или администрацией. Хуже ситуация с воинскими участками на территориях гражданских кладбищ и рядом с ними. Самое же плачевное положение с воинскими захоронениями, расположенными в лесах либо труднодоступной местности.

Одной из главных проблем, связанных с воинскими захоронениями Первой мировой войны в Беларуси, сегодня являются так называемые «чёрные копатели», разрывающие могилы, прежде всего в лесах, в поисках трофеев. Из-за них информация о кладбищах часто сознательно замалчивается. Мародёры, совершающие аморальные действия, как правило, не осуждаются обществом и не привлекаются к ответственности, так как могилы чаще всего нигде не числятся и памятниками не считаются.

Однако сознание белорусов постепенно возвращается к памяти о погибших защитниках Российской империи. Местные жители стали устанавливать кре-

сты в местах захоронений. Всё более заметна работа энтузиастов, тема войны чаще обсуждается в СМИ. По решению местных властей на территории районов, где проходили сражения, составляют списки захоронений, чтобы можно было определить их принадлежность.

Активную деятельность по восстановлению и обустройству воинских захоронений с середины 90-х гг. прошлого века проводит Народный союз Германии по уходу за военными могилами. В 2008 г. в деревне Михневичи Сморгоньского района грузинская диаспора восстановила могилу полковника гренадерского грузинского полка А. Отхмезури.

В Министерстве обороны Республики Беларусь создано специальное Управление, а также организован 52-й специализированный поисковый батальон, занимающийся перезахоронениями останков.

Однако, несмотря на то, что большая часть событий, происходивших в 1914—1918 гг. на Восточном фронте, связана с территорией нынешней Белоруссии, популяризация наследия Второй Отечественной войны 1914—1918 гг. в стране остаётся делом энтузиастов-одиночек, часто не имеющих контактов со СМИ.

Забытая в СССР война появилась в публичном дискурсе Беларуси немногим более 10 лет назад, и, несмотря на растущий интерес, возвращение памяти пока носит волнообразный характер и связано в основном с круглыми датами. Первый значительный всплеск внимания государства, общества и СМИ пришёлся на 2008 г. в связи с 90-летием окончания Первой мировой. Мероприятия, в которых тогда приняли участие потомки Отто фон Бисмарка, Голицыных, генералов той войны, оказались самыми масштабными на всём постсоветском пространстве. В рамках празднования на 228-м километре автотрассы М1 «Беларусь» (Брест – Москва) при поддержке руководства Барановичской области был установлен памятный камень, посвященный всем погибшим в той войне независимо от их национальной и государственной принадлежности.

В 2011 г. впервые на высоком уровне, в присутствии послов и зарубежных военных атташе, многочисленных делегаций, с поминальной службой трёх конфессий, с залпами роты почётного караула и отзывами в СМИ был отмечен День памяти павших (11 ноября). Знаковым событием того года стало открытие 14 августа мемориала на месте Минского Братского кладбища – места массового захоронения погибших во время Второй Отечественной войны. Во время церемонии была освещена часовня в честь иконы Пресвятой Богородицы «Знаменье» и перезахоронены останки воинов Русской императорской армии. «Сегодня это место упокоения наших предков обрело вид, достойный их светлой памяти», – отметил в своей речи митрополит Минский и Слуцкий Филарет. Инициатива возведения мемориала исходила от белорусской общественности, встретила сопротивление чиновников, но была поддержана президентом А. Лукашенко. После Рижского Братского кладбища мемориал стал вторым на постсоветском пространстве. Общее число погребённых на Минском Братском кладбище насчитывает около 5 тыс. человек, из них поимённо известно 2468.

Восстановлению памяти о Первой мировой войне способствует и то, что белорусское руководство видит в её многочисленных следах на территории страны привлекательный туристический продукт, в том числе и для европейских тури-

стов. Разработанный Б. Титовичем туристический маршрут «Крокі» включает в себя 10 памятников и памятных знаков, посвященных Великой войне в Вилейском районе. Ежегодно с 2010 г. во вторую субботу ноября в преддверии международного Дня памяти павших в Первую мировую войну Вилейская районная оргструктура ДОСААФ совместно с отделом образования Вилейского райисполкома, Вилейским историко-краеведческим музеем и общественными организациями проводит автопробег по этим местам в память о жертвах 1914—1918 гг.

В 2013 г. брестский клуб военно-исторической реконструкции «Рубеж», действующий при областном отделении Общества охраны памятников истории и культуры, при поддержке Генерального консульства Российской Федерации в Бресте организовал автопробег по разработанному ими же туристическому маршруту «Великая европейская война на Брестчине». Члены клуба «Рубеж», участвуя в памятных мероприятиях, были одеты в форму солдат и медсестёр российских и немецких войск.

По случаю 95-летия заключения перемирия реконструкторы из Беларуси, России и Украины в форме солдат трёх империй собрались на международном военно-историческом фестивале в Скоках под Брестом, где восстановили ряд фрагментов войны – от попыток прорывов до окопного противостояния. Имение Немцевичей в качестве места проведения фестиваля было выбрано не случайно. Местный краевед А. Гладыщук обнаружил в Баварском архиве документы, указывающие, что переговоры с большевиками велись в 1918 г. не в Белом дворце на территории Брестской крепости, а в Скоках, где находился штаб командующего германской армией принца Леопольда Баварского.

В целом активно развивающееся движение исторической реконструкции в Беларуси тесно связано с туристическим бизнесом.

В последнее время Союзное государство России и Беларуси старается объединить усилия государственных органов: выделяет средства на проведение научных конференций и круглых столов, издание альбомов и книг, увековечивающих память Первой мировой войны. Разработана программа празднования 100-летнего юбилея войны. В частности, на средства Союзного государства в 2014 г. планируется установить памятник героям Первой мировой войны в Сморгони, создать культурно-просветительский центр памяти Первой мировой войны, издать сборник архивных документов по воинским захоронениям, подготовленный Национальным историческим архивом совместно с Российским военно-историческим архивом.

Однако в белорусском обществе нет единства в оценке Первой мировой. Среди элит сильно желание объявить эту войну, так же как и Отечественную войну 1812 г., «не нашей», ненужной белорусскому народу, оказавшемуся между немцами и русскими. Но есть и те, кто хочет видеть в Беларуси музей Первой мировой войны, а также культурно-исторический комплекс, по аналогии с известной «Линией Сталина».

Обращает на себя внимание и то, что хотя Российская Федерация финансирует многие мероприятия, связанные с памятью Первой мировой войны, Беларусь тяготеет к европейскому празднику – Дню поминовения в честь заключения перемирия 11 ноября 1918 г.

* * *

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы. В Беларуси существует официальная, одобренная властью концепция исторического прошлого, в частности Первой мировой войны. Наиболее выразительно она представлена в школьных учебниках, которые отличают лаконичность и осторожность в оценках и подборе фактов, что свидетельствует о значительном внимании к историческому прошлому и идеологическому контролю над учебной литературой со стороны белорусской власти.

Концептуальный подход, присущий в настоящее время официальному направлению историографии в изложении событий Первой мировой войны, испытывает сильное влияние марксистской методологии, что проявляется прежде всего в периодизации, описании социальных процессов, оценках Российской империи и революций. Вместе с тем отчётливо заметна тенденция внедрения в парадигму советской историографии проблем развития белорусской нации, которые ставят под сомнение или затушёвывают многие тезисы, утвердившиеся в предшествующий период, продвигают новые сюжеты и факты. Можно констатировать успешное давление националистической историографии на официальную интерпретацию исторического прошлого.

Первая мировая война не рассматривается в качестве значимого события в белорусской истории, что особенно заметно на фоне той роли, которая отводится Второй мировой (Великой Отечественной) войне. Принятая периодизация, опирающаяся на Октябрьскую революцию, не способствует составлению целостного представления о Первой мировой. Сама война, по сути, лишь создаёт контекст для более важных с точки зрения белорусских историков событий: Февральской и Октябрьской революций, белорусского национального движения, зарождения белорусской государственности. Если о начале войны в учебниках по истории Беларуси учащиеся ещё могут получить представление, то вопрос о её конце остаётся открытым.

Концентрация внимания историков на внутренних региональных процессах не позволяют составить адекватное представление о роли России в Первой мировой войне и тем более дать ей оценку, свободную от стереотипов предшествующего времени. Во многом это можно объяснить утвердившимся мнением, что война была чуждой белорусскому народу, в очередной раз брошенному царизмом на растерзание врагу. Литература, рассматривающая участие России в Первой мировой войне в позитивном ключе, занимает на белорусском историографическом поле небольшое место. Многообразие идеологических подходов в исторической литературе усложняет процесс формирования исторической памяти в отношении Великой войны.

Вместе с тем Первая мировая война постепенно перестаёт быть для жителей Беларуси «белым пятном» истории. Открываются мемориалы, публикуются книги, проходят торжественные мероприятия, восстанавливаются имена героев. Однако станет ли эта война для белорусов «своей», покажет только время.

ОСНОВЫ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ БЕЛАРУСИ

Митрофан Довнар-Запольский

Жизнь белорусского историка Митрофана Довнар-Запольского оборвалась в 1934 году. К этому времени белорусской исторической науки как таковой уже не существовало. Реальные достижения ученых были названы буржуазными и националистическими. Их место на долгие годы занял набор догматических наукообразных тезисов, никак не связанных с правдой и фактами истории. Этот ярлык — «буржуазный» — М. В. Довнар-Запольский донес до наших дней, с ним вошел в Белорусскую советскую энциклопедию и оказался вычеркнутым из памяти нескольких поколений белорусов.

Родился он 2 июня 1867 года в городе Речице Минской губернии. Окончил Киевский университет. В 1902 стал профессором, в 1905 — доктором исторических наук. Преподавал в Киеве, Минске, Москве. Издал несколько научных трудов по социально-экономической истории Беларуси и Литвы. Ему принадлежит также более 30 работ по этнографии и фольклору белорусов. Возможно, он был «слишком своим» (белорусским) историком, ибо смотрел в прошлое с позиции белорусов и не стремился «вписаться» в имперскую концепцию российской истории, которая господствовала и при монархах, и при Сталине, которая не допускала сомнения в себе, а тем более критики*. Свои историки нарекались чужими — буржуазными, «нацдемами», врагами народа...

Как же не хватало белорусам все эти годы именно своих историков! Как не хватает их и сегодня! Сегодня мы по крупицам возвращаем свою историческую память, начинаем вновь ощущать себя народом, идущим из глубокой древности, понемногу осознавать — куда идём.

Но мы только в начале этого пути. И прежде чем погружаться в обилие забытых фактов, событий и дат, нужно уяснить себе общую позицию белорусских историков, уничтоженных сталинщиной, то есть «своих» историков. Поэтому мы отобрали для публикации именно эту небольшую брошюру Довнара-Запольского «Основы государственности Белоруссии», изданную в Гродно в 1919 году одновременно на нескольких языках — белорусском, русском, немецком, французском....

Это не историческое исследование. Это политическая статья историка, сближающая давние и недавние времена, определяющая закономерности национального развития с тем, чтобы увидеть их продолжение в будущем. Национально-политическая проблематика 1919 года современна и сегодня. Ведь белорусская нация все еще не реализовала в полной мере свое право на

Из журнала «Неман», 1990, № 2, с. 132–139.

* См. брошюру: А. Е. Тарас. Мітрафан Доўнар-Запольскі. Бацька беларускай гісторыяграфіі. Мінск: «Харвест», 2012. — 64 с.

самоопределение, национальную независимость, полную самостоятельность государственной политики. Мы по-прежнему привязаны к России.

Некоторые положения брошюры требуют сегодня пояснений. Например, кого-то из читателей может удивить то, что автор относит к Беларуси Смоленщину, части Черниговской, Псковской, Тверской, Калужской и Орловской губерний. Дело в том, что Довнар-Запольский говорит об этнографических границах белорусского народа, о землях, население которых еще в начале XX века заметно отличалось от русских своим языком, традициями и бытом.

Называя литовский народ XIV века малокультурным, слаборазвитым, историк недвусмысленно имеет в виду язычество и безграмотность, то есть относительно невысокий уровень цивилизации древних литвинов.

Довнар-Запольский пишет об «избавлении от тяжелого русского режима», под которым он понимал режим Российской империи, то есть национальную, экономическую, социальную, культурную политику российского царизма в Беларуси.

Предлагаемая статья – это обоснование историком права белорусов на собственное государство. Когда брошюра вышла из печати, уже были провозглашены и Белорусская Народная Республика, и Советская Белоруссия. Историк не говорит о том, какой из форм государственности отдает предпочтение. Его задача не в этом. Главное – общий вывод автора: «исторически жизнеспособная национальность склонна... к нарушению государственного спокойствия до тех пор, пока не будут удовлетворены ее насущные национальные права и требования, заключающиеся в обеспечении прав на национальное существование».

I

Белоруссия представляет собой обширную страну, состоящую из губерний: Минской, Могилёвской и Смоленской (полностью); из почти всей Витебской губернии (за исключением уездов Режицкого и Люцинского) и почти всей Виленской (кроме частей Трокского, Виленского и Свенцянского уездов); Гродненской губернии; из трех северных уездов Черниговской губ.; из прилегающих волостей губерний: на западе – Сувалкской, на востоке – Псковской, Тверской, Калужской и Орловской. Это составляет около 258.000 квадратных километров, на которых живет 12 миллионов белорусского населения и более трех миллионов других национальностей – великороссов, евреев, поляков и татар. Белорусская национальность на этом пространстве живет сплошным населением, в среду которого вкраплены другие национальности, группирующиеся преимущественно в городах и местечках и представляющие собой пришлый элемент.

Нередко раздаются как бы колеблющиеся и сомневающиеся голоса – может ли белорусская национальность составить отдельное самостоятельное государство или по крайней мере войти, как федеративная часть, в союз государств. Эти колебания и сомнения основаны на незнании родной истории и на недостаточной оценке культурной устойчивости белорусского народа.

Иногда наивно высказывают сомнение, что Белорусского государства не существовало. Действительно, под таким наименованием государства не было, как не было в нынешней форме государства Итальянского, Бельгийского, Украинского и т. п. Но белорусская национальность представляет собой прочно сложившееся государство из племен Литовской Руси, то есть той части Руси, которая была соединена Литовским княжеством. И Белоруссия, как сейчас увидим, сравнительно недавно потеряла черты своей былой государственности, прочной, устойчивой, отличающейся такими чертами развития, какими мы можем только гордиться и к восстановлению которых мы должны стремиться.

Основы государственной самостоятельности глубоко заложены в белорусской национальности и покоятся на прочных основаниях – исторических, этнографических, лингвистических и экономических. Эти основания окрашивали всю историю Белоруссии, они присущи белорусам и сейчас, они крепко внедрены в народную массу, и наша государственность долженствует опираться на демократические элементы страны.

Белорусы представляют собой почти единственное славянское племя, за исключением разве поляков, которое искони живет в своей стране, ниоткуда в нее не пришло, и потому не приобрело посторонних элементов. Поэтому белорусы по своим историческим и этнографическим особенностям являются наиболее чистым славянским племенем, сохранившим и внешний облик славянина и многие черты его психики и даже быта.

Стремление к государственной самостоятельности, умение отстаивать эту самостоятельность, стремление к свободному демократическому устройству являются основной чертой исторического прошлого белорусского племени. И мы не знаем другого славянского племени, где бы эта черта проявлялась так ярко, как у наших предков.

II

Первое, что мы узнаем из нашей древнейшей летописи, это то, что на пространстве нынешней Белоруссии живет три родственных племени – кривичи, дреговичи и радимичи. Первые жили по верхней Двине и верхнему Днепру, вторые занимали бассейны Припяти, третьи – бассейн реки Сож. Ученые этнографы, филологи и историки в настоящее время прочно доказали, что эти три племени уже тогда не имели между собой особых различий по языку, праву и религиозным обрядам и общностью этих своих признаков отличались от племен, положивших начало великорусскому и украинскому. Первые записанные особенности белорусской речи относятся к VII веку. Именно тогда, в эпоху переселения народов, часть племени дреговичей покинула свой край, пробилась на Балканский полуостров и поселилась вокруг Салоник. Греки называли их другувитами. Языку другувитов обучались св. Кирилл и Мефодий.

Первоначально каждое из белорусских племен жило своей отдельной жизнью. Когда во второй половине IX века в Киеве образовалось Русское государство, то белорусские племена вошли в его состав позже других. Первой вошла смоленская часть кривичей. У дреговичей был свой князь, у полоцких криви-

чей – также был свой князь Рогволод. Только Владимир Святой во второй половине X века завоевал Полоцк, убил Рогволода и женился на его дочери. Но даже и этот князь не смог удержать полочан в подчинении у Киева и дал им в князья своего сына, Рогволодова внука. Замечательно, что в то время как все «русские» земли признавали только династию Рюриковичей, Полоцкое княжество имело своих собственных князей из рода Рогволода. Этот факт удивлял и древнего летописца. Но и другие части Белоруссии недолго оставались под Киевом: киевские князья уже в конце X века вынуждены были дать отдельных князей дреговичам и смоленским кривичам.

Таким образом на территории Белоруссии возникли несколько княжеств: Смоленское на Днепре, Полоцко-Витебское на Двине и верхнем Немане, Турово-Пинское на Припяти. Эти княжества охватывали всю территорию нынешней Белоруссии. Каждое из них было самостоятельным государством со своими собствеными династиями: Рогволодовичами и Рюриковичами. Все они вели многие войны, принимали широкое участие в торговле, имели развитую культуру.

Митрофан Довнар-Запольский

К XIV веку династия Рогволодовичей вымерла. Большое прежде Турово-Пинское княжение разделилось на несколько мелких и слабых княжеств, в некоторых из них власть перешла к женщинам.

Как раз в это время на западе, в пределах малокультурного литовского народа образовалось самостоятельное Литовское государство. Первые литовские князья присоединили небольшие соседние белорусские земли к своему государству и даже свою столицу Вильно построили на территории белорусского народа. Соседние белорусские княжества стали присоединяться к Литве, отчасти посредством браков литовских князей с представительницами угасавших династий, отчасти посредством добровольных соглашений.

Так великий князь литовский сделался князем белорусских земель. Великие князья заключали договоры с княжествами Полоцким. Смоленским и Витебским и выдавали им особые конституционные грамоты. В тех же княжениях, где княжеские династии не пресеклись, местные князья признали себя вассалами великого князя литовского. Историческая наука решительно опровергает все разговоры о том, будто бы белорусские земли были завоеваны литовскими князьями.

В период сложения Литовского и Белорусского княжеств для всех означенных земель становится известным имя Белоруссии и белорусов, означавшее «Русь» свободную, не платившую подати завоевателям («белый» тогда означало человека, свободного от уплаты податей), в отличие от других частей обширного «русского» племени, обложенного татарскими податями. Соединившись с

маленьким литовским народцем и признав высшую суверенную власть великого князя Литовского, каждое из белорусских княжеств имело полную самостоятельность и долгое время сохраняло свои суверенные права.

Так сложилось Литовско-Белорусское государство, официально именовавшееся Великим Княжеством Литовским, Русским* и Жмудским.

Белорусы преобладали в этом государстве и количественно, и качественно; в то время наши предки уже обладали высоким развитием государства, имели свою письменность – литературу, вели широкую торговлю с немцами, тогда как литовцы до слияния с «Русью» не имели ни государственности, ни письменности, ни торговых сношений, вообще представляли собою народец, находившийся на весьма низкой ступени развития. Количественное преобладание белорусского племени в этом государстве проявится особенно ярко, если мы вспомним, что литовское племя занимало всего лишь пятую часть территории Великого Княжества Литовского. К тому же надо помнить, что даже в XVII веке население собственно Литвы отличалось значительной разреженностью.

Великий князь Литовский в 1385 году вступил в союз с Польшей и заключил с ней акт унии. Однако по этому акту великий князь Литвы и Руси не потерял самостоятельности. Когда же литовские князья вступили в борьбу с Ягайлой за полную самостоятельность Литвы и Руси, то их поддержали именно белорусские национальные элементы. Поэтому до 1447 года Литовско-Белорусское государство иногда признавало высшую суверенную власть короля польского, иногда же имело своих отдельных государей.

Поляки же из политических соображений стремились не разрывать связь с Литвой-Русью и специально старались выбирать себе королями великих князей Литовских. Так, в 1440 году литовцы и белорусы посадили у себя на престол великого князя Казимира Ягайловича, а когда в 1447 году сделался вакантным польский престол, поляки избрали королем того же Казимира. В 1492 году Литва и Русь, главным образом последняя, избрали великим князем Александра Казимировича, который в 1501 году был избран королем польским. В 1507 году сначала литовцы и белорусы избрали своим великим князем Сигизмунда Казимировича, а вслед за ними поляки его же возвели на польский престол. Когда же литовцы еще при жизни отца избрали наследником престола Сигизмунда-Августа, то поляки последовали их примеру. Впрочем, Сигизмунд-Август с 1544 по 1548 год самостоятельно правил государством независимо от престарелого отца и был последним отдельным князем Литвы и Руси.

Итак, с 1447 года по 1569 год Литва и Белоруссия находились в личной унии, нисколько не затрагивавшей суверенные особенности Литовско-Белорусского государства.

Но Сигизмунд-Август был бездетным и уже приближался к старости. Польские дипломаты учитывали возможность разрыва с Литвою и Русью и знали о сильной промосковской партии, мечтавшей возвести на престол князя из московского царского рода. Промосковская партия и раньше, даже при Ягеллонах проявляла это стремление. Тогда поляки употребили все усилия, чтобы

* В то время нынешняя Великороссия называлась Московской землей, а Белоруссия и Украина назывались «Русью». Позже это название переняла Московия.

заключить новый договор об унии. Все сложилось благоприятно для поляков. В 1569 году Литовско-Белорусское государство, которое вело тяжелую войны за обладание Балтийским побережьем и городом Ригой, не будучи в состоянии справиться с Москвою, заключили унию с Польшей.

Нужно отметить следующее. В период собирания Литвы она подчинила себе и южнорусские земли — Волынь, Киевщину и восточную часть Подолии. Но эти земли тогда было сильно опустошены татарами, потому принимали весьма слабое участие в общегосударственной жизни. В 1569 году поляки присоединили эти земли к своему государству, а равно и Подляшье, то есть южную часть Гродненской губернии, превратив их в свои провинции. Таким образом после 1569 года только Белоруссия и Литва сохранили свою самостоятельность и заключил договор унии с Польшей как равные с равным.

Сущность акта польско-литовской унии заключалась в следующем: оба государства соединялись на вечные времена в том смысле, что они должны иметь общий парламент (сейм), которому принадлежит право издавать законы и избирать общего государя — короля и великого князя. Однако в Литве и Белоруссии власть великого князя осуществляется независимо /от Польши. — *Ред./*: законы, войско, монету, финансы и министерства оба государства имеют отдельные. Акт унии совершенно ясно говорит о том, что общий сейм издает отдельные законы для каждого государства. На практике в Литве и Белоруссии применялись только те законы, изданные общим сеймом, в которых это было специально оговорено. А специальные законы для Литовско-Белорусского государства рассматривались только литовско-белорусскими депутатами.

Только во второй половине XVIII века это разделение практически стало стираться и начали появляться учреждения, общие для обоих государств. Но это уже были времена разделов и падения Литовского государства.

И все же уния оказалась гибельной и для Польши, и для Литовской Руси.

Поляки не удовольствовались актом союза, но бросились ополячивать Русь и окатоличивать ее православное население, часто опираясь на королевскую власть, поддававшуюся в религиозно-национальных делах их настояниям. В 1596 году поляки, против желания громадного большинства православных жителей, воспользовавшись предательством нескольких православных епископов, добились церковной унии — то есть соединения православной церкви с католическим костёлом. Тогда развернулась очень острая религиозно-

национальная борьба. Давление полонизма и католицизма заставило сплотиться против него всех православных белорусов. Но большинство шляхты перешло в католичество, восприняв от поляков вместе с религией их язык и культуру. Вот так верхний слой населения порвал с низшими слоями. Но сильное городское мещанство крепко отстаивало свою национальность и веру. Крестьянство же переходило в унию только под принуждением. Все силы богатой культурной нации были обращены на борьбу религиозную и национальную. Поэтому уже в XVII веке начинается упадок торговли и ремёсел в городах.

Нельзя не признать, что польское влияние имело успех. Польская культура и язык все глубже проникали в верхние слои общества, которое все более и более разрывало связи с мещанством и крестьянством; полонизация распространялась и в городах, особенно крупных. Со второй половины XVII века даже белорусский язык начинает постепенно уступать свое место в законодательстве, судах, административных учреждениях латинскому либо польскому языку.

Но если в верхних слоях населения полонизация и окатоличивание имели успех, то крестьянство и в значительной мере мещанство упорно отстаивали своё право на независимое религиозно-национальное существование. Это были замечательные времена ожесточенной борьбы, ведшейся в литературе, школах, на диспутах, нередко превращаясь в кулачные схватки между представителями разных религий и национальностей. В XVIII веке все белорусское и православное испытывало сильное гонение. Тогда православные стали искать помощи за пределами своего государства и стали вовлекать в эту борьбу русскую императрицу Екатерину II.

Екатерина II, давно имевшая виды на восточные окраины польской Речи Посполитой, охотно вмешалась в белорусский вопрос с религиозной точки зрения и защиту православия сделала одним из важнейших мотивов для поднятия вопроса о разделе Польши. Соседние государства последовательно заключили три трактата о разделе, по которым белорусские области входили в состав Российской империи в следующем порядке. По договорам 1772 года (с Пруссией и Австрией) и 1773 г. (с Польшей) к России отошли: Полоцкое воеводство, кроме части его на правом берегу Двины, Витебское (без Оршанского повета), Мстиславское и часть Минского. Раздел 1793 года дал России Минское воеводство и значительные части Виленского, Новогрудского и Брестского воеводств. Раздел 1795 года отдал России остатки воеводств Новогрудского и Брестского. Наконец по Тильзитскому трактату 1807 года к России перешла Белостокская область. Вот так вся Белоруссия оказалась в составе Российской империи.

Политическая самостоятельность Белоруссии была потеряна. Ее свободные учреждения перестали функционировать. Уже при Екатерине II началось применение русского режима и водворение русских порядков в правовой жизни края. Правда, император Павел восстановил действие Литовского Статута (сборника местных законов), но прежних форм самоуправления не восстановил. Правда, дворянские губернские собрания в известной мере заменяли собою прежние шляхетские сеймики, но, конечно, введение прав российского дворянства не могло удовлетворить белорусскую шляхту. Действие Литовского

Статута продолжалось до императорского указа 1840 года, с какового времени началась окончательная перестройка суда и управления на московский лад.

Русский режим не только уничтожал шляхетские свободы в области политической жизни, но и ставил целью борьбу против господствующего положения ополяченного дворянства и политиканствующего католицизма. Эту борьбу русское правительство вело неудачно, грубо и бессистемно. Русское правительство до 60-х годов, то есть до губернаторства М. Н. Муравьева, плохо понимало, что оно имеет дело с Белорусским краем. Оно не догадывалось, да и не могло по существу направления своей политики опереться на более демократические элементы: на крестьянство и мещанство, на остатки низшей православной шляхты. Поэтому – как это ни удивительно – в начальный период русского господства полонизация сделала громадные успехи, ибо русское правительство успело оттолкнуть от себя все те элементы, которые были проникнуты национальным белорусским духом.

Правда, император Николай I в 1839 году, не без насилия над религиозной совестью, объявил принудительное воссоединение униатов с православною церковью, но этот акт был только новым насилием над человеческой совестью и в еще большей мере способствовал озлоблению населения против русского правительства. Не удивительно поэтому, что в 1831 и 1863 гг. белорусские области усердно поддерживали восставших поляков. К восстаниям присоединялись не только полонизированные шляхетские элементы, но и люди других сословий, в том числе крестьянство и ремесленники оказывались в числе восставших, потому что дело шло не только о восстановлении Польши в прежних границах, но и об избавлении от тяжелого русского режима.

III

Приведенные выше факты – формальная сторона развития нашей государственности. Из них явствует, что в первый период своей истории Белоруссия представляла собою отдельные и самостоятельные княжества, имевшие все признаки государственного суверенитета. Во второй период – во время соединения Белоруссии и Литвы, это соединение первоначально вылилось в форму федерации княжеств Полоцкого, Витебского и Смоленского с княжествами Виленским и Трокским, причем в других землях оставались еще удельные князья (Турово-Пинские, Слуцкие, Мстиславские, Стародубские и др.), находившиеся в вассальной зависимости от великого князя Виленского.

Что соединение названных княжеств было федерацией – в этом соглашаются все ученые. Но к этому надо прибавить, что люди того времени мыслили эту федерацию как личную унию, при которой великий князь Литовский был в то же время князем Полоцким, Смоленским и Витебским, имел в каждом княжестве свой двор и осуществлял свои функции, лично приезжая в каждое княжество. Только около середины XVI века эта форма личной унии фактически превращается в федерацию отдельных земель, имеющих своих представителей в общеземском парламенте. Акт 1569 года нельзя отождествлять с одной из форм унитарных соединений, известных ныне государственному праву. В науке

принято называть унию 1569 года парламентарной унией, причем суверенные права соединенного государства Литвы и Белоруссии были строго оговорены в этом акте и сохраняли силу вплоть до присоединения Белоруссии к России.

Но в конце XVIII столетия Белоруссия оказалась присоединенной к Российской империи, утратив свои суверенные права независимого государства. Она сохранила до 1840 г. некоторые особенности в области права, возникшие в результате ее исторического развития.

Все это значит, что Белоруссия, как и ее соседка Литва, имеют такие же права на восстановление своего государственного бытия, как и Польша. Некоторый период унии с Польшей не лишает Литву и Белоруссию прав на восстановление государственной независимости в виде одного общего государства или даже в виде отдельных государственных образований, ибо на последние имеются не только права, присущие каждой национальности, но и права историко-юридические.

Теперь наступает время исправить юридические ошибки прошлого – тем более, что в основе своей белорусская нация имеет прочные основания государственности на широкой демократической основе и прочные особенности своеобразной исторической культуры.

Эти особенности пронизывают все белорусское прошлое и настоящее, и к ним мы сейчас перейдем.

IV

Древнейший период истории Белоруссии характеризуется господством демократических идей в социальном и государственном укладе. Верховная власть принадлежит вечу, то есть народному собранию, которое в Витебске и Полоцке избирало князей, а в Смоленске и Турове его согласие требовалось на переход власти от одного князя к другому. Сословного деления не было и господствовала идея равенства. Такой порядок вещей держался до начала XVI века, когда дифференциация сословий, шедшая из собственно Литвы и из Польши, в сильной мере изменила древнее демократическое устройство.

Однако каждое из трех образовавшихся сословий в своем новом устройстве сохранило черты древнего народоправства. Пока крестьянство было свободно, оно имело свои волостные веча и волостные суды, дожившие во многих местах почти до середины XVII века и перешедшие потом в сельские миры и сходки, существующие поныне. Города представляли собою свободные общины, демократическое равенство и суд которых охраняли особые великокняжеские привилегии, которые горожане умели отстаивать. Высшее военно-служилое сословие выработало для себя такие формы конституции, которые предоставляли этому классу широчайшее участие в государственных делах, начиная от выборов великого князя, кончая вопросами войны и мира и законодательства. Конституция охранялась особыми привилегиями, выполнять которые клятвенно обязывались великие князья. Шляхетское сословие, как военно-служилый класс, добилось наибольших успехов в развитии парламентаризма. Первоначально оно состояло из двух слоев: аристократов-панов и неаристократов. Не-

родовитые элементы добились полного равенства с привилегированными родовитыми элементами.

На шляхетское сословие в Белоруссии не следует, однако, смотреть с точки зрения дворянства западноевропейского. Шляхта в Литве и Белоруссии – и особенно в Белоруссии – была весьма многочисленна, а по своему материальному достатку в большинстве случаев не отличалась от крестьянства. Это те же извечные земледельцы, мелкие собственники, привлекаемые на военную службу, но сами обрабатывающие свои земельные участки, часто очень незначительные. На долю этих мелких собственников приходилась наиболее трудная служба в государстве и вот в силу этой службы они с течением времени сделались привилегированным сословием. В правовом отношении они слились с небольшим числом действительно родовитого и частью титулованного панства, происходившего от древних княжеских родов.

Сложившийся строй Литовско-Белорусского государства есть строй республиканский с избираемым пожизненно президентом, носившим наименование великого князя. Вот так воскресла в иной форме традиция народоправия древней Руси. Исторические республиканские традиции нашего народа нешуточно

беспокоили царское правительство. Нет провинции в бывшей империи, к которой бы столь сурово относилось правительство, как к Белоруссии. Уничтожив польско-белорусские школы, оно не дало нам ни одной высшей школы, даже духовной академии, оно почти не давало гимназий, а к существующим относилось так, что при Александре III количество школ и учащихся даже уменьшилось сравнительно с предыдущей эпохой. Меры правительства в сильнейшей мере способствовали полонизации края, ибо все, кто мечтал о политической свободе, примыкали к полякам, с которыми, казалось, мечты эти могут иметь скорейшее осуществление.

Пренебрегая белорусским элементом, даже городским и крестьянским, правительство лишило нас местной интеллигенции. В качестве чиновников оно назначало лиц великорусского происхождения, не знающих местных условий и часто мало пригодных. Было даже распоряжение о том, чтобы епископами не назначать белорусов. За отсутствием высшей школы и за отсутствием возможности белорусской интеллигенции сносно устраиваться в административных пунктах, белорусская интеллигенция покидала Отечество, отрываясь от своего народа. Она не могла укрепиться в белорусских городах еще и потому, что вся она выходила из недр народа и не участвовала в торгово-промышленной деятельности, впрочем вообще слабо развитой. Конечно, это отсутствие местной интеллигенции немало содействовало застою края в торгово-промышленном отношении.

Борясь с белорусской культурой и ее представителями, правительство, инстинктивно или сознательно, понимало самостоятельное значение этой культуры и боялось ее.

Действительно, в культурном отношении белорусская национальность может с гордостью вспоминать о своем прошлом. Начиная с XII века белорусская национальность дает ряд блестящих проявлений в области просвещения и литературы. Имена таких писателей и деятелей на поприще культуры, как Кирилл Туровский, Авраамий Смоленский, Климент Смолятич, Евфросиния Полоцкая, украшают целую эпоху древнерусского просвещения и литературы. В эпоху Литовско-Белорусского государства мы наблюдаем блестящее развитие в области литературы и права. Белорусскому языку принадлежала широкая сфера деятельности. С конца XIV века даже в Литве и на Жмуди большинство населения употребляло в домашнем быту древнебелорусский язык, а в судах и административных учреждениях он был обязателен, ибо был государственным языком. Не только практика, но и закон признавали за белорусским языком его государственное и общеобязательное значение. Только по декрету 1697 года его заменил польский.

Это был язык, на котором появились первые по времени и лучшие по композиции (с научной точки зрения) памятники белорусского права, если сравнивать их с другими памятниками русского права. Литовские Статуты в трех редакциях – 1529, 1566 и 1588 гг. – это плод труда выдающихся юристов, умело сочетавших основы древнего национального права с новеллами позднейшего законодательства. Статутовое законодательство, таким образом, является в высокой мере законодательством национальным. И это тем более замечатель-

но, что позднейшие редакции статутов подвергались пересмотру в комиссии, составленной из белорусских юристов, получивших прекрасное образование в западноевропейских университетах. Вообще развитие правовой науки было очень широким, что доказывается не только древними актами и законодательством, но и блестящими образцами речей адвокатов-практиков. Не удивительно поэтому, что в начале второй половины XVI века мы уже видим в Вильне первый юридический факультет, в котором литовско-белорусское право и немецкое преподавали белорусские ученые-юристы.

В других отраслях литературы белорусская культура тоже дала целый ряд блестящих проявлений. На белорусском языке появился первый в России печатный перевод книг священного писания – славный труд первого белорусского народника, по специальности доктора медицины «из славного места Полоцка», Франциска Скорины, работавшего над своим изданием в Праге и в Вильне в самом начале XVI века. Белорусская литература знает пример первого панслависта в лице Василия Тяпинского, земляка Скорины, переводчика евангелия на белорусский язык в середине XVI века. Печатная и рукописная литература, дошедшая дло нас в богослужебных книгах, религиозно-полемических произведениях, повестях, летописях, грамматиках и прочем, указывает на широкое развитие Белоруссии в культурном отношении и на еще более замечательное развитие белорусского языка. Книгопечатание началось в Белоруссии с самого начала XVI века и к концу этого столетия можно насчитать десятки типографий, разбросанных по разным городам и местечкам.

Правда, после блестящего расцвета в XVI веке белорусская культура и литература стали терпеть большой урон в последующий период. Сама по себе белорусская культура была сильна тесной связью с национальной религией и с прочным сознанием национальной государственности. Однако такая религиозно-национальная позиция представляла большую опасность во времена религиозной борьбы, охватившей всю Западную Европу.

Первый удар белорусскому национальному делу нанес протестантизм, пришедший в Белоруссию в форме кальвинизма и социнианства. С точки зрения просвещения протестантизм не противоречил установившейся традиции и, неся религиозное пробуждение, он способствовал устройству школ, подъему просвещения и популярности литературы, потому что многие протестанты-белорусы пользовались родным языком для распространения учений. В самой белорусской православной церкви тоже было много такого, что роднило ее с протестантизмом – участие светских элементов в церковной жизни, соборность церковного строя. Но протестантизм приносил с собою идеи интернационализма и разрушал прочную спайку населения с древней верой.

Когда угар протестантизма стал проходить и началась религиозная реакция, ознаменовавшаяся в Белоруссии такой интенсивною деятельностью иезуитского ордена, какой не знали другие страны, то протестанты из числа бывших православных стали быстро переходить в католицизм. Так как орден иезуитов состоял в значительной мере из польской национальности, то дело реставрации католической религии вскоре превратилось в дело агрессивного полонизма. Полонизм стал делать быстрые успехи, особенно в среде шляхты. Для той

же цели ополячивания и окатоличивания был перекинут мост в виде Брестской церковной унии 1596 года, введенной против воли народа кучкою епископов-тступников, поддержанных всею силою власти Сигизмунда III. Началась тяжелая эпоха религиозной и национальной борьбы.

Но замечательно то, что белорусский народ выдержал эту эпоху борьбы, что в значительной мере города и поголовно все крестьянство остались верными своей национальности даже и в лоне церковной унии, несмотря на насильственный способ ее проведения. Братства, то есть собрания православных верующих, показали стойкий пример борьбы за национальность. Они отстояли белорусскую культуру, литературу, просвещение и сквозь эпоху гонений бережно донесли национальные традиции, чувство национальной самобытности до начала XIX века, когда религиозная борьба потеряла свой смысл.

В XIX столетии и до наших дней идея белорусского национального самосознания никогда не замирала. Правда, сначала польская культура, а позже русская увлекала в лоно свое лучших сынов Белоруссии. Польская культура обогатилась такими сынами нашей родины, как Фаддей Костюшко, Владислав Сырокомля, Юзеф Крашевский и даже Адам Мицкевич. Однако отрадно отметить то обстоятельство, что три последних корифея польской литературы с любовью к родному краю и его населению разрабатывали местные сюжеты, пользуясь польским языком, подобно тому как знаменитый сын Украины Гоголь пользовался русским. Они, как и многие другие, никогда не разрывали своей связи с родным краем и с тем кружком белорусов, которые частью на польском языке, частью на родном белорусском возрождали и поддерживали идеи белорусской национальности. Для этого стоит только вспомнить такие имена, как историков Нарбута и Киркора, проф. Ярошевича, Даниловича, Кукольника, этнографов, поэтов и беллетристов, как Яна Чечета, Яна Барщевского, Дунина-Марцинкевича и многих других, составляющих блестящую эпоху возрождения белорусской национальности, начиная с 30-х и кончая 60-ми годами прошлого века.

Будто замерев на трудные почти четверть века после муравьевского режима, идея белорусского возрождения начала проявляться уже с конца 80-х годов, сначала робко, ввиду цензурных условий, в форме статей и книг, характеризующих самостоятельность белорусской этнографии и истории, вышедших из-под пера г.г. Сапунова, Стукалича, Никифоровского, Довнар-Запольского, Карского и многих других. Иногда она прячется в подполье (виленские и минские организации). Но она дала быстрый расцвет в самом начале революционной эры.

Появились кружки, организации, журналы, газеты. Появление «Нашай Нівы», имен Янки Купалы и других поэтов, общественная и литературная деятельность братьев Луцкевичей и длинного ряда других лиц и организаций составляют целую эпоху в истории белорусского самосознания. Все белорусское движение последнего времени вплоть до всебелорусского съезда в Минске в декабре 1917 г. и образования Рады Белорусской Народной Республики указывает на живучесть белорусской национальности и на тесную связь ее с государственной самостоятельностью.

К этому обзору следовало бы прибавить факты, выделяющие этнографический тип белорусов — самостоятельный и отличный от других русских народ-

ностей, тип чистого славянина, и факты обособленности белорусской территории в экономическом отношении. Не желая расширять нашей краткой записки в эту сторону, в заключение сказанного необходимо настойчиво повторить те основные тезисы, какие логически вытекают из предыдущего.

Народ, не потерявший своей самобытности в течение многих веков, при крайне неблагоприятных условиях своей исторической жизни, в условиях борьбы национальной или притеснений со стороны правительства сильнейшего в мире государства,– народ, в течение веков пользовавшийся государственной самостоятельностью, имеющий свою, выработанную веками культуру и литературу, свою этнографическую и языковую обособленность, – имеет все права на государственную самостоятельность. И это право по справедливости тем более может быть поддержано, когда воскресают и призываются к новой жизни другие национальности, самостоятельное бытие которых не было столь продолжительным и столь обособленным.

Конечно, здесь возникает важный вопрос об условиях и формах государственной самостоятельности: дело идет о выборе между изолированной самостоятельностью и федерацией с родственными соседями. Историческая наука не долженствует предрешать этого вопроса и не может дать исчерпывающих предуказаний. Она дает лишь одно заключение, диктуемое силою исторически слагающихся обстоятельств: исторически жизнеспособная национальность склонна к борьбе, к отстаиванию своих прав, а следовательно, склонна к нарушению государственного спокойствия до тех пор, пока не будут удовлетворены ее насущные национальные права и требования, заключающиеся в обеспечении прав на национальное существование.

ПОЧЕМУ ДЕЛЕГАТАМ XII СЪЕЗДА КП(б)Б НЕ ПОНРАВИЛОСЬ ВОССТАНИЕ 1863 года В БЕЛАРУСИ?

Анатоль Щербаков

В апреле 1991 г. научная общественность Беларуси отмечала 110-летие со дня рождения Всеволода Макаровича Игнатовского (1881–1931). Шестьдесят предыдущих лет его имя находилось в забвении. Последний раз белорусские газеты писали об Игнатовском 16 января 1931 г. – в постановлении Президиума и партколлегии ЦКК КП(б)Б, где говорилось:

> В. М. Игнатовского, как не изжившего антипролетарского мировоззрения, проводившего на протяжении всего периода пребывания в партии национал-демократическую установку в своей работе, являющегося фактически кулацким агентом в партии, как обманывающего партию покаянными заявлениями, прикрывая ими продолжение своей антикоммунистической деятельности в рядах КП(б)Б и как чуждого элемента, игравшего на руку национал-демократической контрреволюции – из рядов КП(б)Б исключить.

Это сообщение прозвучало неожиданно. Имя Всеволода Игнатовского в то время было широко известно в Беларуси и далеко за ее границами: член Бюро ЦК КП(б)Б, член ЦИК БССР и СССР, делегат XIII съезда РКП(б) (май 1924 г.) и многих съездов КП(б)Б, делегат V конгресса Коминтерна (июль 1924 г.), председатель Института белорусской культуры, первый президент Академии наук БССР...

И вот почти через 60 лет, опять неожиданно, газеты напечатали постановление Бюро ЦК КПБ от 31 октября 1990 г. «О реабилитации в партийном отношении Игнатовского В. М. (посмертно)», в котором все обвинения против него были сняты.

Так почему же столь долгое время фамилия Игнатовского находилась под запретом, если, например, фамилии «врагов народа» Троцкого, Бухарина и других большевистских раскольников никогда не сходили со страниц учебников и общественно-политической литературы? Ответ на этот вопрос нетрудно найти в произведениях нашего именитого ученого и его государственных делах.

В. М. Игнатовский стоял у истоков белорусской государственности, был одним из тех, кто возглавлял процесс возрождения на Беларуси, начавшийся после Февральской буржуазно-демократической революции 1917 года. Как известно, этот процесс проходил в сложных условиях, связанных с предательским Брестским «мирным» договором и таким же Рижским «миром». Оба договора наглядно показали истинное отношение партии большевиков к малым народам в тех случаях, когда дело касалось перспектив ее собственного существования.

В середине 1920-х гг. БССР возглавляли молодые руководители Александр Червяков (1892–1937), Дмитрий Жилунович (1887–1937), Всеволод Игнатовский, Николай Голодед (1894–1937), Язеп Дыла (1880–1973), Дмитрий Прищепов (1896–1940)... Они хорошо представляли себе положение Беларуси, не по своей воле утратившей весьма значительную часть своей территории. Но им казалось, что несмотря на это наступил тот момент, когда белорусский народ может жить действительно свободно, без имперского и национального угнетения. Именно поэтому они стали зачинателями и активными проводниками возрожденческого движения 20-х годов, получившего название «белорусизация».

В сложных условиях, созданных длительной полонизацией и русификацией, была успешно начата настоящая культурная революция. Впервые коренные жители страны – белорусы – начали чувствовать себя ее гражданами, ответственными за ее судьбу.

Однако в конце 20-х годов руководство ВКП(б), которое взяло на себя роль «вождя», перешло от новой экономической политики к командно-административным методам управления. Этот переход сопровождался жестокой борьбой между несколькими группировками большевиков за власть в партии и государстве. Именно тогда путь для дальнейшей белорусизации был перекрыт, а тех, кто ее возглавлял начали уничтожать.

Всеволод Игнатовский стал в Беларуси одной из первых жертв террора, развязанного ВКП(б) во время так называемого «великого перелома». Необходимо было скомпрометировать его как ученого, дискредитировать как политического деятеля – одним словам сделать из него «живого мертвеца».

Всеволод Игнатовский

Секретарь ЦК КП(б)Б, член-корреспондент АН БССР Самуил Огурский (1884–1947) раскритиковал на XII съезде КП(б)Б в феврале 1929 года – якобы с «классовых» позиций – статью Игнатовского «К постановке вопроса о восстании 1863 г.»*. В качестве основания для серьезных политических обвинений он использовал определение движущих сил восстания во главе с К. Калиновским. По словам С. Огурского, Ленин охарактеризовал восстание 1863 г. как «шляхетское освободительное движение», а Игнатовский – как «буржуазно-демократическое движение». Тем самым он попытался навесить на Игнатовского ярлык «антиленинца». Напомним, что самым главным «антиленинцем» тогда считался Л. Д. Троцкий.

Казалось бы, Огурский вполне мог как ученый высказаться относительно восстания на страницах того же партийного журнала или выступить на совещании в Инбелкульте, в Белгосуниверситете.

* «Бальшавік Беларусі», 1928, № 6–7.

Но был избран именно такой вариант. Дело в том, что в Москве пристально следили за событиями во всех союзных и автономных республиках, обращая при этом особое внимание на вопросы национальной политики.

Февральская критика скоро получила продолжение. 9 мая 1929 года в Минск прибыла комиссия ЦК ВКП(б) во главе с секретарем ЦК КП(б), председателем ЦКК КП(б) Украины Владимиром Затонским (1888–1938). Главная цель ее работы заключалась в изучении практики национальной политики в БССР. Незадолго до возвращения в Москву, 27 июня, Затонский выступил с докладом на заседании Бюро ЦК КП(б)Б. В нем он открыто призвал партийное руководство республики к борьбе с научной и творческой интеллигенцией, занимавшей, по его словам, не партийные, а национально-демократические позиции. Помимо всего прочего, Затонский дал резкую критическую оценку и статье В. М. Игнатовского в журнале «Бальшавік Беларусі»*.

Почему же было уделено столько внимания сугубо научной публикации? Чтобы понять сложность ситуации, в которой оказались Игнатовский и его единомышленники по возрождению, надо представить тогдашний исторический момент. По мере «строительства социализма» в СССР усиливалась не классовая борьба, как это утверждал Сталин, а борьба среди руководителей единственной в стране партии. Но если одни из них сражались только за руководящие кресла, то другие протестовали против внутренней политики Кремля.

Еще в декабре 1927 г. состоялся XV съезд ВКП(б), который поставил перед всеми партийно-советскими органами задачу «развертывания коллективизации сельского хозяйства», а также «наступления социализма по всему фронту». Однако многие делегаты съезда по-другому представляли дальнейшее развитие народного хозяйства в СССР. Свои взгляды на собственное будущее были и в национальных республиках.

То, как осуществлялись «наступление по всему фронту» и «массовая коллективизация», сегодня хорошо известно. Именно тогда было сфабриковано «шахтинское дело» (май – июль 1928 г.), исключены из партии ее видные деятели – Николай Бухарин, Лев Каменев, Алексей Рыков, Михаил Томский, Георгий Пятаков, Карл Радек. В ноябре 1928 г. очередной пленум ЦК ВКП(б) призвал к решительной борьбе с «правым оппортунистическим уклоном и остатками троцкизма». А в 1929 году в партии и стране фактически произошел переворот, в результате которого И. В. Сталин установил свою единоличную диктатуру.

Может быть, большевики под видом борьбы с правым уклоном хотели просто запугать Игнатовского и его единомышленников? Но в таком случае их фамилии остались бы в научной и партийной литературе хотя бы в качестве «врагов народа». Однако такие основательные работы, как «История БССР» (однотомник, издания 1946, 1948, 1954 гг.), «История БССР» в 2-х томах (1954 г.), «История БССР» в 5 томах (1972–75 гг.), «Очерки истории КПБ» в 2-х томах (1967–68 гг.), «Коммунистическая партия Белоруссии в резолюциях и решениях съездов и пленумов ЦК» в 6 томах (1983–87 гг.), никак не информируют о дискуссии на XII съезде КП(б)Б, а имена ее участников замалчивают.

* См.: Ігнаценка І., Кароль А. Усевалад Ігнатоўскі і яго час. Мн., 1991, с. 80.

Историк Владимир Михнюк (1927–2004) в докторской монографии, оценивая статью Игнатовского «К постановке вопроса о восстании 1863 г.» и его книгу об этом восстании* писал: «Ряд неверных оценок исторических явлений и фактов содержался в книгах В. М. Игнатовского»**, «ему явно недоставало четкой и последовательной марксистской оценки»***. Далее он отметил, что Игнатовский выступал на XI и XIII съездах КП(б)Б, где критически оценил свою научную деятельность, но опять же не упомянул XII съезд КП(б)Б.

Академик Илларион Игнатенко (1919–2002) и кандидат исторических наук Алексей Король (1945–2015) в цитированной уже книге о знаменитом белорусском ученом упоминают события XII съезда КП(б)Б. Они убеждены в том, что реальных оснований для критики Игнатовского тогда не было. Может быть, Огурский исполнял чей-то социальный заказ? – поставили вопрос авторы и, к сожалению, не ответили на него. Они рассматривают книгу Игнатовского «1863 год на Беларусі» и тоже отмечают, что К. Калиновский был вождем народного, а не только шляхетского движения. Авторы считают, что критика работ Игнатовского и обвинения его в правом уклоне и национал-демократизме были связаны со сталинской политикой уничтожения политических противников.

Вопрос о критике работы Игнатовского, посвященной восстанию 1863 г. в Беларуси на XII съезде КП(б) также поставили В. Скалабан, М. Токарев и А. Король – авторы очень интересного документального фильма «Справа Ігнатоўскага» («Беларусьфильм», 1991). Но и они оставили его открытым.

Член-корреспондент АН БССР Петр Петриков (1927–2007) в брошюре общества «Знание», изданной к 110-летнему юбилею В. Игнатовского, написал, что в КП(б)Б в 20-е годы шла борьба между польской, еврейской и белорусской группировками за власть в партии и государстве. А поскольку Игнатовский был наиболее колоритной фигурой, основной удар был направлен против него. Главным обвинителем на XII съезде КП(б)Б, как подчеркнул Петриков, стал Самуил Хаимович Огурский****. По контексту можно догадаться, что автор видел в нем представителя троцкистско-сионистских кругов...

Неужели Огурский в самом деле выполнял политический заказ троцкистов-сионистов? Очень мало это похоже на правду, если учесть, что тогда по всему СССР шла кампания по ликвидации троцкистов.

* Ігнатоўскі У. 1863 год на Беларуси. Мн., 1930.

** Михнюк В. Н. Становление и развитие исторической науки Советской Белоруссии (1919–1941 гг.). Мн., 1985, с. 248, 249.

*** Там же.

**** Петриков П. Игнатовский Всеволод Макарович: К 110-летию со дня рождения. Мн., 1991.

Сегодня нам уже хорошо известно, что именно Сталин сам разрабатывал сценарии кровавых расправ со своими политическими противниками. Можно также напомнить стенографические отчеты съездов РКП(б) и ВКП(б), проходивших под руководством Сталина и увидеть сходство с тем, что произошло на XII съезде КП(б)Б.

Сталин, который в 1919 году, во время создания БССР и ЛитБел, возглавлял Наркомат по делам национальностей, приезжал в Беларусь, хорошо знал позиции А. Червякова, Д. Жилуновича, Я. Дылы, других белорусских коммунистов по вопросам национальной государственности. Он знал и то, что, благодаря им пришлось покинуть Беларусь ставленнику петроградских большевиков Александру Мясникову. А в книге «1863 год на Беларусі» Игнатовского, о которой Сталину наверняка сообщили бдительные помощники, он, вероятно, увидел опасность для созданного его усилиями СССР.

Книга «1863 год на Беларусі», позиция ее автора, по моему мнению, вызвала сильное недовольство в руководстве ВКП(б). Официальная идеологическая пропаганда сделала тогда все, чтобы национальный герой белорусского народа Константин Калиновский воспринимался не иначе, как крестьянский бунтарь-одиночка. Певдонаучная полемика о движущих силах восстания 1863 г. в Беларуси и Литве уводила мысль читателя от главной цели восстания – создания демократического, действительно народного государства. Именно Калиновский первым в Беларуси поднял вопрос о праве наций на самоопределение. Это же вопрос в своей статье и книге поставил и Всеволод Игнатовский...

Все годы существования СССР руководителей ВКП(б) – КПСС пугал призрак развала империи. Книга же «1863 год на Беларусі» по сути дела призывала народ к борьбе за независимое государство. Вот по этой причине и была организована полемика на XII съезде компартии Беларуси. Игнатовского довели до самоубийства (4 февраля 1931 г.), его семью уничтожили (в 1937 г.), фамилию запретили упоминать, книги и статьи изъяли из библиотек. По той же самой причине он получил политическую реабилитацию последним из репрессированных государственных деятелей БССР – в 1990 году, когда до распада Советского Союза оставалось всего около года.

О МИНСКОЙ ВОЕННОЙ ШКОЛЕ

Валерий Герасимов

Войска беларускае павінна быць, і яно будзе.

Янка Купала

В 1921 году в Минске начала работать Объединенная Белорусская войсковая школа командного состава имени ЦИК БССР (ОБВШ) – кузница белоруских национальных воинских кадров в довоенный период*. Сейчас, когда возрождается белорусская армия – гарант независимости Отечества, – нужно как можно шире использовать исторический опыт национальных воинских формирований. В этой статье мы рассмотрим проблемы национального военного образования, прежде всего командного состава, в 1920–30-е годы. Разумеется, в общем контексте белорусизации армии, происходившей тогда.

Известно, что во время гражданской войны подготовку командиров для своих воинских формирований вели представители различных небольшевистских движений и партий национально-демократического направления. Это касается деятельности Белорусской Центральной воинской рады, руководящих военных органов БНР, Белорусской воинской комиссии (при польской оккупации), Министерства белорусских дел в Литве, Белорусской армии Булак-Балаховича и т. д. Так, в Одессе в 1918 году был создан белорусский караульный батальон, который задумывался как база для обучения командного состава будущей белорусской армии. В 1919 году в Гродно командиров готовили в 1-м Гродненском белорусском полку. Но вследствие нереализованности истинной независимости Беларуси, все это не переросло в слаженную систему национального воинского образования; в основном использовался офицерский потенциал старой (царской) армии.

То же самое можно сказать об отрядах, созданных Белнацкомом, и о трехмесячном периоде существования Белорусско-Литовской Красной Армии. На территории Беларуси, то есть в Западном военном округе и на Западном фронте к концу 1920 года действовали 13 разных курсов и школ, в том числе Высшая объединенная воинская школа, 3-я Западная пехотная школа и артиллерийская школа 2-й ступени. Красных командиров готовили также курсы в Минске (позже в Гомеле), Могилёве, Витебске, Смоленске и т. д. Срок обучения был от шести месяцев до полутора лет.

Рассматривать эти курсы как национальные невозможно: там отсутствовали важнейшие компоненты национального военного образования – родной язык обучения и воспитания курсантов, адекватная в национальном и историческом отношениях воинская символика, атрибутика, униформа.

Из журнала «Полымя», 1991, № 3, с. 212–225.

* В разное время эта школа именовалась по-разному.

Первым на Беларуси постоянным национальным военно-учебным заведением, готовившем кадры среднего командного состава для белорусских национальных, территориальных и кадровых формирований Красной Армии, можно считать ОБВШ. Ее история начинается с 81-х Минских пехотных курсов, созданных приказом РВСР № 288 от 5 февраля 1921 года (все последующие годовщины отсчитывались именно с этой даты)*.

Основой для создания курсов стали часть курсантов (180 чел.), комсостава (6 чел.) и несколько сотрудников 2-х Московских курсов во главе с их начальником Леонидом Павловичем Клаузе (по некоторым источникам – Клаус или Клауз). Позже он вспоминал:

> Этого дня в 17-м часу эшелон порученных мне курсов прибыл в Минск. (...) Трудно, очень трудно в разгромленном и ограбленном белополяками Минске создать образцовую военную школу (1).

Значительную часть курсантов составила белорусская молодежь. К тому же шефство над курсами взяло правительство ССРБ, от которого они получили флаг и с 10 апреля 1921 г. стали называться 81-е Минские пехотные курсы комсостава имени Совнаркома Беларуси.

ЦИК ССРБ шефствовал тогда над 21-ми Минскими кавалерийскими курсами, которые переехали сюда из Гжатска и размещались в здании бывшей духовной семинарии на Троицкой площади. Интересно, что корреспондент газеты «Звязда», описывая торжественное вручение флага ЦИК кавалерийским курсам, отметил: «Стены зала украшены зеленью и плакатами в белорусском национальном стиле» (2). Однако до белорусизации военных школ дело еще не дошло. В периодике начала 1920-х годов нет упоминаний о том, чтобы курсанты чествовали наших знаменитых предков-воинов (например, Витовта или Константина Островского). А вот об участии курсантов в параде войск Минского гарнизона 3 июня 1922 г. по случаю 20-летия казни в Вильне террориста Гирша Лекерта и почетной закладки ему памятника на площади Свободы читать приходилось (3).

В ноябре 1921 года Минские курсы дали стране первую группу командиров. А 1 февраля 1922 года они уже отмечали первую годовщину существования, в связи с чем народный комиссар ССРБ по военным делам Иосиф (Язеп) Адамович (1897–1937) вручил новый флаг – подарок СНК. Вскоре Клаузе покинул курсы, его сменил участник гражданской войны Ян Фабрициус (1877–1929).

В это время РВСР начал расформировывать многие краткосрочные курсы. Так, в 81-е Минские курсы влились 43-е Полоцкие, 45-е Витебские, 55-е Житомирские, 87-е Рославские и другие. В 1923 году 81-е курсы переименовали в 6-е Минские пехотные курсы и разместили их на месте бывших 21-х кавалерийских. В октябре произошел пятый выпуск – 202 командира (82,6 % из них – бывшие крестьяне, 17,4 % – рабочие). Тогда же новый начвоенком курсов Ж. Лаур че-

* РВСР – Революционный военный совет республики. Высший орган военного управления в советской России. Существовал со 2.09.1918 по 27.08.1923 г. Затем был преобразован в РВС СССР, существовавший до 20.06.1934 г.

рез газету «Советская Белорусь» (16 октября 1923 г.) обратился к демобилизованным красноармейцам:

> Только до 1 ноября т. г. 6-е Минские пехотные командные курсы открыли прием добровольцев на свободные места. Принимаются рабочие и крестьяне: а) служившие в Красной Армии не менее 6 месяцев; б) физически здоровые; в) умеющие читать, писать и знающие 4 правила арифметики. Заявления принимаются ежедневно от 10 до 16 часов в канцелярии курсов (Площадь Парижской Коммуны, б[ывшая] семинария).

В 1923–24 гг. в СССР была начата военная реформа. Она предусматривала сочетание территориальных и кадровых частей. В союзных республиках формировались национальные дивизии: на Украине (четыре) и в Беларуси (одна) – территориального типа, переведенные из общесоюзных; в Азербайджане и Армении – по одной кадровой дивизии: в Грузии – две дивизии, одна из которых милиционная, другая кадровая.

В Беларуси первой территориальной стала 2-я Белорусская стрелковая дивизия, которую возглавил Я. Фабрициус. Ее создали весной 1923 г. на базе 2-й Тульской дивизии. Позже был сформирован 16-й Белорусский стрелковый корпус. Назывались они по-разному: и территориальными, и милиционными. Наркомвоенмор Лев Троцкий объяснял тогда:

Военнослужащий кавалерийского полка 2-й Белорусской стрелковой дивизии

> ...при полном господстве милиционной системы подготовка войск будет идти почти без отрыва граждан от работы и обычных условий жизни. (...) Одной из... ступеней от постоянной армии к милиции являются территориальные дивизии, связанные с постоянными районами (4).

В разработанной ЦК КП(б)Б по решениям XII съезда РКП(б) и XII партконференции КП(б)Б «платформе» по национальному вопросу в условиях БССР «о практических шагах организации национальных воинских частей» говорилось:

> Расквартированную в границах Беларуси территориальную дивизию считать базой для формирования белорусской национальной части.
>
> Пополнение дивизии новобранцами 1902 г., пополнение командного и политического состава дивизии белорусами и знающими белорусский язык.

Пополнение дивизионной школы местной молодежью и введение в школу местных языков обучения, введение команд на белорусском языке.

В дальнейшем считать необходимым переформирование 6-х пехотных курсов в школу командного состава местной белорусской воинской части.

Соответствующее переформирование курсов по признакам национальности и языка.

Постепенное переведение в течение года на белорусский язык всех органов Нарвоенкомата (5).

Необходимым условием дальнейшего расширения национального строительства в армии являлась подготовка национальных кадров командного и политического состава.

Вскоре за подписью М. В. Фрунзе издается приказ РВС СССР «О национализации военно-учебных заведений», по которому значительно расширялось количество национальных военных школ. Отныне система военного образования предусматривала подготовку средних и младших командиров, политработников первичного звена в национальных военных школах, а старшего и высшего командного и инженерно-технического состава – в общесоюзных военно-учебных заведениях.

Были открыты национальные военные училища трех типов: объединенные средние военные школы*, военно-политические училища и специальные школы младших командиров для представителей тех народностей, которые до революции не проходили воинской службы. Нормальная военная школа стала единой формой подготовки новых кадров среднего командного состава.

Согласно с этим в марте 1924 года 6-е минские курсы преобразовали в 7-ю Объединенную школу командного состава имени ЦИК БССР. Торжественное открытие, приуроченное к III сессии ЦИК, произошло 3 ноября того же года. Торжество началось передачей школе флага с надписью: «Объединенная Белорусская имени Белорусского ЦИК командная школа» (ЦИК БССР являлся шефом школы с апреля 1924 г.). Флаг с соответствующей речью вручил председатель ЦИК А. Г. Червяков. Школу приветствовали Александр Крыницкий (от ЦК КП(б)Б), Иосиф Адамович (от СНК), Александр Самохвалов (от КСМ), Гая Гай (конный корпус), Александр Павлов (штаб войск Западного округа), члены ЦИК, крестьяне. Начальник школы Ж. Лаур в краткой речи отметил, что школа, организованная стараниями ЦИК БССР, из общего числа 400 курсантов имеет 50 % крестьян и 40 % рабочих; курс обучения командиров для пехоты и конницы – 3 года, для артиллерии – 4 года (6).

Приказом РВС СССР № 1265 от 5 декабря 1924 года школа была названа Объединенной Белорусской военной школой имени ЦИК БССР. Структурно она включала в себя два отделения: учебный пехотный батальон (1-я и 2-я роты, пулеметчики) и артдивизион (до осени 1926 года – одна батарея, позже две). В курс обучения входили три основных цикла: военный, социально-экономический (общественно-политический) и общеобразовательный. Смешно сейчас гово-

* Они назывались объединенными потому, что готовили командиров по трем профилям – пехотного взвода, кавалерийского эскадрона, артиллерийской батареи.

рить, но на марксизм-ленинизм отводилось 27,7 % общего количества учебного времени.

Тесная связь была налажена с армией: курсанты проходили лагерные сборы совместно со строевыми частями, участвовали в учениях и манёврах. Маршал Иван Якубовский (1912–1976), который учился в школе в 1932–1935 гг., вспоминал:

> При поездках в войска округа (курсанты. – *В. Г.*) ... встречались и вели пропагандистскую работу с личным составом... сами образовывались, слушая выступления таких военачальников, как И. П. Уборевич, С. К. Тимошенко, опытных командиров соединений Е. И. Ковтюха, И. С. Конева, К. К. Рокоссовского, В. Д. Соколовского» (4). Маршал отметил, что «в военной школе курсантам давали крепкие знания по артиллерийскому, танковому, инженерному делу, огневой подготовке (7).

Действительно, по боевой подготовке ОБВШ занимала одно из первых мест в стране. Об этом убедительно свидетельствовали хорошие и отличные оценки, получаемые ею на манёврах РККА и в ходе инспекторских проверок. В 1927 году школа получила приз РВС, дав лучшие результаты; 1-я батарея и представители школы заняли также первое место по индивидуальным стрельбам на первом окружном соревновании. В 1928 году – на втором стрелковом соревновании команда школы опять первая, она получила переходящее знамя и почетную грамоту от РВС БВО; в 1930 году – первое место по тактической и стрелковой подготовке в БВО (знамя РВС, тысяча рублей от СНК Беларуси); в 1933 году – первое место на всесоюзных соревнованиях в Москве (переходящий приз Управления военных учебных заведений).

ОБВШ – субъект и объект своей эпохи – неотделима от того социального эксперимента, которому подвергла общество партия большевиков, от политики, где вера в светлое коммунистическое будущее сочеталась с издержками ее осуществления тоталитарными методами. Потому для более полного представления о школе приведем несколько прямых репортажей из «того времени и того мира», которые не требуют особых комментариев.

1923 год:

> В беседе с нашим сотрудником т. Тухачевский (командующий Западным фронтом. – *В. Г.*) сообщил вот что: Цель нашего приезда – ознакомиться с практикой милиционного военного строительства на Беларуси. [...] Влитые в общую массу переменного состава молодые красные командиры, которые недавно закончили 3-ю Западную школу и Минские курсы, и коммунисты, мобилизованные ЦБ /центральным бюро. – *Ред.*/, объединили переменников в единый пролетарский фронт (8).

1924 год:

> Утром 24 сентября председатель СНК т. Адамович, в сопровождении нар. комиссара воинских дел т. Дубины, неожиданно заехал в здешнюю военную командную школу. Последняя начнет регулярно работать с 1-го октября; сейчас же заканчивается ремонт и идет прием курсантов.

Вот и главный корпус школы, приятно белеющий в посадках зелени, уже тронутой осенью. [...]

Вдоль длинных коридоров по обеим сторонам разместились комнаты курсантов. Ряды белорусских топчанов с простыми чистыми постелями. Здесь трудовая сермяжная деревня, а не былой казенный тип царских юнкеров. Они принесли с собой простоту своей независимости. [...]

Библиотека-читальня. Книги еще только разбираются и грудами заваливают пол и подоконники. Их тут множество; по словам заведующего, несколько десятков тысяч... (9)

1930 год:

На строительство дирижабля «Клим Ворошилов» в школе собрано:

1. От начсостава по подписному листу – 121 рубль 50 к.

2. От женщин (субботник по копанию картофеля) – 73 рубля.

3. От бригады курсантов и начсклада, которые копали картофель в колхозе – 82 рубля... (10)

Содержание всей работы в ходе перевыборов партийно-комсомольских ячеек должно определяться... успешной, четкой и непримиримой борьбой партии с теорией и практикой правого уклона, остатков контрреволюционного троцкизма, борьбой с великодержавным шовинизмом, белорусским контрреволюционным национал-демократизмом и национал-оппортунизмом за ленинскую национальную политику нашей партии (11).

1931 год:

Курсант, командир, политработник не замыкаются только в школе... живут жизнью, которым живет партия, рабочий класс и вся РККА. Силами школы организованы два колхоза, которым систематически оказывается идейная и материальная помощь. Курсантов и их семей втянуто в колхозы 43 процента (12).

1934 год:

В связи с празднованием 16-й годовщины Красной Армии Белгоскино сняло фильм про боевую учебу, жизнь, общественную работу курсантов – будущих красных командиров. Работы по съемкам объединенной воинской школы имени тов. Калинина исполняла комсомольская бригада во главе с оператором Стрешневым. В дни праздничной годовщины небольшой фильм... будет показан на экранах кинотеатров БССР (13).

Торжественно, на самом высоком правительственном уровне праздновались юбилеи ОБВШ. К 10-й годовщине (1931), отмечая выдающиеся заслуги в деле строительства национальных формирований (за это время было подготовлено 1850 командиров), ЦИК БССР наградил школу орденом Трудового Красного Знамени, а начальника школы И. И. Василевича, другой командный состав школы и 18 курсантов – именным оружием и почетными грамотами. В торжественном вечере приняли участие секретарь ЦК КП(б)Б Шарангович

и председатель ЦИК Червяков. На площади Свободы состоялся парад курсантов.

В 1936 году (15-летие) представителей командно-политического, преподавательского и курсантского состава ОБВШ приняли в зале заседаний СНК секретарь ЦК КП(б) Валкович, председатель СНК Голодед, председатель ЦИК БССР и СССР Червяков. Историческому пути ОБВШ почти полосу отвела газета «Звязда» (24 февраля 1936 г.). Начальник школы Алёхин получил грамоту ЦИК БССР и золотые часы, награждены были также 22 командира и курсанта.

* * *

Более подробного рассмотрения требует суть процесса белорусизации в армии в середине 1920 – начале 30-х годов и в ОБВШ как её неотъемлемой части. Ноябрьский (1924 г.) пленум РВС СССР поставил задачу комплектования национальных частей командно-политическим и административным составом соответствующей национальности или лицами, знающими соответствующий национальный язык. Обучение рядовых в национальных частях должно было вестись по общим программам, но, как правило, – на родном языке. Языком командования и управления предусматривался национальный (исполнительные команды – параллельно на русском языке). Национальный командный состав обязательно должен был владеть и русским языком.

Переход к обучению на родном языке сдерживался отсутствием разработанной военной терминологии, почти полным отсутствием уставов, наставлений, учебников и пособий на национальных языках (2). Беларусь не была исключением.

Проблемы белорусизации хорошо очерчены в тогдашней статье М. Каленты «О белорусской территориальной дивизии». Потому позволю себе процитировать ее более полно:

> Год с небольшим существует наша территориальная белорусская дивизия. (...) главное – надо было заменить общий язык армии – русский, на местный – белорусский. Прежде всего необходимо было подобрать значительное число взрослых белорусов, хорошо владеющих языком и способных вести работу среди белорусского крестьянства и рабочих. [...] Пришлось учитывать командиров и политических работников белорусов всей Красной армии и потом, с их согласия, переводить в белорусскую дивизию. Но и этого было еще далеко не достаточно. Находясь все время службы в армии среди русских,.. эти товарищи обрусели и

А. М. МЭЕЗІТ

ТЭХНІКА
Ў БУДУЧАЙ ВАЙНЕ

ДЗЯРЖАЎНАЕ ВЫДАВЕЦТВА БЕЛАРУСІ
СЭКТАР ВАЙСКОВАЙ ЛІТАРАТУРЫ
МЕНСК—1932

почти ничем не отличались от обычных русских москвичей. Но, попав в свою национальную воинскую часть, они стали чувствовать себя совсем иначе. [...]

Некоторые говорили, что белорусизация – это комплектование дивизии белорусами по национальности, а белорусский язык, культура и т. д. – вопрос второй очереди. Но это неправильное понимание дела было в дальнейшем разъяснено, и защитникам этого взгляда пришлось сдаться.

К изучению белорусского языка было приступлено еще в прошедшую зиму. Согласно приказам по дивизии, каждая отдельная часть должна была в программу своих занятий ввести и изучение белорусского языка. [...]

Сделан натиск не только на политическую работу в смысле ее белорускости, но и на чисто строевую сторону. С месяц тому назад создана комиссия по переводу воинских уставов на белорусский язык, кроме другой комиссии, которая занимается вообще белорусизацией дивизии. О работе первой комиссии (по переводу уставов) сказать пока что ничего нельзя, так как она теперь занимается еще подборам материала. Эта комиссия состоит не из одних только представителей дивизии и имеет в виду обеспечить белорусскими уставами не только одну дивизию, а попутно и командную, имени СНК Беларуси (ошибка: правильно – имени ЦИК. – *В. Г.*), школу. [...]

Старый взгляд на белорусский язык, как нечто ненужное для небелорусов – сотрудников дивизии, в большинстве отпал. Появилась даже заинтересованность белорусской литературой. Занятия проводятся в полках ежедневно, а в штабе дивизии и политотделе – 3 раза в неделю, чего безусловно достаточно при дополнительной домашней работе в этом направлении.

Есть, правда, недостаток и недостаток вредный. Это то, что старший и высший командный и политический состав как штаба, так и полков и теперь еще совсем не ходит на занятия. [...]

Окончательно еще летом переведено исключительно на бел. язык делопроизводство Минского полка и постепенно переводится делопроизводство политического отдела.

Клубная работа в Минском полку ведется исключительно по-белорусски и частично в Борисовском полку и частях артиллерии. Белорусские уголки существуют в каждом клубе (14).

В процессе белорусизации конкретно ОБВШ можно выделить два главных аспекта: число курсантов-белорусов и белорусизация учебно-воспитательного процесса (с подпроблемами – белорусскоязычных кадров; научного, методического и материально-технического обеспечения литературой, культурно-просветительными мероприятиями и т. д.).

Белорусизация ОБВШ имела в виду прежде всего увеличение числа курсантов из коренного населения Беларуси. В этом плане дело шло достаточно хорошо – белорусскоязычные бывшие крестьяне составляли основной контингент школы. Вот статистические данные только за несколько лет:

1924 год – в составе школы находится 87 % белорусов;

1931 год – 83 %;

1936 год – 60 %.

В 1930 году принято 70 % белорусов, 16 – русских, 14 – прочих; в 1933 году – 54 % белорусов, 36 % – русских, 10 – прочих. Как видим, количество белорусов к середине 30-х годов сокращается, что своеобразно иллюстрирует постепенное сворачивание всего процесса белорусизации в связи с кампаний против национал-демократов.

Стержнем работы были: перевод учебного, политического и культурно-просветительного процессов на родной язык, расширение в них влияния белорусской культуры. С целью ускорения перехода на белорусский язык был введен один обязательный день в неделю, когда все обращения по службе и разговоры вне службы, а также занятия, приветствия, доклады должны были вестись только на нем. В результате большинство учебных дисциплин в ОБВШ стали преподавать на белорусском языке, исключительно на нем велась политическая работа.

Очень многое зависело от уровня подготовки беларусскоязычных преподавательско-командных кадров ОБВШ. Первоначально в этом значительно помогали белорусоведы из БГУ, других учебных заведений Минска. Так, достаточно плодотворно сотрудничали ученые, командный состав территориальных частей и преподаватели ОБВШ в разработке белорусской военной терминологии под руководством Военной комиссии при Институте белорусской культуры. В предисловии к изданному комиссией «Практычнаму беларускаму вайсковаму слоўніку. Частка 1-я. Расійска-беларуская» (Минск, 1927) сказано, что он «является необходимым пособием для военно-политической учебы в белорусских национальных частях».

Этот словарь составили члены Военной комиссии Николай Байков (1889–1941) и А. Барановский на основе материалов, обработанных самой комиссией, выпусков белорусской научной терминологии в изданиях Инбелкульта, «Сло-

варя белорусского наречия» Ивана Носовича (1870 г.), «Практычнага расійска-беларускага слоўніка» Н. Байкова и М. Горецкого (1924 г.). В словарь вошли: а) узкоспециальные военные термины, предназначенные преимущественно для стрелковых частей; б) термины, необходимые для политического воспитания военнослужащих; в) слова общего употребления.

Весь подобранный словарный материал был рассмотрен и утвержден Военной комиссией в составе председателя комиссии П. Валаснова, членов – М. Якубовича, Н. Байкова, А. Барановского, К. Атраховича, Ч. Родзевича (Чеслав Иванович, брат Л. Родзевича) и П. Дылы. Кроме них в работе над словарем принимали участие Ж. Лаур, Я. Дыла, М. Арабей, И. Луцевич (Янка Купала), Я. Лёсик. По созвездию писательских имен видно, насколько большое значение придавалось тогда этому делу.

Проблема белорусской терминологии для наших военнослужащих сейчас снова актуальна, поэтому приведу несколько конкретных примеров из словаря. Вот как звучало когда-то по-белорусски:

«взвод управления» – разьдзел кіраваньня; «взводная колонна» – колюмна разьдзелу;
«взвод (эскадрон, полк) – слезай. Равняйсь. Смирно» – разьдзел (эскадрон, полк) – Злазь. Раўнуйся. Зважай;
«вьюки за взвод» – клункі за разьдзел;
«к оружию» – да зброі;
«отряд, садись» – аддзел, сядай;
«караул в ружьё» – каравул да стрэльбы...

БЕЛАРУСКАЯ АКАДЭМІЯ НАВУК
ІНСТЫТУТ МОВАЗНАЎСТВА
Ваенна-Тэрміналёгічная камісія

Пралетары ўсіх краін, злучайцеся!

ВАЕННЫ
РУСКА-БЕЛАРУСКІ
СЛОЎНІК.

Укладальнікі – Ваенна-Тэрміналёгічная камісія: Старшыня камісіі Кобаевц, Члены камісіі: Калента, Карвоўскі, Мацюкевіч, Пятроў, Юргілевіч, Якубовіч, Яноўскі і сакратар Саломевіч.

МЕНСК – 1933

Позже по предложению РВС БВО президиум АН БССР создал Военно-терминологическую комиссию в следующем составе. Председатель – Василевич (начальник и комиссар ОБВШ), члены – Конюхов (помполит ОБВШ), Яновский (комиссар 6-го полка), Калента (заведующий военным сектором Белгосиздата), Якубович (помощник начальника партучёбы ОБВШ), Мацюкевич (директор Института языка АН), Шумович (начальник отдела в штабе БВО), Самохвалов (ответственный редактор «Красноармейской правды»).

Комиссии поручили подготовку белорусского военного словаря и пересмотр военного русско-белорусского словаря, изданного в 1927 году. К участию в работе и обсуждении привлекались широкие массы военнослужащих белорусских частей.

В 1933 году «Ваенны руска-беларускі слоўнік» карманного формата вышел из печати. Его составителем указана «Военно-терминологическая комиссия» при Институте языкознания АН БССР (председатель – Кобленц; члены – Калента, Карвовский, Мацюкевич, Петров, Юргилевич, Якубович, Яновский; секретарь – Соломеник). К сожалению, новый словарь по сравнению с предыдущим имел не только положительное отличие (включение терминов, связанных с новой техникой, моторизацией и механизацией), но и отрицательное. В числе своих задач составители указали – избавиться от «архаизмов, полонизмов, которые стремились укоренять в армию нацдемы, исходя из классовых буржуазно-реставраторских тенденций». Не надо забывать, какое время настало! Уже подверглись репрессиям Янка Купала, Язеп Лёсик, Язеп Дыла...

«Ваенны слоўнік» был составлен согласно дореформенному правописанию (с мягким знаком и т. д.), но «искусственных и политически вредных, нацдемовских терминов» в нем нет, он приближен к русской лексике. Так, «разьдзел» заменен «ўзводам», «аддзел» – «атрадам», «вайсковы» – «ваенным» и т. д.

Благодаря разработке специальной терминологии, в те годы выходило много учебной, практической и научно-популярной военной литературы. В ее написании, составлении, редактировании и переводе деятельное участие принимали командиры и преподаватели ОБВШ. (См., например, книжку А. Кадишева «Што павінен ведаць малады чырвонаармеец» под редакцией. П. Волоснова, М. Якубовича, П. Дылы (Минск: Военная комиссия при Инбелкульте, 1928).

Литературу военной тематики широко издавало Белорусское государственное издательство (БДВ), Государственное издательство БССР (ДВБ), Государственное военное издательство БССР (ДВВБ). Один только сектор военной литературы ДВБ в серии «Библиотека красноармейца» запланировал на 1931 год более десяти практических пособий.

Думается, что белорусскоязычная военная литература того времени и сегодня интересна ученым – как источник специальной терминологии и стилистики. Потому приведу небольшой список книг, хранившихся в Правительственной библиотеке БССР (не знаю, сохранились ли, ведь многое успели списать в «годы застоя» как не имеющее ценности):

Папоў Б. Чырвоная Армія і яе задачы (БДВ, 1928);
Юшкоў С. У наступленьні (ДВБ, 1930);

Настаўленьне па стралковай справе. РСЧА. Курсы стрэльб. 1930. (БДВ, 1931);
Як робіцца вайна: 36 артыкулаў (ДВБ. Сектар вайсковай літаратуры, 1931);
Ушакоў Д. Як рабіць і як перамагаць загароды (ДВВБ, 1932);
Рабіновіч С. Гісторыя грамадзянскай вайны. Дапаможнік для ваенных школ РСЧА (Партвыдат, 1934);
Ваенная тэхніка. Падручнік для чырвонаармейцаў, малодшых камандзіраў РСЧА і актыву Асавіяхіма (ДВБ, 1934)...

А были еще издания и для политпросветработы. Такие, как «Чырвоная Армія – зброя пролетарскай дыктатуры: I і VIII разьдзелы програмы палітычных заняткаў з чырвонаармейцамі РСЧА» (БДВ, 1931). Из нее можно узнать, что «по переписи 1925 г. в Красной Армии насчитывались красноармейцы 109 наций»; что «в Красной Армии организованы специальные национальные части и национальные подразделения (украинские, белорусские, татарские, грузинские, армянские, узбекские, бурятские, таджикские, туркменские и другие)»; что «в случае нападения на СССР национальные части будут использованы там, где этого потребуют интересы защиты Союза».

Была литература и для будущих воинов. Вроде книжки Н. Чупраковой «Камсамол на дапрызыўнай падрыхтоўцы» (БДВ, 1929). Тогдашний «новобранец» узнавал из неё, что «военное обучение в территориальных войсках с 8-ми месяцев сокращено до 7-ми месяцев», что «территориальные войска стоят государству дешевле кадровых» и многое другое.

* * *

Большую роль в формирования кадров командиров играла военная национальная пресса. В ОБВШ – это вначале стенгазета «Красный юнкер», позже многотиражка «Красный флаг». Печаталась она в типографии АН БССР тиражом 300 экземпляров. Жизнь ОБВШ и белорусских территориальных частей регулярно освещала белорусскоязычная «Чырвонаармейская праўда» (выходила с 1929 года как газета политического управления БВО, два раза в неделю приложением к «Красноармейской правде»; с 1931 года ежедневная газета РВС БВО). Кроме того, были белорусскоязычные военные рубрики: «Беларускі куток» в «Красноармейской правде», «Чырвоная варта: Листок Беларускай Міліцыйнай Дывізіі» в «Советской Беларуси», «Абарона СССР» в «Беларускай вёсцы».

На белорусском языке, основываясь на традициях национальной культуры, велась

бытовая и культурно-просветительная работа в ОБВШ. Заметка «Беларускі куток» сообщала:

> При клубе 7-й белорусской военной объединенной им. ЦИК БССР школы заложен белорусский уголок, куда собираются материалы по белорусской культуре в разных ее областях, как то материалы о быте белоруса, по истории развития белорусской печати, портреты писателей и гражданских деятелей, фотоснимки и т. д. Цель основания уголка – наглядно помочь курсантам в изучении Беларуси. Материал собирается под руководством преподавателей белорусоведения (15).

Библиотеке ОБВШ достались богатые фонды от дореволюционной духовной семинарии. Художественной, политической и военной литературой на белорусском языке курсанты пользовались в библиотеке минского Дома Красной Армии. (Она также комплектовала белорусские передвижки для частей Белорусской дивизии).

В школе работали самодеятельный хор, театр, ансамбль цимбалистов, вокальный ансамбль, кружок оперного искусства.

Был и свой «Марш ОБВШ»:

Наш кожны дзень авеяны
Легендай баявой,
Наш сцяг не раз прастрэляны,
Заліт не раз крывёй.

Припев:
Заўжды стаіць на варце міру
Агнямі скрэпленай сцяной,
АБВШ за справу міру
Гатова ў бой, гатова ў бой.

Над школой шефствовали многие культурные учреждения, в том числе Белорусский Государственный Театр (позже – имени Янки Купалы) и хор Теравского. Хочется сказать несколько слов об этом человеке – одном из основоположников современной белорусской песенной военной традиции, замечательном белорусском композиторе, дирижере, фольклористе. Руководимый им Белорусский народный хор с 1917 года давал многочисленные концерты по всей Беларуси при всех властях.

Вот только одна зарисовка:

Т[ов.] Червяков обходит ряды белорусской армии и приветствует красноармейцев. [...] Наконец белорусский хор Теравского. [...] Концерт закончился. «Маленький, старенький, но удаленький» Теравский летает под потолок на сцене (16).

Военная комиссия при Инбелкульте в 1926 году издала «Сьпеўнік музыкі У. Тэраўскага». В предисловии к нему сам Владимир Васильевич написал:

Получив задание срочно написать этот песенник, я, при составлении каждой песни, прежде всего старался сохранить характер белорусской народной мелодии. [...] Некоторые номера взяты мною из первого моего сборника «Беларускі сьпеўнік на 3 галасы» (изд. в Минске в 1921 г.) и из «Беларускага лірніка» (изд. в Берлине в 1922 г.) и в немного переделанном виде, в характере марша, внесены в этот песенник. [...] Чтобы легче заучивать и распространять эти песни, предлагается руководителям хоровых кружков воинских частей сначала научить хор, а потом вводить в общее пользование всеми частями.

Музыкальная подсекция Инбелкульта одобрила «Сьпеўнік» и рекомендовала его к использованию в национальных воинских частях. Содержал он 30 песен (с нотами) на слова Янки Купалы, Тишки Гартного, Ясакара (Зм. Бедулі), Теребича (ему принадлежат тексты 6 песен, но кто скрывается за этим псевдонимом, выяснить не удалось). Есть три песни из цикла «На военные мотивы», написанного Янкой Купалой в 1919–1920 гг.: «Сьвішча куля» («Будзь здаровы, бацька, маці...»), «У паход» («Ой, вяду беду...»), «Габруська» («Габруся ў жаўнерку ўзяли...»)*.

Надеюсь, что когда наша армия станет по-настоящему белорусской, снова зазвучат в ее войсках «Беларускія тэрчасьці» Теребича:

Беларускія тэрчасьці
Усім гатовы памагчы.
Усё за лепшасьць чалавека,
Альбы ворага змагчы;

«Беларусь!» (аўтар не пазначаны):

Родная зямелька
Мусіць йшчэ змагацца...
Ідзі ў бой, хто хоча
Беларусам звацца;

«У паход» Купалы:

Як той лес, вяяк ля ваякі стаў,
Зброя ў сонцы йграе,
Зварухнуўся полк, а за ім другі,
Толькі сцяг міргае...

* В скобках указаны названия стихотворений по сборнику Я. Купалы «Творы» (1930 г.).

Помещен в сборнике, тоже без указания автора, «Воинский марш». Но его автора мы хорошо знаем, это Макар Кравцов (1891–1939):

Мы выйдзем шчыльнымі радамі
На родны, вольны свой прастор,
Хай воля вечна будзе з намі,
А гвалту мы дамо адпор.
Хай ажыве закамянелы
Наш беларускі родны дух;
Свабоды сьцяг – штандар чырвоны,
Пакрый сабой народны рух.

Заметим, что во второй строфе цензура изменила третью строку: подлинный «Штандар наш бел-чырвона-белы» на «Свабоды сьцяг – штандар чырвоны». (Такая же подмена была сделана в тексте Янки Журбы «Працоўны люд»).

Многие командиры и курсанты ОБВШ являлись членами БЕЛЛОКАФ – Белорусского литературного объединения Красной Армии и Флота. Их произведения регулярно печатались на «Литературной странице» в «Красноармейской правде», других периодических изданиях, поэтических сборниках (в 1934–35 гг. вышли, например, 5 альманахов «Атака»). Однако художественные качества этих сочинений оставляли желать лучшего. Впрочем, то же характерно для всей белорусской литературы 30-х годов, оцепеневшей под партийным руководством. Нескрываемой апологетикой империалистических посягательств Советского Союза веет, например, от стихотворения «Ёсць наша Айчына» Петруся Бровки, помещенного в «Чырвонаармейскай праўдзе» 15 апреля 1932 года:

Вы шукаеце права, і вы будзеце біцца
За Савецкі Парыж і Чырвоны Берлін.

А вот изданный в 1938 году фольклорной секцией Института истории АН БССР (под редакцией Якуба Коласа) сборник «Чырвоная Армія і абарона Радзімы ў беларускай народнай творчасці». Как мало похожи его песни, сказы, пословицы на «Сьпеўнік» В. Теравского, на «военные циклы» Янки Купалы и Змитрака Бедули.

Фальшь и елей характерны и для «Песні пра Варашылава», и «Пра Будзённага», и «Сталінскай», и для других. А чего стоит «Быліна аб мудрым воіне Кліме

і яго таварышах»: «І не біўся так Ілья Мурамец, // А ні князь Алег, як наш воін Клім».

То же относится к сборнику «Слава Арміі Чырвонай» (Минск, 1941) с ура-патриотическими стихами Янки Купалы, Якуба Коласа, Петруся Глебки, Аркадия Кулешова, Эдди Огнецвет. Только улыбку вызывают сейчас строки:

У міжбур'е з ім жыць міла,
Легка ж будзе і ў паходзе,
Во, які наш Варашылаў!
Во, які наш палкаводзец!

(Янка Купала. «Наш палкаводзец»)

Либо:

Будзь адважным, мужным сынам
І на ўцеху нам усім
Беражы сваю краіну,
Як луганскі слёсар Клім.

(Пятро Глебка. «Калыханка»)

* * *

Отметим, что белорусизация армии, достигнув значительных успехов, окончательной реализации все же не получила. Среди причин обозначим психологические, саботаж, общественно-политические.

Первыми можно объяснить следующие примеры. Как писал войсковой корреспондент «Чырвонаармейскай праўды» (29 июля 1929 г.), «начальник штаба 2-й Бел. дивизии... подписал много приказов о переходе на бел. язык, а сам по-белорусски не знает ни слова».

СССР

ВАЕННАЯ ТЭХНІКА

ПАДРУЧНІК ДЛЯ ЧЫРВОНААРМЕЙЦАЎ, МАЛОДШЫХ КАМАНДЗІРАЎ РСЧА І АКТЫВУ ТСААВІЯХІМА

ПАД АГУЛЬНАЙ РЭДАКЦЫЯЙ І З УСТУПНАЙ ГЛАВОЙ НАЧАЛЬНІКА БАЯВОЙ ПАДРЫХТОЎКІ РСЧА А. СЕДЯКІНА

Пераклад з рускага выдання

ВЫДАВЕЦТВА БЕЛАРУСКАЙ ВАЕННАЙ АКРУГІ
МЕНСК — 1934

Прошло три года. И опять в «Чырвонаармейскай праўдзе» (9 января 1932 г.) сигналы о том же:

...курсант 3-го курса 2-й батареи ОБВШ т. Иванов за трехлетнее пребывание в школе никак не может овладеть белорусским языком... Тов. Иванов по национальности белорус, знает язык, однако же на всех занятиях за исключением слова «зважай» всегда употребляет исключительно русский язык; или вот командир взвода 2-й роты 6-го стрелкового полка, «который три года учился в ОБВШ, около трех лет служил в белорусской дивизии и имел все возможности хорошо овладеть белорусским языком, категорически отказыва-

ется проводить занятия на белорусском языке, употребляя исключительно русский язык», а на замечание ответил: «мовы не знаю и знать ее не буду».

И последняя причина. 7 марта 1938 года постановлением ЦК ВКП(б) и приказом Наркома обороны СССР от 16 апреля 1938 года национальные части были преобразованы в общесоюзные. Это явно ошибочное решение формально обосновывалось стремлением «повысить боеспособность Красной Армии». Но общеизвестно, что национальные части не уступали общесоюзным по боевой и тактической подготовке. Не зря в годы войны некоторые из них были опять восстановлены (только не белорусские), а в 1944 году разрешили их создавать всем союзным республикам (но далеко не все создали).

Суть дела в том, что национальные воинские формирования самим фактом своего существования мешали Сталину строить унитарное государство путём подавления национальных культур. В БССР были реорганизованы 2-я, 33-я, 37-я и 64-я территориальные стрелковые дивизии. Соответственно, исчезла потребность в национальных кадрах командиров. В 1937 году ОБВШ (после посещения в 1933 г. М. И. Калининым школе дали его имя) тоже реорганизуется в Минское военное, а с 1940 года в Минское пехотное училище имени М. И. Калинина. В конце 1940 года произощел последний выпуск курсантов-лейтенантов (по его результатам училище заняло первое место среди пехотных училищ СССР).

Указом Президиума Верховного Совета СССР № 29 от 5 февраля 1941 года в связи с 20-й годовщиной училище было награждено орденом Красного Знамени. Празднование юбилея произошло в Государственном Большом театре БССР. А на пороге уже была война...

* * *

За годы своего существования ОБВШ воспитала тысячи командиров. В их числе защитники Брестской крепости А. И. Мохнач, П. Е. Сиваков, В. В. Шабловский, маршал И. И. Якубовский, генералы армии В. П. Маргелов и И. О. Пеньковский, генерал-лейтенанты Р. В. Вайнруб и Р. М. Баталов...

В разные годы начальниками школы были Л. Клаузе (1921–1922), Я. Фабрициус (1922–1923), Ж. Лаур (1924), П. Волоснов (1927), И. Василевич (1929–1932), Кобленц (1932–1933), Я. Алёхин (1933–1938), Пузиков (1940–1941) (1).

Что сказать в завершение? На абсолютно пустом месте не растет ничего, кроме чертополоха. Поэтому мы и вспомнили про ОБВШ.

Сейчас в доме № 31 по улице Максима Богдановича, где когда-то находилась ОБВШ, находится Минское суворовское училище. Есть в нем музей с материалами про ОБВШ. Есть в Минске и Национальная военная академия.

ИСТОЧНИКИ ЦИТИРОВАНИЯ

1. *Садовский Е. У станка и с винтовкой — к одной цели. К победе социализма. // Газета «Рабочий», 1931, 11 февраля.*
2. *Белогорский Б. Дни Красной Армии // Газета «Звезда», 1922, 24 февраля.*

3. *День Леккерта: Приказ № 31 по гарнизону гор. Минска 3 июня 1922 г. // Газета «Звезда», 1922, 7 июня.*
4. *Тов. Троцкий о милиционном строительстве // «Савецкая Беларусь», 1924, 14 сентября.*
5. *Национальный вопрос в условиях БССР. // «Савецкая Беларусь», 1923, 30 октября./*
6. *См. репортаж в газете «Савецкая Беларусь» от 5 ноября 1924 г.*
7. *Якубовский И. И. Земля в огне. Москва, 1975, с. 34, 35.*
8. *Тов. Тухачевский о Белорусской дивизии // «Савецкая Беларусь», 1923, 20 сентября.*
9. *В 7-й войсковой командной школе // «Савецкая Беларусь», 1924, 30 сентября.*
10. *Построим дирижабль «Клим Ворошилов» // «Чырвоны сцяг», 1930, 6 ноября.*
11. *Козловский. К перевыборам парт. и КСМ ячеек // «Чырвоны сцяг», 1930, 6 ноября.*
12. *Конюхов. Дрались и будем драться // «Чырвонаармейская праўда», 1931, 9 февраля.*
13. *Объединенная военная школа на экране // «Рабочий», 1934, 8 февраля.*
14. *Статья Каленты в газете «Савецкая Беларусь», 1924, 30 октября.*
15. *См. газету «Савецкая Беларусь» за 2 октября 1924 г.*
16. *Апутин. Закрытие лагерей белорусской дивизии // «Савецкая Беларусь», 1924, 31 июля.*

НА ВЕСАХ СПРАВЕДЛИВОСТИ: ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЮНРРА В БССР в 1945—1947 гг.

Владимир Снопковский

Беларусь вместе с пятьюдесятью другими странами является государством-учредителем Организации Объединенных Наций, созданной в Сан-Франциско в июне 1945 года. Это было значительное событие в новейшей истории республики: вступление в ООН приоткрывало перед ней дверь во внешний мир, выводило из той международной изоляции, в которую загнал все советские республики сталинский режим. (Да, только лишь приоткрывало, ибо о независимости как во внутренней, так и тем более внешней политике не приходилось даже мечтать. Но, как говорится, «что-то» все же лучше, чем ничего).

Членство БССР в ООН принесло белорусскому народу непосредственную практическую пользу, поскольку уже в 1945 г. он получил возможность использовать помощь Объединенных Наций для восстановления разрушенной войной экономики. Речь идет об оказании Беларуси помощи по линии ЮНРРА (UNRRA) — United Nations Relief and Rehabilitation Administration (Администрация помощи и восстановления Объединенных Наций).

ЮНРРА была создана в ноябре 1943 г. государствами — членами антифашистской коалиции для оказания экономической помощи странам, пострадавшим во время Второй мировой войны. Речь прежде всего шла о продовольствии, одежде, медикаментах, семенах, сельскохозяйственном и промышленном оборудовании. Поставки производили бесплатно в основном те государства, которые не пострадали от войны — США, Канада, Австралия, латиноамериканские государства. Размер взносов в фонд ЮНРРА составлял не менее 1—2 процентов национального дохода стран — членов организации. Советский Союз был освобожден от уплаты взносов.

Сотрудничество Беларуси с ЮНРРА является «белым пятном» в белорусской историографии. На протяжении всего послевоенного периода оно замалчивалось по вполне определенным политическим и идеологическим соображениям. Правившему режиму невыгодно было упоминать, а тем более пропагандировать помощь, оказанную пострадавшей Беларуси со стороны США и других западных государств, которые после начала холодной войны превратились в главных противников Советского Союза.

Упор делался на освещение помощи, полученной республикой из внутрисоюзных источников, от других союзных республик. Следует признать, что эта поддержка в рамках единого централизованного государства сыграла решающую роль в послевоенном восстановлении народного хозяйства, культуры, нау-

Из журнала «Неман», 1993, № 6, с. 159—167.

ки, здравоохранения Беларуси. Вместе с тем пора по достоинству оценить созидательную роль усилий ЮНРРА, направлявшихся на восстановление народного хозяйства Беларуси, на пополнение ее скудных продовольственных фондов.

Основой для нашей публикации послужили документы и материалы из Национального архива Республики Беларусь, белорусской, общесоюзной и иностранной периодики, зарубежных исследований, в первую очередь из 3-томной истории ЮНРРА (Нью-Йорк, 1950 г.), а также из официальных публикаций ЮНРРА на английском языке.

* * *

Кратчайший путь от Берлина к Москве пролегал через Беларусь, и она в числе других западных республик СССР первой подверглась агрессии нацистов. Последующие годы оккупации принесли белорусскому народу тяжелейшие людские и материальные потери.

Ужасные картины разрушений белорусских городов, посёлков и деревень производили тягостное впечатление на иностранных корреспондентов, представителей международных организаций, посетивших республику в 1944–1945 гг. В отчете о деятельности ЮНРРА за 1945 г., по словам газеты «Таймс», «самый страшный параграф» был посвящен Беларуси и Украине, территория которых была подвергнута разрушениям, «невиданным до сих пор никогда в истории...». Газета писала, что более 2,5 млн. жителей обеих республик, оставшись без крова, спасаются как могут в землянках, блиндажах и разрушенных зданиях. Первый руководитель миссии ЮНРРА в БССР, американец Ричард Скандрет называл Беларусь «самой сильно пострадавшей частью мира».

В официальной истории ЮНРРА сказано:

> Даже люди, бывшие свидетелями разрушений в остальной Европе, были шокированы грудами камней, в которых лежал Минск – столица Белоруссии. Это напоминало апокалипсис, сравнимый только с Варшавой: другие крупные города, как Витебск и Гомель, были не лучше. Витебск, например, переходил из рук в руки 11 раз, а в Витебской области погибло 300 тыс. жителей (треть населения), что равнялось всем потерям Соединенных Штатов убитыми в войне.

Жители Беларуси с энтузиазмом приступили к восстановлению разрушенного. Главным источником помощи белорусскому народу в деле восстановления республики были, скажем это еще раз, другие советские республики. Но масштабы урона были таковы, что их помощи не хватало. Советское правительство решило обратиться к международному сообществу за поддержкой для Беларуси и Украины, которые являлись членами ООН и поэтому могли рассчитывать на оказание помощи по линии ЮНРРА.

В августе 1945 г. обе республики приняли в члены ЮНРРА. В том же месяце правительство СССР обратилось к ЮНРРА с просьбой о выделении 700 млн. долларов для оказании помощи Беларуси и Украине. Признавая большой ущерб, нанесенный БССР и УССР в годы войны, члены Центрального комитета ЮНРРА, представители Канады, Великобритании и США согласились предоставить им помощь в размере 250 млн. долларов. Просьбу СССР решено было оформить как обращение от имени правительств обеих республик – с учетом того, что

представители США, Канады и Великобритании поддержат обращение Украины и Беларуси. Процедуру обсуждения вопроса максимально упростили ради главного — скорейшего оказания самой помощи.

В сентябре 1945 г. подкомитет комитета по снабжению — одного из основных функциональных органов ЮНРРА, рассмотрев валютные возможности обеих советских республик, выделил 61 млн долларов для оказания помощи БССР и 189 млн. УССР. При этом республикам было рекомендовано заявить, что они не в состоянии рассчитаться за эту помощь свободно конвертируемой валютой. В протоколе говорилось:

> Информация, представленная подкомитету представителями БССР, свидетельствует о том, что в соответствии с конституционными положениями СССР эта союзная республика не имеет валютных средств в собственном распоряжении и что эти средства имеются только в руках правительства СССР. Однако в связи с огромными разрушениями в БССР подкомитет рекомендует, чтобы правительство БССР заявило в настоящее время о том, что оно не в состоянии оплачивать необходимые средства за иностранную валюту в виде поставок по линии помощи и восстановления, которые имеются в распоряжении генерального директора.

Аналогичная рекомендация была сделана в отношении УССР.

После того как в середине сентября от представителей республик были получены просьбы об их основных потребностях, включился в действие механизм поставок. И хотя в то время США отсрочили поставки по программам ЮНРРА, администрация последней предприняла максимум усилий, в ряде случаев даже временно приостановив оказание помощи другим странам, чтобы как можно быстрее удовлетворить нужды Беларуси и Украины. В результате первый корабль с грузами отплыл в Одессу в конце ноября 1945 г.

* * *

Переговоры в Вашингтоне о заключении дальнейших процедурных соглашений между администрацией ЮНРРА и правительствами БССР и УССР шли трудно. Главными спорными вопросами были численность и функции миссий ЮНРРА, признанных наблюдать за распределением товаров. Администрация категорически отказалась включить в тексты соглашений любое упоминание об ограничении численности миссии. Вместе с тем, в виде некоторой уступки, были приняты объяснительные письма от представителей БССР и УССР, в которых подчеркивалось их желание иметь небольшие по численности миссии.

Объяснялось это тем, что соответствующим органам в Советском Союзе было бы легче контролировать деятельность маленького персонала миссий, которым, к тому же, не разрешалось бы наблюдать за распределением товаров. Советский проект соглашения вообще не предусматривал предоставления миссиям права наблюдения за распределением поставок внутри республик. Согласно ему правительства республик не должны были принимать на себя обязательств, дающих возможность сотрудникам миссий свободно передвигаться по территории республик с целью наблюдения. В данном вопросе представители БССР и УССР руководствовались официальной доктриной об абсолютном государственном суверенитете и недопустимости малейшего вмешательства во

внутренние дела СССР. Такая позиция была вполне естественна для тоталитарного режима, существовавшего тогда в Советском Союзе.

Жесткая линия советской делегации ставила под угрозу возможность скорейшего заключения соглашений. Руководство администрации в начале ноября 1945 г. заявило, что если до конца месяца на переговорах не будет достигнут существенный прогресс, оно прекратит отправку грузов в СССР. Это возымело свое действие, и советские представители пошли на компромисс. 30 ноября 1945 г. погрузка кораблей для Беларуси и Украины была возобновлена.

Соглашения между ЮНРРА и правительствами БССР и УССР были подписаны в Вашингтоне 18 декабря 1945 г. От правительства БССР документ подписал член ЮНРРА Л. И. Каминский, от ЮНРРА – генеральный директор Генри Леман (H. Lehman; 1878–1963). Предусматривалось удовлетворение заявок Беларуси до 1 июля 1946 г. на сумму 61 млн. долларов.

Краткое сообщение ТАСС о подписании соглашений опубликовали центральные, белорусские и украинские газеты в начале января 1946 г. Сам же текст соглашения между правительством БССР и ЮНРРА, состоящего из преамбулы, 9 статей и объяснительных писем, в Беларуси до сих пор не опубликован. Прежде всего потому, что наше руководство всегда стремилось преуменьшить значение помощи Беларуси со стороны Объединенных Наций.

Тексты соглашений зафиксировали четкое обязательство правительств БССР и УССР о том, что они будут информировать миссии относительно распределения поставок и предоставлять им «возможность наблюдения за таким распределением на всех необходимых стадиях». Более того, представитель

Выгрузка очередной партии гуманитарной помощи UNRRA

УССР А. М. Барановский на встрече с Г. Леманом 28 ноября 1945 г. заявил от имени правительств обеих республик, что персонал миссий будет иметь полную свободу передвижения в стране – получателе помощи.

Некоторые моменты соглашения ЮНРРА с БССР, относившиеся к деятельности миссии, были включены в текст по настоянию правительства БССР. В частности, это положение о том, что руководитель миссии и члены его персонала будут назначаться администрацией по договоренности с правительством БССР; что сотрудников миссии, являющихся советскими гражданами, можно нанять на работу только с согласия правительства БССР. (Их подбор осуществляло Управление кадров ЦК компартии Белоруссии). Подобного рода оговорок не было в тексте соглашений ЮНРРА с другими странами получателями.

Соглашения не учитывали расходов на перевозку грузов водным путем. Администрация считала, что расходы надо включить в общую сумму 250 млн. долларов. Советский Союз, полагая, что эта цифра определяет только непосредственную стоимость фактических поставок, хотел получить дополнительные ассигнования на перевозку. И, в конце концов, своего добился: члены ЦК ЮНРРА от Канады, Великобритании и США согласились использовать все 250 млн. долларов для поставок. На перевозку грузов морским путем было дополнительно выделено 23 млн. долларов.

* * *

Персонал миссии ЮНРРА (15 сотрудников) прибыл в Минск 19 апреля 1946 г. и был размещен в загородном доме в Лошицком парке. Эти сотрудники в своем большинстве являлись гражданами США. Миссией, деятельность которой осуществлялась с апреля 1946 года по март 1947, руководили поочередно американцы Ричард Скандрет, Р. Фрейз и Теодор Уоллер*.

Между миссией и государственными органами республики установилось деловое сотрудничество. Координацию работ, связанных с получением, размещением, доставкой и распределением товаров и грузов, осуществляло управление по поставкам ЮНРРА при Совнаркоме, позже – при Совете Министров БССР.

Оно занималось также связью миссии с правительством, ее взаимодействием с республиканскими министерствами и ведомствами. По мнению руководящих кругов ЮНРРА и сотрудников миссии, «централизованное сотрудничество» миссии с правительством республики имело как свои преимущества, так и недостатки. Руководители миссии, воздавая должное начальнику управления по поставкам К. Лостовскому и его заместителю И. Былинскому, вместе с тем отмечали, что из-за широкого круга обязанностей и перегруженности делами они не могли уделять деятельности миссии ЮНРРА достаточно времени и внимания.

Главной задачей миссии было наблюдение за распределением поставок. Поначалу ее персонал мало разъезжал по республике, не встречая содействия в своих поездках со стороны белорусских властей. Т. Уоллер с трудом убедил пра-

* Жена последнего, Рут Уоллер, работала секретарем миссии. В Минске она сильно простудилась, спасая из Свислочи тонувшего ребенка. Местные врачи не сумели помочь чемпионке штата Калифорния по теннису: не нашлось нужных лекарств. Рут умерла 4 августа 1946 г. и была похоронена на Военном кладбище. – *Прим. ред.*

вительство БССР в необходимости наблюдательных поездок. К лучшему дело изменилось весной 1947 г., после визита в Беларусь генерального директора ЮНРРА Ф. ла Гардиа*.

Планы распределения промышленных товаров и продовольствия составляли названное управление совместно с Госпланом и Министерством торговли, а утверждал их Совмин БССР. Около 55 % продовольственных товаров и предметов народного потребления отправлялось в торговую сеть, остальные 45 % шли в распоряжение местных советов. Задача миссии заключалась в том, чтобы следить за сохранением этой пропорции. В соответствии с решениями Совмина БССР и ЦК КП(б)Б часть поступающих продовольственных и промышленных товаров передавалась бесплатно больницам, школам, детским садам и яслям, госпиталям, детским домам, детям-сиротам, оказавшимся на руках у чужих людей или родственников. В списки на получение продуктов включались также беременные женщины и кормящие матери, инвалиды войны, репатриированные граждане. При распределении, помимо других соображений, учитывалась степень тяжести разрушений в тех или иных районах Беларуси.

Остальные товары реализовывались по государственным розничным ценам через магазины и предприятия по карточкам. Выручка поступала на восстановление народного хозяйства.

Надо также отметить, что основная часть товаров ЮНРРА распределялась среди городских жителей. Большинство сельских районов считалось самообеспечивающимися. Да и карточек, по которым можно было что-то купить из лимитов ЮНРРА, деревня не имела.

Такой порядок распределения иностранные наблюдатели одобряли. Персонал миссии квалифицировал его как «одну из замечательных черт советской жизни». Р. Скандрет перед отъездом домой в беседе с корреспондентом БелТА заявил, что особенно большое впечатление на него произвело то преимущество в распределении товаров ЮНРРА, которое отдавалось детям.

Сведения о распределении продовольственных товаров публиковать миссиям не разрешалось, поскольку правительство СССР считало их «стратегическими данными». Обе миссии вместе с тем признавали, что они не имели влияния на рационирование продовольственных товаров или на цены, устанавливаемые правительством СССР. Однако в ходе инспекционных поездок они убеждались, что «распределение было справедливым и эффективным и что большинство разрушенных и особо нуждавшихся районов обеих республик получали большую часть продовольственных и других товаров ЮНРРА».

Р. Скандрет в упоминаемой беседе с представителем БелТА сказал, что во всех посещенных им областях Беларуси он мог лично убедиться в том, что распределение товаров было «тщательно распланировано и хорошо организовано». Постоянные сотрудники миссий и специально командированные представители администрации, посетившие БССР и УССР, были удивлены экономным расходованием продовольствия. (Кстати, это позволило сберечь некоторую

* Фиорелло Генри ла Гардиа (1882–1947) был известным американским политиком, одним из соратников президента Ф. Д. Рузвельта. В 1933–45 гг. занимал пост мэра Нью-Йорка. – *Прим. ред.*

его часть до тяжелейшего 1947 года, хотя поставки продовольствия по линии ЮНРРА были завершены к концу 1946-го.)

Надо сказать, что в ряде случаев некоторые товары попадали в первую очередь к партийно-советским работникам. Писатель Владимир Федосеенко, автор публикации в еженедельнике «Літаратура і мастацтва» (1991, 8 февраля), вспоминает, как однажды на один из пленумов ЦК КП(б)Б приехали секретари обкомов и райкомов партии, одетые в американские кожаные пальто. Первому секретарю ЦК П. К. Пономаренко подсказали, что кожаное пальто является форменной одеждой американских военных шоферов, после чего последовало сердитое предупреждение, чтобы политработники не только в ЦК, но даже в Минске не показывались в этих пальто*.

* * *

Сегодня, спустя полвека, с трудом представляешь себе, зачем тогдашнему нашему правительству понадобился тот информационный вакуум, которым была окутана деятельность ЮНРРА. В белорусской печати об этом практически ничего не публиковалось. Руководство миссии побуждало правительство БССР предать гласности деятельность ЮНРРА (миссия готова была дать об этом обширные материалы для республиканской прессы), однако они так и не появились, за исключением сообщения Т. Уоллера для БелТА, напечатанного в газетах «Звязда» и «Советская Белоруссия». Всесоюзная печать также крайне скудно информировала о помощи ЮНРРА советским республикам.

Закрытость информации о помощи ЮНРРА прямо вытекала из постановления СНК БССР и ЦК КП(б)Б от 8 января 1946 г., по которому вся документация о деятельности ЮНРРА оформлялась как секретная. Советским, партийным и кооперативным работникам было запрещено в докладах и беседах приводить какие-либо цифры о поставках ЮНРРА. Такая позиция партийно-государственного руководства республики, скрывавшего от своего народа правду о международной помощи и солидарности с Беларусью со стороны Объединенных Наций, невозможно расценивать иначе как лицемерную и циничную. Естественно, что ее определяли И. В. Сталин и его ближайшее окружение.

Другой проблемой, затруднявшей деятельность миссии в БССР и УССР, было отсутствие оперативной связи со штаб-квартирой ЮНРРА. С Минском и Киевом, Белградом, Будапештом и Тираной, оказавшимися в поле деятельности ЮНРРА, она на первых порах совсем отсутствовала. Правда, в Киеве миссия исправила положение при помощи телеграфа. В Минске же миссия сознательно не хотела принимать и отправлять материалы по коду ЮНРРА из-за того, что «это может подвергнуть риску добрую волю правительства». По политическим соображениям использование советской дипломатической почты тоже было невозможно. Из-за чудовищной медлительности обычной почты (письма шли от 7 до 11 недель) миссия подключилась позже к дипломатической почте США и Англии, а в последние недели своей деятельности — к международной авиапочте. Это наконец решило проблему связи.

* В 11-м выпуске альманаха «Деды» опубликована статья Е. Жирнова «Начальству можно всё» (с. 251—270). В ней показано, что партийно-советские руководители БССР всех трех уровней — республиканского, областного, районного — присваивали себе немалую часть гуманитарной помощи. — *Прим. ред.*

Открывая сегодняшним читателям неизвестную им страницу гуманной деятельности ООН, следует сказать, что БССР и УССР входили в состав комитета Совета ЮНРРА по Европе, который состоял из представителей СССР, Великобритании, США, Франции, Бразилии, Канады и европейских стран-получателей. На заседаниях комитета представители восточноевропейских стран, в том числе БССР, критиковали администрацию ЮНРРА за то, что Греция и Италия получают слишком много по сравнению со странами Восточной Европы, что поставки в Польшу, Чехословакию, Югославию, Беларусь и Украину идут очень медленно. Кроме того, администрацию упрекали в том, что плохо управляются операции с перемещенными лицами. Политическая подоплека подобных заявлений очевидна.

Относительно медлительности поставок следует сказать, что правительства БССР и УССР, настояв на жестком сроке выполнения программ к 30 июня 1946 г., поставили в трудное положение и самих себя, и администрацию. Срок оказался нереальным. К этой дате в республики было отправлено менее половины запланированных грузов. Таких коротких сроков выполнения программы – немногим более полугода – не требовала ни одна другая страна-получатель. В мае 1946 г. срок действия соглашения обеих советских республик с ЮНРРА был продлен до 31 декабря 1946 г., а когда истек и он, его продлили еще раз.

В августе того же года генеральный директор ЮНРРА Ф. ла Гардиа посетил Беларусь и Украину с целью изучения продовольственного положения. Он ознакомился с Минском, побывал в 1-й городской больнице. В беседе с представителями печати заявил, что первоначальная программа поставок для Беларуси будет выполнена.

На состоявшейся в Москве по завершении визита пресс-конференции Ф. ла Гардиа выразил удовлетворение работой миссий. Отметив, что поставки сельскохозяйственных машин производились с большим опозданием (причиной были трудности получения их от американской промышленности), он указал, что намеченный план поставок в январе – феврале 1947 года все-таки будет выполнен.

Ф. ла Гардиа выразил глубокое удовлетворение позицией правительств УССР и БССР в деле распределения среди населения поступающих товаров, отметив, что оба правительства эффективно сотрудничают с миссиями ЮНРРА. 29 ав-

густа 1946 г. руководителя ЮНРРА принял Председатель Совета Министров СССР И. В. Сталин.

Выполнение программы поставок для Беларуси в период с конца 1945 г. по 31 марта 1947 г. характеризует приводимая ниже таблица.

Категории товаров	**Цена в долларах**	**Объем в тоннах**
Продовольственные товары	29 591 800	101 396
Одежда, текстиль, обувь	7 044 200	5 784
Медицинское оборудование и лекарства	991 100	646
Товары для восстановления сельского хозяйства	5 412 100	8 050
Оборудование и товары для промышленного восстановления	17 780 800	25 997
ИТОГО:	**60 820 000**	**141 853**

Украина за тот же период получила товаров на сумму 188.199.300 долларов и общим весом 467.049 тонн. Размер помощи, полученной БССР, составил 2,6 % поставок ЮНРРА для Европы в долларах и 0,9 % – в тоннах. Доля УССР составила соответственно 7,9 и 1,5 %. Этот объем помощи был наименьшим из всех европейских стран-получателей, кроме Албании.

Наши республики вместе с восемью другими европейскими странами относились к группе А, пользовавшейся первоочередным обслуживанием и получавшей товары из расчета более доллара на душу населения. БССР получила в итоге товаров в расчете 5,8 доллара на душу населения, УССР – 5,2 доллара. Это самые низкие показатели в группе А. Самые высокие в Греции – 46,7 доллара на душу населения.

Большая часть стоимости программ ЮНРРА для Беларуси и Украины приходилась на товары США (72 %). Поэтому в сознании белорусского и украинского населения поставки ассоциировались прежде всего с американской помощью. Р. Скандрет по этому поводу отмечал:

> Официальным лицам ЮНРРА трудно объяснить белорусам, что ЮНРРА является не американской, а международной организацией.

По его словам, отношение местного населения к американцам было «восторженным», а миссию встречали в Минске «сердечно». Г. Уоллер указывал в интервью «Нью-Йорк геральд трибюн», что «местные власти полностью сотрудничают с миссией, а официальные лица, рабочие и крестьяне дружелюбно настроены по отношению к американцам». Народная молва на самые разные лады расцвечивала помощь ООН...

Возвращаясь к приведенной выше таблице, отметим, что продовольственные товары составили почти половину белорусской программы в стоимостном выражении и 71 % ее тоннажа. Без этих поставок население Беларуси «сильно страдало бы от недоедания», – заявил в Нью-Йорке в мае 1946 г. глава миссии ЮНРРА в Беларуси Р. Скандрет. За исключением хлеба, зерновых и картофеля, продовольствие, полученное по линии ЮНРРА, составляло более 90 % всех

продовольственных товаров в магазинах республики. Вдобавок к тому, напомним еще раз, значительная часть продовольствия распределялась бесплатно. Вот лишь один из примеров: три четверти объемов продовольственного снабжения больниц, детдомов и школ в Бресте и Барановичах шло по юнрровской программе.

Приоритет среди продовольственных товаров отдавался мясу, молочным продуктам, жирам, растительному маслу. Это было обусловлено почти полным отсутствием указанных продуктов на внутреннем рынке. В Беларусь поставлялись также зерно, бобовые, рыба и рыбопродукты. Третью часть всего продовольствия, направленного в республику, были взяты со складов армии США в Европе.

* * *

Следующей за продовольствием, по тоннажу и стоимости, шла программа промышленного восстановления. В связи с разрушением городских электросетей, водоснабжения, жилищного фонда, заводов и фабрик администрация ЮНРРА сделала упор на поставки оборудования для общественной инфраструктуры и коммуникаций, на стимулирование торфяной и строительной промышленности, производства конструкционных материалов.

Почти половину программы промышленного восстановления составляли так называемые «протокольные товары». Это были передвижные электростанции, поставленные из Англии в соответствии с 3-м военным протоколом от 1942 г. Другой группой были излишки техники армии США. В частности, БССР получила 45 американских грузовиков, из которых, правда, только 8 были в хорошем состоянии.

Американские тракторы и бульдозеры, краны из Франции и Англии использовались для расчистки дорог и строительных операций. В Минске эта техника сразу вступала в дело, а до того значительная ее часть расчищала дороги от камней и завалов на протяжении трехмесячного перехода из Западной Европы в Беларусь. До ее прибытия на местах использовался ручной труд и тачки.

Программа промышленного восстановления включала в себя поставки малых локомотивов для торфяной и лесной промышленности. Планировался ввоз оборудования для налаживания коммуникаций и электросистем в сильно разрушенных городах – Минске, Витебске, Гомеле. Предусматривалось поставить в республику сборные заводы – кирпичный и асфальтовый, фабрику натурального волокна. Посетив города, где планировалось размещение этих предприятий, персонал миссии отметил слабые темпы подготовительных работ к их размещению. Оборудование для предприятий посылалось по частям, поставки его сильно затянулись и не были завершены даже до закрытия миссии, последовавшего 30 июня 1947 г. Укомплектование указанных заводов и фабрики стало проблемой для соответствующих республиканских министерств. Трудности были усугублены тем, что государственный департамент США стал облагать пошлиной экспорт товаров, производимых в США.

БССР была остро заинтересована в быстрейшем возрождении зернового производства. Более половины из первоначально запланированного объема зерна прибыло вовремя – к весне 1946 г. Дальнейшие поставки шли в течение

1946-го и весны 1947 г. Всего БССР получила 5300 т зерна, которым засеяли около 600 тысяч гектаров. Во всех хозяйствах, где побывали сотрудники иностранной миссии, овощные культуры, клевер, вика, тимофеевка луговая и другие травяные культуры начали расти из семян, полученных по линии ЮНРРА.

Не менее острую потребность испытывала наша республика в тракторах, о чем миссия сообщала в Вашингтон. ЮНРРА приложила немало усилий для того, чтобы поставить к весеннему севу 1947 года 783 трактора — 653 колесных и 130 гусеничных. Украина за это же время получила 1477 тракторов.

Летом 1946 г. поставки тракторов в советские республики были приостановлены. Связывалось это с тем, что СССР, по сообщениям западной прессы, экспортировал их затем в Аргентину. Начальники управлений по поставкам ЮНРРА при правительствах БССР и УССР данный факт категорически отрицали. (По соглашениям, республики не имели права экспортировать продукты или товары, получаемые по линии администрации). Газета «Нью-Йорк таймс» также высказала сомнение в достоверности распространяемой информации, отмечая, что в 1946 г. в Белоруссии и на Украине более 200 тысяч акров земли было вспахано вручную. Проведенное ЮНРРА расследование выявило полную безосновательность обвинений, выдвинутых против СССР, УССР и БССР. Через некоторое время поставки тракторов возобновились.

По программе ЮНРРА было произведено восемь электромагнитных зерноочистителей — самой высококачественной техники для обработки зерна. По три из них поступили в Чехословакию и Югославию, два — в Беларусь, где необходимо было очистить 400 тонн «тимофеевского» зерна, полученного по линии ЮНРРА, которое, по утверждению представителей БССР, оказалось зараженным. После того как машины были посланы в республику, миссия запросила из штаб-квартиры ЮНРРА инструкцию о порядке обращения с ними. Последней, видимо, не оказалось, и администрация предложила направить в Минск опытного оператора, но это предложение было отклонено. После этого ни администрация ЮНРРА, ни миссия ничего больше не слышали о судьбе уникальных машин.

За четыре года оккупации жители Беларуси донельзя износили всю имевшуюся у них одежду и обувь. Миссия отмечала, что большинство населения ходит в старой, чиненой-перечиненной одежде. «По меньшей мере половина горожан и значительно большая часть сельских жителей ходят босыми» (из отчета миссии). Далее указывалось, что люди, имеющие обувь, стараются всячески сберегать ее: по дорогам ходят босиком, неся обувь за плечами, надевая ее лишь в труднопроходимых местах. Посетив три фабрики, сотрудники миссии сообщили, что около половины рабочих — босые, а у остальных обувь очень плохая.

Одежда и обувь (в основном из США и Канады) распределялись в детдомах и благотворительных учреждениях или через местные советы — вдовам, инвалидам войны, рабочим промышленных предприятий. Текстиль распределялся среди кооперативных мастерских и на продажу, в пределах рационированных норм.

По тоннажу и стоимости (немногим более одного млн. долларов) поставки медицинского оборудования и лекарств были самыми незначительными из

того, что заказывало правительство БССР. Эта категория товаров была пропорционально меньше среднего уровня всех других стран – получателей помощи ЮНРРА. Если учесть, что в Беларуси пострадали каждые девять из десяти лечебных учреждений, то медицинские поставки ЮНРРА, по признанию самого руководства администрации, составили каплю в море. Наибольшую опасность представляли тогда туберкулез, а также венерические болезни и малярия.

Главной статьей медицинской программы для БССР стал пенициллиновый завод. Демонтированные его части поступали в республику с декабря 1946. В Канаду были командированы специалисты для изучения технологии производства (ныне это Минский завод медпрепаратов).

Помимо того, поставлялись электрокардиографы, рентгенаппараты, приборы искусственного дыхания. Из лекарств – хинин и атабрин. Важное значение имели поставки мыла. В 1946 году оно было только в больницах, военных госпиталях и санаториях, да и то не везде. Все это мыло было получено по линии ЮНРРА.

Одним из основных направлений работы ЮНРРА была широкомасштабная репатриация граждан. Советский Союз первоначально рассчитывал использовать механизм администрации для возвращения на родину 7 млн своих граж-

Женщина покупает сухое молоко для своего ребенка в продуктовом магазине Минска. Все продукты на полках этого магазина были получены по программе UNRRA

дан, однако когда он убедился, что западные державы не намерены проводить насильственную репатриацию беженцев и перемещенных лиц, то решил не прибегать к услугам ЮНРРА в этом вопросе. В соглашениях между правительствами БССР и УССР с администрацией также не предусматривалось проведение операций с беженцами и перемещенными лицами. Ни правительства обеих республик, ни иностранные миссии не занимались этой сложной проблемой.

* * *

В целом помощь ЮНРРА удовлетворяла лишь минимальные нужды республики. Руководители миссии Р. Скандрет и Т. Уоллер в беседах с представителями печати БССР, США, Англии и Швейцарии неоднократно указывали, что разрушения, причиненные республике, настолько велики, что поставки ЮНРРА могут возместить только незначительную часть этих потерь и свидетельствуют больше о международной дружбе демократических стран, чем о настоящей, полномасштабной помощи.

Корреспондент «Нью-Йорк таймс» Д. Мидлтон, посетивший в сентябре 1946 г. Беларусь и Украину, с тревогой сообщал из Минска:

> ...когда распределение поставок продовольствия закончится, нужда и недоедание вновь предстанут перед лицом миллионов людей.

Врач миссии американка Л. Фолк считала, что прекращение поставок продовольствия неизбежно вызовет в БССР увеличение заболеваний туберкулезом и другими болезнями. Недоедание в некоторых районах, полагала она, неминуемо.

Однако продолжение деятельности ЮНРРА не входило в расчеты правящих кругов США, несущих основное бремя расходов по оказанию помощи пострадавшим от войны странам. На 5-й сессии Совета ЮНРРА в августе 1946 г. представитель США У. Клейтон предложил распустить эту организацию, заявив, что ее основные задачи выполнены. А тем временем уже раскручивался маховик холодной войны. Советский Союз и страны Восточной Европы оказались за «железным занавесом». Помогать им Запад больше не собирался. Советские представители, критикуя некоторые аспекты деятельности ЮНРРА, настаивали на продолжении ее работы на благо Объединенных Наций, однако отрицательная позиция США превалировала, и судьба ЮНРРА была предрешена. В 1947 г. она прекратила свое существование.

Представители БССР и СССР неоднократно выражали благодарность за оказанную помощь. Так, в связи с окончанием деятельности администрации в БССР генеральный директор ЮНРРА Л. Рукс и Председатель Совета Министров БССР П. К. Пономаренко обменялись посланиями. В письме Л. Рукса говорилось:

> Работать с Вами было очень приятно, а оказывать помощь Вашему народу в течение периода крайней нужды было привилегией.

Со своей стороны П. К. Пономаренко отметил, что белорусский народ весьма ценит полученную по линии ЮНРРА помощь от народов Объединенных Наций.

На первой сессии Генеральной Ассамблеи ООН признательность за помощь от имени советской делегации выразил А. А. Громыко. Министр иностранных дел БССР К. В. Киселев, выступая в Нью-Йорке на митинге, организованном Американо-русским обществом, сказал:

> Белорусский народ выражает чувства глубокой благодарности народу США, который так много сделал для Беларуси в тяжелое для нее время.

Поставки по линии Администрации помощи и восстановления ООН поступали в Беларусь на протяжении двух лет – с конца 1945-го до конца 1947 года. Несмотря на общий ограниченный объем, они сыграли важную роль в обеспечении первоочередных нужд населения, восстановлении некоторых отраслей промышленности и сельскохозяйственного производства.

С началом холодной войны деятельность ЮНРРА в двух советских республиках получила в Советском Союзе в целом отрицательную оценку. Концентрированным ее выражением является статья, помещенная в «Дипломатическом словаре» (том II, М., 1950), главным редактором которого был печально известный Андрей Вышинский. В ней сказано:

> ...реакционные круги в США и в руководстве ЮНРРА стремились помешать эффективной помощи Украинской ССР и Белорусской ССР, саботировали поставки и распространяли клеветнические измышления о распределении помощи в этих республиках.

Далее утверждалось, что правящие круги США и Англии якобы стремились превратить ЮНРРА в орудие своего экономического и политического проникновения в страны, пострадавшие от войны.

Сегодня несправедливость резко отрицательных оценок деятельности ЮНРРА очевидна. А в те годы идеологическая борьба шла своим чередом. В том числе и вокруг ЮНРРА. Позитивный опыт делового сотрудничества Беларуси и Украины с Администрацией помощи и восстановления ООН был предан у нас забвению, а на передний план вытаскивались сложные и трудные моменты их взаимоотношений, при этом ЮНРРА приписывались все мыслимые и немыслимые грехи.

Помощь по линии ЮНРРА – это важное и не единственное звено в цепи актов международной поддержки, которые оказывало международное сообщество Беларуси на протяжении XX века. Еще раньше, в начале 20-х годов у нас действовала АРА (Американская администрация помощи), помогавшая республике залечивать раны гражданской войны и иностранной интервенции.

ЧАСТЬ IV. КУЛЬТУРА

СВИДЕТЕЛЬСТВА О ГИБЕЛИ ПАМЯТНИКОВ БЕЛОРУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Евген Калубович

Предисловие Сергея Дубовца

Предлагаемый текст трудно читать. Трудно не потому, что это – длинный ряд названий, цифр и фамилий, сколько оттого, что это – перечень невозвратимых утрат, своеобразный мартиролог белорусской письменности, языка, нации. Эти потери – наш опыт за тысячу лет национальной истории, наша отшибленная память.

Поколения людей, воспитанные в пренебрежении к «темному прошлому», ко «всякой музейщине», возмущенные при этом несуразностью современного общественного устройства, никак не желают понять, что именно в прошлом и заложены, закодированы, запрятаны все сегодняшние несуразности. Ведь путь общества от дикости ко все большей цивилизованности идет через познание обществом самого себя, через накопление опыта именно в музеях, библиотеках, архивах... Именно такое познание формирует сознание каждого человека, его разум, нравственность, жизненную активность.

Например, сегодняшний возмущенный национальный и исторический нигилист вдруг узнает о своей принадлежности к славному дворянскому роду или о том, что прадед его, своим трудом наживший крупное крестьянское хозяйство, был жестоко раскулачен, или о том даже, что предки, носившие его фамилию, жили там-то, трудились там-то, были порядочными людьми... Таким образом, наш возмущенный человечек начинает ощущать себя в исторической перспективе, задумывается о своей принадлежности к определенной культуре, о своем месте в жизни и на земле.

Беда в том, что такие сведения почти невозможно отыскать в наших библиотеках и архивах. Многократно разграбленные и сожженные, эти учреждения сегодня дают весьма скудное представление о «совокупном предке» белорусской нации. Впрочем, и то, что уцелело, за малыми исключениями, не востребовано. Не нужно? Не нужно ворошить прошлое? Кто прошлое помянет – тому глаз вон?.. Слишком уж бережем мы свои глаза. Неужели для того, чтобы все яснее и яростнее видеть кризис настоящего? Видеть и копить в себе жгучую ненависть к кому-то, кем-то названному «врагом»?..

Но предлагаемый текст прочесть необходимо, чтобы самостоятельно ответить на многие вопросы о причинах упадка белорусской нации. Неисчислимы ее человеческие потери. И существует уже не один мартиролог этих потерь. Со-

---

Из журнала «Неман», 1991, № 7, с. 137–151. Подготовка текста и перевод с белорусского С. Дубовца.

ставляются, пишутся мартирологи нашей природы – ее рек, ландшафтов, лесов; наших архитектурных памятников, уничтожаемых до сего дня нигилистами...

Эта публикация – мартиролог тысячелетней белорусской письменности из работы Евгена Калубовича «Мова у гісторыі беларускага пісьменства» (Мюнхен – Лондон, 1974–75 гг., том I), откуда мы взяли пять небольших разделов.

Второй том «Мовы...» вышел в 1978 году в Кливленде, США, и непосредственно посвящен проблемам языка. Вообще же перу Е. Калубовича принадлежат два десятка работ по истории и культуре Беларуси, среди которых статьи об Обуховиче, Богдановиче, Довнар-Запольском, Щеглове, переизданная у нас работа «Айцы БССР і іхны лёс». А поскольку работал Калубович в эмиграции и в БССР был запрещен, скажем несколько слов о нем самом.

Ученый, просветитель, политик и заслуженный общественный деятель, как характеризует его американский белорусский журнал «Беларускі сьвет», Евген Калубович (Евгений Фёдорович Кохановский; 5.03.1910–25.05.1987) родился в местечке Тихиничи Рогачевского района. Учился в педтехникуме в Бабчине (тогда Речицкого, ныне – Хойникского района), где принадлежал к националистической организации Альтруистов, за что на три года стал узником ГУЛАГа... Сегодня нет уже не только этого педтехникума, но и самого Бабчина. Он попал в зону чернобыльского отселения.

О своих мытарствах в лагерях на Дальнем Востоке Калубович подробно рассказал в книге «На Крыжовай Дарозе» (Кливленд, 1986; Минск, 1994). По возвращении в Минск он учительствовал, а во время войны был членом Белорусской Рады Доверия, Белорусской Центральной Рады, председателем Белорусского культурного объединения... В июле 1944 года уехал в Германию, в 1950 году – в США, где и жил до конца своих дней.

В публикуемом нами тексте о судьбе национальной письменности нет ни слова авторского вымысла. Буквально за каждым фактом стоит ссылка на источник. Чтобы не затруднять и без того нелегкое чтение, в переводе мы решили оставить лишь указания на источники прямых цитат. Все остальное можно найти в оригинале. Наиболее часто автор ссылается на работу своего предшественника Альгерда Шлюбского «Доля кнігасховаў і архіваў зямель крыўскіх і былога Вялікага княства Літоўскага» (Ковно, 1925, оттиск из журнала «Крывіч», 1925, № 9, с. 19–68).

С момента выхода в свет книги Е. Калубовича прошло немало лет. Однако это время не прибавило оснований говорить о том, что ситуация с разысканием и возвращением памятников белорусской письменности на родину существенно изменилась. По-прежнему основные уцелевшие книжные сокровища Беларуси находятся в Москве и Петербурге, гибнут там от пожаров и сырости; по-прежнему безразличны к ним власти Беларуси; по-прежнему собираются белорусские исследователи в дальние командировки, чтобы где-то в Сибири, Кракове или Риме взять в руки белорусскую книгу белорусского автора из белорусской типографии.

Одно утешительно – этих исследователей, и профессионалов, и любителей, становится все больше. Все ближе время возрождения нации, время собирания книг.

Какова же судьба памятников белорусской письменности X–XVIII веков?

Много их не дошло до нас по причине естественного износа.

Много сгорело в пожарах Вильни (библиотека иезуитской академии, библиотеки и архивы епископских дворцов – в 1610 г.); Витебска (библиотеки и архивы Маркова монастыря, нескольких близких приходов и частных лиц, бывшие на хранении в монастыре – в 1685 г., библиотека доминиканского костела с собранием около 600 печатных книг XV–XVIII вв. – в 1869 г.); Минска (358 актовых книг 1641–1761 гг. Главного трибунала – в 1762 г.); Новогородка (архив земского суда – в 1764 г.) и т. д.

Еще больше их погибло от пожаров, разрушений и грабежей в войнах, преимущественно с Московией.

В 1611 г. в Смоленске сгорела богатая библиотека Успенского собора, взорванного и подожженного неизвестно кем.

> Книги справъ мъскихъ Полоцкихъ по окрутномъ сплюндрованью мъста Полоцкого (войском московским – *Е. К.*) въ року... 1633... всъ... погорели (Археографический сборник).

В 1654 г. погибли библиотеки разрушенных и сожженных тем же войском иезуитских коллегий в Витебске, Орше и Полоцке, 36-и костелов и монастырей Могилёвщины и Витебщины, а в сожженном Мстиславле – его древнейшие архивы. В следующем году в пылающей Вильне сгорело много книг Литовской Метрики (другая часть этих книг в 1659 г. по дороге из Швеции потонула в Балтийском море). Наиболее пострадали в войну 1654–67 гг. книги, богато и искусно оформленные: из одного только Супрасльского монастыря в 1656 г. московиты забрали, вместе с другими книгами, три евангелия в окладах из цветного бархата, украшенных золотом и серебром.

Евген Калубович. 1943 г.

Известный могилёвский полковник К. Поклонский в письме к наказному украинскому гетману Ивану Золоторенко уже в марте 1655 г. писал, что от Москвы в 1654–55 гг. «имели мы такое разграбление домов Божиих (церквей и монастырей, – *Е. К.*), какого не видели и от татаров». Белорусских книг в руки московских солдат попало тогда так много, что по окончании войны царь Алексей Михайлович решил собирать их: в 1672 г. он приказал

Перемышльскому воеводе отбирать у жителей своего воеводства «польскіе и латинскіе печати книгъ и всякихъ писемъ, которые взяты въ польскихъ городъхъ во время войны». Польскими здесь названы белорусские книги и города – ведь до городов Польши московское войско не дошло.

В 1708 г. погибли почти все церковные и частные библиотеки и архивы Могилёва и Витебска, разграбленных и сожженных по приказу Петра I его войском.

Немало памятников письменности погибло в войну 1812 г.: только в Смоленске сгорели старые документы архива Смоленского магистрата и губернского архива, архив Лидского замка (был вывезен в Смоленск войсками Петра I в начале XVIII века), архивы Мстиславля (19 больших пачек и 6 ящиков), эвакуированные туда перед приходом наполеоновской армии.

В конце 1918 г. была сожжена библиотека в имении Грабницких в Дрисенском уезде, имевшая более 100 белорусских рукописных книг XII–XVI веков. И т. д. и т. п.

Такие причины и обстоятельства гибели памятников письменности являются общими для истории всех народов. Разница, может быть, лишь в размерах потерь. Отличие же – в судьбе тех памятников, которые не погибли от износа, в пожарах и войнах. В Беларуси их постигла судьба народа, завоеванного и обреченного на национальную гибель: за малыми исключениями, они были отобраны у народа, который их создал, и присоединены к достоянию завоевателей либо уничтожены.

ВЫВОЗ ПАМЯТНИКОВ ПИСЬМЕННОСТИ ИЗ БЕЛАРУСИ

Речь здесь пойдет о запланированных вывозах, административно предписанных как вывозы различных культурных ценностей из колониального края в метрополию.

Заметим кстати, что некоторые белорусские книги попали за границы Белоруссии торговым путем. Лявон Мамонич в посвящении Л. Сапеге в изданной им в 1609 г. книге «Трипъснецъ цвътоносный» утверждал, что из типографии, основанной его отцом, «много книгъ» «до всехъ краевъ народу и языка словенского вышло», а после смерти отца и «Отъ мене не мало ся на свътъ высылало».

Кроме Украины и славянского юга, они шли в Московию. Конкретно мы можем назвать издания Мамоничей (Учительное евангелие 1595 г., Служебник 1598 г. и другие); С. Соболя, которые белорусский печатник в 1637 г. сам вывозил в Москву, где они «в приказе его царского величества были показываны и за пожалованьем великим его царского величества велено, за ведомом преосвященного патриарха московского, те книги продавать ему явно» (Русско-белорусские связи. Сборник документов); типографии Кутеиновского монастыря – 530 экземпляров Евангелия 1652 г., которые привозили в Москву и продали «черный поп Венедихт да келарь старец Акакий» (в том же сборнике) и так далее.

Но это были почти исключительно печатные книги, некоторые издания белорусских типографий и, как правило, на церковнославянском языке (богос-

лужебные и др.). К тому же в Москве к ним часто относились с подозрением и продажу запрещали. Когда С. Соболь в 1639 г. снова повез из Могилева книги своей печати в Москву, его в Вязьме задержали и заставили вернуться назад в Белоруссию, ибо царь «к Москве ево отпущать не велел, чтоб в его ученье и в книгах смуты не было... и от нево б, Спиридона, какая ересь не объявиласа».

Вывоз памятников письменности из Беларуси начинался задолго до завоевания ее Россией. Письменные свидетельства начинают регистрировать такие факты уже с XV века. Это памятники письменности – военные трофеи с временно занятых московским войском белорусских земель во время войн.

Фундушы з церкви мурованое светое Пречистое... на месте господарском Витебском еще за щасливого панованья... короля Александра (то есть в войну 1492 или 1500–1503 гг. – *Е. К.*)... от злодеев, которые з Новгорода московского великого тую церковъ крали, покрадены суть... Фундушы головнейшые и привилеи е. кор. млсти, наданые на церкви розные (в Полоцке, Мстиславле, Орше и всей Полоцкой епархии, – *Е. К.*), отъ непріятеля е. к. м. – князя великого Московского (Ивана Грозного. – *Е. К.*), которій былъ въ Полоцку (в 1563 г. – *Е. К.*) –съ церкви светое Софеи забраны и до Москвы дей завезены суть*.

По приказу патриарха Никона от 9 октября 1655 г. в 1656 г. из Кутеиновского монастыря, вместе с монастырской типографией, были вывезены во владение патриарха – в Иверский монастырь около Новгорода – рукописные и печатные книги. Сколько всех их было, мы не знаем, но через 9 лет, в 1665 г., в «Росписи книгам, сданным старцем Афанасием священнику Евстафию» (Русская историческая библиотека) упоминаются 1206 книг, изданных в Орше. Это были:

521 книга Брашно, въ тетратехъ, да 2 Брашна разбитыхъ (Печатание этой книги было начато в Орше, а закончено в 1661 г. в Иверском монастыре. – *Е. К.*); 41 псалтырь, голыхъ... 290 азбукъ, съ вопросы и с ответы; 37 книгъ Варлаама и Асафа, въ тетратехъ: 145 книгъ Діоптръ, въ переплете въ доскахъ... 25 Молитвъ на сонъ грядущій; восмнадцатеры Святцы; 11 Каноновъ акафистовъ.

Часть их по приказу патриарха от 30.11.1665 г. была отправлена в его резиденцию – Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь на Истре, откуда потом попала в патриаршую библиотеку в Москве. В ту же московскую библиотеку из Баркулабова (около Быхова) во время войны 1654–1667 гг. был взят сборник с несколькими белорусскими летописями, среди которых и Баркулабовская. В 1662 г. из Новогородка вывезен архив Главного трибунала.

Уже после войны, в 1669 г., в Посольский приказ в Москву по указанию А. Ордын-Нащекина из Смоленска были вывезены книги, отобранные перед тем «у ксендзовъ и у езовитовъ» и собранные «въ приказной избе», а также библиотека «шляхтянки вдовы Рачинской». В 1672 г. по приказу царя из той же «избы» были вывезены книги в Стрелецкий приказ в Москву.

* 1. Свидетельства витеблян и полочан в 1620 г. // А. П. Сапунов. Витебская старина. Том 5, ч. 1, Витебск, 1888, с. 112–114. Здесь говорится только о фундушах потому, что только о них и расспрашивал витеблян и полочан архиепископ Иосафат Кунцевич. Вместе с фундушами тогда могли быть «покрадены» и «забраны» и другие книги.

Во время Семилетней русско-прусской войны из библиотеки Кёнигсбергского замка был взят и в 1760 г. передан библиотеке Петербургской АН Радзивилловский список «Начальной летописи» (положенный в 1671 г. в Кёнигсберг на сохранение князем Богуславом Радзивиллом); а в 1772 г. в библиотеку Петербургской АН была вывезена из Несвижа и вся библиотека Радзивиллов; позже часть этих книг была передана Петербургской духовной академии и Московскому университету.

Много памятников старой белорусской письменности осталось в городах Западной Украины – Львове, Галиче, Белзе, Перемышле – куда во время войн они вывозились на сохранение.

* * *

Систематические массовые вывозы книг начались с момента присоединения Беларуси к России в конце XVIII – начале XIX вв. Производились они одновременно несколькими путями: отбором памятников из разных библиотек и архивов в частные или государственные собрания, конфискацией и вывозом целых уникальных архивов и библиотек. Для лучшего понимания проследим каждый из этих путей в отдельности.

Евген Калубович в эмиграции

Начнем с отборов памятников. В 1772–80-х гг. российский генерал-губернатор в Могилеве граф З. Чернышов укомплектовал из разных библиотек Восточной Беларуси во дворце подаренного ему Екатериной II Чечерска собственную библиотеку, позже вывезенную в Россию.

Около 1790 г. польский коллекционер граф Я. Оссолинский объехал всю Беларусь и «собрал множество рукописей и книг из монастырских и церковных библиотек» (А. Шлюбский), которые вместе с другими материалами его собрания легли в основу учрежденного в 1827 г. во Львове Национального института и библиотеки им. Оссолинских.

В 1793–94 гг. по приказу Екатерины II, «для собственнаго употребленія по упражненію ея в историческихъ сочиненіяхъ», из белорусских и украинских монастырских, церковных и частных библиотек в Петербург забирались летописи, родословные наиболее знаменитых шляхетских родов и другие «къ тому относящееся сведенія», которые вошли в историческую коллекцию Эрмитажного собрания, переданного в 1852 г. Петербургской Публичной библиотеке. Как много их было забрано – неизвестно. Исследователь Д. Альшиц писал:

...все ранее существовавшие описи (этой коллекции. – *Е. К.*) бесследно исчезли, а «из коллекции... ушли, в некоторых случаях, чтобы погибнуть, многие ценные памятники старины... Известно, что у Екатерины II... оказалось около 150 летописцев. Осталось же их в собрании менее 50.

В 1-й четверти XIX века памятники старой письменности, которые в 1828 г. дали начало Румянцевскому музею в Петербурге (в 1861–62 гг. музей был перевезен в Москву), собирал российский канцлер Н. Румянцев (собственник Гомеля, подаренного его отцу Екатериной II). В коллекции Н. Румянцева, среди прочих, были книги, рукописи и документы, собранные им в Гомеле, Смоленске и других местах Беларуси.

С разрешения российских властей директор Варшавской Публичной библиотеки польский филолог С. Линде в 1819 г. вывез в Варшаву из закрытых в Беларуси монастырей 50.000 книг.

Петербургская Археографическая комиссия «немедленно по учреждены своемъ» (в 1834 г. – *Е. К.*) распорядилась о передаче ей «старинныхъ бумагъ изъ западно-русскихъ библіотекъ и архивовъ» и успела приобрести (из епархиальных архивов Полоцка, Могилева и Менска, библиотек Могилевской духовной семинарии и Виленской капитулы: архивов Главного трибунала в Вильне, Белостоцкого окружного управления, Витебской губернской казенной палаты, уездных судов в Мстиславле, Мглине, Волковыске, Слониме, магистратов в Берестье, Бельске, Орше, Велиже, Городне, Лиде, Могилеве и т. д.) «огромныя коллекціи актовъ» (Акты, относящіеся къ исторіи Западной Россіи).

Вывозы целых архивов начались с конфискации Литовской Метрики. В 1795 г. по «предписанию» Сената от 21.11.1794 г. в Сенатский архив в Петербург был перевезен Главный архив Великого Княжества Литовского с Литовской Метрикой. Позже эти документы были поделены между Московским архивом Министерства юстиции, Московским Главным архивом Министерства иностранных дел, Петербургской публичной библиотекой, Румянцевским музеем и другими министерствами и учреждениями.

В 1799 г. Пруссия, которой по договору с Россией и Австрией в 1795 г. была отдана северо-западная Гродненщина с Белостоком, получила 1200 белорусских актовых книг и около 1500 отдельных документов и связок, из которых более 900 документов даже не касались присоединенных территорий. После Тильзитского договора 1807 г., когда отданная Пруссии часть Гродненщины была присоединена к России, акты эти из Пруссии передали в... Коронный архив в Варшаву.

Архив закрытого в 1832 г. Виленского университета (бывшей иезуитской академии), а также архивы Игнатовской, Снипишской и Гродненской коллегий в 1832 г. из Вильни были вывезены в Министерство народного просвещения в Петербург. В 1837 г. гродненский губернатор из имения Сапегов в Деречине, конфискованного за участие князя в восстании 1831 г., часть архива отослал Петербургской Археографической комиссии, а другую часть – Петербургской Публичной библиотеке. (В архиве Сапегов, кроме прочих материалов, в 1819 г. были 232 тома документов за 1227–1760 гг.)

В 1845 г. в Петербургский Синодальный архив был доставлен архив белорусских униатских митрополитов с документами от 1470 г.

Вывозы целых библиотек начались с библиотеки Могилёвского архиепископа Варлаама (Шишацкого), в 1813 г. арестованного и сосланного по приказу царя Александра I за переход его в 1812 г. на сторону восстановленного ВКЛ и Наполеона. Библиотеку архиепископа в 1823 г. вывезли в Петербургскую духовную академию. Кроме того, часть «богатой библиотеки Варлаама» в том же 1823 г. передали Черниговской духовной семинарии.

Библиотеку закрытой в 1820 г. Полоцкой иезуитской академии в 1830 г. разделили между Петербургской Публичной библиотекой («все редкія и раскошныя изданія») – 177 томов книг и 106 рукописей, Петербургским (6260 томов) и Московским (454 тома) университетами, библиотекой Главного управления духовных дел иностранных исповеданий в Петербурге (3056 томов), Полоцким кадетским корпусом (2080 книг), эвакуированным в 1-ю мировую войну с библиотекой в Симбирск. Итого 12027 томов и 106 рукописей.

Библиотека закрытого Виленского университета (к тому времени она имела 51.837 томов) в 1835 г. была разделена между Петербургской Археографической комиссией (рукописи исторического содержания), Петербургской Публичной библиотекой (все прочие рукописи), Харьковским (4374 книги) и Киевским (7819 книг) университетами, и т. д.

Конфискованная вместе с архивом Деречинская библиотека Сапегов в 1837 г. была передана Петербургской Публичной библиотеке. Библиотека Виленской римско-католической академии, книги которой (30.000 в 1835 г.) происходили из библиотек бывших иезуитской академии и Главной католической семинарии в Вильне, в 1842 г. была перевезена, как и сама академия, в Петербург, причем 862 тома из нее сразу передали Киевскому университету, а остальные в 1927–28 гг. – Библиотеке АН СССР в Ленинграде.

Библиотеку бывшей Полоцкой униатской семинарии (более 10.000 книг, среди которых и старопечатные) в 1900 г. по приказу Петербургского Синода вывезли из Витебска в Киевскую духовную академию.

В 1915 г. из Щёрсов в Киев (в библиотеку университета) были эвакуированы библиотека и архив графов Хребтовичей.

Многие памятники старой письменности, которые в XIX – начале XX вв. были собраны в Беларуси в частных и государственных собраниях, со временем попали в библиотеки и архивы России и Польши. Так, собрание профессора Виленского университета М. Бобровского, известного собирателя белорусских и других славянских рукописных и старопечатных книг, в середине XIX века частично досталось библиотеке графов Замойских в Варшаве, а частично – библиотеке АН в Петербурге; собрания юридических актов И. Григоровича, П. Якубовича, А. Староженки, Ходоровича – Петербургской Археографической комиссии.

Собрание кальвинского пастора в Слуцке Юлиана Бергеля после его смерти в 1885 г. было передано антиквару Игелю в Краков, откуда после перепродажи часть его попала в библиотеку Оссолинских во Львове.

Адам Мальдис отметил:

> В этом замечательном собрании редких книг ...был комплект древних Любчанских, Раковских... Слуцких, Несвижских, Минских... Брестских, Ивьевских... Заблудовских, Супрасльских... Виленских и других изданий. К тому же – разнообразное собрание многих интересных старых рукописей.

Из 1500 книг собрания 40 не были известны в библиографии.

Собрание минского археолога Г. Татура после его смерти в 1907 г. было распродано частным лицам, неизвестным в науке. Г. Татур всю свою жизнь собирал по всей Беларуси разные памятники белорусской древности, в том числе и письменности. Собрание его в 1907 г. оценивалось в 200.000 рублей – огромную по тем временам сумму.

Библиотеке АН в Петербурге в 1908 г. было передано собрание рукописей, актов и старых книг, которые вывез из Жировицкого и других монастырей Беларуси епископ Павел (Доброхотов), бывший преподаватель униатской (1837–39), а затем православной (1839–45) духовной семинарии в Жировичах. Самое ценное в этом собрании – около 3000 документов (из них более 30 пергаментных), сшитых в более чем 50 книг; все из истории церкви Туровщины и Пинщины XVI–XVIII вв. (преимущественно – целые архивы знаменитых монастырей).

В 1915 г. в глубь России было вывезено рукописное собрание Виленской Публичной библиотеки, после чего вскоре и в СССР и за границей появились сообщения о его гибели. В это самое большое в Беларуси XIX века собрание рукописных и старопечатных книг (на 1877 год – около 100 рукописных книг, ряд старопечатных изданий) было собрано из Турова, Полоцка, Орши, Вильни, Супрасля, Новогородка, Могилёва, Слуцка, Витебска, Жирович, Несвижа, Пинска, Девятковичей Слонимского уезда, других городов и сел Белоруссии несколько сот книг XI–XVIII вв. на церковнославянском и старобелорусском языках, много старопечатных изданий на латыни, а также богатая коллекция документов XII–XVIII вв. (Из упомянутого выше архива князей Сапегов в Деречине сюда в 1858 г. перевезли остаток – «около 200 пудов» – юридических актов, которые после конфискации их хранились в Гродненской Палате государственных имуществ).

Тогда же в Россию вывезли Виленский и Витебский Центральные архивы древних актов (в Вильне были оставлены актовые книги только с XVIII века). Оба они были созданы для сохранения документов с древнейших времен до 1799 г. включительно.

В Виленском (учрежден в 1852 г. на основе архива Главного трибунала виленской каденции, куда в 1837 г. был передан архив Скарбового трибунала, из

Минска перевезен архив Главного трибунала минской каденции, а в 1840 г. – Трокский архив) – хранились документы из губерний Виленской, Гродненской, Ковенской и Минской (то есть из бывших воеводств Виленского, Трокского, Брестского и Минского).

В Витебском (основан в 1862 г.; начало ему дали 1002 дела, переданные из Архива Витебского, Могилёвского и Смоленского генерал-губернаторства, ликвидированного в 1855 г.) – хранились документы из губерний Витебской и Могилёвской (бывших Витебского, Полоцкого, Мстиславльского воеводств), а также из Инфлянтов (Ливонии), присоединенных к ВКЛ в 1561 г.

До 1863 г. в первый из них было свезено из 140 разных архивов 18.248 актовых книг или связок, некоторые из которых имели более 1000 листов документов. (О богатстве актового материала в Виленском Центральном архиве могут дать некоторое представление подсчеты Улащика, согласно которым один из архивариусов этого архива И. Спрогис за 50 лет работы (1865–1915) пересмотрел и перечитал около 1.800.000 листов документов).

Второй архив, позже, в 1903 г., перевезенный в Вильню и присоединенный к Виленскому, в конце XIX века имел 1896 книг.

Вообще, судя по заявлению заместителя заведующего Центроархивом БССР, «все интереснейшие архивы из Белоруссии были забраны в центр России... Около 70 фондов, сложившихся в Белоруссии, были вывезены» (М. Мелешко. Архивное дело в БССР до современного момента).

Уцелевшая от разграблений войны и революции часть рукописей, изданий и документов музея Александра Ельского, основанного им в 1864 г. в своем имении Замостье около Смолевич (в музее, среди прочих экспонатов, было около 7000 книг, включая редкие белорусские издания, и до 20.000 рукописей), в 1919 г. вывезена поляками в Варшаву (в Национальную библиотеку и Главный архив древних актов) и в Краков (в библиотеку Ягеллонского университета).

Вместе с памятниками истории и искусства из Беларуси вывозились памятники эпиграфической письменности. Так, в 1879 г. из села Болотки около Дисны в Москву, в археологический (позже – исторический) музей был вывезен камень с надписью XII века, так называемый «Сулиборьхрестъ».

В 1914 г. из Полоцка в Богоявленский Авраамов монастырь в Ростов (а оттуда – в Ярославский музей) вывезен крест святой Параскевы. В 1915 г. из разных мест вывезены старинные церковные колокола с надписями, и многое другое.

УНИЧТОЖЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ ПИСЬМЕННОСТИ

Наряду с вывозом проводилось уничтожение, от которого наиболее пострадала письменность на национальном белорусском языке – документы белорусской истории и книги униатской (точнее, православной и униатской) литературы XVII–XVIII вв.

Много их было сожжено. Из ранних случаев здесь надо назвать публичное сожжение книг Ф. Скорины в Москве во время между 1525 и 1533 гг. Книги эти, сожженные по приказу великого князя Московского Василия III, возил в Москву на показ и продажу сам Ф. Скорина.

В 1814–36 гг. Несвижским замком и имуществом Радзивиллов управляла царская попечительная комиссия. Е. Барвиньский пишет:

> Время этого правления стало для архива настоящим бедствием... В опустошенном замке печи топили архивными бумагами, пока, наконец, не перевезли весь архив в Вильню... За это время архив понес существенный урон; многое уничтожено, многое разошлось по миру.

Целые собрания томов попали тогда в библиотеки графов Рачинских в Познань, князей Чарторыйских в Пулавы и Краков, в другие библиотеки и архивы.

Князь Вильгельм Радзивилл жаловался гродненскому губернатору, что когда в 1836 г. архив был возвращен в Несвиж, из него уже успела «большая часть наиболее интересных документов исчезнуть... а остальное было в полном беспорядке».

В 1832 г. по приказу из Петербурга начался отбор старых униатских служебников и других книг и замена их на русские православные книги. Из церквей и монастырей всей Беларуси в Полоцкую духовную консисторию свозились для сожжения издания белорусских униатских типографий. Между тем в приложениях к этим книгам на белорусском языке печатались оригинальные научно-теологические и художественные, преимущественно стихотворные, произведения белорусской литературы: все они, за редкими исключениями, безвозвратно погибли в огне вместе с богослужебными книгами. Униатские священники пытались спасать их: известен случай, когда 2 апреля 1834 г. в Новогородке епископу Иосифу (Семашко) 56 священников вручили протест, но, по приказу царя Николая I, все они были наказаны за это годом монастырской тюрьмы.

О том, как «уніатскія книги... преднамiренно уничтожались» (Е. Карский), еще лучше свидетельствуют сожжения их в Жировичах. Туда уже после ликвидации в 1839 г. униатской церкви их свозили из униатских и бывших православных церковных и монастырских библиотек и по приказу митрополита Иосифа (Семашко) в 1841–1844 гг. сжигали в монастырских печах. Из-за того, что такой способ уничтожения книг был долгим, часть книг раскрадывалась, в 1844 г. митрополит приказал вынести все оставшиеся книги на монастырский двор и сжечь на костре сразу. В 1853–55 и 1857 гг. сожжение книг продолжалось. Сколько здесь было сожжено – неизвестно; официально называется число около 2000, однако сам митрополит отмечал, что сожжено их было больше, чем признано официально.

В 1860–70-х гг. совершались новые чистки церковных и монастырских библиотек. В это время окончательно было уничтожено все то, что еще уцелело из книжных сокровищ древнего Турова. В 1865 г. случайно были спасены от огня недогоревшие 10 листов Туровского евангелия XI века, которые были найдены в ящике с углем. Археограф В. Лялин рассказывает, что игумен одного из монастырей Витебской епархии две недели отапливал свою келью «старыми бумагами», после чего «с облегченной совестью» сообщил своему епископу, что «во вверенномъ (ему) монастыре никаких древних актов нет».

Около 1898 г. Смоленский епископ Петр (Другов) сознательно сжег Церковно-археологический музей в Смоленске, в котором находились старопечатные издания, рукописи и документы.

Много памятников было продано на макулатуру. Белорусский философ и историк, монах М. Бродович имел в Кобрине большую библиотеку и богатый научный архив. После смерти ученого в 1879 г. библиотеку его распродали, а «ее остатки и весь архив были сданы на макулатуру» — «проданы на пуды», вместе с рукописями его неопубликованных «многочисленных трудов» (среди них «История Полоцкого княжества» и другие), — сообщает исследователь Л. Алексеев.

В 1881–83 гг. управленцы Витебского губернского управления продали из витебских архивов в Ригу около 3000 пудов белорусских актов XVI–XVIII вв. по 1 рублю 18 копеек за пуд, а на вырученные деньги были награждены четыре чиновника этого управления.

Много книг и документов погибло от невнимательного хранения. Когда с Витебщины и Могилёвщины начали свозить в Витебский Центральный архив старинные актовые книги, среди них были:

> ...книги (из Полоцких) до одной третьей части обгорелые... По другим книгам видно, что они мокли, а в большинстве — повреждены от хранения в сырых зданиях и от перевозок... Многие без начала, без конца... (Историко-юридические материалы.)

То же самое — в Смоленске, в 1909–1910 гг., в Оршанском Кутеиновском монастыре, где еще в 1921 г. в сырости гнили старопечатные книги Кутеиновской типографии XVII века.

Вероятно, что специально с целью уничтожения книги Виленского городского суда были вырваны из обложек, перемешаны и выброшены кучей в подвал. Их было там так много, что, когда их случайно нашли, то сложили в 145 стопок по 600–700 листов каждая, — сообщает В. Лялин.

> Виленский археограф А. Жиркевич, который в свое время отдал много энергии на отыскание и скупку исторических документов из проданных евреям государственных архивов, открыто заявляет в печати о невнимательности к остаткам древностей в Белоруссии московских чиновников, которые не находили ничего лучшего, как только уничтожение исторических документов (А. Шлюбский).

По отчету газеты «Савецкая Беларусь» за время Первой мировой войны, большевистской революции и первых лет советской власти в Беларуси только на Витебщине было уничтожено 68 разных архивов. Наиболее ощутимая потеря — библиотека и архив графов Бутеневых-Хребтовичей в местечке Бешенковичи, уничтоженные в 1918 г. большевистским карательным отрядом; в этом архиве были еще никем не исследованные документы 1622–1750 гг. Хребтовичей, а также Лукомских, Огинских и Тяпинских.

А вот примеры уничтожения уже в наши дни. В селе Жуков Борок около Столбцев в 1720 г. канцлер ВКЛ князь Кароль Станислав Радзивилл построил униатскую церковь. К. Цвирка пишет:

Она простояла здесь все свои 250 лет и только недавно была снесена... В церкви было много книг, в том числе и древних, а также рукописных... Эти книги перевезли в Столбцы... В отделе культуры Столбцевского райисполкома... сказали, что книги из Жукоборской церкви... сожгли.

Один из кочегаров городской бани в Столбцах рассказывал:

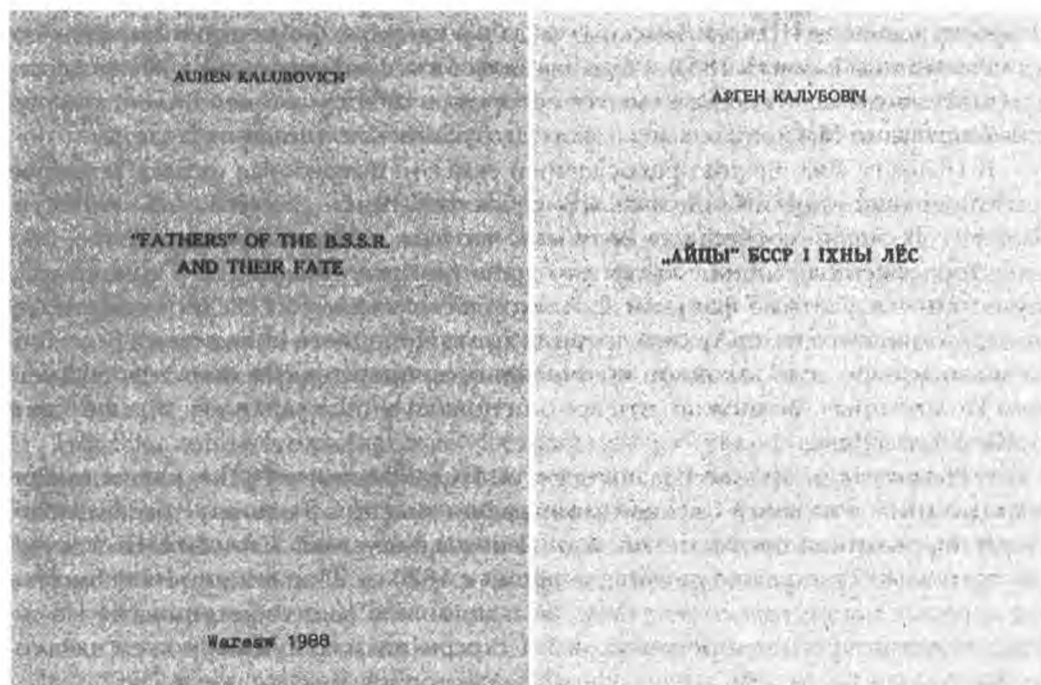
Книг этих (которые «свалили... в кочегарку») была... целая гора («пройти было невозможно»). Всякие там были – и печатные, и так, от руки писанные. Им было, может, по тысяче лет – толстые, почерневшие, крест золоченый посредине... И – по книге, по книге – начали топить ими печи. Нас тогда четверо было, кочегаров. На смену топили. Более чем на месяц хватило их на растопку...

Г. Кохановский пишет:

Более трех столетий стояла деревянная церковь в деревне Насилово Молодечненского района. Имела она свои богатые архивы, библиотеку, где были не только религиозного содержания книги и документы, но и светские. Некто Раскин отдал указание церковь разрушить, а все остальное – сгрузить на подводы, вывезти и уничтожить.

Уничтожения не избежали и памятники эпиграфической письменности. Для примера назовем камни-«писанки» XII века:

в 1818 г. был взорван Борисов камень (Полоцкого князя Бориса Всеславича) в селе Ковали около Дисны (был отбит верх, повреждены крест и надпись) и Святополк-камень (совсем уничтожен);

AUHEN KALUBOVICH

"FATHERS" OF THE B.S.S.R. AND THEIR FATE

Warsaw 1988

АЎГЕН КАЛУБОВІЧ

„АЙЦЫ" БССР І ІХНЫ ЛЁС

в 1880 г. взорван Борисов камень в селе Высокий Городец около Лукомля (повреждена надпись);

в 1937 г. он и Рогволодов камень 1171 г. в селе Дятловка около бывшего Друцка были совершенно разбиты аммоналом и употреблены на строительство шоссе Москва – Минск.

В 1932 г. разбили и употребили на строительство шоссе Ула-Бочейково Сокоровский каменный крест, поставленный в 1569 г. на берегу озера Пола у села Сокорова возле Бешенкович на братской могиле 200 белорусских солдат, погибших в бою с московскими войсками царя Ивана Грозного.

Уничтожению сопутствовали исчезновения. Частично мы уже касались их в связи с исторической коллекцией Эрмитажного собрания и Несвижским архивом в 1814–36 гг. Добавим здесь и другие факты.

В 1803 г. из Витебска в Петербург были вывезены 9 королевских привилеев Витебску, которые позже неизвестно куда исчезли. Русский историк и библиотекарь Полоцкой православной духовной семинарии Ксенофонт Говорский при перевозке в 1856 г. из Полоцка в Витебск библиотеки семинарии (бывшей библиотеки Полоцкой униатской семинарии в XVII–XVIII вв.) часть книг как «ненужных и мешавших отчетности» оставил в Полоцке, где они после этого все исчезли; а из перевезенных им в Витебск исчезли еще 183 названия и все рукописи, а также исторические документы XVI–XVII вв. которые он в 1858 г. публиковал в редактируемой им неофициальной части «Витебских губернских ведомостей».

Рукопись Белорусской летописи 1570-х гг. (единственный дошедший до нас его список – Быховца) была передана в 1834 г. владельцем рукописи помещиком имения Могилевцы Волковысского уезда А. Быховцем историку Теодору Нарбуту в имение Шавры Лидского уезда и в каталоге библиотеки Нарбута, составленном им самим в 1851 г., еще значилась как существующая; в каталоге же, составленном после ареста и смерти историка в 1864 г. учителем Виленской русской гимназии М. Соколовым, ее уже нет, рукопись летописи исчезла.

В 1870-х гг. Витебский православный епископ потребовал от всех монастырей и церквей епархии прислать в Витебск памятники древней письменности. В 1880 г. В. Лялин сообщал из Витебска, что там, в Марковом монастыре, был полуторасаженный ящик с какими-то древними рукописями, но в том же году куда-то исчез. С этими фактами Л. Алексеев связывает «бесследное исчезновение» упомянутого нами Архива древних актов Полоцкого княжества в Бельчицком монастыре под Полоцком и «очевидно, архивов других монастырей древней Полотчины». Возможно, что все они попали в число архивов, проданных в 1881–83 гг. в Ригу.

В Несвижском архиве Радзивиллов Я. Польковский в 1881 г. нашел инвентарный список изданий Слуцкой типографии княгини Людвики Радзивилл, дочери покровителя протестантов в ВКЛ князя Богуслава. Список этот, составленный в 1687 г., «регистрирует (за время с 1670 г.) 23 позиции, большинства из которых мы не только не знаем, но и не можем идентифицировать. Из сохраненных и зарегистрированных в библиографии изданий мы можем назвать только около 11» (а ведь типография в Слуцке действовала и после 1687 г.).

Адам Мальдис, в 1970 г. нашедший этот список (или другой его экземпляр) во Львове, спрашивает:

> Что скрывается... за... записями этого списка: «Теорий руских» – 80 экз., «Дневников» – 2020, «Школ» – 3091, «Процессов» – 1006, «Господаров» – 1000, «Формул» – 414, «Таблиц горизонтальных» – 100, «О соединении рек» – 640, «Христианских замечаний» – 250, «Букварей» – 3389? На каком языке это все печаталось? Может быть, это неизвестные произведения старой белорусской литературы?

До 1893 г. в Минске исчезли все исторические документы из архива Минской и Туровской епархии.

Вообще, по свидетельствам 2-й половины XIX века, белорусские книги, рукописи и документы «в разные времена забирались разными лицами, которые не оставляли никаких следов принадлежности их» (Шлюбский) той библиотеке или архиву, откуда они взяты; «такие документы и книги большей частью исчезали». И это из таких старых библиотек и архивов, где были резиденции митрополитов и епископов, как например, Жировицкого, Супрасльского, Пинского, Лещинского монастырей и других собраний.

До сих пор неизвестно, когда и при каких обстоятельствах исчезли многочисленные названные и неназванные нами старые белорусские библиотеки и архивы, как и более поздние собрания из них, в том числе – Полоцкого Софийского собора, Жировицкого базилианского монастыря, Слуцкого Троицкого монастыря и т. д. Когда во время войны 1654–67 гг. московское войско временно заняло Полоцк (17.07.1654), оккупационные власти сразу же начали инвентаризацию имущества. В одном из таких инвентарных списков («Сметная книга» Полоцка за 1654 г.) при описании Софийского собора отмечено, что в нем есть «пять сундуков съ русскими и с литовскими и с латынскими с разными книгами». Мы не знаем, были ли здесь все книги Софийской библиотеки, как не знаем всей истории этих «сундуков»: то ли их не успели эвакуировать из Полоцка перед приходом войск врага, то ли это уже трофеи, приготовленные к вывозу в Москву.

Опять же многие «из Львовских документов (о Жировицком монастыре. – *Е. К.*)... и рукописных книг из базилианской библиотеки находились в Жировичах в огромных шкафах, затянутых проволокой и забитых досками» (А. Мальдис). В 1893 г. некоторые книги из нее попали в Виленскую Публичную библиотеку, но судьба всей библиотеки (то есть книг, тогда же временно перевезенных в Виленский Троицкий монастырь и тех, что остались в Жировичах) – неизвестна.

Исчезли конфискованные в 1930-х годы при арестах их владельцев в БССР собрания рукописей и старопечатных изданий белорусских ученых Вацлава Ластовского, Александра Шлюбского и Михаила Пиотуховича в Минске, а во время 2-й мировой войны – собрание историка белорусской литературы Ромуальда Земкевича в Варшаве. (Здесь были старопечатные издания, начиная от Ф. Скорины, и рукописи XVIII – начала XX вв.).

Факты показывают, что исчезали, как и уничтожались, книги и рукописи главным образом на белорусском языке и не только писателей-протестантов

или униатов, но и православных. Василий Сопиков в начале XIX века описал первую книгу, изданную по-белорусски в Несвижской кальвинистской типографии 20.10.1561 – Симон Будны, «О оправданіи грешного человека передъ Богом». И. Каратаев уже не мог ее найти, и информирует о ней, ссылаясь на Сопикова, который единственный среди библиографов «имел в руках эту книгу». Первую печатную по-белорусски книгу в Могилёве – православное учительное евангелие 1619 г. – видел также только Сопиков. Каратаев и другие информируют о ней, ссылаясь на него.

Униатский катехизис – «Наука, яко верити маетъ каждый» – составленный и изданный в 1628 г. монахами Виленского Троицкого монастыря, описал в 1-й половине XIX века И. Сахаров. Описанный им экземпляр принадлежал тогда «библіотеке Московскаго типографскаго двора». Ни Каратаев, ни другие библиографы его уже не нашли. Православный «Трэбникъ», изданный в 1618 г. «в Вилно, в Друкарни Братъской. Працею и старанемъ иноковъ» с отдельным катехизисным разделом «Наука о седми тайнах церковных», написанным для «презвитеровъ» во 2-й половине XIX века, Каратаев при описании держал в своих руках. Сейчас этого издания нет: сохранилось другое, того же года, только по-церковнославянски и без катехизиса.

Перед 2-й мировой войной в униатском митрополичьем архиве при кафедре святого Юрия во Львове хранился «Кодекс с присоединением отчетов о монастырской и школьной жизни базилиан в Жировичах на Слонимщине», куда было вписано множество ораций студентов Жировицкой униатской коллегии от 1751–52 и 1761 гг. После войны архив этот был взят в Центральный Государственный исторический архив УССР во Львове, но «Кодекса» с орациями здесь уже нет...

Из памятников эпиграфической письменности наибольшая утрата – крест св. Евфросиньи Полоцкой, сделанный по ее заказу в 1161 г. полоцким ювелиром Лазарем Богшей. Л. Алексеев пишет, что при невыясненных обстоятельствах «крест исчез из спецхрана Могилёвского исторического музея при занятии города немцами в 1941 г.». (Несмотря на письменное заклятие на кресте, запрещающее забирать его из Полоцка, уже в войну 1514 г., когда «благочестивый государь князь великий Василий Иванович» захватил Смоленск, был «тот честный крест во царствующий град в Москву привезен» из Смоленска, куда к тому времени попал неизвестным образом. В московской казне крест пролежал до 1563 г. В этом году Иван Грозный, идя войной на Великое Княжество Литовское «и имея надежду... на крестную силу», чтобы «победити врага своя», «взя с собою» его в Полоцк (как свидетельствует об этом Никоновская летопись под 1563 г.), где крест и остался до 1928 г.

В 1944 г., вскоре после занятия Витебска советскими войсками, профессору искусствоведения М. Кацеру

> в Покровской церкви... посчастливилось увидеть (деревянную – *Е. К.*) скульптуру Афанасия Филиповича с датой 1763 г. и надписью... К сожалению, скульптуру эту не удалось тогда с собою забрать. Через несколько месяцев она исчезла, скорее всего, была сожжена.

Некоторые из исчезнувших памятников письменности могут еще найтись, но большинство их было уничтожено во время систематических чисток библиотек, архивов и музеев. Библиограф А. Шлюбский, на которого мы здесь так часто ссылаемся, об этом писал:

> Всем, кто работал над исследованием истории белорусского народа и белорусского края, приходилось и приходится встречаться с... недостатком книжных собраний и рукописей... которыми с самых давних времен была богата Белоруссия... Исследователи... ищут в библиотеках и архивах великих городов Московии или за рубежом, с великими муками находят нужные им материалы, а часто вовсе ничего не удается найти, ибо многое уничтожено. Это свидетельствуется... всеми учеными, которые в своих трудах касались Белоруссии.

ПОПЫТКИ ВОЗВРАЩЕНИЯ В БЕЛОРУССИЮ ПАМЯТНИКОВ БЕЛОРУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Попытки эти начались на самой заре возрождения белорусской государственности в 1917–18 гг. Уже Съезд белорусов-военных Западного фронта, проходивший 18–24 октября 1917 г. в Минске, в своей резолюции потребовал:

> ...чтобы все... исторические ценности, а именно: акты, архивы, музеи, эвакуированные, а также когда-либо вывезенные из Белоруссии и бывшего Виленского университета, были возвращены назад в Белоруссию.

Великая Белорусская Рада в своем обращении к белорусскому народу 27 октября 1917 года писала:

> Полный возврат эвакуированных в Россию исторических памятников культуры, искусства... должен быть проведен безотлагательно по окончании войны.

В июне 1918 г. Правительство БНР обратилось через своего консула в Москве к советскому правительству России с официальной просьбой возврата в Белоруссию ее архивов. Шаги белорусского правительства были поддержаны в Вильне и Гродно:

> Президиум Белорусской Рады в Вильне, узнав, что в России... происходит ликвидация эвакуированных из Белоруссии... культурно-просветительных учреждений, уполномочил Гродненский Центральный Комитет объединенных общественных организаций предпринять необходимые шаги перед российскими и немецкими властями для возвращения упомянутых учреждений в Белоруссию и возобновления здесь их деятельности; а также взять на себя охрану и реэвакуацию всех вывезенных из нашего края культурных ценностей, исторических памятников, музеев, архивов...

Возможно, что в связи с этими мерами вскоре после них «политико-правовым подотделом Белорусского отдела в Комиссариате национальных дел» в Москве был «выработан» «проект декрета о возвращении памятников науки, литерату-

ры и искусства, вывезенных когда-либо из Белоруссии» «и передан в Центральный Белорусский Комиссариат для проведения его в жизнь».

Однако все эти законные старания белорусов советское правительство России полностью проигнорировало. Поэтому позже, в 1920-е гг., просьбы о возвращении были повторены.

В 1925 г. ректор Белорусского государственного университета профессор В. Пичета ездил в тогдашнюю столицу УССР Харьков, чтобы просить Наркомпрос УССР вернуть Щорсовскую библиотеку и архив из Киева в Минск не только потому, что библиотека эта и архив белорусские, в Киев были эвакуированы временно, но еще и потому, что владелец их, граф Хребтович, завещал их первому университету, который вновь будет открыт в Беларуси. Хотя Наркомпрос УССР и заверил В. Пичету в возврате библиотеки и архива, к сожалению, это были только слова.

17–18 января 1926 г. в Минске проходил 1-й съезд белорусских археологов и археографов, созванный Институтом белорусской культуры. Обсудив на нем доклады о судьбе памятников старой белорусской письменности, участники приняли по этому поводу три резолюции.

В резолюции № 1 «О Литовской Метрике» было подтверждено:

> ...изучение и разработка данных о прошлом Белоруссии... невозможны без постоянного и непосредственного пользования Литовской Метрикой... Съезд считает необходимым как можно скорее перевезти архивный фонд Литовской Метрики в БССР.

В резолюции № 2 «О белорусских архивных фондах за границами БССР» съезд постановил:

> ...о возвращении архивных фондов, касающихся Белоруссии, как, например, – документов и книг старых белорусских архивов, в том числе и разрозненных частей Литовской Метрики, которые разбросаны и находятся теперь в бывшем архиве Земледелия и землестроительства, в Ленинградской Публичной библиотеке, в бывшей Археографической комиссии, в бывшем архиве Главного Военного Штаба, в бывшем архиве Министерства Иностранных Дел в Москве и в других архивных учреждениях РСФСР; а также и тех архивов, которые были эвакуированы во время последней войны, как, например, – архив Витебский и Виленский и другие архивные фонды.

Кроме того:

> ...узнав, что в архивах Польши находится значительное число архивных материалов XV–XVIII вв., которые по своему официальному происхождению принадлежат старым белорусским архивам... съезд считает необходимым просить Правительство БССР поставить вопрос об их возвращении.

В резолюции № 6 «О возвращении библиотек» съезд постановил:

> ...просить Инбелкульт обратиться к правительству с просьбой о возвращении в БССР библиотек, вывезенных из Белоруссии в разное время.

Делало ли что-нибудь в этом направлении тогда или позже Правительство БССР, официально об этом ничего не известно*. Факты таковы: ни одна старая белорусская библиотека, архив или какое-либо более позднее из них собрание в БССР не были возвращены.

Не слышно ничего и о новых попытках возвращения со стороны АН БССР или других научных учреждений. Частично это может быть объяснено тем обстоятельством, что предшественники подобных попыток – делегаты съезда 1926 г. – были репрессированы. Председательствующему на съезде профессору М. Довнар-Запольскому сразу после съезда дали понять, чтобы он сам безотлагательно покинул БССР, что он и сделал осенью того же 1926 г. Остальные члены президиума, докладчики и почти все делегаты этого первого и на то время единственного съезда в БССР белорусских археографов в 1930-х гг. были арестованы и сосланы в «места отдаленные».

Сегодня работники научных учреждений лишь начали собирать микрофильмы и фотокопии. Так, Институт языкознания имени Якуба Коласа АН БССР ведет работу:

> ...по отысканию и подготовке фотокопий и микрофильмов забытых и ранее неизвестных памятников древней белорусской письменности: было выявлено более ста старинных произведений, которые до последнего времени фактически еще не были в научном обиходе (А. Журавский).

Как исключение, нам известен только один случай: в 1963 г. Государственный исторический музей БССР получил от жителя г. Львова Т. Максиськи 54 документа XVI–XVII вв., касающихся истории Слонимского и Новогородского поветов (оригинальные письма и привилеи великих князей Александра, Стефана Батория и Жигимонта Вазы).

ГДЕ СЕЙЧАС ПАМЯТНИКИ БЕЛОРУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ X—XVIII вв.

Процесс поиска и выявления их далеко не закончен: белорусских исследователей здесь ожидает большая работа. Из того же, что нам известно сегодня, можно утверждать, что после стольких случаев гибели их в пожарах и войнах, после бесконечных вывозов и уничтожения, в самой Беларуси их осталось мало, а в БССР – еще меньше.

* Известно обратное: после 2-й мировой войны представители БССР, по свидетельству бывшего директора Белорусского музея имени Ивана Луцкевича в Вильне, отказались забрать из Вильни в БССР этот музей; и многочисленные памятники письменности из него перешли в Центральную библиотеку АН Литовской ССР в Вильне.

В Минске они хранятся в Государственной библиотеке БССР, в Фундаментальной библиотеке АН БССР, Государственном историческом музее БССР и Центральном государственном историческом архиве БССР.

Государственная библиотека из рукописных книг имеет всего десяток богослужебных и церковно-поучительных памятников XVI–XVII вв. да столько же старопечатных книг XVI века из типографий Ф. Скорины в Праге, Гр. Ходкевича в Заблудове, братьев Мамоничей в Вильне. Еще меньше их в Фундаментальной библиотеке АН. В государственном музее есть небольшая коллекция документов XVI–XVIII вв., несколько рукописных книг и отдельные издания XVI–XVIII вв. из типографий Заблудова, Вильни, Кутейны, Могилёва, Несвижа, Городни, Полоцка, Супрасля.

Несколько большим собранием документов обладает Центральный государственный исторический архив БССР, созданный в 1963 г. из фондов бывшего Центрального государственного исторического архива БССР в Могилёве, древних актов его филиала в Гродно и Государственного архива Минской области (здесь и фонд 694 – бывшего Несвижского архива, вывезенного в 1939 г.). Неизвестно, однако, сюда ли передан весь Несвижский архив. В советской информации этот фонд Радзивиллов, который «составляет почти четыре вагона документов», именуется «фамильным», хоть в научной литературе собственно «фамильными фондами» Несвижского архива считается лишь малая его часть, к которой, согласно Иконникову, из всех 254.846 документов в 1867 г. относилось только 14.800 (то есть 5,8 %).

Коллекцию документов XVI–XVIII вв. и старопечатные книги XVII–XVIII вв. гродненских типографий имеет Государственный историко-археологический музей в Гродно.

Несравненно больше памятников старинной белорусской письменности имеется в Вильне, которая после Первой мировой войны была в составе Польши, а после Второй – в Литовской ССР. Здесь рукописные книги, документы и старопечатные издания на белорусском, церковнославянском, латинском и других языках собраны в Центральной библиотеке АН Литовской ССР и в рукописном отделе Библиотеки Виленского университета.

Собрания академической библиотеки – это бывшие собрания Виленской Публичной библиотеки (вывезенные в 1915 г. в Россию и возвращенные в 1945 г. назад), Белорусского музея им. И. Луцкевича в Вильне (бывшего частного собрания белорусского археолога Ивана Луцкевича, которое было преобразовано после его смерти в 1921 г. в общественный музей*, подчиненный в 1940–41 гг. АН Литовской ССР и вовсе присвоенный ею в 1946 г.) и ряда других небольших коллекций.

* В музее были коллекции белорусских старопечатных книг XV–XVIII вв. (Триодь цветная Ш. Феоля, издания Ф. Скорины и белорусских типографий в Вильне, Несвиже, Заблудове, Ивье, Могилёве, Кутейне, Гродно, Полоцке, Слуцке), рукописных книг XII–XVII вв. (Слова Теодора Студита от 1176 г., иллюстрированное евангелие Жуховицкой церкви под Миром XIV в., Жировицкий требник 1545 г.. белорусские переводы «Александрии» и «Повести про Бову» XVIII века и т. д.), юридических актов (начиная с 1507 г.), сфрагистических и эпиграфических памятников (печати Полоцких князей Всеслава Чародея XI в. и сына его Бориса 1-й трети XII в., Дрогичинские свинцовые пломбы XII–XIII вв. и т. д.).

Наиболее ценные памятники белорусской письменности этого книгохранилища содержатся в следующих фондах:

- в первых шести специальных пергаментных фондах, которые включают 1395 документов (писем, распоряжений и привилегий великих князей Витовта, Александра, Жигимонта Старого, Жигимонта Августа, Стефана Батория и других);
- в 19-м фонде, включающем 329 рукописных книг XI–XVIII вв. из бывшей Виленской Публичной библиотеки (богослужебных – Туровское евангелие XI в., Минское евангелие XIV в. и др.; книг Святого Писания – пятикнижье Моисея, книги пророков, апостолы, апокалипсы и другие; произведений отцов церкви – Иоанна Златоуста, Григория Богослова, Ефрема Сирина, Григория Двоеслова, Дорофея Авы и других; сборников художественной и научной литературы – четьи, в том числе и Супрасльские конца X – начала XI в., патерики, прологи, палеи, хронографы, и т. д.);
- в 22-м фонде – также рукописные книги бывшей Виленской Публичной библиотеки (Летопись Авраамки, изумруды, минеи, требники и т. д.);
- фонд 21 – собрания Белорусского музея им. И. Луцкевича в Вильне, после ограбления которого в 1944 г. в нем осталось еще 2306 рукописных единиц хранения – книг, а прежде документов из бывших частных архивов графов Тышкевичей (XVI–XIX вв.), Костюшек (1530–1906 гг.), Сапегов (1571–1728 гг.), печатников Мамоничей (XVI–XVII вв.), Костровицких (1600–1837 гг.), князей Радзивиллов (XVII–XVIII вв.); актов белорусских монастырей и церквей (1507–1834 гг.) и др.; а также памятники юридической письменности в фондах 9, 18, 23, 122 и других.

В библиотеке университета есть около 50 рукописных трактатов белорусских философов XVII–XVIII вв. на латыни, несколько старопечатных изданий, отдельные книги XVI–XVII вв.

Но главные собрания старой белорусской письменности, как мы уже частично показали, находятся за границами Беларуси – на Украине, в Польше, а главным образом в России. К уже сказанному об этом остается добавить, что после различных реорганизаций библиотек, архивов и музеев они собраны в следующих важнейших украинских, польских и российских хранилищах.

На Украине:

в Киеве – в Государственной Публичной библиотеке УССР, куда в 1924–25 гг. из Киевского университета были переданы (не знаем, целиком ли) щорсовские библиотека и архив графов Хребтовичей, а в 1927 г. – собрания Киевских духовной академии и монастырей;

во Львове – в Государственном музее украинского искусства (где есть белорусские рукописи и около 100 старопечатных книг из 20 белорусских типографий, собранных в 1905–08 гг. в Беларуси директором музея И. Святицким), в Библиотеке АН УССР (где часть бывших собраний библиотеки Оссолинских) и филиале Центрального государственного исторического архива УССР.

В Польше:

- в Варшаве – в Национальной библиотеке (бывшая Варшавская Публичная библиотека), где во время 2-й мировой войны сгорело большинство преж-

них собраний рукописей и старопечатных книг, но куда перешли собрания графов Красиньских, графов Замойских, ликвидированной библиотеки Перемышльской униатской капитулы и др.; в Главном архиве древних актов (бывшем Коронном);

- в Кракове – в библиотеке Национального музея (в бывших собраниях князей Чарторыйских);
- в Курнике около Познани – в Библиотеке Польской АН (бывшей графов Дялынских) и в самой Познани – в Библиотеке Рачинских, тоже сильно пострадавшей во время 2-й мировой войны.

Белорусские старопечатные книги XVI–XVI11 вв. есть и в Ягеллонской библиотеке в Кракове, и в библиотеках Национального института им. Оссолинских Польской АН и университета во Вроцлаве, а рукописи – в библиотеке Варшавского университета.

В России:

- в Москве – в Государственной библиотеке СССР, в собраниях бывшей Московской Публичной библиотеки при Румянцевском музее и собраниях Никифоровых, И. Тихонравова, В. Ундольского, Т. Большакова и т. д.; в библиотеке Государственного исторического музея СССР, в собраниях бывшей Синодальной (Патриаршей) библиотеки и собраниях графа А. Уварова, И. Царского, Е. Барсова, А. Хлудова, А. Черткова, П. Щапова и т. д.; в Центральном государственном архиве древних актов, в собраниях книг Литовской Метрики, бывшей Библиотеке Московской Синодальной типографии, бывшего Московского Главного архива министерства иностранных дел и др.;
- в Ленинграде (Петербурге) – в Государственной Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина, (бывшей Петербургской Публичной библиотеке), где теперь и бывшие собрания с памятниками белорусской письменности Петербургской духовной академии, Российского Археологического общества, Бычковых, М. Погодина, Ф. Толстого и т. д.; в Библиотеке АН СССР (и как отдельной части ее – Архиве Ленинградского отделения Института истории АН СССР), куда к прежним собраниям бывшей Библиотеки Петербургской АН присоединены собрания бывшей Петербургской Археографической комиссии и др.; в Центральном государственном историческом архиве (бывшем Петербургского Синода);
- в Новосибирске – в Государственной Публичной Научной библиотеке Сибирского отделения АН СССР (в обоих собраниях Н. Тихомирова).

Наиболее крупные собрания белорусских старопечатных книг размещены в отделах редкой книги Государственной библиотеки СССР и Государственного исторического музея СССР в Москве, Государственной Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (Петербурге); меньшие – в Библиотеке АН СССР в Ленинграде и Центральном государственном архиве древних актов в Москве.

Памятники старой белорусской письменности есть и в других хранилищах СССР – в библиотеках Ленинградского (в 1963–69 гг. сюда с советского севера дополнительно перевезено 15 книг XVI–XVII вв., изданных в типографиях Вильни, Могилева, Кутейны и Заблудова) и Саратовского университетов, в Го-

сударственном архиве Калининской (Тверской) области и т. д. Их находят еще и сегодня так далеко от Беларуси – на самом севере Архангельской области и Коми АССР, около озера Байкал в Бурятской АССР, в других местах.

В бывшем Рижском городском архиве (теперь – Внешний архив Рижского магистрата в Центральном государственном архиве Латвии) сохранились оригиналы на белорусском языке торговых соглашений и дипломатической переписки XIII–XVI вв. между Полоцком, Витебском, Смоленском и немцами Риги и ганзейских городов. По свидетельству одного из публикаторов их, А. Хорошкевич, только за последнюю треть XV века в архиве их более 70.

Небольшие коллекции белорусских старопечатных книг либо отдельных рукописей, часто оригинальных, уникальных или редких, выявлены в библиотеках Западной и Южной Европы, куда они в свое время попали разными путями.

Назовем здесь библиотеки:

- Британского музея в Лондоне, где есть некоторые издания Ф. Скорины и белорусских типографий конца XVI–XVII вв. (в том числе Слуцкой типографии Радзивиллов), из уникальных книг – белорусский букварь издания Виленского православного братства 1640 г.;
- Оксфордского университета в Англии, где, между прочим, есть 9 неизвестных до 1951 г. белорусских старопечатных книг 1574–1644 гг. и несколько рукописных памятников XVI–XVII вв. (оригинал письма С. Будного английскому реформатору Джону Фоксу от 1574 г., словарь XVIII в.);
- Упсальского королевского университета в Швеции, которая имеет экземпляр Статута ВКЛ редакции 1588 г., «Лексиконъ» П. Берынды (1653 г., Кутейна) и 5 изданий, до 1951 г. неизвестных библиографии;
- а также библиотеки Ватикана, бывшую Королевскую в Берлине, Кембриджского университета в Англии, архиепископа Марша в Дублине, Национальную в Париже, Королевскую в Копенгагене, народные в Белграде и Софии, белорусскую им. Ф. Скорины в Лондоне...

ОБ ОДНОМ ИСТОРИЧЕСКОМ ПРЕДРАССУДКЕ

Янка Запрудник

Сегодня, когда мы много говорим о «национальном возрождении», о «воссоздании нации», очень важно проанализировать само понятие «белорусскости», поскольку это понятие было катастрофически сужено – понималось только как крестьянское, мужицкое, деревенское.

Суженность понятия белорусскости стала психологическим препятствием на пути возрождения, на пути осознания себя как полноценного национального организма. Суженность понятия белорусскости препятствует пониманию стратегически важных аспектов нашего прошлого, необходимых для решения кардинальных проблем будущего.

Заметим, что сужение понятия белорусскости произошло по причине как объективных, так и субъективных факторов.

Объективным фактором было то, что формирование теории белорусского Возрождения (начиная от гомоновцев*), выработка программы белорусского движения происходили в интересах социальных низов, поставленных в центр внимания народнической, а позднее социалистической идеи. В начале XX столетия белорус устами своего будителя Янки Купалы провозгласил: «Я буду жыць, бо я мужык!»

Субъективным фактором было то, что враги белорусского народа сразу же усмотрели в этом «мужиковстве» белоруса аргумент против белорусского движения – и пользуются этим аргументом до сих пор – в стремлении принизить белорусскую идею, прежде всего – белорусскую культуру, до социально низшего уровня; чтобы лишить эту идею общенациональной родословной. А мы в своем незнании, в своем основательно окрестьяненном мышлении, запрограммированном нашенивской школой и закрепленном ленинской методологией, помогаем нашим оппонентам в концептуальном искажении понятия «белорусскость».

Это обеднение самих себя происходит также и от недопонимания сущности исторического процесса, каждого исторического факта как такового. Историческое бытие народа зависит от того, как это бытие понимают современники, берущие на себя ответственность за дело дальнейшего национального существования. Сказанное хочу пояснить небольшим замечанием относительно «исторического факта», поскольку это понятие находится в центре внимания, когда речь идет о сущности исторического процесса.

Из журнала «Неман», 1993, № 7, с. 126–130. Перевод с белорусского.

* «Гоман» – белорусская народовольческая организация. Возникла в 1884 г., издала два номера одноименного журнала.

В каждом историческом факте есть аспект объективный и субъективный. Объективный аспект – это сама экзистенция факта (был такой-то и такой деятель; произошло такое-то и такое событие). Оспорить существование, экзистенцию той или другой личности, того или иного события – нельзя. Но все иное в историческом факте – только интерпретация, субъективное, то, что, по мнению современников, заслуживает внимания.

В свете этого понимания сущности исторического факта абсолютно прав декан исторического факультета БГУ Петр Шупляк, когда говорит: «Любой народ... который уважает себя, оценивает исторические события с точки зрения своих интересов».

Для рассмотрения социальной генеалогии идеи самобытности Беларуси, а значит, и права белорусов на государственную независимость, предлагаю тезис: исторический процесс – это сумма поступков людей, намерения которых часто были совсем иными, чем результаты их поступков. В подкрепление этого тезиса привожу пример, очевидный для всех: намерения и цели, которые ставили перед собой авторы советской перестройки, были далеки от того, что получилось в действительности, – от того, что мы называем объективной историей.

Газета «Нью-Йорк Таймс» (21.07.1992) опубликовала высказывание Вацлава Гавела. Покидая президентский пост в связи с распадом Чехословакии, он высказался следующим образом: «Я не думаю, что какой-нибудь один человек мог сдержать то, что исторически необходимо».

Человек предполагает, а Бог располагает. Неподвластность социально-политических процессов человеческой воле отмечена в поговорках многих языков многих народов. И недаром. Вот подобную разбежку между намерениями и результатами мы видим и в сложном процессе белорусского Возрождения, в процессе становления нашего национального сознания, идеи белорусской государственности. Ведь эту идею провозглашали не столько выходцы из крестьян, сколько люди иного социального происхождения, в том числе и дворяне (шляхта). В связи с этим все наше национальное Возрождение и весь исторический путь нужно рассматривать в более широком диапазоне, не сужая его исключительно крестьянским аспектом.

А что происходит теперь в белорусской историографии? К чему ведет мужиковское понимание истории края?

Вот реферативный сборник Академии наук Беларуси «Белорусистика» (Минск, 1991, № 11) описывает изданную в 1990 году в Минске книгу «Семья и семейный быт белорусов». Редактировал сборник Василий Бондарчик со своими коллегами. Это первое исследование семейного быта белорусов за период от XIV столетия до наших дней. Очень важная тема.

Но как понимают авторы книги понятие «белорусская семья»? Только как крестьянскую! Из поля зрения авторов реферативного (!) сборника выпали такие социальные группы, как феодалы, купцы, духовенство, чиновники, разночинные слои жителей городов средневековой Беларуси. Исторический ландшафт исследователями явно искажен.

То же самое прослеживается в энциклопедии «Этнаграфія Беларусі», среди членов редколлегии которой, кстати, фигурирует тот же Василий Бондарчик

(равно как и Иван Шамякин, Алесь Петрашкевич и другие). И здесь понятие семьи тоже сведено исключительно к крестьянской.

Продолжается, таким образом, концептуальное обкрадывание своего прошлого, себя самих, от чего еще в середине 1960-х гг. предостерегал исследователь Николай Алексютович*.

Но, быть может, в прошлом и в самом деле не было иных белорусских семей – кроме семей крестьян и ремесленников? Вопрос этот я понимаю как риторический. Тем не менее, для скептиков отмечу, что, например, историк Василий Мелешко** в монографии 1988 года о Могилёве в XVI – середине XVII столетия пишет:

> Население Могилёва состояло из типичных для феодального города социальных групп. Основной из них по своей численности и значению были мещане. Это – богатое купечество, средние и мелкие торговцы, ремесленники, которые находились под юрисдикцией магистрата... Часть населения была представлена небольшой группой шляхты, духовенства и замковой администрации.

Вот каков был состав населения – города, в частности, если смотреть в наше прошлое интеллектуально раскрепощенным взглядом. Пример тому – и статья «Адзенне» в БелСЭ: здесь представлена в описаниях и иллюстрациях одежда всех слоев населения исторической Беларуси.

Шотландский поэт Роберт Бернс в одном из своих стихов высказал мысль: хорошо бы уметь себя видеть такими, какими нас видят другие. Редкий дар, которым мало кто владеет. Но с другой стороны, нужно помнить, что мир не увидит нас, белорусов, как полноценную нацию, если мы сами себя такими видеть не будем.

Эти мои рассуждения никоим образом не нужно понимать, как некое пренебрежение к крестьянам. Мои родители, хоть и были учителями, происходили из крестьян, и вообще я отношусь к крестьянству с величайшим уважением. В историческом плане – именно крестьяне сохранили родной язык, дали немало деятелей нашему Возрождению. На определенном этапе наше национальное движение черпало кадры в основном из крестьянства, но именно в силу этого и стали отождествлять понятие социальное с понятием национальным. В Государственной Думе России 1906–1917 годов, в справочниках о национальности депутатов так и писали: «белорус-крестьянин» или «крестьянин-белорус».

Сегодня, когда мы имеем возможность свободно и без шор оглянуться на наше прошлое, когда от духовного Возрождения зависит – в большей мере, чем думают люди обыденного сознания – возрождение экономическое, особенно важно выяснить роль представителей высших и средних социальных пластов в Беларуси – дворянства и шляхты – в белорусском национальном возрождении. Нужно освободиться от догм и шаблонов в своем понимании процесса становления белорусского национального сознания и развития белорус-

* Николай Алексютович (1921–1967), философ и историк. Речь идет об его статье «А дзе ж ісціна аб'ектыўная?», опубликованной журналом «Полымя» в № 7 за 1966 год. – *Прим. ред.*

** Василий Иванович Мелешко (1921–2004) – доктор исторических наук. Запрудник имеет в виду его книгу «Могилёв в XVI – середине XVII века», Минск: «Наука и техника», 1988. – 264 с. Рецензию на эту книгу см. в журнале «Неман», 1990, № 2.

ского возрожденческого движения. Потому что многие из нас представляют наше прошлое через призму раннекупаловского белоруса из «агромністай такой грамады».

Кстати, при всем уважении к еженедельнику «Літаратура і мастацтва», призыв Янки Купалы «Людзьмі звацца», вынесенный в девиз, повторяемый каждую неделю, тоже не содействует восприятию нашего прошлого во всей его многогранности и многоклассовости, потому что он акцентирует внимание на том же самом купаловском мужике, на восприятие возрожденческих проблем в суженном ракурсе начала XX века.

Янка Запрудник

В наших национальных интересах сегодня установить (восстановить) как можно более широкую и объективную картину белорусского общества минувших столетий. Если же мы будем представлять белорусов минувших веков, в частности XIX – начала XX века так, как это делали народники 1880-х годов, то не поймем своей идейной генеалогии, не будем знать всех источников сегодняшней белорусской государственности. А знать их очень важно – и с точки зрения научной основательности, и по психологическим соображениям, и по политическим. Ведь на белорусскую государственность многие все еще смотрят как на незаконного ребенка истории, как на некую аномалию социальной природы.

Вот почему вновь и вновь нужно ставить вопрос: кто же на протяжении последних двух столетий прокладывал концептуальный путь к независимой Беларуси, к идее самобытности белорусского народа? Где идейные истоки Акта 25 марта 1918 года и «Декларации о государственном суверенитете Беларуси» 27 июля 1990 года?

Сыграло ли какую-нибудь роль белорусское дворянство в затяжном процессе белорусской государственности? Пусть нас не пугает тот факт, что дворяне XIX – начала XX века не выглядят белорусами, если судить сегодняшними представлениями. Да мы и не можем требовать от белоруса прошлого или белоруса стопроцентного соответствия каким-то определенным стандартам.

Тут нужны толерантность и понимание, что каждый период имеет свои особенности! А на исторический процесс нужно смотреть как на своего рода строительство, участники которого, закладывая свой кирпич, не знают, как будет выглядеть строение при жизни следующих поколений.

Мещане академик Ефим Карский (1860–1931) и этнограф Алексей Сапунов (1851–1924), дворяне-помещики Александр Ельский (1834–1916), Роман Скирмунт (1868–1939) и князь Иероним Друцкий-Любецкий (1861–1919), как и многие другие представители дворянских родов в Беларуси, при всех расхождениях в мировоззрении и политических взглядах, внесли свой вклад в ту Беларусь, какую мы имеем сегодня. Можно смело утверждать, что никто из них не мог предвидеть, какой будет Беларусь в конце XX века, как и все западные советологи не могли предвидеть, что горбачевская перестройка завершится крахом коммунистической «империи зла».

Академик Карский говорил о белорусском языке как о «наречии» и «западнорусском языке» и был далек от мысли о независимости Беларуси. Но именно Карский, как никто другой, содействовал укреплению этого «наречия» как языка, что и стало главным аргументом в нашей борьбе за независимость.

Этнограф Сапунов был, если судить о нем согласно сегодняшним меркам, «западнорусом». На «западнорусов» сегодняшние «незалежнікі» смотрят как на идейных недорослей. Но это Сапунов защищал в Государственной Думе, где он был депутатом от Витебской губернии, право белорусов на национальное самоопределение и своими публикациями поддерживал веру в то, что самоопределение это свершится. В 1910 году в «Витебских губернских ведомостях» в очерке «Беларусь и белорусы» (очерк вышел также отдельной брошюрой) Сапунов говорил о большом значении исторических знаний как фактора национального сознания и жизнеспособности нашего народа. Об этнографических работах Романова, Гильдебрандта, Бессонова, Шейна, Никифоровского и других Сапунов отзывался так:

> Это они опровергли распространенную мысль о хилости и дряблости натуры потомков «этих грязных полочан», как о них сказано в «Слове о полку Игореве».

Дворянин Роман Скирмунт, род которого столетия жил на Полесье, был осужден абецедарскими, как «реакционный помещик и контрреволюционер», на историографическую смерть, на замалчивание*. Контрреволюционером

---

* Роман Скирмунт (1868–1939) после бурных событий 1917–1920 гг. жил в своем имении Поречье на Пинщине и занимался хозяйством. 6 октября 1939 г. сюда явился советский комиссар Холодов и созвал крестьян на «сход» для решения судьбы «пана». Вопреки его призывам крестьяне высказались за то, чтобы Скирмунт остался на свободе. Тогда комиссар нашел нескольких местных подонков и поручил им «ликвидировать кровопийцу». Под видом отправки на допрос в Пинск они отвели Скирмунта в лес и забили камнями. Это произошло 7 октября. Ныне останки Романа Скирмунта перезахоронены в Поречье. – *Прим. ред.*

Скирмунт, безусловно, был, но не реакционером. Наоборот, он принадлежал к числу прогрессивных хозяйственников. Как депутат Первой Государственной Думы, в 1906 году Скирмунт высказывал мысли, к которым стоило бы прислушаться многим депутатам Верховного Совета Республики Беларусь. Скирмунт выступал против национализации земли, но за право крестьян на увеличение их собственных хозяйств. За национализацией земли Скирмунт прозорливо видел то, что мы имеем в результате коллективизации и хозяйствования бюрократов. Кому выгодна национализация? – так ставил он вопрос. И отвечал:

> Единственным правопреемником, единственным юридическим лицом, которое приняло бы в свое владение все отчужденные земли, было бы государство. Опять для бюрократов Эльдорадо... Сын не будет пользоваться плодами труда своего отца. Ими будут пользоваться новые, чужие люди.

О Романе Скирмунте во многих дореволюционных изданиях можно прочитать, что он «поляк». В то же время сам Скирмунт себя поляком не считал. В Государственной Думе он был одним из инициаторов движения за автономию Беларуси – что шло вразрез с мнением некоторых польских политиков. В результате депутаты белорусских губерний, ратовавшие за автономию, не вошли в автономное Польское Коло, а создали свою особую группу, куда, кроме Скирмунта, вошли депутаты Ледницкий, Масонюс, виленский епископ Ропп, ксёндз Сангайло и другие.

В августе 1906 года, после разгона Первой Государственной Думы, известный польский политический деятель Роман Дмовский так писал о своих расхождениях со Скирмунтом в киевской польскоязычной газете «Дзенник Киёвски»:

> Скирмунт, прежде всего, не считает себя поляком. В разговоре со мной он заявил, что он белорус, который воспитан в лоне польской культуры, – что у него нет ни малейшей потребности относить себя к народности, с которой он связан только культурой.

Князь Иероним Друцкий-Любецкий, представитель старого белорусского дворянского рода, был в первой Государственной Думе депутатом от Минской губернии. Его идейно-политические взгляды во время революции 1905–1906 годов были вполне в духе времени. Так, в одном из своих выступлений в Думе во время обсуждения земельного вопроса он заявил:

> Чувство собственности так глубоко укоренилось в душах жителей Северо-Западного Края, что они называют эту землю своей землей, а принцип собственности так глубоко им присущ, что, собственно говоря, они даже считают, что вся территория должна принадлежать населению, живущему здесь.

В этих словах князя Друцкого-Любецкого определен главный политический постулат целой группы депутатов белорусских губерний, так называемых «территориалистов», которые добивались в Первой Государственной Думе России автономии для Беларуси как предпосылки для проведения земельной реформы.

О чем говорят примеры с Карским, Сапуновым, Скирмунтом, Друцким-Любецким? Конечно же, о том, что белорусскость в разных формах и в раз-

ных степенях интенсивности проявлялась среди разных социальных слоёв, в том числе среди дворянства. Взгляды этих людей, их деятельность оказали влияние на становление идеи белорусского национального Возрождения, на развитие белорусского движения в направлении к своей государственности. Это значит, что белорусское национально-историческое державное строение во второй половине XIX века ещё не было окончательно разрушено вплоть до своего социального основания – крестьянства, а были еще у него стены, и даже крыша.

Меня удивил приведенный историком Павлом Терешковичем факт («Весці» АН БССР, серия обществ. наук, 1986, № 5), что, «согласно переписи 1897 года, из 153 тысяч представителей сословия дворян 43,3 процента назвали родным языком белорусский». Это ведь более 65 тысяч белорусскоязычных дворян! Масса народа! Где же в нашей историографии следы этих десятков тысяч людей? Они по причине признания белорусского языка должны были как-то выявить эту свою белорусскость. Поиски их следов – задача для белорусских историков.

Надо полагать, что для многих дворян – из тех белорусскоязычных 1897 года, белорусский язык был не просто «наречием русского языка». Но были и дворяне-автономисты, те, что стали позже – «незалежнікамі». Был дворянин Александр Власов (1874–1941), издатель «Нашай Нівы», были дворяне братья Иван (1881–1919) и Антон (1884–1942) Луцкевичи, организаторы и главные, ведущие публицисты «Нашай Нівы». Была княгиня Магдалена Радзивилл (1861–1945), которая финансировала издание «Вянка» Максима Богдановича (1917) и газеты «Беларус» (1913–1915).

В прекрасном сборнике Геннадия Киселева «Пачынальнікі» (1977 г.), в редактировании которого участвовал и Адам Мальдис, XIX век наполнен дворянами, зачинателями белорусского национального Возрождения. И они сегодня свидетельствуют, что в то время – в середине XIX столетия – на белорусском языке «любили говорить между собой старые паны, которые еще были живы».

В 1868 году дворянин Винцент Дунин-Марцинкевич в своем приветственном стихотворении по поводу приезда Концкого, Сырокомли и Монюшки, говорил о Владиславе Сырокомле, который писал и на польском, и на белорусском языках: «Другі дудар як запяе пад дудку сваячу, вось і добры пан заплача – і я з ім заплачу». Свой перевод «Пана Тадэвуша», «паравернутага на беларускую гаворку», как отметил сам Дунин-Марцинкевич, он посвящал «панам і простаму народу з-над Дняпра, Дзвіны, Беразіны, Свіслачы, Віліі і часткова Нёмана».

Статистика – нудная штука, но временами она бывает более красноречива, чем слова. Белорусской исторической науке, а вместе с ней и общественной психологии нужны точные статистические данные о белорусском движении последних 150 лет. Это нужно, чтобы увидеть, к каким социальным группам относились те, кто укладывал кирпичи в фундамент и стены национального строения, которое мы сегодня называем суверенной Республикой Беларусь.

Думаю, что такая статистика, должным образом прокомментированная, открыла бы многим из наших современников глаза на белорусскость и белорусчину во всей их социально-культурной многогранности. Тогда белорусчина перестанет быть лаптюжной и мужицкой, от которой они отворачиваются – в своей закомплексованности – в сторону русофильства или полонофильства. Хочу присоединиться к призыву нашего пытливого философа Владимира Конона (1934–2011):

> Давайте будем сотрудничать в Возрождении Беларуси со всеми, кто отказался от политики ликвидации белорусов как нации, с демократами и белорусскими коммунистами, с королями и великими князьями, с «левыми» радикалами и «правыми» консерваторами – со всеми, кто искренне признает историческое право белорусской нации на ее будущее.

И помнить, что наш моральный долг перед памятью предшественников, а вместе с тем принцип доброй хозяйственности требуют, чтобы в дальнейшем возрождении Беларуси использовались абсолютно все ресурсы, которые это возрождение-строительство укрепляют и обеспечивают ему надежное будущее.

КОРОТКО ОБ АВТОРЕ

Янка Запрудник (наст. Сергей Вильчицкий) родился в 1928 г. в местечке Мир. В 1944 г., в 16 лет, выехал на Запад. Учился в немецкой гимназии. Работал в Англии на шахтах. Закончил Лувенский университет (Бельгия), в США — университетский курс журналистики. Доктор исторических наук. Несколько десятилетий являлся редактором газеты «Беларус» (Нью-Йорк), а также одним из основных сотрудников белорусской редакции радио «Свобода».

Публикуемая статья написана на основе доклада для Международной конференции «Формирование и развитие национального самосознания белорусов» (Молодечно, 20 августа 1992 г.).

ВОСЕМЬ ВОЛН БЕЛОРУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

Евгений Калубович

Автор написал эту статью в США в 1954 г. Ее текст, который мы публикуем в переводе и с некоторыми сокращениями, опубликовал журнал «Беларускі сьвет» (США) в 1988 г., уже после смерти автора. При переводе статьи мы опустили почти все ссылки на источники. Единственное уточнение: употребляя термин Великое Княжество Литовское, автор имел в виду Беларусь, которая и была ядром ВКЛ. Современную Литву Калубович называл Летува.

НАШИ ПРЕДШЕСТВЕННИКИ

Двина! Река моей отчизны!.. Соседка голубого Немана... вскормленная в одной колыбели с Днепром! Это я – твой сын, крещенный твоей водой, от пеленок до юношества возлелеянный твоим дыханием, наученный твоей речи, круговертью судьбы-завистницы оторванный от тебя – из чужого мира шлю тебе привет... Прими его, матушка.

(А. Рыпинский. Лондон. 1850-е гг.)

Время корректирует смысл этого слова — «наши». Эмиграция становится неотделимой частью белорусского народа, созданные ею культурные ценности вливаются в нашу общую культуру. Все эти годы многое из того, что было запрещено здесь, делалось там. Подобно закону сохранения материи действовал закон сохранения нации. И знание, которое запрещалось здесь, – обязательно выходило на поверхность где-то в другом месте. Оно сохранялось до того времени, когда будет востребовано своим народом. И это время пришло.

Уже давно наша волна эмиграции оставила Беларусь. Этот факт вызывает много размышлений. В том числе и вопросы: кто были наши предшественники? Что заставило их эмигрировать? Какова их судьба?

До конца XVIII века белорусские эмигранты — это единичные люди. Великое Княжество Литовское было правовым государством, его граждане свободно выезжали за границу. Это право, впервые зарегистрированное привилегией великого князя Казимира 1457 года, вписано в Статут 1529 года:

> ...абы княжата и Панове хоруговные, шляхта и бояре пречечоные и каждый человекъ рыцерскій и всякого стану мели вольную моц выйти с тех земль наших Великого князьства... для набытья лепшого щастья своего и навченя... до всяких земль чужих, кром неприятелей наших.

Из журнала «Неман», 1992, № 2, с. 136–150. Перевод с белорусского.

Сотни белорусов, особенно студенческой молодежи, ездили в Германию, Италию, Швейцарию, Францию, Голландию, Чехию... и свободно возвращались назад. Правда, были и эмигранты, некоторых из них мы можем назвать:

✦ Ивана Литвина, основателя книгопечатания в Лондоне, который научился полиграфии в Риме у Иоганна Булье из Бремена. В 1480 году в английской столице он издал индульгенции папы Сикста IV против турок, книгу Антона Андре «Quaestiones super XII libros metaphysicae Aristotelis»*, в 1481 году – комментарий к псалмам Т. Валензиса. Около 1482 года, уже вместе с другим печатником, Уильямом из Мечлина, – еще пять книг.

А в 1483 году он куда-то уехал. Возможно, что в Краков, где в том же году открылась типография Швайпольта Феоля и его компаньона – какого-то Ивана, которого С. Старовольский в библиографической работе «Гекатонтас» в 1625 году назвал Иваном Талером, стремившимся «классические науки, на разных языках и разными буквами отпечатанные, распространять для северных народов», а польский исследователь Я. Птасьник – Иваном Яклем.

Мы не знаем, действительно ли Иван Литвин и компаньон Ш. Феоля – одно и то же лицо; мы не знаем также с точностью, кто он, лондонский первопечатник – то ли один из бывших послов православного митрополита ВКЛ Михаила к папе Сиксту VI в 1476 году – Иван, младший брат Александра Солтана (который мог остаться в Риме, научиться там полиграфии и выехать в Лондон), то ли Иван Богданович или Иван из Полоцка (оба во 2-й половине XV века окончили философский факультет Пражской академии), – но его происхождение из ВКЛ доказывают английские историки;

✦ славного Франтишека Скорину из Полоцка, который столько сделал для своего народа и так любил свой край, а в 1534 году по невыясненным до сих пор причинам оставил Беларусь и с семьей отправился в эмиграцию, в Чехию, где служил садовником у короля Фердинанда Габсбурга, основал около Праги на Градчанах королевский парк и умер в 1540 году;

✦ ученого, писателя и печатника Илью Капиевича, «недосека» из Мстиславля, который окончил Слуцкую кальвинистскую коллегию, неизвестно когда и почему выехал в Голландию (Амстердам) и был там протестантским пастором. С 1699 года в типографии Яна Тесинга, а с 1701 года в основанной им самим типографии Капиевич издал более 20 книг, реформировал кириллицу. Во время Северной войны он вернулся в Витебск, откуда Петр I привлек его со своей типографией в Москву. Печатать ему там не позволили, а типографию отобрали; после этого он, разочарованный, несмотря на глубокую старость (около 80 лет), вместе с дочерью Капиевич выехал назад в Амстердам и там в 1714 году умер;

✦ философа Степана Аскерку, сына Новогородского каштеляна**, который после Слуцкой кальвинистской коллегии продолжал обучение в Кёнигсберге и Берлине. В 1733 году, будучи послом на сойм от Мозырского повета, выехал в Варшаву на коронацию нового короля, Августа III. В дороге, однако, изменил

* «Вопросы к 12 книгам метафизики Аристотеля»» (латынь).

** Каштелян (от *латин.* Castellum – замок) – комендант замка или крепости в ВКЛ и Речи Посполитой. Позже – почётный титул.

план, пересек немецкую границу, выдав себя за студента, едущего во Франкфурт. Таким образом, он эмигрировал в Пруссию будто бы от преследования иезуитов, как он сам написал об этом в Берлине в 1734 году в книге своих мемуаров. Там со временем он попал на службу к королю Фридриху II, был его юридическим советником, за что в предместье Берлина получил двор Лихтенберг. В 1762 году в Бернберге издал по-немецки свой философско-экономический труд «Unmassgeblicher Plan»*, в котором высказал идеи, позже развитые Анри Сен-Симоном, Шарлем Фурье, Робертом Оуэном.

Были и другие немногочисленные эмигранты.

Массовые же волны политической белорусской эмиграции начались со времени завоевания и присоединения Беларуси к Российской империи в конце XVIII в. Причины, вызвавшие их – национально-освободительное восстание 1794 года, наполеоновская война 1812 г., антироссийские восстания 1831 и 1863–64 гг., падение БНР (Белорусской Народной Республики), национальные, политические и религиозные преследования. Жестокая эксплуатация Беларуси как колонии вызвала и экономическую эмиграцию, дополнительно выгнав многих на поиски работы и лучших условий жизни. В результате – сотни тысяч белорусов вынуждены были покидать Беларусь и отправляться в чужие края.

Исторические документы свидетельствуют, что массовое бегство белорусов из-под владычества России, но еще в пределах Беларуси на неотторженные земли, началось с конца XVII века. Уже после Андрусовского мира 1667 года, когда от ВКЛ была оторвана Смоленщина, смоленский воевода князь И. Репнин сообщал в Москву:

> ...крестьяня и бобыли многие из Вельского уезду бегут в Литовскую сторону... Апреля ж де против 19-го числа (1668 г. – *А. К.*) в ночи витебской мещанин Куземка Коровай собрався со многими Вельского и Ржевского уездов с беглыми крестьяны с пищальми и з бердыши розбили... заставу и провезли на плотах со всеми крестьянскими животы в Литовскую сторону, а было де больши 20 плотов. И по них де, стрельцах (посланных князем Репниным. – *А. К.*) ис пищалей стреляли... И в прошлом де во (1667) году... многие де крестьяня и бобыли из Вельского уезду нынешней зимою выбежали в Литовскую сторону.

Новгородский губернатор Я. Сиверс (позже – посол Екатерины II в Варшаве) писал царице, что российские помещики, «управляемые необузданной жадностью, облагают своих подданных такими тяжкими оброками, что из-за этого тысячи беженцев из Российской империи заполняют Литву и Польшу». В 1763 году в одном только Мстиславском воеводстве (из других воеводств мы не имеем данных) их было с отторгнутой Смоленщины около 50.000. На протяжении 20 лет после 1772 года из Мстиславского, Витебского и Полоцкого воеводств границу перешло более 30.000 крестьян. 9 марта 1793 года министерство иностранных дел России в ноте Австрии и Пруссии жаловалось:

* «Невероятный план».

...в Речи Посполитой российские подданные, жители пограничья... принимаются после их бегства. Количество их оценивается в 300.000 голов, не считая потомков от того времени, как имеет место эта неразумная эмиграция. Нужно еще взять во внимание, что большая часть этих беженцев не была охвачена учетом*.

ПЕРВАЯ ВОЛНА

Восстание 1794 года под руководством генерала Тадеуша Костюшки в Польше началось 24 марта. Великое Княжество Литовское присоединилось к нему месяцем позже. Для руководства восстанием в Вильне был создан повстанческий центр ВКЛ – Верховный Совет.

Регулярные войска ВКЛ и созданные повсюду повстанческие отряды атаковали российские оккупационные гарнизоны. Сначала они одерживали победы. В ночь на 23 апреля был разгромлен гарнизон российских войск в Вильне. Повстанцы захватили арсенал, начальника гарнизона генерала М. Арсеньева, взяли в плен около тысячи российских солдат. Остаток гарнизона под командованием майора М. Тучкова спасался бегством. В конце апреля – марте были освобождены Браслав, Ошмяны, Лида, Новогородок, Гродно, Слоним, Волковыск, Брест, Кобрин... и Пинск, который по 2-му разделу Речи Посполитой в 1792 году уже был присоединен к России. Одновременно генерал Язеп Беляк, князь Сапега и Зайончек через Слоним пришли с войсками в Столовичи и сняли российский пост на границе около Ляховичей. А отряды генерала гвардии ВКЛ С. Грабовского дошли до Бобруйска.

Универсалом Верховного Совета ВКЛ от 24 апреля и Т. Костюшки от 7 мая крестьянам ВКЛ и Польши была объявлена личная свобода. В стране поднялось патриотическое движение. Однако после поражения повстанцев под Солами Ошмянского повета (25 июня) и повторного захвата российскими войсками Вильни (12 августа) повстанцы начали с боями отходить на запад. В Польше российская армия с помощью прусской подавила восстание к 16 ноября.

После подавления его и наступившего вслед за тем в 1795 году 3-го раздела Речи Посполитой вся территория Беларуси была присоединена к Российской империи (только Белостокский округ с западной Гродненщиной были отданы Пруссии). Это вызвало в 1794–95 гг. первую волну массовой эмиграции из Беларуси, Летувы и Польши на Запад – во Францию, Саксонию, Венецию, Ганновер, а оттуда некоторых – в США. В большинстве это были не попавшие в плен, а затем в российские тюрьмы и ссылки (куда было брошено 12.000 повстанцев) государственно-политические деятели, руководители и активные участники восстания, офицеры и солдаты (20.000 их было интернировано в Австрии, 3.000 – в Пруссии), гражданская интеллигенция.

Среди эмигрировавших оказались:

✦ один из «главных литовских сепаратистов» князь Михал Клеофас Огинский, посол Четырехлетнего (1788–92 гг.) и Гродненского (1793 г.) соймов, подскарбий ВКЛ в 1793–94 гг.** (известный и как композитор – автор оперы, мно-

* Цитаты и цифры взяты из книги: W. Wielhorski. Polska a Litwa. London, 1947.

** Подскарбий – высший чиновник ВКЛ, ведавший государственной казной.

гих произведений других музыкальных жанров, в том числе Марша повстанцев 1794 года). Во время восстания он входил в повстанческий центр ВКЛ, за свой счет сформировал и вооружил батальон уланов, которым сам командовал в боях против российских войск. После упадка восстания вынужден был эмигрировать (сначала в Вену, откуда переехал в Венецию и Париж);

✦ обозный ВКЛ, маршалок Трибунала в 1787 году, также член Верховного Совета в Вильне Кароль Прозор из Речицкого повета;

✦ полковник войск ВКЛ Язеп Котел, посол Четырехлетнего сойма от Ошмянского повета, член Верховного Совета в Вильне, связной его с Т. Костюшкой и Верховным Советом в Варшаве. Эмигрировал в Венецию, а после в Париж;

✦ князь Казимир Нестор Сапега, генерал артиллерии ВКЛ с 1773 года, брестский посол на соймы 1778–88 гг., маршалок генеральной конфедерации ВКЛ с 1788 года. Умер эмигрантом в Вене в 1798 году.

После этой массовой волны в эмиграцию шли и индивидуально:

В 1796 году после освобождения из Петропавловской крепости в Петербурге повторно в США эмигрировал главный руководитель восстания 1794 года в Речи Посполитой Тадеуш Костюшка (белорус из двора Меречевщина около Косова), бывший (в 1776–83 гг.) участник войны за независимость США, которого американский Конгресс 13 октября 1783 года назначил бригадным генералом. В 1797 году в Филадельфии Т. Костюшка сблизился с Т. Джефферсоном, будущим (в 1801–1809 гг.) президентом США. В следующем году он вернулся в Западную Европу и в 1817 году умер в Швейцарии. Именем Костюшки в США назван город в штате Миссисипи (Kosciusko).

✦ Павел Бжостовский, писарь ВКД с 1762 года, референдор в 1774–87 гг.* В своем имении Павлово (на речке Меречанке возле Вильни) он в 1769 году даровал крестьянам личную свободу, освободил от крепостного права, заменив его оброком. Имение, к которому принадлежали местечко Павлово и 14 деревень, превратил в автономную крестьянскую республику – т. н. Павловскую Речь Посполитую. Власть в ней под своим контролем передал крестьянскому сойму и правительству с самостоятельным судом, деньгами и банком, основал школу, больницу, аптеку, из жителей местечка – гвардию безопасности.

В восстании 1794 года крестьяне Павловской Речи Посполитой выставили 150 повстанцев в отряды ВКЛ и на свой счет приобрели для них две пушки. А сами выкопали окопы и, вооружившись, трижды отбили отряды российского войска. С приходом в конце концов российской власти Павловская Речь Посполитая была уничтожена, а крестьян вернули назад в крепостничество, как и по всей Российской империи. Разочарованный П. Бжостовский в 1798 году продал имение и выехал в эмиграцию (в Дрезден, потом в Рим).

ВТОРАЯ ВОЛНА

24 июня 1812 года армия Наполеона Бонапарта пересекла границу Российской империи и несколькими путями двинулась на восток вслед за спешно отступавшим российским войском. Половину 420-тысячной армии составляли

* Референдор – советник великого князя.

французы, вторую половину — португальцы, итальянцы, немцы, австрийцы, швейцарцы, хорваты, поляки, представители других народов европейской коалиции французского императора.

28 июня Наполеон уже был в Вильне, а еще через три дня, 1 июля, с его согласия было восстановлено Великое Княжество Литовское, независимое от Герцогства Варшавского (созданного в 1807 г.). Лишь 17 лет как ликвидированное, ВКЛ сразу вступило в коалицию Наполеона. Было создано временное правительство во главе с графом С. Солтаном (в состав правительства вошли и эмигранты 1794–95 гг. — граф Кароль Прозор и Франтишек Ельский).

В военных условиях началось восстановление государства. Организация администрации. Формирование армии ВКЛ: четыре полка кавалерии, пять полков пехоты, третий гвардейский уланский полк, шесть батальонов егерей (по 6 рот в каждом батальоне), конно-егерский полк добровольцев, дополнительно — Могилёвский и Витебский полки, а также Национальная Гвардия во всех воеводских (губернских) и поветовых (уездных) городах.

Восстановленное ВКЛ существовало всего полгода. Отход армии Наполеона из России, новая оккупация ВКЛ российскими войсками в декабре, начавшиеся аресты и ссылки патриотов — сторонников коалиции Наполеона — стали причиной 2-й волны массовой белорусской эмиграции на Запад.

Вместе с французами в Дрезден, а из Дрездена в Лейпциг выехало временное правительство ВКЛ, где продолжало свою работу до 24 июля 1813 года. Среди выехавших были: председатель правительства граф Станислав Солтан (генерал войск ВКЛ с 1782 года, маршалок надворный в 1791–93 гг.); руководитель отдела юстиции Франтишек Ельский из Пинского повета (бывший маршалок Трибунала в 1783–85 гг., член Виленского повстанческого центра в 1794 году); генеральный секретарь правительства Язеп Игнат Косаковский (сын Новогородского подстолия*, бывший подчаший ВКЛ) и другие.

Ушли на Запад и военные формирования ВКЛ. В Западной Европе на стороне Наполеона они еще принимали участие в военных акциях 1813 года, в том числе в знаменитой «битве народов» под Лейпцигом 16–19 октября, после поражения в которой перешли Рейн и остались в эмиграции во Франции. Вместе с ними были высшие офицеры ВКЛ:

✦ начальник военного отдела временного правительства генерал Степан Грабовский из Новогородского повета, заместивший умершего в Деречине 8 сентября 1812 года князя Александра Сапегу. В восстании 1794 года во главе полка он 23 апреля участвовал в освобождении Вильни. Сражался под Неменчином, Полянами, Солами. 15 августа с отрядом в 1800 человек и с пятью пушками двинулся на занятую россиянами Минщину, но на обратной дороге из Бобруйска на Слуцк 4 сентября под Любанью капитулировал, был взят в плен и сослан в Унженский округ. Из ссылки его освободил по амнистии царь Павел I;

✦ генерал Ксаверий Неслуховский из Ляховичей, сын Новогородского воеводы Язепа. Как командир полка сражался в восстании 1794 года, после чего эмигрировал в Дрезден. В 1812 году — инспектор пехоты в армии ВКЛ, с отрядами которой в 1813 году ушел на Запад;

* Подстолий — заместитель стольника. С XVI века почётный титул.

✦ двоюродные братья Косаковские — Язеп Доминик и Язеп Антон. Оба происходили из патриотических семей, стремившихся ослабить связь ВКЛ с Польшей. Когда принималась Конституция 3 мая 1791 года, которая отменяла конфедерацию Речи Посполитой, превращая ее в одну страну, и тем самым ликвидировала конфедеративное Великое Княжество Литовское, низводя его до одной из частей Польши, — отец Язепа Доминика Михаил, Браславский воевода (до того — Витебский) Конституцию эту принял враждебно. А братья отца, дядья двоюродных братьев, также противники Конституции (епископ Язеп Казимир Косаковский — за «свои сепаратистские по отношению к Польше устремления» и гетман Симон Косаковский — «один из главных предателей» Польши) в 1794 году были казнены. Поэтому полковник и ловчий ВКЛ Язеп Доминик, идейный противник Конституции 3 мая, не присутствовал при ее принятии.

С 1793 года он — командир 2-го пехотного полка. В 1812 году по поручению временного правительства сформировал в Тимковичах Минский полк, с которым воевал против русских в Минске (12 октября), под Койдановом, Борисовом (21 ноября), Студёнкой и Стаховом (28 ноября). 4 декабря с 341 солдатом, оставшимся в полку, дошел до Вильни, а 6 декабря двинулся на запад.

Генерал Язеп Антон — командир 3-й кавалерийской бригады ВКЛ в восстании 1794 года. После подавления восстания эмигрировал в Париж, где познакомился с Наполеоном. В 1812 году Наполеон взял его к себе в Почетную Гвардию и адъютантом в свой штаб. С 3 августа он командовал Полоцким пехотным полком, с которым ходил на Смоленск, Можайск и Москву. Наполеон 29 сентября назначил его губернатором Москвы (в этой роли он пробыл три дня). При отходе из Москвы на Запад сражался под Березой (28 ноября), под Смолевичами, Борисовом, Стаховом, Вильней (10 декабря). В 1813 году вновь призван в качестве адъютанта французского императора. Был в битвах под Лютценом, Шпандау, Баутценом, Дрезденом, Лейпцигом и Ганау. В следующем году Наполеон присвоил ему графский титул.

Из других выдающихся личностей в эмиграцию ушли:

✦ Ян Гораин, сын Брестского воеводы, с 1782 года посол в сойм. В 1794 году он был одним из главных руководителей восстания на Брестщине. В 1812 году, после восстановления ВКЛ — бургомистр Вильни, откуда в конце того же года эмигрировал в Париж;

✦ князь Михал Клеофас Огинский, в 1802 году по царской амнистии вернулся на Беларусь и жил в одном из своих имений — Залесье около Сморгони. Предпринимал попытки восстановить хотя бы автономное ВКЛ под российским протекторатом. В 1811 году, после нескольких лет личных переговоров с Александром I, Огинский подготовил соответствующий проект, которым предусматривалось также на протяжении 10 лет дать крестьянам свободу. Казалось, что перед лицом угрозы войны с Наполеоном царь склонялся к проекту князя. 22 октября 1811 года уже был подготовлен текст царского указа. Но царь медлил, а война 1812 года проект этот перечеркнула. Огинский, потеряв всякую надежду на реализацию своей идеи, уехал во Флоренцию, где прожил 18 лет и умер в 1833 году. Незадолго перед смертью в Париже он издал в 4-х томах написанные им по-французски воспоминания о 1788—1815 гг.

Когда после разгрома первых попыток освободить родину из-под российской оккупации на Беларуси временно воцарился дух безнадежности, некоторые белорусы из чувств оппозиции к любому чужому господству и солидарности с каждым порабощенным народом оставляли свой край, чтобы сражаться против любого поработителя, шли туда, где загорался огонь борьбы.

В 1821 году поднялось вооруженное движение за освобождение Греции от турок. Подобно английскому поэту-эмигранту Джорджу Байрону и многим другим, активное участие в нем принимали эмигрант из Гродно капитан Янковский и полковник Вячеслав Гарновский из Краславки Двинского повета. О Янковском, оставившем Беларусь в 1820 году, сведений мы не имеем.

В. Гарновский, познакомившись с агентами греческой национально-освободительной организации гетеристов, в начале 1821 года тайно покинул Могилёв, перебрался в Италию, сформировал там уланский полк и три месяца в армии генерала А. Ипсиланти сражался со своим полком против турок. Разбитый 19 июня 1821 года под Драгошанами, перешел австрийскую границу, был интернирован и пять лет сидел в тюрьме. По требованию царя Александра I в 1826 году его выдали России, а там отдали под строгий надзор полиции. В 1837 году правительство свободной Греции заочно наградило его высшим Орденом Спасителя.

ТРЕТЬЯ ВОЛНА

Восстание 1831 года в августе было разгромлено уже во всех поветах Беларуси. С конца июня оно продолжалось только на юге (Пинск, Мозырь, Речица) и востоке (Могилёвская и Витебская губернии), в июле присоединились Новогородок и Слоним. Главные его силы (с Гродненщины, Виленщины и Минщины – 20.000 повстанцев из всех 35—40 тысяч) были разбиты российскими войсками в бою под Вильней 19 июня.

В середине июля более 10.000 повстанцев, отступавших из-под Вильни, перешли около Мемеля (ныне Клайпеда) прусскую границу и были разоружены прусским правительством. Их разместили в лагере города Фридлянда, в окрестных местечках и селах. Незначительная часть повстанцев осталась в Пруссии, основная же масса в ноябре «колоннами» по 150 человек из Фридлянда двинулась во Францию. Ехали два месяца на подводах через всю Германию до города Безансон около швейцарской границы.

Французское правительство для опеки над эмигрантами создало под руководством генерала Лафайета специальный Комитет Помощи и ассигновало на пенсии для эмигрантов 3 миллиона франков в год.

Из Безансона они за год расселились по Франции (Париж и другие 24 города), а позже некоторые выехали в Швейцарию (Женева, Цюрих), Бельгию (Брюссель), Англию (Лондон), Италию, США.

Сегодня еще недостает многих фактов (для выяснения их понадобится изучение разноязычных публикаций того времени и архивов), но известно, что, попав в среду революционно-освободительных движений Западной Европы (главные центры которых были в Париже и Лондоне), белорусские эмигранты 3-й массовой волны, вместе с эмигрантами польскими, венгерскими, итальян-

скими и другими, присоединились к разным общеевропейским организациям. Прежде всего это «Молодая Европа» (основанная в 1834 году) и «Интернациональный союз народов» (основанный в 1846 году), возглавляемые Джузеппе Мадзини, Лайошем Кошутом и другими. Они участвовали в движении карбонариев, венгерской революции 1848 года, в других войнах и революциях, ставивших своей целью национальное освобождение народов и социальное освобождение крестьян. Они держали постоянную связь с Отечеством, помогая в планировании и подготовке там новых освободительных выступлений, или служили ему, способствуя развитию национального искусства и науки.

Среди них было немало выдающихся личностей:

✦ новогородский маршалок Язеп Кашиц, руководитель восстания в Новогородском и Слонимском поветах;

✦ учитель Виленской гимназии, белорусский историк Гиполит Климашевский, отыскавший «Летопись Быховца» и в 1830 году впервые опубликовавший отрывок из нее;

✦ художник Винцент Дмаховский из Ошмянского повета, создатель романтических пейзажей «Родина» («Имение в Новогородовичах»), «Озеро Свитязь», «Верки», «У переправы», «Пожар в лесу» и др. (Он был как раз из тех немногих, что остались в Восточной Пруссии, и в 1833 году вернулся домой);

✦ график и композитор Наполеон Орда из Пинского повета, автор широко известных рисунков и акварелей «Новогородок», «Кревский замок», «Городня», «Свислочь», «Минск», «Асвея».., а также – мессы и ряда других музыкальных произведений. Эмигрировав сперва в Австрию, Швейцарию, Италию, в конце 1830-х годов он в Париже совершенствовал свой художнический талант в студии П. Жирара, а музыкальный – у Ф. Шопена;

✦ поручик повстанческого отряда на Витебщине поэт Александр Рыпинский, который 21 ноября 1839 года в Париже по приглашению Польского литературного общества читал для его членов реферат о Беларуси, ее языке, литературе и фольклоре. Издав эту работу (в расширенной редакции с приложениями) в следующем году отдельной книгой (A. Rypiński. Bialoruś. Paryz, 1840. Книга была запрещена цензурой в России), он тем самым один из первых распространил во Франции и вообще на западе Европы сведения о своем порабощенном крае. Польский исследователь Ф. Герман отмечает, что «любовь к Беларуси привела (в Париже. – *А. К.*) к сближению и крепкой дружбе А. Рыпинского и Адама Мицкевича».

Переехав в Лондон, Рыпинский стал учителем французского языка и рисования в Eagle House School и где-то около 1852 года вместе с другом с Новогородчины Игнатом Яцковским (который в книге воспоминаний сохранил для истории белорусской литературы сведения о поэте Павлюке Багриме и опубликовал единственное известное его стихотворение «Зайграй, зайграй, хлопча малы...») основал в своем доме (Grove Place, 5) небольшую собственную типографию. В ней в 1853 году отдельными книжечками тремя изданиями он опубликовал написанную им в Лондоне балладу «Нячысьцік».

✦ Михаил Волович из имения Поречье Слонимского повета, который в начале 1833 года тайно из Франции был послан на Беларусь для подготовки но-

вого восстания. Созданное им из крестьян партизанское соединение было разбито российским отрядом, а сам он, схваченный, 21 июля 1833 года погиб на виселице в Гродно;

✦ магистр права Генрик Дмаховский из имения Заболотье Дисненского повета. Он также в 1833 году выехал из Парижа для революционной работы в родных краях, но по дороге, в Австрии, был задержан и заключен в тюрьму (1834–41 гг.). По освобождении вернулся назад в Париж, там окончил школу скульптуры, а в 1851 году уехал в США, где для Конгресса в Вашингтоне сделал бюсты Т. Костюшки и Т. Джефферсона.

ЧЕТВЕРТАЯ ВОЛНА

Наибольшую политическую активность эмиграция развернула накануне и во время восстания 1863–64 годов, особенно в Париже и Лондоне.

Защита национальных позиций Беларуси наилучшим образом отразилась в воззвании «К русскому, польскому и всем славянским народам» Михаила Бакунина, близкого к польским и белорусским эмигрантам в Лондоне. Об этом воззвании, опубликованном в герценовском «Колоколе», российские историки (любящие ссылаться на этот журнал и цитировать его) обычно не вспоминают. Бакунин писал:

> Поляки, возможно, будут требовать слишком много... не ограничатся на Царстве Польском, а выскажут исторические претензии на Литву, Беларусь... и всю Украину... В таком случае они допустят большую ошибку. Я думаю, что... Украина... и Беларусь будут самостоятельными членами общеславянского союза.
>
> Я требую только одного, чтобы каждому народу, каждому малому и большому племени, были даны возможности и права самим решать свою судьбу: хочет он слиться с Россией или Польшей – пусть сливается; хочет быть самостоятельным – пусть будет таким. Наконец, хочет он совсем отделиться ото всех и жить совершенно отдельным государством... пускай отделяется. Бог с ним, с величием петровским, екатерининским, николаевским, заставившим российский народ исполнять роль палача... Мы искали силу и славу, а нашли бесславие, заслужили ненависть и проклятие у придушенных нами народов. Слава богу, наша двухвековая тюрьма – петровская держава – наконец, рушится. Мы и сами подтолкнем ее в бездну. И воля нам; воля героической Польше, воля Белоруссии, Литве, Украине!..

Центральный повстанческий комитет в Варшаве посчитал обязательным издать, по примеру «Молодой Европы» в Лондоне, свою декларацию, в которой заверял, что по освобождении из-под власти России каждому народу будет гарантировано равенство «без какой бы то ни было гегемонии какого-либо из них».

Эмигранты активно распространяли в западноевропейской прессе информацию о ходе восстания (поступала она на Запад из Вильни через зарубежного агента восстания в Кёнигсберге Ахилло Банольди и на адрес мистера Альберта в Париж (Hotel St. Germain, w. 88); переправляли оружие для повстанцев (на английском корабле «Ward Jackson» в марте 1863 г.); вербовали из эмигрантов

добровольцев (так называемая лондонская морская экспедиция 1863 г.); пытались организовать повстанцев в начале 1864 года в Пруссии; что особенно важно — готовили политических и военных руководителей.

Последнее делалось в основном с помощью центра «Молодой Европы» и лично Джузеппе Гарибальди, который в 1861–63 годах принимал белорусских кандидатов в свои военные школы в Генуе и Кунео в итальянском Пьемонте. Здесь учились, например:

✦ Феликс Вислоух из Речицкого повета, бывший студент Московского и Киевского университетов, друг К. Калиновского и В. Малаховского. Прибыв из Кунео в начале восстания, он был назначен в Трокский повет, сначала командиром повстанческого отряда, а с 8 июня 1863 года — военным начальником повета. После подавления восстания вновь отправился в эмиграцию.

✦ Болеслав Колышко из Лидского повета. Командир организованного им Дубисского повстанческого отряда, с которым в ряде боёв сражался против российской армии. Разбит под Биржами 25–26 июня 1863 года, взят в плен и повешен в Вильне;

✦ Жигимонт Минейка из Ошмянского повета. По окончании школы в Кунео — военный начальник этого повета и командир объединенного повстанческого отряда, в котором сражался и его друг по Виленской гимназии поэт Ф. Богушевич. Потерпев неудачу под Расолишками, больной тифом, 3 июня 1863 года взят в плен и осужден на казнь, замененную 12 годами каторги. Из Сибири ему удалось бежать за границу. В 1897 году он еще воевал против турок за Крит, удостоился почетного гражданства Греции и дожил до 1925 года;

✦ Феликс Зенкович из имения Мокраны Пружанского повета. Прибыл из Лондона с морской экспедицией повстанцев-эмигрантов. С июля 1863 года — секретарь краевого повстанческого центра в Вильне. 7 августа 1863 года арестован, приговорен к расстрелу, но после сослан на 12 лет каторги в сибирские рудники;

✦ уже знакомый нам Г. Дмаховский. Похоронив в Филадельфии жену, в 1861 году по собственной воле вернулся домой, включился в подготовку восстания; а когда оно началось, был военным начальником своего Дисненского повета. В апреле 1863 года он организовал повстанческий отряд в соседнем Лепельском повете, командовал им в бою у деревни Поречье Борисовского повета 26 мая 1863 года и, «пробитый 8 пулями, упал старец на руки молодежи».

Против повстанцев были брошены (по официальным российским данным на 1 января 1964 г.) 144.786 солдат, 146 пушек и 60 сотен казаков. Сегодня неизвестно, сколько повстанцев было убито и ранено, но осужденных военно-полевыми судами и «в административном порядке» (без суда) на 1 января 1865 года было 18.507 (из них 128 — на расстрел или виселицу, 853 — на каторгу, 11.502 — на ссылку в Сибирь и «внутренние губернии Империи», 6024 — «оставлено в крае... с подвержением некоторых из них административным взысканиям и... с отдачею на благонадежное поручительство и под надзор полиции других».

Когда залпы расстрелов и скрип виселиц еще не утихли, а звон оков гонимых в Сибирь висел над Беларусью, — очередная, 4-я волна массовой белорусской эмиграции покатилась на Запад. Согласно польским источникам, это были 7000 наиболее активных повстанцев из Польши, Беларуси и Литвы.

Одиночные и исключительные случаи этой волны датируются уже с весны 1863 года. Осенью, когда начались заморозки и появился снег, держаться в лесу стало трудно, движение увеличилось. В этой волне эмиграции во Францию, Швейцарию, Англию и другие страны Запада ушли:

✦ Ян Козела (псевдоним – Скала) из имения Сервач Вилейского повета. Накануне восстания – один из основателей повстанческой организации в Минске. С осени 1862 года – член краевого повстанческого центра. Через год – военный начальник Гродненского и Августовского воеводств. Эмигрировал во Францию. Вернувшись в 1872 году на Беларусь, был арестован и до 1883 года отправлен в ссылку;

✦ инженер Владислав Малаховский из имения Маце Кобринского повета, близкий соратник К. Калиновского, повстанческий начальник Вильни (в феврале – августе 1863 года);

✦ художник Бронислав Залесский (Литвин) из имения Рачковичи Слуцкого повета. В 1846 году за участие в подпольном антироссийском движении выслан в Оренбург, а через два года – в Аральский край, где отбывал ссылку вместе с Т. Шевченко. В 1856 году вернулся домой, а в 1863 присоединился к восстанию. Эмигрировал в Дрезден – Рим – Париж (где в 1880 году и умер). Был заграничным политическим представителем краевого повстанческого центра;

✦ полковник Болеслав Длуский из Виленского повета. С 1862 года – член краевого повстанческого центра в Вильне, с октября 1863 – военный представитель центра за границей. 16 декабря 1863 года ему из Вильни было поручено создать из новых эмигрантов, «которые перед тем были повстанцами и вынуждены были эмигрировать», военную комиссию, подготовить и издать строевой устав для повстанческих отрядов;

✦ повстанческий начальник Минского воеводства Корнель Пеликша;

✦ полковник Валерий Врублевский (впоследствии «генерал Парижской коммуны») из местечка Желудок Лидского повета. Соредактор газеты «Мужыцкая Праўда», военный начальник Гродненского воеводства;

✦ Игнат Арамович, учитель Белостокской гимназии, в восстании – адъютант В. Врублевского. В январе 1864 года эмигрировал в Швейцарию, где опубликовал свои воспоминания о восстании с текстами белорусских повстанческих песен. По возвращении на Беларусь арестован, сослан в Казань, где в 1875 году умер;

✦ поэт Феликс Рожанский из Великой Берестовицы Волковысского повета. С 1861 в Гродненской революционной организации К. Калиновского. Соредактор «Мужыцкай Праўды», автор повстанческих песен на белорусском языке. С 1863 года – в повстанческих отрядах Врублевского. Эмигрировал в Австрию;

✦ врач Владислав Борзобогатый из имения Рутка Новогородского повета, повстанческий начальник этого повета, заочно осужденный на казнь;

✦ поручик артиллерии Ян Жуковский (псевдоним – Коса). По окончании Петербургского кадетского корпуса в 1853 году 10 лет служил в российской армии. С апреля 1863 года – повстанческий военный начальник Чериковского повета. Сформировал повстанческий отряд и двинулся с ним на Кричев, чтобы

захватить там пушки неприятеля. После неудачи присоединился к повстанческому отряду Горецкого повета. В конце концов эмигрировал;

✦ подполковник Александр Ленкевич из имения Панюки Гродненского повета. 20 апреля поднял восстание в своем повете, 22 мая 1863 года у деревни Миловиды Слонимского повета объединенными отрядами гродненских, волковысских, слонимских и новогородских повстанцев разбил российские отряды. Военный начальник Гродненского повета, заочно осужденный на смерть;

✦ Жигимонт Буйницкий из Двинского повета, военный начальник инфлянтских поветов Витебской губернии. 15 апреля 1863 года он был арестован, заключен в Двинскую крепость, но из-за недостатка улик освобожден. Прячась от властей, 3 мая 1863 года письмом в Двинскую следственную комиссию пытался спасти графа Л. Плятера, заявив, что это он, а не Плятер, был организатором и руководил нападением повстанцев 13 апреля 1863 года на российский оружейный транспорт под местечком Краславка. (Захватив транспорт, повстанцы конфисковали три ящика оружия, а подводы сожгли. При этом были убиты трое российских солдат, а двое ранены). Уже будучи эмигрантом, он из газет узнал о расстреле Л. Плятера, и 3 июля 1863 года в письме из Парижа на имя российского военного начальника Витебской губернии генерала Э. Длатовского высказал свое возмущение. Письмо это закончил так:

> Я не должен был добровольно выдавать себя в руки враждебного нам правительства, я обязан был спасать себя для дальнейшей службы святому делу патриотизма. Во всяком другом случае меня ничто не сдержало бы от личного заявления российскому правительству о невиновности Л. Плятера, и я не содрогнулся бы от мысли о неизбежности своей гибели, дабы только спасти невиновного;

✦ лесничий Ян Ванькович из имения Слепянка под Минском, сын художника Валентина Ваньковича, умершего в 1842 году в Париже. В 1862 году он в организации К. Калиновского готовил восстание на Гродненщине. 20 мая 1863 года вывел группу повстанцев из Минска. Командовал повстанческим отрядом в Брестском повете;

✦ Антон Трусов из Борисова, бывший студент Московского университета. Командир Минского повстанческого отряда;

✦ подпоручик артиллерии Станислав Лесковский, командир повстанческого отряда в Игуменском повете. Это против него 9 июня 1863 года в Игуменские леса были посланы 10 рот под командованием генерала Русинова; а его повстанцы 23 июля 1863 года под Игуменом захватили в плен начальника 3-й пехотной дивизии генерала Грунта, выехавшего из Игумена для инспекции своих войск;

✦ Антон Бранцевич из Ошмянского повета, подпоручик Либавского пехотного полка. В 1-й половине апреля 1863 года с группой офицеров белостокского гарнизона присоединился к восстанию. Командовал конным партизанским отрядом в Гродненской губернии. В январе 1864 года эмигрировал в Париж;

✦ землемер Константин Далевский из фольварка Кункулка Лидского повета. Друг Ф. Богушевича и Ж. Минейки. (Братья его — Тит, близкий помощник Калиновского, повстанческий начальник Вильни, в августе 1863 года был

расстрелян на Лукишской площади; Франтишек, член краевого повстанческого центра, осужден на 20 лет каторги.) Раненный в боях, он эмигрировал в Швейцарию и Францию, откуда несколько раз возвращался назад, чтобы помочь перейти границу другим. В 1871 году, во время Парижской коммуны, расстрелян версальцами по ложному доносу, дескать, из окна дома, в котором он жил в Париже, кто-то стрелял в версальских солдат;

✦ подпоручик Павловского гвардейского полка Александр Стабровский с Минщины, 11 апреля 1863 года перешедший на сторону повстанцев. Командир 2-го повстанческого отряда в Трокском повете. Тяжело раненный в бою, подался за границу. В начале 1864 года ехал назад, чтобы продолжать борьбу, но на прусской границе был задержан;

✦ уже вне волны 1863–64 гг., в 1871 году в эмиграцию в Австрию уехал известный белорусский этнограф, археолог и литератор Адам Киркор, выдачи которого в 1882 году требовала Россия. В эмиграции, в Краковском промышленно-техническом музее, в 1873 году он читал лекции о литературе славянских народов, издав их в следующем году отдельной книгой. В этой книге Киркор сделал одну из первых попыток очерка истории белорусской литературы с XII века;

✦ в 1874 году могилёвская полиция должна была арестовать бывшего студента Петербургского и Киевского университетов, включенного в список 53-х наиболее опасных для империи «политических преступников». Но он исчез. Потомок старого белорусского шляхетского рода Николай Судзиловский был активным членом народнических кружков и, как Игнат Гриневицкий, принимал участие в подготовке нескольких покушений на царя. В национальном вопросе он отстаивал идею:

> ...каждый народ не только имеет право быть самим собою, но и должен быть самим собою, должен стремиться сохранить свои особенности, защищать свою индивидуальность и самобытность.

Одиссея Судзиловского на протяжении 56 лет пролегла через 12 стран: Швейцарию, Англию, Румынию (здесь он закончил университет с дипломом врача), Болгарию, Францию, Италию, Испанию, США, Гавайские острова (где он организовал партию независимых полинезийцев конаков, был избран в Гавайский сенат, а в сенате – председателем), Филиппины, Японию и Китай. На перекрестках этого «путешествия» он сходился с М. Бакуниным, Х. Ботевым, Г. Плехановым, встречался с К. Марксом и Ф. Энгельсом. На разных языках (он знал 8 европейских языков, а также канакский, японский и китайский) на политические и другие темы публиковал статьи, очерки, брошюры. В 1875 году в Лондоне выступал на митинге, посвященном 12-й годовщине восстания 1863–64 гг. Тоскуя по родному Фастову (имение отца в Мстиславском повете) и Могилёву, он мечтал вернуться домой и предпринимал попытки в этом направлении: еще из Сан-Франциско в конце 1880-х годов через своего пациента, царского консула; в 1917 году, после победы большевистской революции, через знакомого, врача Ульяновых А. Кудьяна, и последний раз – в начале 1927 года, непосред-

ственно обратившись к правительству СССР. Ответа Судзиловский ждал более трех лет, но... не дождался, в 1930 году умер в Тяньзине.

Однако не все эмигранты в чужом мире служили своему отечеству. Часть их растворялась в новой нации и навсегда погибала для Беларуси. В лучшем случае упорным трудом для новой родины они прославляли край своего происхождения.

✦ В Чили почитается имя Игната Домейко из имения Недьведка под Миром, который в Париже (куда как повстанец 1831 года из Пруссии он попал через Кёнигсберг и Дрезден) в 1837 году окончил Горную школу. Правительство молодой Чилийской республики пригласило его, профессора химии и минералогии, в колледж Какимбо, а позже в университет Сантьяго, где в 1867–83 гг. он неизменно избирался ректором. Его именем названы открытые и исследованные им один из горных хребтов Анд, минерал дамейкит, а также город на севере страны – Дамейка и порт на юге Араукании – Пуэрта Домейка. Когда в 1889 году он умер, над его могилой выступал президент Чили. И. Домейка был объявлен национальным героем, и в Сантьяго ему поставлен памятник.

✦ Константин Ельский из Игуменского повета. По окончании Минской гимназии в 1853–56 гг. учился на медицинском факультете Московского университета, в 1860 году окончил математико-естествоведческий факультет Киевского университета. Будучи учителем киевской гимназии, принимал участие в подготовке восстания 1863–64 гг. Когда весной 1863 года в Киеве начались аресты, К. Ельский нелегально перешел румынскую границу. Работал зоологом в Турции и Франции. В 1865 году выехал из Парижа во французскую Гвиану. Плавал по местным рекам; исследовал и описывал жизнь тропических птиц, насекомых, животных, растений на прибрежных островах, лечил больных. В 1869 году переехал в Перу, где изучал фауну.

✦ Язеп Гракович из фольварка Михалево на Минщине. По окончании военной школы в Петербурге служил в полку, стоявшем в Витебске и Ченстохове. В 1863 году присоединился к восстанию, в следующем году эмигрировал в Париж. Там окончил инженерную школу и уехал в Болгарию, где строил железные дороги и мосты. В 1881 году подписал контракт на строительство железной дороги в Гаити. На французском острове Мартиника в Карибском море вел геологические поиски. Умер эмигрантом в 1912 году.

✦ Трое братьев Костровицких из имения Дорошковичи Новогородского повета участвовали в восстании 1863–64 гг. Двое из них были сосланы в Сибирь. Третьему, Аполлинару, удалось эмигрировать в Италию. В Риме в 1880 году его дочь Анеля родила внебрачного сына, с которым в 1899 году приехала в Париж. Сын стал оригинальным французским поэтом, Вильгельмом Костровицким, позже – Гийомом (и в честь деда) Аполлинером.

✦ Когда поэтическая звезда Г. Аполлинера восходила над Парижем, там доживала свой век Габриела Скаковская, единственная дочь белорусского писателя А. Вериги-Даревского, организатора восстания 1863–64 гг. на Витебщине. Она добровольно поехала за отцом в Сибирь, куда в 1865 году он был сослан. И пока отец отбывал каторгу на Усольской солеварне под Иркутском, на строительстве Кругобайкальской дороги, добывал золото на Олекминских рудниках в Якутии, – Габриела всегда была при нем, добивалась от властей перевода боль-

ного отца в Тюмень Тобольской губернии или в другое место с менее суровым климатом. И когда не добилась, а отец в 1884 году в Иркутске умер, похоронила его и навсегда покинула Российскую империю, эмигрировав в Париж (выйдя замуж в Сибири за повстанца, бывшего студента Горы-Горецкого земледельческого института Скаковского).

ПЯТАЯ ВОЛНА

В 1897–1914 гг. от безземелья и безработицы в колониальном хозяйстве Беларуси в США и Канаду ушла 5-я волна массовой белорусской эмиграции, на этот раз экономической. Российская статистика скрывает ее губительные для белорусской нации показатели. Белорусский исследователь Аркадий Смолич оценивал ее приблизительно в 300–500 тысяч.

Из политических эмигрантов этой волны надо вспомнить Тётку (Э. Пашкевич) и Ф. Олехновича, эмигрировавших в Австрию. Ф. Олехнович – будущий драматург и театральный деятель, после трехлетней эмиграции (1910–13 гг.) поверил в объявленную в 1913 году в честь 300-летия династии Романовых амнистию, вернулся домой, но царским правительством был посажен на год в тюрьму. (Позже советские власти на 7 лет сослали его на Соловки, а в 1944 году неизвестно кто застрелил в собственной квартире в Вильне).

ШЕСТАЯ ВОЛНА

После 1-й мировой войны, российской революции 1917 года и падения Белорусской Народной Республики, независимость которой Рада БНР объявила 15 марта 1918 года, Беларусь покинули 122.000 ее жителей из общего числа 2 млн противников советской власти, ушедших в эмиграцию со всей бывшей Российской империи. Это была 6-я волна массовой белорусской эмиграции. Частично она шла на восток – в Маньчжурию (Харбин, Хайлар, Мулин) и Китай (Шанхай, Тяньцзин, Пекин), но основная масса направилась на запад – в Финляндию, Прибалтику, Германию, Чехословакию, Францию, США.

К тому времени в западных странах Европы действовали признанные де-юре или де-факто дипломатические представительства, миссии, консульства БНР:

✦ Представительство БНР при правительствах балтийских государств в Ревеле (Таллине) во главе с инженером К. Душевским;

✦ Военно-дипломатическая миссия БНР в Латвии и Эстонии (шеф миссии – полковник К. Езовитов, советники – генерал П. Вент и полковник Шавков);

✦ Представительство БНР при правительстве Летувы (представитель А. Овсяник);

✦ Консульство БНР в Риге во главе с В. Пигулевским;

✦ Военно-дипломатическое представительство БНР при правительстве Финляндии в Хельсинки (представитель – генерал А. Корчак-Крыница-Васильковский, советник – полковник Ю. Эльвенир), позже – Представительство БНР с представителем К. Терещенко;

✦ Генеральное консульство БНР при правительстве Турции в Константинополе во главе с полковником Иваном Ермаченко;

✦ Представительство БНР в Болгарии и на Балканах (представитель генерал Голубинцев);

✦ Представительство БНР при правительстве Чехословакии (представитель М. Вершинин);

✦ Дипломатическая миссия БНР в Германии (адвокат Л. Заяц, позже – А. Боровский). В Берлине миссия БНР издавала на немецком языке еженедельный бюллетень «Известия Белорусского Пресс-бюро», а на белорусском – газету для военнопленных «З роднага Краю».

В Прибалтике временно находились также некоторые формирования БНР:

✦ в Северной Латвии и Южной Эстонии – Отдельный отряд (около 10.000 солдат) под командованием генерала С. Булак-Балаховича; отряд этот на основании договора между правительствами БНР и Эстонии, до времени выхода на свою территорию оставаясь отдельной военной единицей БНР, подчинялся Эстонскому главному командованию;

✦ в Летуве, согласно договору между правительствами БНР и Летувы от 11 ноября 1920 года, находились отступившие из Беларуси под натиском большевиков и поляков (либо новосформированные здесь) Белорусский пехотный полк, Белорусский эскадрон, Гродненский батальон бывшего Гродненского полка, 1-я и 2-я отдельные белорусские роты, отдельный батальон и другие; во главе их стоял генерал Кондратович, а после его демиссии – белорусские офицеры Лавришев, Глинский, Ружанцов и другие, для солдат издавался журнал «Вайсковы».

В эмиграцию вынуждены были отправиться и высшие государственные органы БНР – Президиум Рады во главе с Петром Кречевским, Правительство БНР (кабинет Вацлава Ластовского), а также ряд советников и некоторые партийные центры.

Наибольшую активность в эмиграции они проявили до 1923 года. Сначала Правительство БНР уехало в Латвию и приступило там к консолидации национальных белорусских сил за границей для продолжения борьбы за независимость БНР. 20 октября 1920 года на политической конференции в Риге, в которой участвовали представители белорусских эсеров (В. Ластовский, Я. Мамонько, К. Душевский, А. Головинский, А. Валькович), социал-федералистов (П. Кречевский, В. Захарко, Я. Воронко, К. Езовитов, Ю. Гадыцкий-Цвирко) и социал-демократов (А. Овсяник), было решено создать вокруг правительства Ластовского единый национальный блок.

Однако на основе мирного соглашения, подписанного 11 августа 1920 года между правительствами Латвии и РСФСР, с отдельным параграфом, по которому Латвия обязалась прекратить на своей территории деятельность Правительства БНР, его дипломатических институтов и всех других белорусских эмигрантских организаций, – дипломатические миссии БНР в Латвии прекратили свое существование, а Правительство БНР переехало в Летуву, куда в феврале 1921 года переехало и заграничное Бюро ЦК партии белорусских эсеров – Т. Гриб, П. Бодунова, Я. Мамонько.

Из Летувы Правительство БНР обратилось к правительствам Антанты, Прибалтики, Скандинавии и Германии с просьбой не допустить раздела Беларуси в Риге. К середине февраля 1921 года по этому делу было подано 26 мемориалов и деклараций. Через свою делегацию во главе с министром иностранных дел БНР полковником А. Ладновым в Париже Правительство БНР просило правительство Антанты поставить на порядок дня Версальской конференции «белорусский вопрос», помочь БНР удержать свою государственную независимость.

Западный мир остался глух к этой акции Правительства БНР. 18 марта 1921 года торг между РСФСР и Польшей был закончен, а Беларусь разделена. РСФСР получила больший кусок Беларуси, часть которого присоединила к России, а из остального выкроила БССР. Польша получила более 100 тыс. кв. километров с населением около 4 млн человек. Небольшие части Беларуси были присоединены к Латвии и Летуве. Не помогло и Слуцкое восстание 27.XI–28.XII. 1920 года – одно из наиболее крупных антисоветских восстаний на Беларуси.

Из Летувы Правительство БНР готовило восстание в Западной Беларуси и БССР. Летом 1921 года с этой целью был создан Центральный Белорусский Повстанческий Комитет (ЦБПК) во главе с членом ЦК партии белорусских эсеров (бывшим руководителем Слуцкого восстания) адвокатом В. Прокулевичем, засланным нелегально в БССР. И хоть до восстания не дошло, организованное ЦБПК партизанское движение на землях БССР – действия отрядов «Зеленого дуба» – беспокоило органы советской власти. По ее официальным данным, только в 6 уездах тогдашней БССР в мае 1921 года было несколько десятков отрядов «зеленых» с 2000 партизан, в июне количество партизан дошло до 3500. Борьбу против них вела «красная жандармерия» – ЧОН (части особого назначения).

Для большей консолидации белорусских национальных сил в эмиграции Правительство БНР созвало 25–28 сентября 1921 года в Праге более широкую Белорусскую национально-политическую конференцию, на которую приехали 37 представителей белорусских национальных и политических партий и организаций из Летувы, Западной Беларуси, Германии и Чехословакии. Конференция заявила о своей солидарности со Слуцким восстанием, приняла резолюцию против Рижского раздела Беларуси, подтвердила Акт 25 марта 1918 года, признала единственным законодательным органом Беларуси Раду БНР, а единственным исполнительным органом – Правительство БНР (кабинет Ластовского), призвав объединиться вокруг них все центры белорусской эмиграции.

10 апреля 1922 года по инициативе английского премьер-министра Д. Ллойд-Джорджа в Генуе была созвана международная конференция по экономическим и финансовым вопросам. В ней участвовало 29 стран. На обсуждение конференции ставился также вопрос о политическом упорядочении Восточной Европы. Поэтому Правительство БНР решило послать на конференцию и свою делегацию.

27 апреля туда прибыли премьер-министр Вацлав Ластовский и министр иностранных дел Александр Цвикевич. Они пытались поставить на порядок дня конференции «белорусский вопрос». 2 мая делегация БНР провела консультации с подобными делегациями Украины, Грузии, Азербайджана, Кубани и Восточной Галиции. В тот же день она имела беседу и с английской делега-

цией. На следующий день была принята председателем Генуэзской конференции, премьер-министром Италии Л. Фактом, и вручила ему меморандум Правительства БНР с просьбой поставить в повестку заседаний конференции вопрос об отмене Рижского договора и о признании БНР независимым государством. Текст этого меморандума был вручен затем всем делегациям.

Меморандум Правительства БНР был рассмотрен на заседании Политической комиссии конференции, где были заслушаны также и аргументы делегации БНР. Но из-за решительного сопротивления советской делегации (министра иностранных дел Г. Чичерина) вопрос о БНР не удалось включить в программу обсуждения на конференции, которая вскоре по вине советской делегации вообще развалилась.

2 ноября 1923 года, после отставки премьера В. Ластовского и реорганизации (23 августа) правительства БНР, Президиум Рады и Правительство БНР переехали из Ковно в Прагу (в Ковно остался только новый премьер А. Цвикевич).

Белорусская эмиграция 6-й волны (часто по инициативе и с помощью представительств БНР) сразу начала создавать свои эмигрантские центры и организации в свободном мире. Лучше ей это удалось в Латвии, Летуве, Чехословакии, США и Франции.

В Латвии (не считая общественного и культурного движения на этнографических белорусских землях бывших Двинского, Люцинского, частично Режицкого и Дриссенского поветов Витебской губернии) с 1919 года она собиралась вокруг Рады белорусской колонии в Риге, где были организованы Белорусское культурно-просветительное общество «Бацькаўшчына», Белорусский клуб, Курсы белорусоведения, издавался журнал «На чужыне».

Однако из-за упомянутого выше договора между правительствами Латвии и РСФСР все организации белорусских эмигрантов в Латвии были в конце 1920 года запрещены и только в 1924 году начали работать вновь. В Риге тогда снова появились белорусские просветительные общества «Рунь» (председатель – А. Щорс) и «Беларуская хата» (председатель – А. Демидов).

Общество белорусских учителей открыло и содержало в городе 4 белорусские частные школы и Белорусскую гимназию, издавало журнал «Школа і жыцьцё». Белорусское издательское общество в Латвии издавало белорусские книги, брошюры, ежемесячный журнал «Беларуская школа ў Латвіі». Было основано также Белорусское научно-краеведческое общество. Под редакцией К. Езавитова в 1925–30 гг. выходила газета «Голас беларуса». В 1934 году, когда к власти в Латвии пришел диктатор К. Ульманис, почти все организации белорусских эмигрантов снова были запрещены.

В Летуве до 1927 года главным центром белорусских эмигрантов было Ковно (ныне Каунас). Белорусские эмигранты объединились вокруг Белорусского Национального Комитета (председатель – инженер А. Головинский), Белорусского культурно-просветительского общества и Белорусского издательского центра (руководитель – В. Ластовский). Здесь издавались белорусские книги, журналы «Беларуски Сьцяг» и «Крывіч».

В Чехословакии эмигрантское движение концентрировалось сначала вокруг Представительства БНР, позже – вокруг Белорусской Рады в Праге и других

эмигрантских организаций – Белорусского культурного общества им. Ф. Скорины, Белорусского общества «Сокол», Объединения белорусских студенческих организаций в Праге (более ста белорусских студентов), Берлине, Риме, Мюнхене, Брюсселе, Лилле, Варшаве, Вильне, Риге и т. д. Объединение издавало свой «Бюлетэнь», а Общество им. Ф. Скорины – журнал «Іскры Скарыны». Здесь жили и работали белорусские поэты В. Жилка (1923–26 гг.) и Л. Гениюш (с 1938 г.).

В 1921 году был основан Белорусский комитет в Константинополе. Комитет поручил полковнику И. Ермаченко связаться с Правительством БНР в Летуве, куда он и выехал. По возвращении в Константинополь он представил свои аккредитивные бумаги председателю Турецкого правительства Тэффик Паше, а также комиссарам оккупационных властей в Турции – американскому, английскому, французскому, итальянскому и греческому. От представителей трех последних правительств вскоре были получены признания БНР де-факто. Американский и английский комиссары заявили, что не будут препятствовать Представительству БНР в его дипломатической деятельности. Дипломатическое Представительство БНР в том же 1921 году открыло консульства в Болгарии и Югославии.

В США возникли два центра белорусской эмиграции – в Нью-Йорке и Чикаго. В Нью-Йорке в 1921 году были созданы Белорусский Национальный Комитет и Комитет помощи рабочим и крестьянам Западной Беларуси. В Чикаго – Белорусско-Американский Национальный Союз (с библиотекой, просветительской комиссией и пресс-бюро) и Белорусско-Американский клуб. Деятельность этих организаций особенно оживилась, когда в США приехал бывший премьер Правительства БНР Я. Воронко. Он с октября 1926 года начал издавать в Чикаго газету «Беларуская Трыбуна».

Организованная жизнь белорусской эмиграции во Франции началась с 1926 года. Наиболее активизировалась она в 1930 году, когда из Праги сюда переехали инженеры Н. Абрамчик и Л. Рыдлевский, которые здесь основали «Хаўрус беларускай працоўнай эміграцыі» (Союз Белорусской трудовой эмиграции) с центром в Париже и пятью филиалами в провинции. «Хаўрус» издавал свой журнал «Рэха».

СЕДЬМАЯ ВОЛНА

В поисках работы и лучших условий жизни в 1924–39 гг. из Западной Беларуси двинулась 7-я волна массовой белорусской эмиграции. Меньше – во Францию (где вместе с эмиграцией 6-й волны количество белорусов дошло до 20.000), Бельгию и Канаду; больше – в страны Южной Америки, где, по приблизительным подсчетам Объединения белорусов в Аргентине, вместе с эмиграцией 4-й волны, их было около 350.000, 120.000 – в Бразилии, 100.000 – в Аргентине (из них около 60.000 в Буэнос-Айресе и его окрестностях), 60.000 – в Уругвае, 60.000 – в Парагвае и 10.000 – в Чили.

Из этой волны экономической эмиграции нам известны (кроме упомянутого «Хаўруса» по Франции) несколько белорусских общественно-культурных орга-

низаций в Аргентине (в Буэнос-Айресе и в провинции): Белорусское культурно-просветительное общество, возникшее в декабре 1934 года, Белорусское общество «Культура» с библиотекой имени Ивана Луцкевича, Белорусское общество «Белавежа», возникшее в октябре 1938 года.

ВОСЬМАЯ ВОЛНА

Летом 1944 года, перед новой оккупацией Беларуси Красной Армией и возвращением на белорусские земли российско-советского террора и деспотии, из Беларуси покатилась 8-я волна массовой белорусской эмиграции.

С нею на Запад двинулись различные национальные белорусские учреждения, организации и военные формирования – Белорусская Центральная Рада во главе с президентом Радославом Островским; Собор епископов Белорусской автокефальной православной церкви во главе с митрополитом Пантелеймоном; 10.200 членов Союза Белорусской молодежи со своим Главным штабом; Слонимский батальон «Беларускай службы Бацькаўшчыне»; Минская белорусская офицерская школа; некоторые подразделения Белорусской краевой обороны, Белорусский железнодорожный батальон и т. д. Одновременно – ряд священников всех христианских вероисповеданий. Белорусская интеллигенция – поэты, писатели, композиторы, артисты, ученые, врачи, инженеры... и крестьяне.

Это была самая большая волна белорусской политической эмиграции в несколько сот тысяч человек (не считая военнопленных и насильно вывезенных на работу). Волна катилась в направлении Германии, Австрии, Чехословакии, Дании, Швеции, откуда позже, пережив ужасы неизведанной до того в истории насильственной репатриации (выдачи большой ее части правительствами США, Англии и Франции в СССР), она разлилась по всему миру. Кроме оставшихся в Германии и Швеции, больше всего уехало в Англию, Бельгию, Францию, Аргентину, США, Канаду, Австралию. Меньше – в Бразилию, Венесуэлу, Марокко. Небольшие группы – в Италию, Испанию, Индо-Китай, Новую Зеландию, Танганьику, на остров Мадагаскар...

Но эти факты уже выходят за пределы нашей темы, ибо 8-я волна эмиграции – не наши предшественники, а мы сами...

ИЛЛЮЗИИ И РЕАЛЬНОСТЬ.
ИЗ ИСТОРИИ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ 1920—30-х гг.

Анатоль Федосик

Сейчас, когда по-новому осмысливается вся история Беларуси, очень важно избавиться от «белых пятен забвения», касающихся 1920–30-х годов. Это было чрезвычайно трагическое время, когда наш народ потерял большинство своих выдающихся ученых, писателей, учителей, общественных и культурных деятелей. Сталинский террор безжалостно уничтожал цвет нации, людей, являвшихся гордостью, честью и совестью народа. Умственно ограниченные неучи истребляли образованных людей, носителей и творцов высокой культуры.

Поставленные перед выбором между жизнью и смертью, многие интеллигенты писали публичные заявления, в которых раскаивались в несуществующих ошибках, уверяли в своей преданности «вождю народов». Но немногим из них удалось таким образом избежать ягодовских, ежовских или бериевских застенков*. Не страховали от репрессий и демагогические нападки некоторых литераторов, преподавателей, деятелей культуры на своих коллег, бывших друзей и товарищей. Открытая критика в печати хотя и не была тайным доносом, но все же имела мало общего с истинными взглядами авторов разгромных публикаций в печати.

«Врагами народа» незаслуженно назвали множество честных, ни в чем не виновных людей, работавших на ниве национальной культуры. Большинство их на протяжении десятков лет не упоминали в истории советской науки и культуры, или же характеризовали необъективно, в искаженном свете.

Не претендуя на полноту освещения всей ситуации 1920–30-х годов в отечественной фольклористике, мы сосредоточим внимание на мало исследованных вопросах и на отдельных ученых.

1. ХОРОШЕЕ НАЧАЛО

Становление и развитие беларуской советской фольклористики основывалось на богатом наследстве, оставленном дореволюционными фольклористами. Однако богатым и ценным мы считаем это наследство теперь, раньше же его недооценивали. Академик Николай Никольский (1877–1959), например, упрекал Павла Шейна (1826–1900) за то, что он «обычно помещал в своих «Материалах» записи своих корреспондентов почти без всяких изменений»:

Из журнала «Полымя», 1991, № 11, с. 198–226

* Организаторы и исполнители кампаний массовых репрессий по сценариям Сталина, наркомы внутренних дел СССР: Генрих Ягода – в 1934–36 гг.; Николай Ежов – в 1936–38 гг.; Лаврентий Берия – в 1938–45 гг. – *Прим. ред.*

...И мы видим, что в числе корреспондентов Шейна не было ни одного учителя, который бы попытался раскрыть всю несуразность и вредность описываемых им «заветов отцов». Наоборот, все они описывают крестьянские религиозные и магические обряды как какую-то святую вещь, с нужным уважением, а другие с умилением. Одни из таких корреспондентов, безусловно, сами верили в силу традиционных обрядов; но другие – и таких было значительное количество – совершенно бессовестно двоедушничали*.

Антон Гриневич

То, что Никольский считал недостатком, мы высоко ценим сегодня. Благодаря точности описаний, сделанных дореволюционными этнографами и фольклористами, современные исследователи могут изучать подлинные, а не вымышленные особенности материальной и духовной культуры беларуского народа.

Ниже мы еще рассмотрим содержание вульгарной большевистской критики, а сейчас кратко расскажем о развитии фольклористики в БССР в 1920-е годы.

В этой области успешно работали известные своими дореволюционными книгами ученые Ефим Карский (1860–1931), Александр Сержпутовский (1864–1940), Исаак Сербов (1871–1943) и ряд других. Так, Е. Ф. Карский продолжал работу над фундаментальным исследованием «Беларусы» и одновременно публиковал в периодической печати статьи, посвященные беларускому фольклору и языку. Один из семи выпусков его исследования «Беларусы» полностью был посвящен систематическому рассмотрению народного поэтического творчества**.

Систематическая работа в области фольклора в БССР развернулась после того, как в конце января 1922 года был создан Институт беларуской культуры (Инбелкульт). В нем имелась фольклорно-диалектологическая комиссия.

Собиранием устных народных произведений активно занимались районные и окружные организации краеведов, которыми руководило Центральное бюро краеведения, созданное при Инбелкульте в конце 1923 года. Фольклорно-диалектологическая комиссия готовила диалектологическую программу и уточняла программу сбора фольклора. Кроме материалов, поступавших из краеведческих организаций, сама комиссия собирала рукописи беларуских уче-

* Н. Н. Никольский имел в виду трехтомный труд П. В. Шейна «Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края», изданный в 1887–1902 гг. – *Прим. ред.*

** Это выпуск 1-й – «Народная поэзия» (1916 г.) тома 3-го («Очерки словесности белорусского племени»). В нём Карский изложил историю развития белорусского фольклора, охарактеризовал основные жанры и виды народной поэзии белорусов. – *Прим. ред.*

ных — этнографов и фольклористов (например, Евдокима Романова, Алексея Сапунова, Николая Никифоровского).

Инбелкульт через краеведение пробудил интерес к сбору фольклора среди учителей, студентов, учащихся старших классов. Это дало неплохие результаты. Издавался специализированный журнал «Наш край», который публиковал фольклорно-этнографические описания, устно-поэтические произведения, научная ценность которых не вызывает у нас сегодня сомнений*.

Например, А. Немцев опубликовал описание свадьбы в журнале (№ 4 за 1927 г.), состоявшейся в деревнях Смык-Слобода и Заручевье Деревцовского сельсовета Осиповичского района в январе-феврале 1927 года. Не все этапы свадебного обряда он осветил, мало показал местных особенностей, тем не менее обряд описан квалифицированно, интересно. Этнограф выделил три предсвадебных этапа: барыши, запоины, помолвку. Барыши, или сватание, происходили за 2—3 месяца до свадьбы, иногда и за полгода.

Интересно написано о свадебной музыке: в большинстве случаев музыкантов было двое — с гармонью и цимбалами, у богатых хозяев кроме них еще скрипка и бубен. Правда, не все обряды в одинаковой мере проиллюстрированы песнями: много их пели и до свадьбы, на барышах, запоинах, помолвке. Лучше освещен «вечер паненок»: названы наиболее популярные танцы, преимущественно ненародные, которые исполнялись на этой «маленькой вечеринке» (девичнике) у невесты.

Много песен приведено при описании собственно свадебного обряда. Во время сборов жениха к невесте пели песни, в которых отразились древние формы брака (купли-продажи, умыкания силой и др.). Чрезвычайной поэтичностью, художественной образностью определяются многие тексты свадебного обряда, записанные Немцевым. Очень ценно то, что к ним даны нотные примеры.

Один из интересных местных обычаев — сооружение «коня» из соломы, на котором будто бы повезут свата, когда молодые будут ехать от невесты. Гости, которые приехали с молодым, стремились украсть «коня», звучали смех, шутки. Приход сватов жениха в дом невесты «приветствовался» юмористической песней:

Мы думалі, што сватоў мала,
Аж іх поўная лава.
Як селі – свінню з'елі
З семярымі парасятамі
Ды кабылу з жарабятамі,
На стале – ні крошачкі,
Пад сталом – ні костачкі.

Обмен комическими частушками обычно превращался в своеобразное соревнование между дружинами невесты и молодого. Они старались «уколоть» друг друга, показать своё остроумие, находчивость, чувство юмора, владение им, умение быстро и столь же остро отвечать на насмешки, создавать комический образ. Например, свахи характеризовались так:

* Журнал «Наш край» выходил раз в месяц на протяжении 5 лет: с октября 1925 по октябрь 1930 г. Всего был издан 61 номер, некоторые – сдвоенные. – *Прим. ред.*

Сядзіць свацця – моршчыцца,
З кішэні пірог
Тошчыцца.

На это сватья отвечает:

У першае дружкі
Цыцкі, як падушкі,
У другое дружкі
Цыцкі, як м... душкі.

Интересен каравайный обряд. Когда месили тесто для каравая, пели много шуточных песен, в которых каравайницы «пакралі ўсё цеста – хто ў мех, хто ў кішэні». Каравай делили и «покупали»: клали деньги, делали подарки с шуточными пожеланиями, которые обычно рифмовались: «Дару вам медзі, каб былі дзеці, як мядзведзі!», «Дару вам шчасця, долі, белага сыру і да году сына!», «Дару вам шчасця, долю і дубовы пень, каб любіліся ноч і дзень!»...

Интересно описание свадьбы, сделанное в Костюковичском районе, которое опубликовал Т. Николаев («Наш край», 1928, № 6-7). Здесь более подробно освещены предсвадебные обычаи: выбор невесты, сватание, обручение. Во время сватания, например, если невеста не соглашалась венчаться, она начинала мести в доме от стола, где сидели сваты, к дверям, а если была согласна, то мела от дверей к столу.

Некоторые этапы брачного обряда, например, выбор невесты, напоминали театрализованное представление. К сватам подводили поочередно девушек и спрашивали:

– Хорош ли товар?

Сваты отвечали:

– Хорош-то хорош, да не наш. Поищите-ка там нашего товару! Наш чище да светлее.

Долго еще «торговались», пока не подводили невесту с хлебом, и сваты соглашались, что это их «товар». Истоки такого обычая – в древней форме брака как купле-продаже невесты. Древнее происхождение имеют и песни, которые запевали девушки в доме невесты, услышав прибытие «поезда» жениха.

Утилитарно-магическая функция просматривается в обряде встречи зятя тещей: она выворачивает тулуп овечьей шерстью наверх, «надевает его, на голову – шапку, берет в руки хлеб целый, в который ставит монету и зажженную свечку, и вместе с мужем идёт встречать жениха». Правда, эта функция не очень сочетается с шуточными «оскорбительными» песнями, но они добавились значительно позже:

Выйдзі, выйдзі, цёшчухна гарбата,
Сустрэнь, сустрэнь свайго зяця багата.

Или:

Выйдзі, выйдзі ты, цёшчухна сапліва,
Сустрэнь свайго зяця шчасліва.

Дружине молодого и ему самому в ответ поют такие же песни. В них идеально рисуется невеста и комически – жених.

Чэрыз шчыр-бор ехалі,
Чаму хвошчу ні нэрвалі,
Чаму князя ні ўмывалі?
Ай, ваш князь, як пень, чорны,
А наша княгіня, як сыр, яна бела,
Як сыр бела, як папера.

После многочисленных церемоний, песен, погудок, диалогов начинаются «сугляды» – обряд, существовавший во многих районах, но под разными названиями. Одним из основных действий в этом обряде был обмен подарками. Мать невесты подносила в решете подарки матери жениха и всей его семье, а также гостям. В песнях прославлялись подарки невесты. После этого одаряли невесту и молодого. Николаев отметил, что «дарение – самый шумный момент свадьбы, дружка кричит свое, девушки поют песни, музыкант играет, сватки пляшут с пением частушек».

Александр Шлюбский

Интересно описан обычай подпоясывания невесты, продажи ее косы и другие. А вот каравай в Костюковичском районе либо покупали на рынке, либо пекли без особых церемоний.

Заслуживает внимания обряд испытания трудолюбия невесты: она пекла оладьи, ходила к колодцу по воду и т. д. Невеста возле колодца раздавала оладьи детям, брала воду и несла во двор свёкра. В это время пелись соответствующие песни. Многие песни, которые приведены в описании, даны с нотами. Вообще материалы Т. Николаева не утратили ценности до сих пор.

Для квалифицированного сбора фольклорно-этнографических материалов проводились экспедиции. Так, в июле 1926 года по поручению Инбелкульта в Себежский, Невельский и Велижский уезды выезжал Антон Гриневич (1877–1937) – секретарь музыкальной подсекции Института. Как сообщалось в информации об экспедиции, в этих уездах было записано 150 мелодий песен с текстами и свыше 20 вариантов других текстов к тем же мелодиям. Записи делались с голоса. Старались выбирать лучших певиц, знавших много песен. Впрочем, фольклорист с печалью отметил, что особого выбора не было, и объяснял исчезновение народных песен вместе с их носителями общим ростом культуры. Он отметил, что такое явление наблюдается не только на подступах к Ленинграду или Москве, но и в самой Беларуси («Наш край», 1926, № 12).

* * *

Много раз ездил в экспедиции Инбелкульта А. К. Сержпутовский, об одной из них – в Гомельскую губернию – он опубликовал подробный отчет. Во время этой поездки исследователь посетил и несколько соседних районов Брянской и Черниговской губерний. Фольклорные произведения он собирал для характеристики диалектов, а также особенностей быта.

Сержпутовский жил и работал в Ленинграде, но более 20 раз посещал родную Беларусь с научными целями. На основе собранных материалов он издал ряд работ. Значительную научную ценность имеют «Сказки и рассказы белорусов из Слуцкого уезда» (1926 г.), «Суеверия и забобоны белорусов-палешуков» (1930 г.). Но часть его работ не была в свое время напечатана и позже утеряна.

Кроме того, Сержпутовский вел большую работу в музеях Ленинграда. Он знакомил посетителей Государственного Русского музея с Беларусью и беларусами, о чем свидетельствуют объяснения экспозиции в этнографическом отделе музея, посвященном беларусам, в «Кратком справочнике», составленном исследователем в 20-е годы. В то время он работал в музее заведующим беларуской секции этнографического отдела.

Еще в 1908 году Сержпутовского наградили золотой медалью за рукопись «Белорусские пословицы». Вместе со словарём ее объём составил 378 страниц. Однако найти этот сборник не удалось.

Александр Сержпутовский (1864—1940)

В 1926 году Сержпутовский попытался издать на ротаторе новый сборник «Пословицы и поговорки белорусов» (часть его хранится в архиве Института искусствознания, этнографии и фольклора АН БССР). На первой странице стоит штамп цензора с разрешением печатать в количестве 500 экземпляров. Во вступительной статье, написанной составителем, отмечено, что собранные в сборнике пословицы и меткие выражения он записал в Слуцком Полесье.

Собиратель стремился максимально точно записывать народные произведения, руководствуясь фонетическим принципом. Высоко оценивая речь белорусов, он характеризует ее особенности и насыщенность «пословицами, поговорками, присловиями, афоризмами и другими краткими мыслями, которые усвоены вместе с родным языком от матери и окружающих лиц». Исследователь подчеркивал, что в пословицах и поговорках отражается самобытность народа, его интеллектуальное и моральное развитие. Существовал еще один сборник Сержпутовского – «Ходячие крестьянские изречения», размноженный на ротаторе. В предисловии к нему, написанном 4 июля

1929 года, составитель отметил, что собирал пословицы, поговорки, афоризмы в течение 20 лет в Слуцком уезде и в северной части Мозырского уезда.

В основу систематизации собранных материалов Сержпутовский положил предметно-тематический принцип, разместив сами произведения в разделах по алфавиту. Помещенные в сборнике пословицы и поговорки характеризуются разнообразием тематики, совершенством художественной формы, поэтической образностью. Большинство из них было записано в дореволюционные времена и отражало социальную остроту во взаимоотношениях общественных классов. Немало произведений, в которых высмеиваются человеческие пороки.

Объективный подбор народных произведений вызвал резкую критику работ Сержпутовского со стороны Н. Н. Никольского. В 1926 году он писал:

> Кулацкая агитация в пользу «заветов отцов» очень ясно выступает в сборах этнографических материалов Сержпутовского, который вообще собирал материал от «добрых и старательных хозяев» или от их нахлебников, которые жили на «дармовом хлебе» кулаков. Потому записи Сержпутовского насквозь проникнуты набожностью святош и открытым антисемитизмом и являются ярким примером контрреволюционного нацдемовского направления в этнографии.

Такие взгляды были присущи тогда не только академику Никольскому, но и многим другим ученым. Это особенно ярко проявилось в критике национал-демократизма, истоки которого они усматривали в наследии давних предшественников.

Многие фольклорно-этнографические материалы, которые публиковал журнал «Наш край», до сих представляют значительный интерес. В качестве примера достаточно отметить статью М. Коршукова «Похороны стрелы» (1926, № 1), в которой он описал этот народный обряд в селе Ставбуня Святиловской волости Гомельского уезда.

* * *

Деятельность общественности БССР по сбору фольклора приобрела большой размах. В первом же номере журнала «Наш край» (октябрь 1925 г.) была помещена «Программа-инструкция для собирателей беларуского музыкально-этнографического творчества», составленная А. Гриневичем. Он рекомендовал в качестве плана собирания устно-поэтических произведений взять годовой круг обрядовых песен и дополнить их бытовыми и другими. В перечне значатся: колядные (рождественские), масленичные, весенние, русальные, купальские и петровские, крестинные, свадебные, бытовые песни, похоронные причитания (голошения), частушки, духовные стихи.

Гриневич направлял любителей фольклора также на запись мелодий детских и «былинных» песен, частушек к играм, танцев, хороводов. Он просил давать подробное описание танцев, хороводов, игр. Существенным был совет записывать тексты не в пересказе, а прямо во время пения, собирать сведения о том, когда, при каких обстоятельствах пелась песня, как она называется в народе. В паспорте текста надо отметить, где и от кого записана, у кого певец или певица переняли песню. Все эти требования приемлемы и сегодня. Нельзя только согласиться с 4-м пунктом программы-инструкции, где сказано:

> Певиц и певцов лучше выбирать из давнишних охотников пения (как богатых запасом песен), с хорошим слухом и чистым голосом, исключительно неграмотных, которые не бывали в городах и промышленных центрах.

Иными словами, Гриневич хотел записывать аутентичный фольклор, не испытавший влияния цивилизации. Однако талантливые певцы прочно сохраняли традиции народного пения, никогда не отступали от выработанных в народе стереотипов, строго придерживались классических текстов и мелодий, независимо от того, грамотные они были или нет. Отказываться от записи песен тех певцов, которые побывали в городе, было неправильно. Они могли испытать влияние городской культуры, если долгое время жили в каком-либо промышленном городе, но в каждом случае надо было оценивать определенное фольклорное произведение конкретно. Фольклористика многое теряла, если оставляла вне внимания информаторов, не соответствовавших каким-то формальным критериям. К примеру, среди современных носителей аутентичных устно-поэтических произведений есть люди со средним и даже с высшим образованием.

В целом программа-инструкция Гриневича сыграла положительную роль в собирании сокровищ народной поэзии. Об этом свидетельствует и обзор музыкального фольклора, сделанный Гриневичем в журнале «Наш край» в 1927 году (№ 4).

Инструктивные программы собирания фольклора журнал публиковал не раз. В том же 1925 году в № 2–3 была помещена «Программа собирания устного народного творчества», составленная Литературной комиссией Инбелькульта. В ней подробно регламентировалось, что именно надо записывать. Названы не только жанры произведений, но и их разновидности, тематические группы.

Детальные требования высказаны в программе относительно прозаических народных произведений. Программа советует записывать сказки про бунты, восстания, революции, а также фантастические сказки, сказки о животных, социально-бытовые, религиозные, легенды, апокрифы и т. д. Авторы программы непоследовательны: далее они советуют записывать рассказы о создании мира, про богов, чертей, святых... Но всё это входит в легенды.

В числе других жанров, произведения которых надо фиксировать, названы заговоры, пословицы, поговорки и приговоры, загадки, тексты драматических народных представлений, «рацеи» (на свадьбы), хороводные «разговоры», меткие выражения, традиционные приветы, прощания, проклятия и т. п. Обращено внимание на точность записей, на сохранение в них особенностей местной речи.

Программа собирания устного народного творчества, составленная Литературной комиссией Инбелкульта, была повторно напечатана в журнале в 1926 году (№ 2–3).

По сути дела, те же советы дал в инструкции о собирании устно-поэтических произведений Александр Шлюбский (1897–1941), которую он поместил в конце своей статьи «Год собирания фольклорного материала», где подвел итоги сбора устной народной поэзии за 1925/26 академический год. Он тоже дал рекомендации – произведения каких жанров и видов надо записывать. Но перечислил их системно и более последовательно, чем в ранее опубликованных программах.

Все инструктивно-методические программы сыграли положительную роль в повышении качества фольклорных записей.

* * *

Результаты собирания фольклора хорошо показаны в трех статьях Шлюбского. В первой из них отмечено, что Центральное бюро краеведения через 165 краеведческих организаций наладило собирание устного народного творчества. Местные работники, среди которых преобладают учителя, студенты педтехникумов и ученики старших классов, живо откликнулись на призыв ЦБК и прислали много записей фольклорных произведений. Характеристику собранных материалов Шлюбский дал по округам: Бобруйскому, Борисовскому, Витебскому, Калининскому, Могилёвскому, Мозырскому, Минскому, Оршанскому, Полоцкому, Слуцкому, а также записей в Гомельской и Смоленской губерниях РСФСР. Шлюбский привёл тексты некоторых песен. Среди них наибольший интерес представляют традиционные, построенные на психологическом параллелизме. Среди современных фольклорных произведений больше частушек.

Всего за 1925/26 академический год ЦБК получила 8565 текстов фольклорных произведений, многие из которых имели научную ценность.

В качестве лучших фонетических записей Шлюбский отметил сделанные в Краснопольском районе Андреем Шашелевичем (он же беларуский советский писатель А. Мрый; 1893–1943), который в то время работал учителем в Краснополье. Шашелевич прислал 6 сказок, 22 пословицы, 3 заговора, отредактировал 7 сказок, 4 заговора, 86 загадок, записанных в том же районе учениками Полужской школы. К сожалению, эти материалы не сохранились, а они были бы сейчас очень ценными. Но значительную часть их писатель талантливо использовал в сатирико-юмористическом романе «Записки Самсона Самосуя» (написан в 1929 г., опубликован в 1988 г.), в своих рассказах и очерках.

Результаты собирания фольклора за три года Шлюбский изложил в статье, помещенной в 1928 году в 12-м номере журнала. Там он опубликовал сводную таблицу, в которой привел сведения о количестве записей по годам и жанрам.

Исследователь отметил, что собранный фольклорный материал, несмотря на ряд недостатков, «в целом имеет бесспорную научную ценность». И действительно, многие произведения, приведенные им, очень интересны, особенно традиционные. В то же время нельзя не заметить, что в богатую коллекцию попало немало несовершенных в художественном отношении произведений разных жанров: скороспелых частушек, противоречивых по идейному содержанию пословиц и других.

* * *

Среди фольклорно-этнографических работ, опубликованных в журнале «Наш край», привлекает внимание статья В. Дмитриева «Десять лет этнографической работы в Смоленской губ. (1917–1927 гг.)». Нас больше всего заинтересовал показ отношения к положению этнографической деятельности в Смоленской губернии выдающегося этнографа-фольклориста Владимира Добровольского (1856–1920), который обратился в Губернский музей, реорганизованный из Художественно-археологического подотдела, с предложением организовать особое учреждение, которое имело бы задачу собирать и изучать этнографические памятники. Предложение Добровольского обсудила коллегия Губернского музея 13 ноября 1919 года и решила:

> Принять предложение В. М. Добровольского и организовать при музейной секции этнографическое бюро для изучения народа, его быта и искусства. В состав бюро ввести тт. Добровольского, Барщевского и Погодина. Предложить бюро дать на утверждение Губмузея план деятельности.

К сожалению, Добровольский не дождался перемен: трагическая смерть 8 мая 1920 года оборвала его жизнь. Незадолго до смерти он поднимал вопрос о необходимости собирания материальных и духовных памятников культуры:

> ...в наше революционное время, когда темп народной жизни идет с повышенной, лихорадочной скоростью, многие бытовые явления, особенно в области языка, будут безвозвратно потеряны, останутся необозначенными и неизученными.

Он предлагал организовать культурно-историческую секцию. В 1920 году секция была создана. В память о нем она была названа его именем.

Из статьи Дмитриева видно, что он подготовил брошюру о жизни и деятельности В. М. Добровольского (она была издана в 1930 г.). Он также подготовил работы «Похоронные обряды и голошения на Смоленщине», «Заговоры Смоленского уезда», «Переписка П. В. Шейна с В. М. Добровольским». К сожалению, их судьба неизвестна.

«Наш край» регулярно помещал сообщения о том, сколько произведений получили ЦБК и редакция журнала за определенное время. Например, в 1929 году было собрано значительно больше фольклорных материалов, чем в 1928, когда на Вторую Всебелорусскую краеведческую конференцию было прислано 9815 записей.

* * *

В других периодических изданиях 1920-х годов беларуские фольклорные произведения появлялись очень редко. А те, что печатались, не отличались точностью записи.

Например, А. Антонов в газете «Звязда» (1926, 21 января), напечатал материал под названием «Беларуская сказка о Ленине». Эту сказку он услышал от крестьянина – делегата Всебелорусского съезда комитетов взаимопомощи. Сам крестьянин был малограмотный и ничего о Ленине не читал. Сказка никогда не перепечатывалась, а в период сталинщины, да и позже, не могла переизда-

ваться, потому что в ней действует Троцкий, а многие события в реальности невозможны. Малограмотный крестьянин не стремился идеализировать образ Ленина. Вот как говорится о происхождении Ленина:

Отец Ленина был паном, и сам губернатор у него в гостях бывал, да рано женился он на крестьянке и попал в немилость. С той поры вся семья в бедности жила и хлебопашеством занималась. Ленин был самый любимый сын. Отец научил его всем наукам, а мать учила жалеть трудовой народ. С этого и началась любовь Ленина к народу.

Сказка приписывает Ленину то, что не сумел осуществить его брат Александр:

Когда Ленин подрос, он бросил бомбу в царя, и за это его хотели казнить, но он из острога убежал в деревню – мужики его в хлеве, в сене спрятали, но все же потом его арестовали, как беспаспортного, и послали в Сибирь на каторгу. С каторги Ленину помог убежать Троцкий.

Владимир Добровольский (1856—1920)

Удивительные события, согласно сказке, происходили и позже: Ленин попадает к немцам, едет в Москву на смерть, чтобы только не пролилась народная кровь («пусть, говорит, лучше я один погибну, чем весь народ кровь прольет»). А в Москве рабочие отбивают его, Ленин провозглашает советскую власть, а Троцкий отрубает царю голову.

Интересно объясняются итоги войны с Германией и белополяками. Раздел Беларуси на две части, в результате чего часть беларусов оказалась в Польше, связан с ошибкой Троцкого:

Когда делили землю, Троцкий на машине ехал: было такое условие – сколько объедет, все наше. Только Троцкий не угадал, мало бензина взял, машина в 50-и верстах от Минска стала. А если бы угадал Троцкий, доехал бы он до Варшавы, и тогда вся Польша была бы советская.

Как говорится в сказке, Ленин приказал, чтобы в каждую хату электричество провели и граммофон поставили. А после смерти Ленина большевики стали проводить заветы Ленина, но не все:

Потому что последний завет Ленин нигде не записал, а только на ухо сказал Троцкому. Когда Троцкий умирать будет, он этот завет скажет, и тогда большевики весь мир завоюют.

Антонов завершил изложение материала выводом, что сказка отражает то, как замысловато переплелись в психике беларуских крестьян революционные события и жизнь Ленина. Автор призывал:

> Народное, мужицкое творчество надо старательно собирать и изучать. Для нас, марксистов-ленинцев, эти сказки имеют не только литературный, но и глубокий политический интерес.

Что ж, в 1926 году еще можно было опубликовать такую сказку, но уже лет через десять и сказочник, и тот кто записывал сказку, и публикатор поплатились бы тюрьмой, ссылкой, а возможно, и более жестоким наказанием.

* * *

Таким образом, в фольклористике в 20-е годы была проведена значительная собирательская работа. Десятки тысяч устно-поэтических произведений, собранных в это время, давали возможность развернуть научные исследования, опубликовать капитальные сборники, однако надежды на расцвет советской фольклористики не оправдались.

2. КРУТОЙ ПОВОРОТ

С образованием Академии наук БССР появился центр собирания и изучения устной поэзии. Был создан сектор этнографии и фольклора в Институте истории, а при нём – научный архив беларуского народного творчества, начала действовать Фольклорная комиссия, которую возглавил академик АН БССР Якуб Колас.

Как сообщала газета «Звязда» 27 декабря 1936 года, Президиум АН БССР подвёл итоги работы Фольклорной комиссии и отметил, что были проведены мероприятия, направленные на оживление и развитие фольклористической работы. Средь этих мероприятий заслуживает внимания конкурс на лучшее собирание фольклора. В нем приняли участие 183 человека – колхозники, рабочие, учителя, студенты, ученики старших классов. Они прислали 15 тысяч записей устной дореволюционной и современной народной поэзии. Лучшие образцы предполагалось включить в сборник «Беларуский советский фольклор».

На том же заседании Президиума АН БССР сообщалось о двух экспедициях: Витебско-Лиозненской и Червенско-Пуховичской. Большое внимание эти экспедиции уделили записи песен с мелодиями. Композитор Николай Чуркин записал свыше 400 мелодий народных песен и танцев. Общее количество записей – 4 тысячи произведений.

Фольклорная комиссия начала учет талантливых певцов, сказочников, музыкантов (цимбалистов), танцоров и других. Были разработаны мероприятия по дальнейшему развертыванию фольклорной работы.

В связи с тем, что присланные на конкурс материалы, а также экспедиционные записи не сохранились, теперь трудно дать оценку собранным фольклорным произведениям. На основании сообщений в печати можно судить о

количественном перевесе в них современных частушек, песен, загадок. Именно на это направляли записчиков установки идеологических теоретиков, которые с самого начала 30-х годов безжалостно набросились на так называемый национал-демократизм.

В статье «Идеология и методология нацдемократизма» Семен Вольфсон (1894—1941) пытался вывести истоки нацдемовщины из далекого дореволюционного прошлого:

> ...уже у Франциска Богушевича и Яна Неслуховского встречаются некоторые идеи, которые позже войдут в «железный инвентарь» нацдемократизма, – идеи о том, что «беларусы имеют свою историю», из которой видно, что Беларусь никогда не обижала, не разрушала. Она только защищалась. Благодаря этому, она – белая Русь, чистая Русь, и не краснеют на ней кровавые пятна от убийства соседних народов.

Наибольший контрреволюционный «грех» нацдемов Вольфсон видел в их бережном отношении к культурному наследству. Возможно, что именно в отношении к ценностям прошлого идеологи типа Вольфсона усматривали основную причину отнесения определенного деятеля к нацдемам:

> Вся энергия нацдемов направляется на то, чтобы спасать от налетевшего революционного шквала памятники «старины». Раскапывается «Помпея нашей древней культуры». Собирается, реставрируется, любовно коллекционируется, консервируется все, на чем находят печать «седой старины», что можно спасти от бурлящего революционного потока, который мчится по Беларуси.

Николай Касперович (1900—1937)

Как видим, этот идеолог не понимал истинной ценности культурного наследия прошлого. И потому жестоко обрушился на А. Шлюбского, сожалевшего, что в народной жизни происходит трагическая ломка, в результате которой исчезает древняя обрядность. С сарказмом критиковал Вальфсон тех, кто стремился сохранить ценности народной культуры:

> И вот происходит мобилизация всех «живых сил» национал-демократизма на спасание гибнущей «старины». «Возрожденцы» всех видов оружия были брошены в бой... Главнаука, Государственный музей, Центральное бюро краеведения беспрерывно требовали в своих инструкциях собирания древних проклятий, «самобытной» брани, крашеных яиц, отбивания поминальных дней и молебнов, фиксации

похоронных, русальных, колядных песен, духовных стихотворений, коллекционирования божниц, крестиков, ковшиков... На всё это наклеиваются ярлычки «антикварных ценностей», «уникумов», «исторических памятников», чтобы авторитетом науки замаскировать тенденцию нацдемовской устремлённости в «древность».

Сейчас мы не видим ничего плохого в указанных «преступлениях нацдемов», наоборот, считаем, что их деятельность заслуживает одобрения, хотя Вольфсон умышленно выбирал из их инструкций то, что, по его мнению, было наиболее вредным, отбрасывая все иное в фольклористике, с чем мы немного познакомили читателей в предыдущем разделе.

Одним из самых вредных пороков «нацдемов» Вольфсон считал «бесстыдную фальсификацию истории», которая заключалась «в превращении Франциска Скорины в предка беларуской пролетарской культуры», а «рядом с культом Ф. Скорины создается культ Константина Калиновского, который превращается едва ли не в предка Беларуской Социалистической Советской Республики. Имя этого шляхетского революционера окружается романтическим ореолом героического искателя «мужицкой правды».

До какого абсурда доходили обвинители «нацдемов», ярко видно из статьи «Наука на службе нацдемовской контрреволюции» Л. Бобровича, И. Шпилевского, В. Бондаренко, С. Вольфсона, Я. Мацюкевича, которые назвали белогвардейским катехизисом вопросы школьникам «Что надо знать каждому беларусу?».

Великой крамолой посчитали они один из пунктов «катехизиса»:

– По чему легко узнать, что мы беларусы?

– Легче всего это узнать по нашему языку. Язык соединяет людей в один народ. И наш беларуский язык соединяет свыше десяти миллионов беларусов в один народ.

Что тут крамольного? Ничего. Каждый из нас может согласиться с таким ответом на вопрос. Но авторы статьи утверждали, что «беларуский язык нужен нацдему как осуществление национальной самобытности, как воплощение древности». Они критиковали Язепа Лёсика за обоснованное утверждение огромной культурной ценности языка, его роли в пробуждении национального самосознания.

И действительно, вот что писал Лёсик:

...язык – это единственный клад, что сохранил народ наш от своего прошлого.

...И только один клад остался у нашего народа от далеких пращуров. Этот клад – его родной язык и родная письменность, на этом языке писаная.

В этих словах нет ничего контрреволюционного, чувствуется искренность патриота, гордящегося древностью национальной культуры, ее самобытностью. Тем не менее, именно подобные высказывания давали идеологам основания для обвинения ученых-патриотов:

> Как и во всех областях, так и в языкознании нацдемы стремились законсервировать средневековую «самобытность». Они использовали все меры, чтобы спасти ее от «разлагающего» влияния революции, которое угрожало вот-вот разбить сосуд священной самобытности.

Особенно язвительно выступали «идеологи» против «скорининской традиции», которую «контрреволюционные» лингвисты якобы взяли за основу своей научной деятельности.

> Так называемая «скорининская традиция» требовала от нацдемовских языковедов ориентации во всем своем языкотворчестве на самые отсталые, неграмотные, незатронутые революцией слои глухой беларуской деревни.

На Академической конференции по реформе беларуского правописания (ноябрь 1926 г.) в защиту «скорининской традиции» выступил доцент Варшавского университета Юзеф Голомбек. В своем докладе он отметил древность беларуского языка и беларуской литературы, использование его в государственных учреждениях Великого Княжества Литовского, назвал ценными памятниками тогдашнего языка Библию Скорины и Литовский статут, изданный в 1529 году Сигизмундом Старым.

Всем этим могут гордиться беларусы. Авторы же статьи «Языковедение» считали это контрреволюционным преступлением. Они набросились и на Змитрака Бедулю за его слова:

> Наша мова – это та святыня-мученица, которая выдержала разные пытки и вражеские натиски, и однако же не сдалась – живет по сегодняшний день – самая свежая, звучная, нежная и чистая между всех славянских языков.

Возможно, Бедуле не стоило называть беларуский язык отличным по определенным чертам от других славянских языков, но это было сказано с патриотической гордостью. Не упрекаем же мы Михаила Ломоносова за то, что он считал русский язык по многим параметрам выше западноевропейских.

Скороспелые идеологи стремились угодить «отцу народов», выдвинувшему идею обострения классовой борьбы после победы социалистической революции. Вульгарно исказив тезис Ленина о двух культурах в каждой нации, они заявили:

> Таким образом, если по известному указанию Ленина «в каждой нации есть две нации», то у нас есть все основания сказать, что в «каждом языке есть два языка». И поэтому лингвистика сплошь и рядом становится ареной жестокой классовой борьбы.

До такого вывода даже «великий вождь всех народов» не додумался в своей брошюре «Марксизм и вопросы языкознания» (1950 г.), которую его холуи объявили окончательной истиной в марксистско-ленинской лингвистике.

Жестокие обвинения, которые позже стоили свободы и даже жизни многим выдающимся ученым, теперь нам кажутся абсурдными, как, например, такие вульгарно-социологизированные утверждения:

> Нацдемократы стремились «возродить» беларуский язык под знаком реставрации седой старины. Руководящим лозунгам лингвистического «возрожденчества» нацдемов было — создавать язык, игнорируя беларускую языковую современность и ориентируясь на язык XVI столетия. В этой своей ориентации они и создали культ Франциска Скорины, превращенного наряду с Константином Калиновским в исторического предка Беларуской Советской Республики, в основоположника современной беларуской культуры, в высший авторитет в вопросах беларуского словотворчества.

Фронт нападок на беларуских ученых-гуманитариев расширялся. Безжалостно «громили» этнографов, фольклористов, краеведов, литераторов.

В статье Л. Бобровича, И. Шпилевского, М. Гринблата, А. Левданского «Этнография. Музейное дело» резко критиковалась «волатовская теория» Ластовского и Касперовича о происхождении беларусов, а также работа Комиссии по изучению материальной культуры Беларуси, которой руководил В. Ластовский (работали в ней Шлюбский, Касперович, Мелешко, Сербов). Вдребезги раскритиковали авторы инструкцию Шлюбского по собиранию фольклора. Не нашли они ни одного доброго слова о практической деятельности по собиранию фольклора.

Под огонь критики попали работы И. Сербова «Поездки по Полесью», «Беларусы-сакуны» и другие. Авторы статьи выступили против реставрации и сохранения памятников истории и культуры, особенно церковных храмов, икон.

В этой серии нападок краеведению посвящалась не одна статья. В каких только грехах не обвинял выдающихся деятелей науки и культуры Садовский («Огонь по контрреволюционному беларускому национал-демократизму в краеведении»). Профессор БГУ Рувим Выдра в статье «Беларуский национал-демократизм в краеведческом движении БССР» назвал Данилу Василевского (1889—1963) и Николая Касперовича (1900—1937) «духовными отцами» беларуских «нацдемовских» краеведов*.

Самым активным национал-демократом в беларуской историографии считают Михаила Мелешко (1892—1941). В чем же обвинялся Мелешко? Например, в том, что на Первом всебелорусском краеведческом съезде он заявил: «Мы должны изучать материальную культуру беларуса!»

Правильно сказал. Эта задача остается актуальной и сегодня. Однако крамольным считался не только этот призыв Мелешки, но и его понимание материальной культуры:

> К материальной культуре, в кратком смысле слова, необходимо отнести то, что находится в тесной связи с ее ближайшим базисом — телом человека, к ней принадлежат все вещи, предназначенные для укрепления организма и облегчения его функций.

* Р. Выдра (1894—1938) преподавал в БГУ марксистско-ленинскую философию. В 1938 его арестовали и вскоре расстреляли как «врага народа». В этой связи вспоминается известная поговорка — «Не рой яму другому»... — *Прим. ред.*

Р. Выдре не давал покоя тезис Сталина о все большем обострении классовой борьбы по мере строительства социализма*. Потому он язвительно критиковал передовую статью «Очередные задачи краеведения» в журнале «Наш край» (1929, № 11). Возмущался, что в статье не было ни слова о классовой борьбе и «ее связи с краеведением». «Зато есть задача основать этнологические станции в 3–4 местах БССР, изучение взаимного влияния евреев и беларусов (!!!)» – (после этих слов Выдра поставил три восклицательных знака).

И здесь мы не видим ничего контрреволюционного: журнал заботился об изучении родного края, развитии краеведения, исследовании проблем межнациональных отношений. Кстати, это проблемы и сегодняшнего дня.

Не удержался от нападок на «национал-демократов» и «национал-оппортунистов» Моисей Гринблат (1905—1983) – в то время молодой специалист-этнограф, только что окончивший учебу в Ленинграде. В статье «Об изучении фольклора революции социалистического строительства» он прежде всего охарактеризовал состояние устной поэзии:

> ...растет, рождается новое революционное устное творчество рабочих города и деревни, то, что у нас принято называть фольклором. Со времени Октябрьской революции и до сегодняшнего дня ни одно событие в стране, бурный рост индустриализации, коллективизация сельского хозяйства, «развернувшаяся классовая борьба» и прочее – ничто не осталось вне внимания народного творчества, нашло отзвук «в широких массах рабочих в виде песни, припевки (частушки), пословицы, присловья, анекдота, сказки, различных рассказов и даже отдельных слов.

Среди всех фольклорных жанров он выделял частушку как наиболее динамичную и живучую. Он назвал её своеобразной странствующей устной газетой и для подтверждения своей мысли привел несколько примеров частушек, отразивших революционный подъем рабочих, гражданскую войну и многое другое:

Не нада нам меністра,
Не нада нам цара,–
Бей буржуазію,
Таварышы, ура!
(Богушевский р-н)

А на елі, на вяршыне,
Дзісярцір шатаецца,
Пасматрыце, камуністы,
Ен ат вас хаваецца.
(Червенский р-н)

Пойдзем, дзевачкі, усе мы
С камсамольцамі гуляць, –
Камсамольцы нас навучаць
Кніжку Леніна чытаць.
(Плещеницкий р-н)

* Этот тезис Сталин выдвинул в качестве теоретического обоснования готовившихся им кампаний массовых репрессий против всех социальных групп советского общества. – *Прим. ред.*

Среди тем, отражавшихся в фольклорных произведениях, Гринблат обращал особое внимание на тему обострения классовой борьбы и упрекал научно-исследовательские учреждения и краеведческие организации в игнорировании советского фольклора, в собирании только старого, «отбывшего». Он приписывал руководству кафедры этнографии Академии наук БССР и ЦБК сознательное игнорирование «фольклора революции», утверждал, что «контрреволюционный нацдемократизм» специально давал установку на отрыв от современности и направлял на седую древность. По его мнению, эта «установка вытекала из капиталистически-реставраторских стремлений национал-демократизма, из звериной ненависти к диктатуре пролетариата». Гринблат отмечал:

> ...вопросы фольклора, вообще, явились одними из центральных вопросов, которые «разрабатывались» компанией «ученых этнографов» – Ластовским, Шлюбским, Касперовичем, Мелешко и другими. И это не случайно. В фольклоре они старательно искали «научное обоснование» своих контрреволюционных «научных теорий». На фольклорном материале, не останавливаясь даже перед фальсификациями, строились «теорийки», вроде волато-кривской (Касперович, Ластовский), «теория самобытности» беларуской культуры и языка, «доказывалось», что названия «Белая Русь», «беларусы» искусственные названия, принесенные «из Москвы», а истинное название есть «Кривия», «кривичи» (Шлюбский) и т. д. Контрреволюционная, интервенционистская, фашистская суть этих «теорий» уже раскрыта и известна советской общественности.

Разоблачив суть теорий «нацдемов», автор статьи сделал вывод, что этим и объясняется горячее стремление «нацдемов» собирать старинный фольклор, игнорируя современную устную поэзию. Но сказанного обвинителю показалось мало, потому он подкрепил свою мысль примерами из программ по собиранию фольклора. В частности, из «Программы для записывания памятников устного народного творчества» Шлюбского, которого он с подчеркнутой иронией называл «одним из авторитетнейших» нацдемовских «этнографов» (кстати, ироничность оценки тогдашних ученых очевидна и из кавычек: в кавычки брали слова «ученые этнографы», «научные теории»; «изучали», «разрабатывали» и т. д.).

Гринблат считал великим грехом Шлюбского, что тот в первую очередь рекомендовал записывать заговоры, сказки и легенды, календарно-обрядовые песни, а при записывании песен труда особое внимание советовал обратить на жатвенные, «на которые перенесены некоторые черты доисторических обычаев и верований». «Какой же это грех?» – скажет сегодня любой фольклорист. Во-первых, Шлюбский руководствовался историческим принципом и на первое место поставил наиболее древние жанры. Во-вторых, в жатвенных песнях действительно сохранились остатки древних обычаев и верований народа.

Надругательством «над важнейшим вопросом сегодняшнего дня» назвал Гринблат статью Касперовича «Изучение быта рабочих», опубликованную в журнале «Наш край» (1930, № 1). По сути дела, издевательскими и неоправ-

данными были нападки самого Гринблата, язвительно критиковавшего «этнографа-краеведа» Касперовича (кавычки автора) за чрезмерное техническое оснащение участников экспедиции по изучению быта рабочих и за такое усложнение самого процесса обследования их, что, «очевидно, ни один из самых талантливых «этнографов-краеведов» за эту работу не возьмется». На этом придуманном основании он обвинил Касперовича в умышленном, обдуманном вредительстве, «направленном к срыву организации дела изучения быта рабочих, дела, которому партия уделяет надлежащее внимание», и сделал вывод, что во всем виновата «вредительская» постановка вопроса, из-за которой «изучение и собирание революционного фольклора рабочих не могло развернуться».

Такой же упрек Гринблат сделал в своей статье и относительно собирания «революционного словесного творчества деревни»:

> Нацдемы насобирали десятки тысяч записей различных рождественских, постных, никольских, валачёбных и других песен, тысячи легенд про волатов и вурдалаков, фотоснимков церквей и крестов, но среди них мы не найдем и одного процента произведений революционного времени.

Какие «революционные» произведения насобирали любители устного народного творчества после таких инструкций, мы скажем ниже. А сейчас отметим, что все усилия собрать рабочий фольклор привели к ничтожному результату: гора родила мышь.

Правда, совесть не позволила Гринблату полностью отказаться от традиционного фольклора, и потому он добавил:

> Мы ни в коем случае не отрицаем необходимость собирания памятников старого народного творчества. Изучение старого фольклора, который еще значительно распространен в массах, имеет для нас значение в выяснении целого ряда вопросов истории культуры, для борьбы с пережитками старого быта и мировоззрения, для нашей антирелигиозной борьбы. Мы против собирания старого фольклора как самоцели, против «умилéния» и идеализации древности, против нацдемовских и иных вражеских установок в фольклористике.

Но даже и при таком допущении сбора и изучения традиционного народного поэтического творчества диапазон его исследования загонялся в прокрустово ложе вульгарного социологизма. Да и само собирание «старой» устной поэзии отныне считалось чем-то второразрядным. Об этом свидетельствует следующий тезис инструктивной статьи Гринблата:

> Главнейшей задачей наших научно-исследовательских учреждений и краеведческих организаций в области фольклора должно стать изучение и собирание всего того, что родилось в эпоху диктатуры пролетариата, всего того, что отражает героическую борьбу пролетариата и бедняцко-середняцкого крестьянства за построение социализма.

За осуществление этой «главнейщей задачи» взялась секция этнографии Института истории АН БССР. Этнографы перестроили свою работу в соответствии с «требованиями социалистического строительства». Как видно из статьи, фольклористическая деятельность началась в «новом направлении» и свелась к следующим «актуальным» темам:

1. Классовая борьба в фольклоре города и деревни;
2. Индустриализация и социалистическая реконструкция сельского хозяйства в фольклоре;
3. Отмирание религии и рост безбожия в фольклоре.

Таким образом, новые инструкции ограничивали собирательскую фольклорную работу узким кругом тем и периодом «от Октября до наших дней».

Как же практически надо было решать поставленную задачу? Прежде всего автор инструктивно-методической статьи требовал проводить изучение революционного словесного творчества коллективно, втянуть в эту работу широкие массы рабочих, колхозников, комсомольцев, учителей, учащихся старших классов. От собирателей фольклора требовалось:

> ...чтобы ни один вид фольклора – рассказы, песни, пословицы и т. д. – ни один факт, ни одно событие революционного времени и социалистического строительства не осталось без внимания при собирании, изучении и систематизации фольклорного материала. Желательно, чтобы собирание фольклора шло в тематическом разрезе, например – Октябрьская революция в фольклоре, партизанское движение в фольклоре, Ленин в фольклоре, коллективизация сельского хозяйства в фольклоре, новый быт в фольклоре и т. д. При этом должна быть выявлена классовая принадлежность самих носителей фольклора, чтобы были понятны отношения классовых группировок к нашей современности.

Нам теперь легко осуждать ученых того времени за необъективность. Их положение можно понять только при учете всех обстоятельств тогдашней жизни, когда господствовало жестокое насилие, безжалостное гонение, значительно более тяжелое, чем царская цензура. Боялся репрессий и Гринблат, поэтому кривил душой, когда разрабатывал программу фольклорных записей, стараясь угодить сталинским надсмотрщикам. И все же он, Сержпутовский, Сербов и другие фольклористы шли и на риск: записывали и печатали традиционные устно-поэтические произведения. В первом томе беларуских песен, составленном Гринблатом (вышел в свет в 1940 г.), преобладали традиционные народные песни. Были подготовлены еще два тома, в которых тоже наибольшее место занимали классические произведения. К сожалению, война с Германией помешала изданию этих сборников.

В дальнейшем Гринблат обращал особое внимание именно на традиционный фольклор. Такого направления придерживался он до последних дней своей жизни, что свидетельствует о вынужденном написании им простaлинской инструкции по сбору устного народного творчества.

* * *

Такую же роль сыграла и статья Никольского, опубликованная сначала в журнале «Советская этнография» (1932, № 4), а через год изданная отдельной брошюрой — «Установки и методы беларуской нацдемовской этнографии». Первым «провозвестником» нацдемовщины Никольский назвал Франциска Богушевича, который «плачет о мужицком горе», но обвиняет во всем самих себя, «бо мову прыродную мы забываем, апратку, звычай на чужы мы мяняем». Надо вернуться к беларускому языку, надо возрождать беларуский народ как народ «зусім самадзельны», надо осуществлять идеал беларуса, который заключается в том, чтобы не быть «ні панам, ні вялікім капітанам», но быть тем, кем «матушка родила» — крестьянином набожным, трезвым, трудолюбивым, который имеет свой кусок земли, не завидует чужому и считает всех людей братьями».

Эти слова, сказанные в тот период, когда царизм душил не только политическую, но и национальную свободу, когда они звали к борьбе за освобождение от всякого угнетения, Никольский посчитал не только не прогрессивными, но и «контрреволюционными». И на основании собственных субъективных посылок он сделал вывод о том, что Ф. Богушевич (умерший в 1900 году) — «явно кулацкий поэт» (!).

В приверженности к кулакам он обвинял и А. Сержпутовского, А. Шлюбского, других этнографов и фольклористов. В духе того времени Никольский подчеркивал:

> Беларуская нацдемовская этнография по своим установкам и методам является одинаково вредной и в политическом, и в научном отношениях. В политическом отношении ее вредность отмечается той службой кулацкой контрреволюции и иностранной интервенции, которую она взяла на себя. В научном отношении ее вредность заключается в том, что она, будучи захваченной несведущими случайными людьми и подчиняя научную работу политическим целям, отодвинула беларускую этнографию далеко назад и сделалась в области собирания материала значительно более отсталой и сознательно тенденциозной даже сравнительно с Шейном и Романовым, а в области обработки вернулась к детским приемам дилетантов, не имея понятия даже о методах и достижениях современной буржуазной этнографии.
>
> Это не наука, а грубая подделка под науку, и её результаты являются чисто отрицательной величиной. Таким образом, перед нами удивительный, но бесспорный факт: «шчырые» беларусы едва не погубили беларускую этнографию. Она возродилась теперь и имеет все шансы на пышный расцвет как советская этнография, сознающая себя определенной областью исторической науки и вооруженная марксистско-ленинским методом исследования.

На самом же деле «чисто отрицательной величиной» в области собирания и изучения беларуского фольклора стала не «нацдемовская» деятельность, а сбор и издание псевдореволюционных произведений в соответствии с новыми установками. А надежда на «пышный расцвет» этнографии абсолютно не оправдалась.

Наша обязанность сегодня – рассказать правду о подобных идеологических установках. Осмысливая страшные события, которые привели к гибели сотен тысяч ни в чем не виновных людей, в том числе выдающихся тружеников науки и культуры, исследователи стремятся выявить причины и следствия процессов, происходивших в СССР в 30–40-е годы.

Никольский настойчиво проводил сталинский тезис об обострении классовой борьбы и в докладе на Первом всесоюзном съезде археологов и этнографов. Он категорически возражал против подхода к фольклору как к «своего рода внеклассовой категории» и утверждал, что в фольклоре «вскрываются мотивы динамики классовой борьбы», по-разному отраженные в народных произведениях. Классовые мотивы, по его словам, выступают не только в качестве описательно-бытовых, но и в качестве «идеологических, в форме обработки одних и тех же сюжетов с точки зрения идеологии разных классовых групп». Такая обработка будто бы ярко видна в произведениях феодальной и последующих эпох.

Н. Н. Никольский (1877—1959)

Никольский считал, что мотивы распределяются по малым классовым категориям: для крепостной эпохи – по линиям бедняцкой, кулацкой, панской и поповской. По его мнению, исследователь должен рассматривать, как отразилась классовая борьба в различных жанрах фольклора в классовых формациях. А в советский период – как отразились мотивы классовой борьбы в песнях, сказках, частушках о гражданской войне и коллективизации деревни.

Никольский сообщил, что в план работы секции этнографии Института истории АН БССР включена тема «Мотивы классовой борьбы в беларуском фольклоре». Он преподнес это как нечто чрезвычайное, хотя фактически призывал ученых к вульгарному социологизированию. Беда ещё в том, что идеологические выводы Никольского служили сигналом для жестоких нападок на тогдашних подвижников науки. Лучшие произведения традиционной народной поэзии объявлялись кулацким творчеством, не записывались и не издавались. Немало было потеряно в то время духовных ценностей, безвозвратно канувших в лету вместе со своими носителями.

В своих докладах, статьях и предисловиях 1930-х годов Никольский был необъективен, более того, умышленно сгущал краски в критике исследований честных ученых, причем делал это с позиций вульгарного социологизма, жестко, непримиримо.

Одним из последователей Никольского стал некий П. Дубовик, который 27 октября 1934 года в газете «Літаратура і мастацтва» опубликовал статью «Фольклор на службе социализма». Он напал на тех ученых, деятелей культуры, которые высоко ценили традиционное народное творчество. Всех их Дубовик отнес к «нацдемам» и обвинил в том, что они отстаивают самобытность беларуской культуры (а это тогда считалось преступлением). Он приписал им мысль, будто бы «развитие беларуской культуры идет от старых бабулек».

Он назвал «нацдемовскими» фольклористами талантливых белорусских литераторов Максима Горецкого (1893—1938), Владимира Дубовку (1900—1976) и Максима Лужанина (наст. А. А. Каратай; 1909—2001). Нигилистически отнесся к зачинателям науки о народном творчестве – Яну Барщевскому (1792—1851), Яну Чечёту (1796—1847), Александру Рыпинскому (1811—1900). Дубовик назвал их польскими шовинистами, которые будто бы «вынуждены были обратиться к мужику на его языке, вселить в него веру в пана, доказать, что всё зло не от эксплуатации паном крестьян, а что оно прячется в самих мужиках, не умеющих жить».

Борцы за идеологическую непримиримость в беларуской науке чернили своих предшественников и за создание Терминологической комиссии, и за попытку организации высшего учебного заведения, в котором, по словам И. Шпилевского и Л. Бобровича, «они могли бы широко развернуть свою вредительскую работу». Не стеснялись наделять самыми оскорбительными для того времени ярлыками даже таких выдающихся ученых, как Владимир Пичета и Ефим Карский, которых зачислили в никогда не существовавшую национал-демократическую партию:

> Национал-демократы... уже в 1922 г. (...) предложили своим членам, таким ярым великодержавникам, как Пичета и Дыла, и даже монархисту – академику Карскому, разработать соответствующий устав Института беларуской культуры.

Во всей организационной работе, которую вел Инбелкульт, они видели только вредительские цели. Нацдемы якобы обманывали советских людей, когда стремились укрепить связи с широкими трудовыми массами через создание при Инбелкульте Центрального бюро краеведения. Шпилевский и Бобрович утверждали:

> на самом деле никакой связи с истинно трудовыми массами почти не было. Вплоть до ликвидации национал-демократизма в стенах Академии, вокруг краеведческих организаций на местах в большинстве случаев группировались местные национал-демократичные элементы, они и руководили всей краеведческой работой в том направлении, которое задавалось бывшими руководителями Инбелкульта.

Что же касается самого Института беларуской культуры, то по словам тех же авторов, он стал «центральным пунктом беларуского возрождения».

Патриоты родного края стремились не только возродить беларускую науку, но и развить ее. После соответствующего правительственного постановления были приглашены в республику известные ученые, которые согласились работать для развития беларуской советской науки и культуры. Однако Шпилевский и Бобрович писали об этом иначе:

> Национал-демократы-возрожденцы, пользуясь своим положением в БССР, начали привлекать к себе в помощь в Институт беларуской культуры и белых эмигрантов. В помощь Некрашевичам и Лёсикам приехали Смоличи, Цвикевичи, Ластовские и другие и стали более решительно проводить свою антисоветскую работу... Национал-демократы смыкались, с одной стороны, с фашистской Польшей, с другой стороны, были тесно связаны с такими великодержавниками и черносотенцами, как Карский, Дурново.

Исаак Сербов

Все научные труды национал-демократов те же авторы считали политически враждебными диктатуре пролетариата и вредными для проведения культурной революции. Им приписывались утверждения о бесклассовости беларуской нации, об изучении культуры беларусов вне связи с культурами других народов.

Как и в предыдущих статьях, в книге о Беларуской Академии наук авторы обрушились на национал-демократов за идеализацию ими беларуских князей, помещиков и «разных монахов, как Скорина, Василий Тяпинский и т. д., из церковных писаний которых якобы растет и развивается наша современная пролетарская беларуская литература, язык и даже вся наша социалистическая культура».

С удовлетворением Шпилевский и Бобрович написали об увольнении с работы «черносотенца Цветкова, который якобы стал «шчырым» беларусом при советской власти, тогда как при Пилсудском «был поляком», об изгнании «великодержавного шовиниста Байкова, преступника Шлюбского». В своих оскорблениях они не брезговали никакими словами. Надеясь на возможность своей карьеры, они с радостью писали о том, что в академии с каждым днём ширился процесс раскрытия вредительской работы.

Сессия АН БССР 19 июля 1931 года отметила, что Академия, «которая ранее была использована национал-демократами для своих контрреволюционных целей, за первое полугодие решительно перестроила свою работу в соответствии с задачами социалистического строительства». А среди достижений

в области общественных наук называлась и разработка темы «Классовая борьба в фольклоре».

Сказать правду в то время было равнозначно подписанию смертного приговора самому себе. Поэтому можно привести еще много примеров публичного «разоблачения» честных ученых во «вредительстве», которого на самом деле не было. В результате уничтожались научные кадры, которых и так в то время было очень мало на Беларуси.

Вряд ли все авторы приведенных выше разгромных статей действительно думали так, как писали. Главным для них было собственное спасение, хотя бы и за счет гибели своих коллег. Правда, далеко не всем удалось выжить в период «большого террора», то есть в 1937–38 годы. Но это не оправдывает их.

Оценка псевдонаучных писаний, принесших огромный вред нашему обществу, развитию нашей науки и культуры, сегодня может быть только отрицательной. Все ученые, деятели культуры, писатели, «контрреволюционная деятельность» которых разоблачалась в рассмотренных нами статьях, давно реабилитированы. Даже самым упрямым сталинистам стало очевидно, что никакой контрреволюционной деятельностью они никогда не занимались.

3. МИФИЧЕСКАЯ ИДЕАЛИЗАЦИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ

В 30-е годы на страницах газет время от времени публиковались поэтические произведения, которые выдавались за фольклорные. От литературных они отличались примитивностью формы и бедностью содержания. Среди них преобладали песни и частушки на темы современности.

Случалось, что о фольклоре писали литераторы. Один из разделов доклада Алеся Александровича на 3-м пленуме правления Союза советских писателей СССР назывался «Народный фольклор и дореволюционные поэты» (в названии содержится тавтология, ведь фольклор – это и есть народное творчество). Поэт говорил об отражении в богатом беларуском фольклоре жизни беларуского крестьянина. При этом Александрович отметил, что в беларуском дореволюционном фольклоре мы находим только образы нищеты и отчаяния. Даже колорит любовных песен и песен молодежи, по мнению докладчика, насыщен горечью неволи, печали и слез. Очевидно влияние таких народных произведений на поэзию дореволюционных авторов.

Причиной столь однобокой характеристики беларуского традиционного народного творчества было невежество Александровича. Анализ сотен тысяч песен, сказок, легенд, частушек, пословиц, поговорок, загадок, произведений других жанров, вошедших в 40-томное собрание беларуской народной поэзии, не дает оснований для такого вывода. Во множестве произведений народ предстает оптимистом, высказывает свою веру в будущее.

Продолжалось разоблачение «врагов народа» в литературе и искусстве. Виталь Вольский (1901–1988) и Алесь Кучер (1910–1996) писали:

> Беларуские националисты, идеологи контрреволюционной буржуазии всегда были заклятыми врагами народа. На всех этапах борьбы беларуских трудовых

масс за свое социальное и национальное освобождение они неизменно выступали как подлые предатели родины, как продажные наймиты международного империализма.

Еще в период 1905 года беларуские буржуазные националисты и их представители в литературе – Жилунович (Ц. Гартны), Гарун, Ядвиг Ш., Луцкевич, Игнатовский и др., которые группировались вокруг так называемой «Беларуской социалистической громады», показали трудовым массам свой подлый облик изменников.

Безжалостно разоблачали Вольский и Кучер «одного из главных идеологов беларуского национал-фашизма шпиона Игнатовского», по инициативе которого в 1923 году было создано литературное объединение «Молодняк», а во главе его «поставлен бывший сотрудник контрреволюционного «Звона», польский шпион, который пробрался в коммунистическую партию и замаскировался, при помощи своего руководителя Игнатовского, «под пролетарского поэта» (авторы имели в виду Михася Чарота).

Тогдашние газеты восхваляли Сталина, его сподвижников Молотова, Ворошилова, Ежова и других. Почти каждую неделю, а то и чаще, помещались портреты вождя народов, печатались стихи, песни, частушки, посвященные Сталину и его соратникам. Например, 11 сентября 1936 года «Звязда» опубликовала 12 песен «о нашей непобедимой Красной Армии, о ее творце и вдохновителе великом Сталине, о ее полководце Клименте Ворошилове», которые написали Янка Купала, Якуб Колас, Алесь Александрович, Петрусь Бровка, Петрусь Глебка.

Та же «Звязда» 26 сентября 1935 года благодарила Сталина за счастливую жизнь; которая на самом деле давно уже стала жуткой из-за массовых репрессий. А 17 ноября 1936 года она поместила большую подборку частушек «Жить стало лучше, жить стало веселее», во многих из которых славился «великий Сталин» как творец Конституции и новой радостной жизни. Многие частушки только потому и попали в печать, что славили «великого вождя» и якобы созданную им зажиточную жизнь в колхозе.

Например:

Хата нова, комін белы,
Хата ўся пабелена,
Дзякуй Сталіну за тое,
Што жывецца весела.

(Я. Жывуцкі. Березинский р-н)

Ой, сарву цвяточак алы,
Партрэт Сталіна ўбяру.
Дзякуй Сталіну за тое,
Што заможна я жыву.

(К. Раўцоў. Белыничский р-н)

Дифирамбы Сталину и колхозному строю звучали и в других газетах. Так, «Советская Белоруссия» напечатала песню «Народ ликует, песни распевает»,

сочиненную Иваном Лукашонком (колхоз «Чырвоные Долцы» Ушачского района), где утверждалось, что Сталин — верный продолжатель дела Ленина:

Путь проложен партией,
Ленинъм намеченный,
И по нем ведет нас
Сталин дорогой.

Немало славы выпадало в тогдашних публикациях на долю «первого маршала рабочего класса» — Климента Ворошилова. Например, в газете «Літаратура і мастацтва» 26 ноября 1937 года была помещена «Былина про мудрого воина Клима и его товарищей», якобы записанная в Логойском районе. Это явление могло бы стать сенсацией, если бы фольклористы всерьез восприняли былину как народное произведение. Дело в том, что жанр былины не сохранился в беларуском фольклоре, известны только его «следы», да ещё образы русских былинных богатырей в сказках, а тут целое новое произведение!

Газета не ограничилась публикацией былины, а напечатала еще и несколько песен: «Песня про Ворошилова», «Подарок Ворошилову», «Едет милый в Армию Красную», «Вышел Клим наш славный», «Победит с нами Сталин и Климентий Ворошилов», «Научил нас Ворошилов», а также пословицы, которые, правда, нельзя назвать народными из-за отсутствия художественной образности и примитивности содержания: «Варашылаў Клім — пагроза ворагам усім»; «Першым дэпутатам будзе наш любімы Сталін». К жанру пословиц, который характеризуется чрезвычайной поэтической образностью, метафоричностью, лаконичной меткостью и остроумием, записчики относили всё, что угодно.

Воспевание Сталина затмило всё в сборнике «Ленин и Сталин в беларуском народном творчестве». В песнях он мифическое божество:

Сталін, родны бацька наш,
Зірнуў на нас,— зара ўзышла,
Зірнуў на нас,— зара ўзышла,
І ўся прачнулася страна.

Сталін, Сталін, дарагі,
Як ясна зорка ззяеш ты,
Як ясна зорка ззяеш ты,
Да камунізма нас вядзі.

А што за сонца яснае
Над зямлёй усёй гарыць?
А гэта наш любімы Сталін
Цяпло і шчасце нам дарыць.

Во всех песнях и частушках Сталин безмерно идеализировался — он «ясное солнце», «радость мира», «великий вождь народов», «любимый учитель», «любимый вождь», «родной отец», «великий, дорогой Сталин», «родной Сталин»...

Мифологическая идеализация Сталина особенно очевидна в благодарностях ему – за то, что «нас заможнымі зрабіў, ён калгасы нам стварыў, кулакоў ўсіх разграміў»; «Дзякуй табе, родны Сталін, за радасць новых, светлых дзён»; «Жыццё ў красках і букетах толькі Сталін мог нам даць»; «Дзякуй, Сталін дарагі, за жыццё шчасліваe». Даже в псевдонародных пословицах поддерживался миф о его величии: «За ўсё дзякуй Сталіну, жыць заможна сталі мы»; «Хлеба уволю маем мы, як сталі Сталіна сыны».

Псевдонародные произведения, пропитаные культом личности Сталина и прославлением его соратников – наркомов К. Ворошилова и Н. Ежова, преобладают и в сборнике «Дореволюционная и Советская Белоруссия в народном творчестве» (1938). Составили его М. Гринблат, Э. Голубок, Н. Махнач, А. Калечиц.

Во вступительной статье Гринблата «Творчество беларуского народа» искажен фольклорный процесс. Появление примитивных песен, частушек, пословиц выдается автором за расцвет устного народного творчества. В мажорном тоне, как было принято в то время, характеризуется народная поэзия, а ее содержание отождествляется со счастливой и радостной жизнью. Гринблат так и пишет:

> Новый фольклор – это сама счастливая жизнь, воспетая советским народом, это мысли, настроения и чувства миллионов.
>
> Радостными, воодушевляющими и бодрыми нотами, новой богатейшей тематикой и политической заостренностью, глубоким реализмом и уверенностью в будущем, горячей любовью к родине, к партии и вождю всех трудящихся Сталину – вот чем пронизано наше народное творчество.

Народ пел в то время и традиционные песни, и они преобладали в репертуарах беларуских деревень, однако автор покривил душой и заявил, что центральным образом современного фольклора является образ Сталина, а «имя его – источник самого глубокого поэтического вдохновения». Гринблат писал:

> Народ славит Сталина как гениального продолжателя дела Ленина.
>
> Народ славит Сталина как творца человеческого счастья, счастья свободного и радостного труда, счастья зажиточной и культурной жизни.
>
> Народ славит Сталина как создателя самой демократической в мире Конституции.

Гринблат высказался и об отношении масс к «врагам народа» и их палачу Ежову:

> Творчество беларуского народа пропитано огненным гневом к обезумевшей банде кровавых псов фашизма – троцкистов, бухаринцев, буржуазных националистов, которые торговали кровью советского народа и хотели отдать его под сапог фашистских захватчиков. С особой любовью, со словами благодарности народ обращается к сталинскому наркому – руководителю советской разведки, товарищу Н. И. Ежову, который раскрыл козни коварных врагов и стер их с лица советской земли:

Сарву кветачку прыгожу
Ля крутога рову.
За харошую работу
Дзякуем Яжову.

Вряд ли автор частушки знал ту «хорошую работу», которую одобрял. Но четверка составителей сильно опасалась за свою судьбу, ведь в то время дифирамбы «отцу народов» помогали не всем и не всегда. Не случайно они посвятили сталинскому палачу Ежову целую подборку частушек*.

Фольклор дореволюционного времени занял лишь небольшую часть сборника. Это два сказа и две сказки, несколько антикрепостнических, жатвенных, колыбельных, рекрутских и батрацких песен, один антирелигиозный анекдот, ряд частушек, пословиц и поговорок. По этому разделу совершенно невозможно оценить богатство традиционного белорусского фольклора. Но от составителей требовали, чтобы советское народное творчество значительно преобладало и отражало все этапы социалистического строительства. Соблюдая это требование, они поместили в сборнике крайне примитивные сказы и сказки, песни, частушки и пословицы, связанные с определенным периодом в жизни страны, посвященные Ленину, Сталину, Ворошилову, Будённому, Ежову, Красной Армии.

Большинство этих «произведений» были уже напечатаны в 1937 году в сборнике «Ленин и Сталин в белорусском народном творчестве»: «Ленінская праўда», «Чалавек-сонца», «Цьма і свет», многочисленные песни и частушки (например: «Жыццё ў красках і букетах толькі Сталін змог нам даць», «Сталін, родны бацька наш // Зірнуў на нас – зара ўзышла», «Дарожанька», «Сталін нас узняў на ногі...»..). Больше, чем в предыдущем сборнике, помещено произведений о выборах в Верховный Совет СССР. Это подборка частушек «Будзе Сталін наш любімы першым дэпутатам» (кстати, здесь же помещена частушка и про Молотова:

Мы жывём ў краіне роднай
Весела, багата,
Будзе Молатаў любімы
Нашым дэпутатам...

Никакой объективности в отборе материалов для сборника не было, ибо составители исполняли «партийный заказ» — показать любовь народа к «мудрому вождю трудящихся», благодарность советских людей ему за «счастливую и радостную» жизнь, за Конституцию; сравнить мрачное прошедшее и светлое сегодняшнее и т. д. Ни материалы сборника, ни вступительная статья не отражают тогдашней действительности, не раскрывают особенностей фольклорного процесса и реальных мыслей народа о событиях, происходивших в стране.

* Впрочем, с Ежовым «промашка вышла». Он занимал пост наркома внутренних дел с 25.09.1936 по 9.12.1938. Именно Ежов руководил кампанией «большого террора» в СССР. Затем его сменил Л. П. Берия. До своего ареста 10.04.1939 Ежов возглавлял Наркомат водного транспорта. Был казнён 4.02.1940. – *Прим. ред.*

Теми же соображениями руководствовался Гринблат при составлении сборника «Чырвоная Армія і абарона Радзімы ў беларускай народнай творчасці». Как отмечено в предисловии, сборник был составлен из материалов, собранных фольклорными экспедициями АН БССР и корреспондентами-собирателями.

В нем повторяются произведения из предыдущих сборников, например, «Сталін наймудрэйшы», «Нас вядзе таварыш Сталін ды па ленінскім пуці» – из сборника «Ленін і Сталін у беларускай народнай творчасці», многие другие – из сборника «Дарэвалюцыйная і Савецкая Беларусь у народнай творчасці». Вошла сюда и «Быліна аб мудрым Кліме і яго таварышах». В ней мощь советского великана не идет в сравнение с богатырями русских былин:

Нібы травушку, косіць Клім паноў,
І пра воіна пашла славушка...
Гэтак біў паноў багатыр стальны,
Выгнаў ворага з краю роднага.
І не біўся так Ілья Мурамец,
А ні князь Алег, як наш воін Клім.

Как и в предыдущих сборниках, безмерно прославляется Сталин и его «железные наркомы».

* * *

Из нашей краткой характеристики этих трех сборников видно, насколько «успешно» исполнялась программа собирания фольклора, составленная Гринблатом. Между тем в то время в народе по-прежнему были популярны календарно-обрядовые, свадебные, крестинные, семейно-бытовые, лирические песни. Они выражали настроения, чувства и мысли людей, соответствовали их эстетическим вкусам – словом, исполняли ту же роль, что и в дореволюционное время. И хотя возникли они еще до революции, но не утратили ни своей привлекательности, ни актуальности, потому что освещали вечные для человечества темы любви, брака, труда, межличностных отношений.

Такие произведения нельзя считать только наследием старины. Их с полным правом надо относить и к современному творчеству. Однако в программе Гринблата подробно указано, какие надо записывать произведения.

1. Октябрьская революция и создание советской власти. Первые мероприятия советской власти. Борьба за советскую власть. Первые ревкомы, волисполкомы, сельсоветы, батрачкомы, комбеды, комитеты взаимопомощи. Отношение к советской власти разных социальных групп. Контрреволюционные выступления. Контрреволюционная деятельность белорусских националистических организаций, Бунда и других мелкобуржуазных и буржуазных партий...

[...]

4. НЭП. Восстановительный период. Борьба трудящихся за восстановление фабрик и заводов, за подъем производства. НЭП в городе и на деревне. Борьба партии с троцкизмом и оппозиционным блоком.

5. Период реконструкции. Индустриализация, механизация, электрификация. Коллективизация сельского хозяйства. Борьба с правым уклоном по вопросу о путях развития деревни.

6. Первая пятилетка. Наступление социализма по всему фронту. Строительство индустриальных гигантов. Массовая коллективизация. Совхозы. Обострение классовой борьбы. Ликвидация кулачества как класса на базе сплошной коллективизации. Борьба кулачества против колхозов. Вредительство буржуазных и мелкобуржуазных элементов в соцстроительстве.

Разве это программа записи фольклора? Скорее, программа изучения политграмоты. Далее предусматривается:

...борьба за выполнение промфинплана на заводе, в цехе, в колхозе. Соцсоревнование, ударничество, сквозные бригады, ударные посты, общественный буксир, хозяйственно-расчетные бригады, осуществление шести условий т. Сталина на разных участках социалистического строительства.

Не забыл составитель и о пьянстве, самогоне, картах, хулиганстве – и здесь же: антисемитизм. Как он сочетается со всем предыдущим – одному автору извесно.

О традиционном фольклоре, для которого не нашлось ни одного отдельного пункта, составитель упомянул только в таком контексте:

Михаил Мелешко (1892—1941)

21. Новое в старом фольклоре. Новые сказки, переделанные из старых, пословицы, загадки. Новые элементы в обрядовой поэзии. Новые игры, хороводные песни, драматические произведения.

А если успешно используются старые, традиционные фольклорные произведения и обряды? Программа Гринблата запись таковых не предусматривала. Составитель очень боялся сделать хотя бы шаг в сторону классического фольклора.

Не удивительно, что содержание тематических сборников получилось бедным и тенденциозным: оно полностью соответствует программе. А в это время исчезали чудесные сказочники и певицы, вместе с ними безвозвратно терялись ценные памятники духовной культуры, высокохудожественные фольклорные произведения, которые могли бы записать специалисты и любители устного народного творчества и они дошли бы до нас. И здесь возникает неизбежный вопрос: так кто принес больший вред науке и культуре народа – «национал-демократы» или идеологи-коммунисты? Ответ на этот вопрос однозначен.

Мы не выступаем против собирания советского народного творчества. Его необходимо было собирать и в 30-е годы, и позже. Но нельзя подходить к записи и изучению современных устно-поэтических произведений столь тенденциозно, с вульгарно-социологических позиций при полном игнорировании традиционного фольклора.

Сравнительно лучший отбор произведений был сделан в сборнике «Беларускі народ супраць папоў і рэлігіі» (Минск, 1939, под редакцией Н. Н. Никольского). Во вступительной статье Никольский отметил, что составители поставили своей целью оказать помощь работникам политпросвета в их борьбе «с остатками религиозных представлений и обрядов», и подчеркнул действенную силу фольклора при использовании его в антирелигиозной пропаганде.

Это верно. Однако нельзя согласиться с попыткой Никольского опровергнуть выводы П. В. Шейна и его записчиков о безразличном отношении беларуского крестьянина к религии: он не учел, что Шейн дальше поместил замечание своего корреспондента, который писал: беларусы «в бога верят, то есть верят, что бог «создал мир и всех тварей и каждому дал свою судьбу», но верят «по-своему». Затем в книге Шейна говорится, что беларусы верят в домовых, хлевников, магическую силу заговоров и т. п. Когда Шейн помещал замечание о том, что религия «вовсе не интересует» беларуского крестьянина, он имел в виду отношение крестьян к официальной религии, а не религиозность как таковую*.

Вопреки действительности, Никольский утверждал, что советское народное творчество является сугубо атеистическим. По его мнению, колхозный актив в борьбе за социалистический быт и социалистическое мировоззрение трудящихся деревни «ежедневно создает сильный и высокохудожественный антирелигиозный фольклор». Этот советский фольклор «не только провозглашает новое безрелигиозное мировоззрение, не только зовет на борьбу против «бога». Одновременно он является боевым призывом к борьбе за окончательное уничтожение всех контрреволюционных сил, которые, прикрываясь именем «бога», исполняют кровавые задания фашистских государств, готовящих войну против СССР» (стиль Никольского. — *А. Ф.*). Как видим, Никольский последовательно выступал против религии и церкви с позиций воинствующих безбожников, использовавших далеко не гуманные методы.

* * *

Таким образом, в 20–30-е годы беларуская советская фольклористика как наука складывалась противоречиво. В 20-е годы преобладало собирание и исследование традиционного устного творчества. Положительную роль в этом сыграли Институт белорусской культуры, Центральное бюро краеведения, выдающиеся этнографы и фольклористы Сержпутовский, Шлюбский, Сербов и другие. Они собирали бытовавшие в народе произведения всех жанров. Во время экспедиций, в результате проведения конкурсов на лучшего собирателя фольклорных произведений, усилиями корреспондентов из числа учителей,

* В настоящее время ученые признают, что во все времена в Беларуси было популярно так называемое «народное христианство», вобравшее в себя много элементов язычества. — *Прим. ред.*

местной интеллигенции, учащихся были собраны десятки тысяч образцов устного творчества разных жанров.

Последовательное развитие научной фольклористики сильно затормозилось во время массовых репрессий, развернутых партией большевиков с конца 20-х годов. Кампания против «национал-демократов» в этнографии, фольклористике, истории, искусствознании, языковедении, краеведении дала ужасающие результаты.

А как оценивались в 30-е годы традиционные устные произведения?.. «Негатив» в них всячески преувеличивался, рассматривался без учета тех конкретных исторических обстоятельств, в которых они возникли, их скопом относили к «кулацким». Между тем лучшие фольклорные образцы отражали идеалы беларусов, учили видеть прекрасное в жизни, вырабатывали морально-эстетические критерии.

Стремление же собрать как можно более фольклорных произведений советского времени вылилось в поток публикаций сказок, песен, частушек, сказов, пословиц, составленных бесталанными авторами (часто – графоманами). Стали преобладать примитивные, очень слабые в художественном отношении произведения, которые нельзя было отнести к фольклору и которые не делали чести ни народу, ни тем, кто их собирал и издавал...

ПОЧЕМУ В ПОСТСОВЕТСКОЙ БЕЛАРУСИ ВСЕ МЕНЬШЕ ГОВОРЯТ НА БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКЕ

Нина Мечковская,
доктор филологических наук

ЭТНИЧЕСКИЙ ЯЗЫК БЕЛОРУСОВ: УХОДЯЩАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

В представленной ниже таблице по данным семи переписей показано, как на протяжении последних 80 лет менялась доля граждан БССР/Беларуси, назвавших себя белорусами (далее эту группу мы будем называть этнические белорусы), и доля тех этнических белорусов, которые считали белорусский язык для себя родным.

Легко заметить, что на протяжении двух постсоветских десятилетий этническое и языковое самоопределение друг с другом не согласуется. Если доля этнических белорусов последовательно, хотя и не резко, возрастала, то доля белорусов, называвших белорусский родным языком, в 1999 году ощутимо выросла (хотя и не достигла пика 1970-го), однако через 10 лет этот показатель обвально снизился (почти на 25 %) и достиг рекордного минимума.

Группы населения	% группы (по годам переписей)						
	1926	1959	1970	1979	1989	1999	2009
Этнические белорусы в населении БССР / Беларуси	80,22	81,1	81,0	79,4	77,9	81,2	83,7
Белорусы, которые назвали белорусский родным языком	71,8	84,2	90,15	83,50	80,22	85,6	60,8

В следующей таблице (см. с. 335) представлены данные двух постсоветских переписей [1], позволяющие увидеть, как относятся к белорусскому языку основные этнические группы в Беларуси, а также ее городские и сельские жители.

Во второй таблице обращает на себя внимание новый, по сравнению с матрицами советских переписей, вопрос – о «языке повседневного домашнего общения», в отличие от «родного языка». Кому-то это разделение покажется избыточным, а может быть, и абсурдным: «С какой это стати люди дома говорят на неродном языке?». Однако в белорусской, а также украинской ситуации языковое самоопределение человека, расколотое подобным образом, – это реальность.

Этнические и социальные группы населения Беларуси	**Удельный вес этнической или социальной группы (в % ко всему населению)**		**Белорусский язык назвали (в % к численности своей этнической или социальной группы)**			
			Родным		**Языком повседневного домашнего общения**	
Годы переписей	**1999**	**2009**	**1999**	**2009**	**1999**	**2009**
Белорусы	81,2	83,7	85,6	60,8	41,3	30,0
Русские	11,4	8,3	9,0	2,8	4,3	2,1
Поляки	3,9	3,1	67,0	58,1	57,6	40,9
Украинцы	2,4	1,7	14,3	7,9	10,2	6,1
Жители городов	69,0	74,0	66,9	44,1	19,8	11,3
Сельские жители	31,0	26,0	89,2	79,7	74,7	58,7
Все население	10,04 млн. (100%)	9,50 млн. (100%)	73,7	53,22	36,7	23,4

Более того: цифры переписей в столбцах о «родном» и «домашнем» белорусском языке – это реальность языкового сознания людей, их представлений о желательном, позитивном или о должном, однако это не реальность их языкового бытия. Живущие в белорусских городах видят, а приезжие быстро замечают, что все вокруг говорят по-русски; что белорусский можно услышать или в метро и электричках (объявления), или в среде гуманитариев и, как правило, «по работе» – в общении между преподавателями и студентами белорусской истории и филологии, части журналистов и писателей, части оппозиционных политиков. Белорусы составляют почти 84 % населения (это в 10 раз больше, чем русских), в стране нет конфликтов на этнической почве, при этом употребление белорусского языка день ото дня сокращается.

В январе 1990 года на волне «парада суверенитетов» был принят закон, по которому белорусский стал государственным языком; в 1991–1994 годах в стране велась государственная политика белорусизации. Однако на майском референдуме 1995-го, проведенном через 10 месяцев после избрания Александра Лукашенко президентом Беларуси, на вопрос «Хотите ли вы, чтобы русскому языку был придан статус, равный с белорусским языком?» положительно ответили 83,3 % голосовавших, и в суверенной Беларуси стало два государственных языка. Даже юридическая (не говоря о реальной) значимость белорусского снизилась; из всех славянских «титульных» языков (чье имя созвучно с названием страны) только белорусский язык делит статус государственного с языком другой страны.

Оба языка Беларуси престижны, но по-разному. Белорусский – как один из государственных символов (как герб, флаг, гимн), в Минске и отчасти в областных городах – как элитарный язык национально ангажированной интеллигенции. Русский – как язык повседневного общения горожан, основной язык образования, власти, СМИ, Интернета, книг и, конечно, как язык, с которым не пропадешь за границами Беларуси. Почти 80 % сельских жителей (а это 26 % населения страны) считают белорусский своим

родным языком, 59 % сельчан назвали белорусский – языком домашнего общения. Однако не приходится говорить о заповедной сохранности деревенского белорусского: он вытесняется трасянкой – хаотически смешанной белорусско-русской речью.

Почему 20 лет государственного суверенитета Беларуси не привели к возрождению белорусского языка? Тем более, что белорусизация начала 1990-х была не стартом возрождения, а его второй на протяжении XX веке попыткой. Первое возрождение (1906–1928) связано с либерализацией жизни после революции 1905–1907 годов, распадом Российской империи и образованием Белорусской Народной Республики (1918), а после ее падения под ударами большевиков – с образованием БССР (1919). Второе белорусское возрождение обусловлено новым кризисом империи и образованием Республики Беларусь (1991). И что в итоге? Что изменили в жизни и сознании белорусов сто лет национального возрождения? Чего недостает белорусам, чтобы заговорить по-белорусски? И пройдена ли точка невозврата к родному языку?

ПОЧЕМУ БЛИЖАЙШЕЕ РОДСТВО С РУССКИМ ЯЗЫКОМ ПОМЕШАЛО НОРМАЛЬНОЙ ЖИЗНИ БЕЛОРУССКОГО И УКРАИНСКОГО ЯЗЫКОВ?

По всему периметру Российской империи жило много народов, но их титульные письменные языки остались в достаточной мере сохранны, и только в Беларуси и Украине русификация достигла критического уровня и даже перешла его. Почему? Причины две, и обе связаны с ближайшим родством языков.

Во-первых, нигде в империи, кроме Беларуси и Украины, этническая речь не ассимилировалась так «естественно», «народно», «снизу» – в результате постепенной «капиллярной» инфильтрации русского языка, которая исподволь превращала народную речь в «суржик» и «трасянку».

Во-вторых, дело в национально-языковой политике царизма. Близкое родство языков служило основанием видеть в белорусском и украинском не самостоятельные языки, а диалекты русского, то есть феномен этнографический и уходящий, а главное – «не польский» («польской» интриги царизм опасался более всего). Это открывало дорогу русским школам – вместо национальных.

Даже свободы, завоеванные революцией 1905–1907 годов, не сняли запретов на преподавание белорусского и украинского языков в школах; в Беларуси и «подроссийской» части Украины появление школ, где преподавание велось на национальных языках, стало возможным только в 1915–1916 годах, и то лишь на оккупированных немцами землях.

В истории восточных славян близость языков до сих пор сдерживает самоопределение народов и развитие языков. Приведу факт, ставший после избрания Лукашенко президентом Беларуси одним из первых сигналов к свертыванию белорусизации. В то время в Беларуси при повсеместном

двуязычии (то есть при хотя бы пассивном владении вторым языком) практически не было реального «языкового барьера»: большинство взрослых достаточно хорошо понимали оба языка, поэтому умение объясниться по-белорусски не требовалось в целях повседневного «выживания». И вот во время одного из первых выступлений в качестве президента, в августе 1994 года, вопреки уже сложившейся к тому времени традиции, согласно которой первые лица публично говорили на белорусском, Лукашенко заговорил по-русски. На вопрос-упрек из зала, почему он говорит не по-белорусски, Лукашенко ответил: «А кто здесь меня не понимает?» — и затем заговорил о «перегибах» в белорусизации и о том, что «здесь нужен задний ход». Зал Минского педагогического университета, в котором выступал Лукашенко, встретил эти слова аплодисментами.

Замечу, однако, что языковая близость или отдаленность еще не решают вопроса о том, говорят ли люди на разных языках или на двух диалектах одного языка. Решение зависит от языкового самоопределения людей, то есть от их представлений о том, на каком языке они говорят. Бóльшая близость двух языков не является губительным фактором для одного из них, однако для сохранения языка нужны как минимум национальные школы. Если же близкородственные языки соседствуют и за одним из них не закреплены даже начальные школы, то возникают условия для его постепенной ассимиляции доминирующим языком. Именно так возникали суржик и трасянка.

Столетия русификации украинского и белорусских языков «на корню»

После того, как при Богдане Хмельницком левобережная Украина вместе с Киевом вошла в состав Московского государства (1654), а белорусские земли после разделов Речи Посполитой (1772—1795) оказались в составе Российской империи, украинский и белорусский языки стихийно, постепенно, но неумолимо русифицировались. В наше время суржик и трасянка воспринимаются как речь малообразованных «простых» людей, однако языковая русификация начиналась в речи тех украинцев и белорусов, кто был ближе к власти: чиновников из «местных», учителей, поместных дворян, мещан. Вскоре карикатурное изображение смешанной речи попало в комические оперы и водевили.

В отличие от переходных белорусско-русских (или украинско-русских) диалектов, в трасянке, как и в суржике, нет единой «пропорции» в соединении собственных и русских черт. Мера русифицированности речи бывает очень разной. Поэтому трасянка не могла бы развиться в «новый» язык всех белорусов. Как выглядит почти предельно «трасяночная» речь, можно почувствовать по нескольким фразам пожилой белорусской крестьянки из Витебской области — русизмы выделены курсивом, в скобках после русизма дано его белорусское соответствие:

> Ну дык яна ж там жывець і гаворыць усё *врэмя* [увесь час] на рускім *языку* [мове]. Ну дык *стыдна* [сорамна] ж было б гэдак во гаварыць на сваёй мове, як мы гаворым. Затое што *ён* [язык] невыразны, нячысты. Каб чыста беларускі – я чую, вы гаворыця па-беларуску. Не *саўсём* [зусім]. Там жа ж на *каждым шагу* б (кожным кроку) пірасьміялі.

Эта женщина говорит только на трасянке. Однако многие ее соседи говорят то на трасянке (дома или в другой неофициальной обстановке), то по-русски (с малознакомыми людьми или в более официальном общении), а другие односельчане (например учителя) говорят еще и по-белорусски (на уроках), хотя в учительской – по-разному, в том числе и на трасянке. В целом картина речи в таких вполне типичных белорусских деревнях очень пестрая, но ни чисто белорусской, ни чисто русской речи здесь не услышишь. Конечный пункт «естественной» эволюции трасяночной речи – не «новый белорусский», но русский язык с уходящим «белорусским акцентом».

Национально ангажированная белорусская интеллигенция ощущает ложную этничность трасянки как нестерпимую и драматическую фальсификацию народной речи. И в СМИ по отношению к трасянке преобладают резко отрицательные оценки: это всеми презираемая жудасная трасянка, моўны ублюдак, моўнае вычварэнне (уродство), моўная жвачка, моўная хімера, чудовищная смесь языков и тому подобное.

КАК ИСКОРЕНЯЛИ ПРЕДПОСЫЛКИ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ БЕЛОРУСОВ. НАРОД, НАКАЗАННЫЙ ЦАРИЗМОМ ЗА СОЮЗ С ПОЛЬШЕЙ

В условиях безгосударственности народа вопросы сохранения народного языка и культуры могут кого-то волновать только при некотором необходимом уровне образования и материального благополучия. Обычно это заботы «среднего класса», и прежде всего – интеллигенции. В белорусских землях империи власть искореняла даже потенциальные «точки роста» национального движения. Империя нанесла экономике, образованию, культуре белорусов ущерб, сопоставимый с тем, который терпит побежденная в войне, аннексированная и наказанная сторона.

Справедливость этого тезиса станет очевидной, если сравнить политику царизма в Украине и Беларуси. В глазах царизма, Украина – это союзник России в войнах против Польши, в то время как белорусы со времен Великого княжества Литовского чаще выступали в союзе с Польшей (или с польским национальным движением) против России. Хотя в политике царизма и в Украине, и в Беларуси определяющей линией была русификация, однако в ее методах наблюдались различия.

Если в Беларуси империю беспокоил не белорусский, а «польский вопрос», то в Украине шло в первую очередь насаждение русских культурно-образовательных институций, и только во вторую очередь – репрессии

против национального движения (в котором, впрочем, царизм также усматривал «католическую интригу» и «польский сепаратизм»). Поэтому если в Украине XIX века правительство открывало университеты и лицеи, то в Беларуси высшие и привилегированные школы закрывались, число гимназий ограничивалось, библиотеки и архивы вывозились — как культурные ценности из завоеванных земель.

Приведу хронологию открытия высших школ в Украине: Харьковский университет (1805), Харьковский сельскохозяйственный институт (1816), Нежинский лицей (1820), Киевский университет (1834), Киевский медицинский (1841), Новороссийский университет в Одессе (1865), Харьковский политехнический (1885), Киевский политехнический (1898), Киевская консерватория (1913).

А вот хронология разрушения образования в Беларуси: в 1832 году, после восстания, закрыт Виленский университет, его библиотеку вывезли в Киев, где как раз готовились открыть университет Святого Владимира; в 1842 году теологический факультет Виленского университета был преобразован в Римско-католическую духовную академию и переведен в Петербург; в начале 1830-х годов Полоцкий кадетский корпус (открытый на основе иезуитского коллегиума, созданного в 1581 году, с богатейшей библиотекой, типографией, картинной галереей, обсерваторией) был переведен в Москву, где стал Первым московским кадетским корпусом; Горецкий земледельческий институт (открыт в 1849 году, это была первая в империи высшая сельскохозяйственная школа) после восстания 1863-го закрыли и перевели в Петербург.

Ко времени Первой мировой войны в Беларуси не было ни одной высшей школы; уровень образования оставался более низким, чем в остальной части европейской России: три четверти населения было неграмотным (в губерниях с русским населением — 70,7 %).

Украинские университеты, хотя до 1916 года они были исключительно русскоязычными, явились главным источником национальной книжно-гуманитарной культуры и национального движения. Среди выпускников дореволюционных университетов Украины есть имена европейского и мирового уровня (А. А. Потебня, М. С. Грушевский, М. П. Драгоманов, Н. И. Костома-

ров, П. И. Житецкий, А. Е. Крымский, Л. А. Булаховский, И. И. Огиенко, Ю. В. Шевелёв и другие).

Для белорусов же, в отличие от украинцев, высшее образование оказалось возможным только за пределами родного края, что ускоряло денационализацию интеллигенции. Зачинатели белорусской гуманитаристики учились в Петербурге (Бронислав Эпимах-Шипила, Бронислав Тарашкевич, Максим Горецкий), Киеве (Митрофан Довнар-Запольский), Нежине (Ефим Карский), Юрьеве (Всеволод Игнатовский), Москве (Николай Никольский), Одессе (Петр Бузук). Многие видные деятели белорусской культуры так и не получили высшего образования (Иван Насович, Евдоким Романов, Антон Луцкевич, Вацлав Ластовский, Дмитрий Жилунович (Т. Гартны), Язеп Лёсик), в том числе классики национальной литературы Янка Купала и Якуб Колас.

Так белорусы в начале XX века оказались народом без белорусскоязычной интеллигенции и чиновничества, без национальной школы, хотя бы начальной; без своего языка за пределами крестьянской хаты. Сам этноним «белорусский» становился социальной характеристикой, означая «крестьянский», «кустарный», «бедный», «простой». Самостоятельность, «белорусскость» значимых культурных событий, включая судьбы людей, игнорировалась. Все, что поднималось над уровнем бесписьменного крестьянского быта — церковь, школа, канцелярия, — автоматически становилось либо «русским», либо «польским».

Важное следствие отсутствия университетов в дореволюционной Беларуси — недостаточная социально-культурная весомость белорусской национальной элиты (в сравнении с украинской). Это обусловило цепь последующих различий между украинской и белорусской культурами и национальными движениями: ко времени провозглашения независимых Украинской и Белорусской Народных Республик (1917—1918) белорусская учено-литературная традиция оказалась менее представительной, чем украинская; БНР продержалась меньше, чем УНР, и меньше успела сделать для укрепления своего суверенитета.

Потом это сказалось в различиях судеб белорусской и украинской эмиграции; в разной основательности культурно-образовательной работы в межвоенные годы; в 1960—1980-х годах — в отсутствии в БССР диссидентства. В Украине, в отличие от Беларуси, было правозащитное движение, хельсинкские группы, самиздат, политзаключенные (националисты и правозащитники), движение за автокефальную украинскую православную церковь.

ПАССИОНАРНЫЙ ПЕРВОТОЛЧОК ВОЗРОЖДЕНИЯ

В Беларуси первую волну национального возрождения именуют «нашанiўскае адраджэнне» — по названию одной из первых легальных газет на белорусском языке — «Наша Нiва», в 1906—1915 годах выходившей в Вильно.

Движение было близким к социал-демократии, оппозиционным, но легальным; национальная программа не шла дальше автономии Беларуси в составе демократической федерации народов России. Основная деятельность носила культурно-просветительный характер: издательская, литературная, газетно-журнальная, театральная работа, воскресные школы на белорусском языке. В литературе первенствовали поэзия и драматургия.

Поразительна отвага участников движения: в бедном и на три четверти неграмотном крае, при постоянных жандармских репрессиях, в условиях заполненности окружающего информационного и образовательного пространства русско- и польскоязычными институциями и произведениями – вопреки всему пробуждать национальное достоинство белорусов, звать народ к самостоятельной политике и экономической активности, к просвещению и культуре на родном языке.

Реальные плоды самодеятельного «нашаніўскага» возрождения, в сравнении с результатами последующей государственной белорусизации, более чем скромны. И все же пассионарность зачинателей дала движению мощный идейный заряд, и оно было продолжено. Без «нашаніўскага» возрождения не было бы Белорусской Народной Республики 1918 года, а позже – БССР и Республики Беларусь. По своей преданности идеалам просветительства и крестьянской демократии, по бескорыстному подвижничеству и студийному энтузиазму «нашаніўскае адраджэнне» остается в истории национального движения белорусов непревзойденной высотой и легендой белорусской культуры.

Советская белорусизация 1920-х годов: «золотое десятилетие» в истории белорусского языка или «точка невозврата»?

Белорусизация была слагаемым ранней большевистской идеологии и политики коренизации национальных окраин (привлечения их коренного населения к государственному и культурному строительству), а кроме того – дипломатическим козырем СССР/БССР в условиях активности белорусской эмиграции и разделенности белорусских земель между СССР и Польшей. Советская Белоруссия позиционировала себя в качестве государства «всех белорусов» – центра национального строительства и грядущего расцвета народа. Белорусизация 1920-х годов далеко ушла от клубной камерности довоенного возрождения; это была последовательная государственная политика – с материальным обеспечением (в той скудной мере, в какой это было возможно после шести лет войны и разрухи), с некоторой юридической поддержкой (белорусский язык имел статус первого из четырех государственных языков БССР).

Белорусский язык пришел в общеобразовательные школы, стал преобладать в книгоиздании и периодике; росло число людей, считавших белорусский своим родным языком. Разумеется, неполных 10 лет для линг-

вистической кампании, которая должна была затронуть каждую семью в девятимиллионной стране, — это слишком малый срок для того, чтобы белорусизация стала необратимой, однако положительная динамика налицо. Благодаря белорусизации 1920-х были созданы условия для сохранения белорусского языка в образовании и культуре в последующие десятилетия.

Вместе с тем белорусизация развертывалась с большим трудом. Она не встречала поддержки у большинства населения — у крестьян, которые не хотели отдавать детей в белорусские школы, потому что вполне осознавали социальное распределение языков: «русскоязычный город и белорусскоязычная деревня» [2]. В более широкой временнóй перспективе приходится констатировать, что в предвоенной Беларуси белорусский язык не успел стать основным средством коммуникации в сферах власти, высшей школы и культуры; в городах, как и до революции, преобладали трасянка и русский язык.

В силу тоталитарной природы большевизма политика «коренизации» всегда имела привкус вре́менных, тактических уступок малоперспективным настроениям. Генеральной же стратегией советской власти оставался цент-

В тридцатые годы XX века белорусские крестьяне говорили только по-белорусски

рализм и унитаризм. В середине 1920-х годов начинают сужаться границы дозволенного в области национально-языкового строительства. Упреки в «нацдемовщине» (от национальные демократы) стали звучать как доносы и приговоры; с начала 1930-х годов ссылки, заключения и расстрелы становятся массовыми. В 1933-м проводится русифицирующая реформа белорусской орфографии, которая имела прежде всего символическое и идеологическое значение: она продемонстрировала диктат Москвы и курс на русификацию. Это привело к резкому уменьшению присутствия белорусского языка в культуре, образовании, в работе органов власти. Крестьянское недоверие к белорусизации оправдалось.

Вместе с тем в 1920-е годы белорусский язык крестьянского большинства и белорусский язык школы, книги, газеты, театра были близки друг другу, как никогда прежде и позже. Крестьянские дети постигали школьную науку на родном языке – это ли не «золотой век» в отношениях между диалектной речью крестьянской страны и ее молодым литературным языком, еще не успевшим отдалиться от народной основы? Могло показаться: вот он, тот народный подъем, к которому звала «Наша Ніва». Информационные технологии 1920-х годов, сводившиеся к книгоизданию и периодике, работали на белорусизацию, но не ограничивали ее: кино было немым, радио – редкостью, а телевидение еще не изобрели. Информационные технологии более позднего времени вошли бы в противоречие с локальным характером белорусского «контента» 1920-х годов.

«Золотое десятилетие» белорусского языка оборвалось раньше, чем минуло 10 лет советской власти. Свертывание белорусизации в конце 1920-х явилось точкой невозврата к возрождению белорусского в качестве основного языка Беларуси. Однако это стало видно только в конце XX столетия – когда в суверенной Беларуси государство вновь взяло курс на белорусизацию и никакие внешние силы этой политике уже не мешали, однако у самих белорусов не хватило патриотической воли и сил перейти на белорусский язык.

Белорусы накануне развала СССР: замыкающие в «параде суверенитетов». Почему не спешили?

В марте 1991 года, по инициативе Горбачева, был проведен всесоюзный референдум с вопросом, хотят ли граждане жить в обновленном и демократическом Советском Союзе. Прибалтийские республики участвовать в референдуме отказались; остальное население СССР, в том числе жители БССР (в отличие от Украины), высказались за сохранение Союза. Белорусов устраивала жизнь в «двух измерениях»: в полугосударственном образовании со статусом «союзной республики», к тому же «члена ООН», и одновременно – в большом и хорошо вооруженном многонациональном Советском Союзе.

Русификаторская политика Москвы и руководства БССР, интенсивная урбанизация Беларуси (одна из самых сильных в мире), развитие средств массовой информации, в первую очередь «центральной» (московской), — все это ко времени распада СССР ослабило и без того несильное национальное самосознание белорусов. Впрочем, большинство белорусов, в том числе проживавших за пределами БССР, отвечая на вопросы переписей и анкет о национальности, отнюдь не отказывались от имени своего народа (и не чувствовали необходимости или карьерной «полезности» такого отказа).

Ассимилированность белорусов проявлялась иначе: по переписи 1989 года, из всех советских народов, обладавших той или иной формой государственности, среди белорусов была самая высокая доля тех, кто назвал родным языком не белорусский, но русский, — 28,5 % (из украинцев русский язык назвали родным 18,8 %). Советские белорусы в большинстве своем не задумывались над тем, что помешало становлению белорусской нации. В стране — от Бреста до Владивостока — белорусы не чувствовали себя пасынками: на виду были примеры белорусских карьер, вполне успешных в общесоюзном масштабе, — от кремлевского долгожителя, министра иностранных дел СССР Громыко до академиков, космонавтов и звезд поп-музыки (вспомним всесоюзную в конце 1970-х славу ансамбля «Песняры»).

Что касается белорусского языка, то к нему относились по-разному. Его судьба волновала белорусских писателей, филологов-белорусистов, отчасти журналистов и немногих гуманитариев, но не инженеров и не вчерашних крестьян, пришедших на заводы и стройки. Более того, «простые» люди часто считали свою белорусскую речь «некультурной», «деревенской» и хотели бы говорить «по-городскому».

Приведу свидетельство, которое позволяет почувствовать остроту проблемы. Белорусский литературовед Адам Мальдис вспоминает, как в 1966 году у него в доме Владимир Короткевич, классик послевоенной белорусской литературы и предтеча Второго возрождения, спорил с драматургом Анатолием Галиевым* о будущем белорусского языка.

> Галиев стал доказывать, что «национальные» критерии уже отжили свое и должны уступить место «технократическим» взглядам. Потому Володе, мол, нет резона держаться белорусской мовы, бедной, неделикатной. Стал бы писать по-русски, так были бы и слава, и гонорары. Короткевич злился; опровергая оппонента, читал стихи Богдановича. Пробовал — Гаруна. «Кому все это надо? — перебивал его Галиев. — Может, вот им?» — показывал на моего сына и его свояка из деревни. Неожиданно на сторону более далекого гостя [Галиева. — *Н. М.*] встала и моя покойная мать... И тут Володя впервые на моих глазах заплакал: «Все вы даже не знаете, какую страшную вещь говорите» [3].

* А. Галиев (1934 г. р.) — российский киносценарист и драматург.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ БЕЛОРУСИЗАЦИЯ 1991—1994 годов: ПОЛОВИНЧАТЫЙ ЭНТУЗИАЗМ ГРАЖДАН И ЯЗЫКОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ШКОЛЬНИКОВ

В политике белорусизации основное внимание уделялось возрождению белорусского языка. Расширялось обучение по-белорусски в детских садах, школах, вузах, в том числе на негуманитарных факультетах; был введен зачет по белорусскому для аспирантов всех специальностей. Тысячи учителей и служащих в рабочее время учились на бесплатных курсах белорусского языка, при этом десятки чиновников высокого ранга действительно стремились научиться свободно говорить по-белорусски. Расширилось использование белорусского языка в визуальной информации, делопроизводстве, служебной переписке. Резко выросло количество белорусских газет, журналов, книг.

Однако, чтобы заговорить на белорусском, добиться, чтобы он стал основным языком хотя бы в официальной и публичной жизни страны, нужны немалые личные усилия множества людей, решивших выучить язык. Для большинства людей, в том числе этнических белорусов и поборников независимости, «в теории» стоявших за возрождение белорусского, труд практического овладения языком оказался непосильным. Белорусский не становился служебным языком в большинстве учреждений, на него не переходили суды и милиция, торговля и банки.

SPECIMINA PHILOLOGIAE SLAVICAE

Белорусский язык:
Социолингвистические очерки

VERLAG OTTO SAGNER MÜNCHEN
2003

Что касается решающей для укрепления языка сферы — образования, особенно среднего, — то доля белорусскоязычных школ и классов возрастала. Однако белорусизация школы носила поспешный и формальный характер, без надлежащей языковой переподготовки учителей, без должного обеспечения белорусскими учебниками по предметам. Основная тяжесть белорусизации легла на плечи тех школьников, которые, выйдя из русскоязычных семей (белорусов, русских, украинцев, поляков, евреев), оказались в белорусских классах (именно оказались, потому что в большинстве случаев выбора не было). Никто не знает, что реально происходило на уроках в школах, которые в середине учебного года, без согласия, а иногда даже без предупреждения учеников и родителей, вдруг объявлялись белорусскими.

БЕЗУДЕРЖНАЯ ЭКСПАНСИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА НА БЕЛОРУССКОМ ИНФОРМАЦИОННОМ РЫНКЕ. ЯЗЫКИ БЕЛОРУССКОГО ИНТЕРНЕТА

Годы активной белорусизации увеличили присутствие белорусского языка в продукции белорусского книгоиздания, белорусских вещательных и печатных СМИ, однако ни преобладания белорусскоязычных изданий, ни хотя бы паритета в использовании белорусского и русского языков не было. В продукции издательств Беларуси в 1999–2009 годах книг на русском языке (названий) выпускалось в среднем в 10 раз больше, чем на белорусском, при этом книги на русском печатаются, как правило, значительно бóльшими тиражами.

Если же говорить не о производстве информации в Беларуси, а о белорусском информационном рынке, то в Беларуси, как и во всем мире, удельный вес импортируемого контента устойчиво растет. За период с 1994 по 2007 год на книжном рынке Беларуси импорт книг из России вырос с 80 % до 90 %. В белорусском сегменте Интернета (ByNet – Байнет) доля импорта еще выше. По оценкам Юрия Зиссера, создателя крупнейшего в Беларуси портала Tut.by, информация, генерируемая во всем Байнете, составляет 6 %; остальные 94 % – это контент, создаваемый в России или на Западе. На вопрос журналиста, в какой мере Байнет использует белорусский язык, Зиссер ответил применительно к своему порталу (который составляет половину трафика Байнета):

> На Tut.by белорусским интерфейсом пользуется полтора процента посетителей – примерно так же, как и в жизни [4].

ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА И ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА — РАЗНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

За годы суверенитета в стране все шире осознается, что:

1) суверенитет не зависит от того, какой язык преобладает в Беларуси;
2) белорусская культура не сводится к текстам и коммуникации на белорусском.

Видный белорусский языковед Генадий Цыхун еще на подъеме белорусизации предупреждал, что суверенитет Беларуси не зависит от того, на каком языке говорит большинство населения, в том числе власть:

> Нельзя связывать возрождение языка с приобретением независимости, потому что может так получиться, что независимость будет, а языка не будет [5].

Московские политологи, говоря о реальности белорусского суверенитета, видели аналог в истории Австрии:

> Если Белоруссия как-то «протянет» еще лет пять [они имели в виду 2001 г. – *Н. М.*], она станет привычным и уже неуничтожимым элементом европейской политической жизни. И наряду с большим Российским государством прочно уко-

ренится и перестанет восприниматься как некая проблема маленькое «почти русское» белорусское государство, как стало привычным и перестало восприниматься как проблема существование рядом с большой Германией маленькой Австрии, тоже не совсем вписывающейся в классическую модель национального государства и тоже прошедшей в свое время через муки самоидентификации и привыкания к самостоятельности [6].

Язык в роли идеологии. Коммуникация по-белорусски как политическая демонстрация и как эстетическое творчество

Современный литературный белорусский язык используется, во-первых, в тех сферах образования и культуры, где владение белорусским является частью профессии; во-вторых, в рамках национального движения, которое после 1995 года сузилось и радикализировалось. Активная защита белорусского стала восприниматься как оппозиционная деятельность.

В городах молодые люди изучают белорусский из патриотических или профессиональных побуждений. Овладение языком, в особенности «тарашкевицей» (норма, принятая до орфографической реформы 1933 года и возрождаемая национальной оппозицией), происходит все более искусственно: язык усваивают не от матери и даже не на школьных уроках белорусского, а путем самостоятельного изучения. На тарашкевице не так легко говорить свободно и «чисто» (без русизмов). В результате литературный язык становится все более книжным и элитарным. Однако для части молодых приверженцев белорусского (в основном студентов) его привлекательность ровно в этом и состоит.

В целом на рубеже XX–XXI веков в жизни литературного белорусского языка первенствует не естественная коммуникация, но его профессиональное, символическое и идеологическое употребление. В городах устная речь на белорусском – вне митинга или профессии – неожиданна и экзотична. Иногда (это зависит от поведенческих стилей говорящих) белорусская речь молодежной компании (допустим, на улице или в кафе) воспринимается как вызов, эпатаж или легкая агрессия. Приверженцы белорусского, демонстративно разговаривая по-белорусски, нередко используют такое общение как акт защиты и пропаганды языка. Для некоторых из них письмо по-белорусски стало процессом, близким к литературному творчеству, а устная речь – к перформансу* [7].

В идеологии Второго возрождения, в отличие от «нашаніўскага», преувеличивают этноконсолидирующую значимость языка, видя в языке не средство общения, но главный символ национального достоинства и условие суверенитета. В политике публичный выбор белорусского языка вполне определенно политически маркирован: это опознавательный знак национальной оппозиции.

* Перформанс (англ.) – вид творчества, в котором художник представляет публике самого себя посредством поз, жестов и высказываний. При этом публика фактически исполняет роль статистов. – *Прим. ред.*

ДВЕ ЛИНИИ В ИСТОРИИ БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКА XX ВЕКА: СТИХИЙНОЕ СБЛИЖЕНИЕ НАРОДНОЙ РЕЧИ С РУССКИМ ЯЗЫКОМ И «РУКОТВОРНОЕ» ОТДАЛЕНИЕ ОТ РУССКОЙ И ПОЛЬСКОЙ ЛЕКСИКИ

Стихийная «капиллярная» русификация народной речи, приведшая к появлению белорусской трасянки, представляет собой конвергенцию языков, вызванную ассимилирующим влиянием русского языка. Что касается литературного белорусского, то само его формирование являет собой сознательную, «рукотворную», дивергенцию (отделение) от другого языка. Если открыть первые белорусские газеты и журналы начала XX века, книги для детей, стихи и пьесы, публикации дневников и частных писем, то бросается в глаза, что всюду белорусский тех лет был значительно ближе к русскому, чем в наши дни. Почти в каждой публикации «Нашай нівы», особенно на экономико-политические темы, встречаются слова, которые сейчас зовут «русизмами» (то есть неверно употребленными с точки зрения норм белорусского языка). В скором времени – в 1910-е, и особенно 1920-е годы, – эти слова заменили лексемами, отличающимися от их русских соответствий.

Вот несколько примеров из многих десятков (последующие замены даны в скобках): аграньнічэньні (абмежаванні), атказываецца (адмаўляецца), ат-

Для современных белорусов вышиванка — это уже экзотика

чоты (справаздачы), аўгуст (жнівень), вучыцель (настаўнік), гасударства (дзяржава), дзела (справа), дзержыцца (трымаецца), дзешавей (танней), должнасьць (пасада) и тому подобные.

Неоправданные (по более позднему языковому чувству) полонизмы встречаются в белорусских текстах 1906–1915 годов реже, чем русизмы, однако их тоже много. Вот лишь несколько примеров полонизмов и их замен: выдаліла (wydalić – уволить) – звольніла; высілкі (wysiłek – усилие, напряжение) – намаганні; звальчым (zwalczyć – побороть, победить) – пераможам, здужым; штукарская школа (sztuka – искусство) – мастацкая школа, штукарка – актрыса и так далее.

Второе белорусское возрождение стало новым этапом подчеркнутой дивергенции литературного белорусского языка по отношению к русскому. Национальное движение, прежде всего Белорусский народный фронт, сразу перешло на тарашкевицу. В первой половине 1990-х годов некоторые слова из тарашкевицы успели прижиться в государственных СМИ и вошли в употребление (впрочем, чаще как факультативные параллели): адсотак (и прежнее працэнт), асобнік (и экземпляр), вернік (и веруючы), вучэльня (и вучылішча), выбітны (и выдатны), выстава (и выстаўка), выступоўца (и выступаючы), наклад (и тыраж), імпрэза (и прадстаўленне) складнік (и кампанент), чыннік (и фактар) и другие.

Самые броские различия между тарашкевицей и обычным белорусским связаны с именами собственными: в тарашкевице культивируются укороченные личные имена: Валер (в отличие от Валеры), Гнат (не Игнацій); «народные» имена: Аўген (традиционное Яўген), Панас (из Апанас); усилено характерное употребление имен с суффиксом -к(а) (Янка, Зоська) без уничижительной коннотации, например, в качестве писательских или сценических имен: паэтка Людка Сільнова, журналіст Валерка Булгакаў; расширилось традиционное употребление гипокористического («детского») имени в качестве «взрослого»: рок-зорка Кася Камоцкая, крытык Юрась Свірка.

Сравните также некоторые тарашкевические варианты из топонимики и этнолингвонимики: Ангельшчына (Англия) (и производные ангелец, ангельскі), Берасьце (Брест), Бэлград, Вугоршчына (Венгрия), Гішпанія, Менск (Минск), мурын (негр), Расея, Расейшчына (русский язык), Турэччына, Эўропа и тому подобное. В целом Второе возрождение продолжило линию Первого: «кабинетная» дивергенция литературного белорусского по отношению к русскому языку, а следовательно, и по отношению к трасянке (как преобладающей субстандартной белорусской речи).

Видя нарастающее взаимное отчуждение двух версий белорусского (литературного языка и трасянки), трудно сказать, какая тенденция хуже: презираемой квазинародной речи, которая все более теряет этническую принадлежность, превращаясь в региональный субстандарт чужого языка, или, с другой стороны, – вектор литературного языка, который все больше отдаляется от повседневной речи белорусов, становясь все более элитарным и престижным во все более узких интеллигентских кругах.

БЕЛОРУССКАЯ «ВЕСНА ЗАПОЗДАЛАЯ»: НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННАЯ МОДЕЛЬ САМОУТВЕРЖДЕНИЯ

Итак, можно сделать некоторые выводы. Представляется, что советские белорусы не добивались суверенитета; после распада СССР он был для них ненужным даром и пугающей ответственностью. Однако, «обреченные на суверенитет» (Сократ Янович), они стали строить собственный дом, вначале – как бы вынужденно, но постепенно войдя во вкус. Время, сама жизнь в отдельном государстве работают на суверенитет: свои, отдельные от российских, законы; свои праздники, все более не совпадающие с красными датами в России; свои границы, деньги, штрих-код, пластиковые карты... Своя армия – без службы в чужих горячих точках и, говорят, уже без дедовщины. Все реже в Беларуси слова «мы», «наши» означают, как раньше, «мы вместе с Россией»; все чаще – «мы сами», «мы отдельно от России», «мы в отличие от России».

Однако крепнущий суверенитет Беларуси не приводит к расширению коммуникации на белорусском языке. Национальное возрождение белорусов запоздало. Если у южных и западных славян их возрождение и создание государств (иногда в составе конфедераций) происходило в XIX и начале XX века, и поэтому основные задачи национального возрождения были решены после Первой мировой войны, то у белорусов и украинцев сложилось иначе. Время славянской «весны народов» – активного национального самоутверждения – застало белорусов и украинцев в тисках имперской русификации. В XIX веке возможности для возрождения белорусского языка были заморожены царизмом, время ушло; сталинская русификация поставила «точку невозврата» в возрождении языка. Спустя два столетия после «весны народов» религиозно-почвенническое отношение к языку стало анахронизмом; к тому же в городах для большинства приверженцев белорусского языка он не является ни материнским, ни школьным, ни основным языком повседневной жизни.

Белорусы находятся в «постэтнической» стадии развития сообществ, когда «национальность» перерастает в «гражданство» и скрепляется не языком и не этничностью, но общей организацией жизни на своей земле, в своем государстве. Понятно, что в условиях глобализации политический и

экономический суверенитет любого государства ограничен, однако есть и четкие признаки его суверенности.

Что касается культурного суверенитета независимой страны, то вопрос о степени самобытности и привлекательности белорусского контента, необходимых для национальной устойчивости и гордости за свою страну, остается открытым.

ИСТОЧНИКИ ССЫЛОК

1) *См. Интернет-версии бюллетеней Национального статистического комитета Беларуси*
2) *Беларусізацыя. 1920-я гады: дакументы і матэрыялы / Рэд. Р. П. Платонаў, У. К. Коршук/. Мн., 2001, с. 14.*
3) *Мальдзіс А. В. Жыццё і ўзнясенне Уладзіміра Караткевіча. Партрэт пісьменніка і чалавека. Мн., 1990, с. 99.*
4) *Юрий Зиссер подтвердил русскоязычный статус Беларуси // Сайт «Империя», 2011, 8 февраля.*
5) *Цыхун Г. Задумаемся на раздарожжы // «Наша слова» [газета]. 1994, № 1.*
6) *Фурман Д., Буховец О. Парадоксы белорусского сознания // «Дружба народов», 1996, № 6, с. 121.*
7) *Похожие тенденции просматриваются и в Украине. Украинский поэт Сергий Жадан, говоря о различиях между Западной и Центральной Украиной в отношении к украинскому языку, характеризует украинский в Центральной Украине как «язык интеллигентско-продвинутых кругов», «в отличие от Западной Украины, где украиноязычные не обязательно продвинутые или интеллигентные — временами они просто украиноязычные» (Жадан С. «За 20 год украінская мова выйшла з рэзервацыі». Интервью порталу Tut.by 21 февраля 2011 г.)*

КОРОТКО ОБ АВТОРЕ

Нина Борисовна Мечковская — доктор филологических наук, профессор Белорусского государственного университета. Автор большого числа научных работ, в том числе следующих книг:

- *Ранние восточнославянские грамматики. Минск, 1984. — 160 с.*
- *Социальная лингвистика (Пособие для студентов гуманитарных вузов и учащихся лицеев). Москва, 1994. — 207 с. (переиздания в 1996, 1998, 2000).*
- *Язык и религия: Лекции по филологии и истории религий. Москва, 1998. — 352 с.*
- *Общее языкознание: Структурная и социальная типология языков. Минск, 2000. — 368 с. (переиздания в Москве в 2001, 2003, 2006).*
- *Белорусский язык: Социолингвистические очерки. Мюнхен, 2003. — 156 с.*
- *Семиотика: Язык. Природа. Культура (Курс лекций). Москва, 2004. — 432 с.*

ДЕДЫ

ДАЙДЖЕСТ ПУБЛИКАЦИЙ О БЕЛАРУСКОЙ ИСТОРИИ

Основан в 2009 году

Выпуск 16

Составитель и редактор *Тарас Анатолий Ефимович*

Адрес для писем: А. Е. Тарас, а/я 137, Минск-131, Беларусь

Электронный адрес: **aetaras@tut.by**

Подписано в печать 03.12.2015.
Формат 70 x 100 $^{1}/_{16}$. Бумага газетная. Печать офсетная.
Гарнитура «NewBaskervilleC». Усл. печ. л. 24,8. Уч.-изд. л. 21,0.
Тираж 1000 экз. Заказ 64.

Ответственный за выпуск *А. Е. Тарас*

ООО «Харвест».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 1/17 от 16.08.2013.
Ул. Кульман, д. 1, корп. 3, эт. 4, к: 42, 220013, г. Минск, Республика Беларусь.

Республиканское унитарное предприятие «Издательство „Белорусский Дом печати“».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя
печатных изданий № 2/102 от 01.04.2014.
Пр. Независимости, 79, 220013, г. Минск, Республика Беларусь.

ISBN 978-985-18-3822-2
9 789851 838222